

БИБЛИОТЕКА БОМ ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

БИБЛИОТЕКА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

II

УИЛЬЯМ П. БЛЭТТИ

Легион

РОБЕРТ БЛОХ

Психопат

УИЛЬЯМ П. БЛЭТТИ

Легион

РОБЕРТ БЛОХ

Психопат

Москва
Компания «Ключ-С»
1993

84 7 США
Б 70

Переводы с английского

Иллюстрации
В Федорова

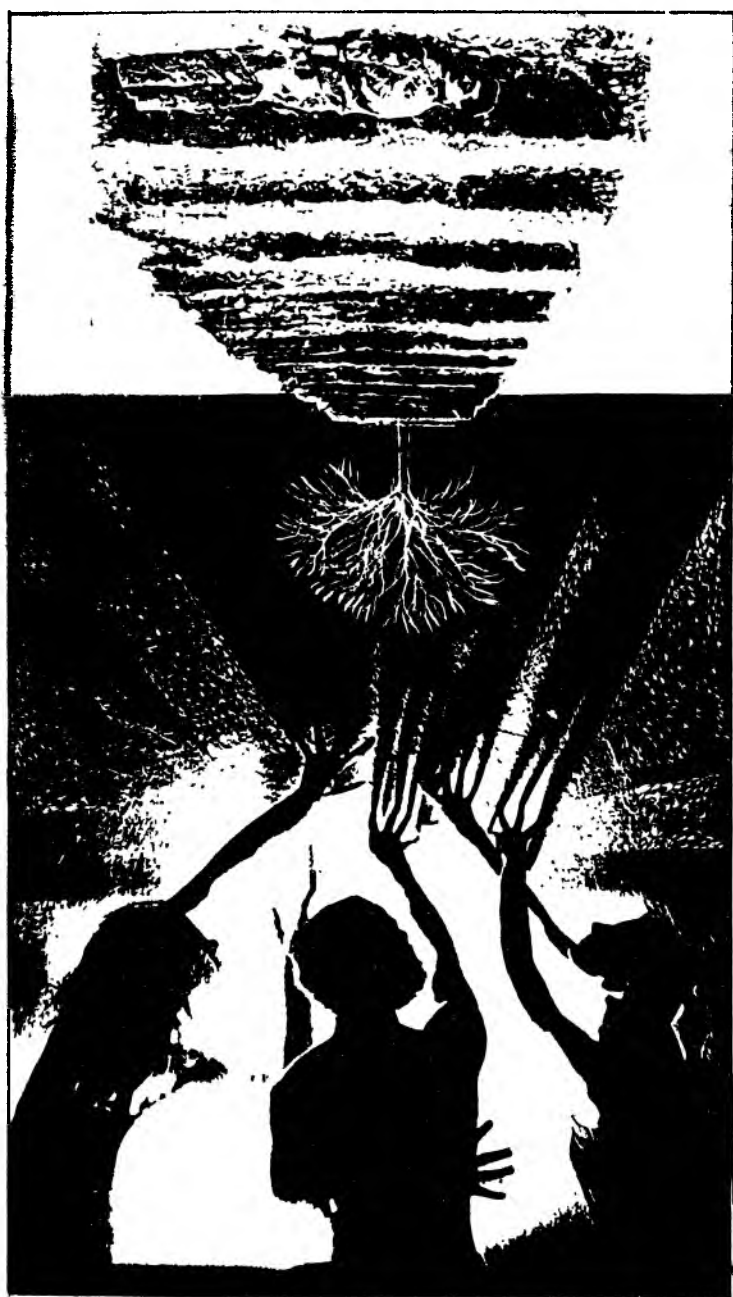
Б $\frac{4703040100-2903}{080(02)-93}$ 2903—93

ISBN 5—253—00719—9

- © Перевод на русский язык
М Павловой, М Яковлевой,
Р Шидфара
- © Чичина Т
Составление 1993.
- © Брылев Л
Оформление 1993.
- © Федоров В
Иллюстрации 1993.

УИЛЬЯМ П. БЛЭТТИ
Демон

«Изгоняющий
дьявола — II»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

« Иисус сказал ему:
выйди, дух нечистый, из сего человека.
И спросил его: как тебе имя?
И он сказал в ответ: легион имя мне,
потому что нас много »

(Евангелие от Марка, 5 8—9)

Воскресенье, 13 марта

Глава первая

Он размышлял над вечной проблемой смерти, над ее бесчисленными и жестокими проявлениями. Перед его мысленным взором возникали то кровожадные ацтеки, вырывающие из человеческой груди еще бьющееся сердце, то искаженные в муках лица раковых больных, то младенцы, похороненные заживо. Он решил было, что Бог жесток по своей сути и ненавидит человека. Тогда он вспомнил о другом мире, пронизанном гением Бетховена. Красочная и многогранная Вселенная, где по утрам звенит песня неугомонного жаворонка, где торжествует Карамазов и где все и вся согревается добротой. Он вглядывался в поднимающийся над Капитолием диск солнца, прочертивший на поверхности Потомака оранжевые полосы. И тут взгляд его упал на землю. Туда, где у его ног покоилось очередное доказательство бесконечного насилия и жестокости. Какая-то чудовищная размолвка произошла между человеком и его Творцом. И вот теперь он стоит здесь, на пристани, и созерцает весь этот кошмар.

— Лейтенант, по-моему, они его нашли.

— Не понял, кого нашли?

— Молоток. Они нашли молоток.

— А, молоток. Хорошо.

Киндерман с трудом возвратился к действительности. Он глянул в сторону и заметил, что эксперты по судебной медицине уже собрались. Они подходили поодиночке: одни тащили кучу каких-то склянок, пинцетов, пипеток, другие же держали в руках фотоаппараты,

блокноты и мел. Их приглушенные голоса были еле слышны, как будто эти люди сочли за благо не разговаривать, а перешептываться между собой. Однако в большинстве своем, они вообще предпочитали помалкивать. Даже движения их были какими-то беззвучными. Бесцветные и размытые силуэты — явились они словно из сновидений. Где-то поблизости урчала речная драга.

— Кажется, вот-вот закончим, лейтенант.

— В самом деле? Правда?

Пришурившись, Киндерман поежился от утренней прохлады. Полицейский вертолет только что закончил поиск и теперь медленно удалялся, подмигивая красными и зелеными огоньками над мутной, грязновато-коричневой холодной водой. Следовательно задумчиво наблюдал, как он постепенно уменьшается. Вертолет таял в лучах восходящего солнца, словно сгорающая надежда. Киндерман прислушался, слегка склонив набок голову, и, дрожа от холода, поглубже зачихнул руки в карманы пальто. Женский крик, такой пронзительный и леденящий кровь, все не стихал. Этот крик разрывал Киндерману сердце, да и изогнувшиеся, растущие по обоим берегам стылрой реки деревья тоже, казалось, мучаются, страдая вместе с женщиной.

— О, Иисус! — мысленно воскликнул Киндерман. Затем взглянул на Стедмана. Почти касаясь коленом земли, патологоанатом сидел на корточках возле грязной и запятнанной простыни из грубой ткани. Нахмурившись, он уставился на нее и о чем-то сосредоточенно думал. Стедман застыл словно изваяние. Лишь по белому облачку дыхания, которое тут же растворялось в морозном воздухе, можно было определить, что патологоанатом жив. Внезапно Стедман поднялся и бросил на Киндермана странный взгляд.

— Вы узнаете эти порезы на левой руке жертвы?

— Что именно вы имеете в виду?

— Порезы расположены необычно.

— В самом деле?

— Да, мне так кажется. Они напоминают символ одного из зодиакальных знаков. По-моему, это символ Близнецов.

Киндерману вдруг показалось, что сердце у него перестало биться. Он глубоко вдохнул. Потом взглянул

на реку. За массивной кормой драги появилась байдарка — это приступала к утренней тренировке команда Джорджтаунского университета, — лодка в полнейшем безмолвии скользила по водной глади. Вот она мелькнула в последний раз и тут же исчезла под мостом. Сверкнула вспышка фотоаппарата. Киндерман опять взглянул себе под ноги, туда, где лежала эта грубая, холщовая ткань.

«Нет, этого не может быть, — рассуждал он про себя. — Этого просто не может быть».

Патологоанатом проследил за взглядом следователя, и его покрасневшая от мороза рука потянулась к воротнику пальто: он вцепился в него, ежась и дрожа от холода. Сейчас Стедману более чем не хватало шарфа. Собираясь сегодня на работу, он в этой чудовищной спешке забыл прихватить его.

— Какой жуткий день для смерти, — тихо произнес Стедман. — Все это так неестественно.

Киндерман дышал с присвистом, белый пар облачком клубился возле его губ.

— Любая смерть неестественна, — пробормотал он.

Кто-то создал этот мир. Что ж, вполне разумно. Почему глазу приятны его формы? Чтобы смотреть и все видеть? А для чего это он должен все видеть? Чтобы выжить? А зачем он должен выживать? Почему? И еще раз — почему? Этот детский вопрос вставал каждый раз там, где возникали туманные и зыбкие очертания новой загадки. А вопросы эти искали ответа, однако разум не находил его, напротив, он путался в тупиках лабиринта. И чем дальше, тем глубже верил Киндерман в то, что материалистическое восприятие Вселенной явилось, пожалуй, самым величайшим заблуждением нынешней эпохи. Киндерман верил в чудеса, но и здесь пытался найти им объяснение; он вполне допускал бесконечную последовательность случайных совпадений, а любовь или же проявление человеческой воли мог свести к элементарным механическим и химическим реакциям, протекающим в нейронах мозга.

— Сколько лет прошло со смерти того «Близнеца»? — поинтересовался Стедман.

— Десять, нет, двенадцать лет, — сообщил Киндерман. — Двенадцать.

— А мы можем с уверенностью констатировать, что он мертв?

— Он мертв.

«В некотором смысле,— подумал Киндерман.— Частично». Ведь человек являет собой не просто нервную систему, хотя бы и столь высокоорганизованную. У человека есть еще и душа. Иначе каким образом могла бы выражаться материя? И как объяснить тот факт, что Карл Юнг наблюдал привидение в своей собственной кровати, и то, что после покаяния в грехе болезнь оставляет тело? Или попробуйте растолковать еще одно явление: атомы человека постоянно меняются, и тем не менее каждое утро он просыпается, оставаясь при этом самим собой. И если бы не было жизни после смерти, какой смысл имел бы любой труд? Так в чем же тогда вообще идея эволюции?

— Да, он мертв. Несомненно,— повторил Киндерман.

— Что вы сказали, лейтенант?

— Ничего особенного.

Электроны перемещаются из одной точки в другую, никогда не пересекаясь. У Бога, безусловно, есть свои тайны. Иегова говаривал: «Я буду там таковым, каков я есть воистину». Ну, вот и хорошо. Аминь. Но для обычного человека все это так запутано. Просто каша какая-то. Создатель сделал так, чтобы человек смог отличить плохое от хорошего, осознать, что есть насилие, зло и несправедливость. Однако сама система мироздания возмутительно жестока по своей сути: ведь закон жизни — это не что иное, как существование, в основе которого лежит пища. Поэтому вся Вселенная от края и до края наполнена ужасом — начиная от взрывающихся гибнущих звезд и кончая окровавленными челюстями хищника, пожирающего свою добычу. Разумеется, можно избежать этой печальной участи и не превратиться в чей-то лакомый кусочек, однако остается изрядная доля риска быть заживо погребенным во время землетрясения или горного оползня, а то и просто под обломками собственного дома. Вполне возможно и то, что в одно из ваших любимых блюд собственная ваша матушка не замедлит подсыпать толику крысиного яда, или же какой-нибудь Чингисхан подпалит вас на костерке, а может случиться, что с вас заживо сдерут кожу

или обезглавят, или задушат — и все это в пылу спортивного азарта, просто оттого, что это кому-то по душе. Он — Киндерман — вот уже сорок три года на службе и повидал немало на своем веку. Разве не посмотрелся он на все эти кошмары? А теперь вот еще и это...

На какое-то мгновение Киндерман попытался отвлечься от всего происходящего старым проверенным способом: надо только вообразить, что Вселенная и все, что ее населяет, — всего-навсего мысли в мозгу Творца. Есть еще один вариант: внешний мир целиком, во всех своих проявлениях, живет только в его собственном сознании, поэтому на самом-то деле никто не пострадал. Иногда подобная уловка выручала сыщика. Но в этот раз она не действовала.

Киндерман изучал то, что покоилось сейчас под холстом. Нет, это не совсем то, размышлял он. Это не то зло, которое мы, сознательно выбирая, причиняем друг другу. Корень зла заложен в мироздании. Прекрасно и заманчиво пение китов, но в этом же мире существуют и львы, вспарывающие своим жертвам брюхо. А крошечные личинки наездников, питающиеся живой плотью гусениц в зарослях восхитительной сирени или в цветущей луговой траве? Здесь же обитают и пестрые легкомысленные кукушки, которые откладывают яйца в чужие гнезда. И только кукушонок вылупится из яйца, как он первым делом убивает своих невинных собратьев. Однако приемные родители и после этого покорно продолжают выкармливать его. Где же в эти минуты находится то бессмертное око, та вездесущая десница?

Киндерман поморщился, вспомнив вдруг о тех ужасах, что творились в детском отделении психиатрической больницы. В огромной палате, смахивающей скорее на зал, сыщик насчитал пятьдесят коек, каждая из которых была ограждена металлической решеткой. Внутри такой клетки помещался постоянно плачущий или орущий ребенок. Киндерману запомнился один восьмилетний мальчуган, у которого еще в младенчестве прекратился рост костей. Могла ли вся красота и прелесть окружающего мира оправдать боль этого одного-единственного ребенка? Иван Карамазов заслуживает ответа.

— И слоны умирают от сердечной недостаточности, Стедман.

— Не понял вас.

— Там, в джунглях. Они погибают от стресса, когда иссякают запасы пищи и пересыхают водоемы. Слоны помогают друг другу. А стоит одному из них пасть где-нибудь в заброшенном месте, остальные переносят кости погибшего на слоновье кладбище.

Патологоанатом нервно заморгал и, втянув голову в плечи, еще крепче вцепился в воротник своего пальто. До него, конечно, доходили слухи о том, что сознание Киндермана взрывалось порой фонтанами болезненного воображения, в последнее же время вспышки этой неуместной фантазии участились. Но вот так, в действительности, Стедман сталкивался с подобным явлением впервые. В полицейском округе уже начали поговаривать о том, что, каким бы опытным и замечательным сыщиком ни был Киндерман, он становится старым и дряхлым. Стедман разглядывал следователя с профессиональным любопытством. Ничего не изменилось в его манере одеваться: серое твидовое пальто, выдавшее виды и обтрепанное, было Киндерману явно велико, помятые, мешковатые брюки с давно вышедшими из моды манжетами, потерявшая форму фетровая шляпа, за лентой которой торчало ободранное перо, выдернутое из хвоста какой-то грязнущей птицы.

«Да, этот, похоже, одевается исключительно в лавочке у старьевщика», — со всей очевидностью решил Стедман, и его профессиональный взгляд подметил на пальто сразу несколько яичных пятен. Но с другой стороны, патологоанатом прекрасно знал, что Киндерман и раньше одевался точно так же. Стиль его не изменился ни на йоту. И в этом не было ничего необычного. Да и внешность оставалась прежней. Ногти на пухлых коротеньких пальчиках аккуратно и регулярно подстригались, толстые щеки лоснились от тщательного ухода, а печальные карие глаза с поволокой были, казалось, обращены в прошлое, к тем годам, которые уже никогда не вернуть. И его облик, и манеры вызывали в памяти образ некоего священнослужителя, решившего на старости лет разводить цветы.

— В Принстоне, — продолжал Киндерман, — проводят множество опытов с шимпанзе. Обезьянка нажимает на рычаг и с помощью специального приспособления получает за это вкусный банан. Вроде все здорово, да? Но вот гуманные экспериментаторы решают слегка

усложнить свои опыты. Они ставят рядом небольшую клетку со вторым шимпанзе. Появляется первая обезьянка и не находит своего любимого лакомства. Тогда она нажимает на рычаг и, как всегда, получает банан. И в тот же момент слышит, как ее соплеменник визжит от боли,—оказывается, в это мгновение тот получил электрошок. Так вот с этой минуты, как бы ни был голоден первый шимпанзе, он никогда не нажмет на рычаг, если в это время рядом окажется другая обезьянка. Опыт проводили с пятьюдесятью, сотней обезьян, и каждый раз результат оставался прежним. Ну, ладно, предположили, что и среди обезьян попадаются свои «обезьянны» садисты, которые будут продолжать нажимать на рычаг, но все равно в девяноста процентов случаев они этого не сделают.

— Я про это не слышал.

Киндерман не мигая уставился на холст.

Во Франции во время раскопок обнаружили два скелета неандертальцев с сильными костными повреждениями — и тем не менее они жили еще пару лет, хотя сами уже не могли обеспечить себя едой. Безусловно, о них заботилось все племя. А вот возьмите, к примеру, хотя бы детей, рассуждал про себя Киндерман, ведь ничего более пронизательного, чем детское чувство справедливости, нет. Они как никто другой ощущают добро и понимают, как надо все в этом подлунном мире устроить. Откуда у них такое восприятие? Когда Джулии было всего три годика, стоило ей подарить игрушку или угостить печеньем, она тут же сгребала все это и тащила другим детишкам. Это уже потом она кое-чему научилась, и все гостинцы оставляла себе. И вовсе не потому, что повзрослела и стала сильной. Просто она поняла, что все дерутся за место под солнцем, мир же до краев полон несправедливости. А вот конфеты, напротив, имеют обыкновение очень быстро кончатся. Когда дети вступают в жизнь, весь их скарб составляет невинность. И доброта живет в их сердцах. Никто не обучал их этой доброте и не рассказывал, с чем ее едят. Да ведь ни один шимпанзе не будет лстыть и подкупать ученого, чтобы тот отдал ему свою последнюю рубашку. Это просто смешно. Но вот здесь-то и скрывается парадокс. Ибо физическое зло и моральное добро переплетались между собой, словно нити ДНК, и сма-

хивали на таинственный космический код. Но возможно ли это? Существует ли во Вселенной искуситель? Сатана? Нет. Это глупо. Господь Бог нанес бы Сатане такой сокрушительный удар, что ему пришлось бы целую вечность объяснять каждому встречному-поперечному, будто он, столкнувшись с Арнольдом Шварценеггером, решил пожать тому руку. Существование Сатаны оставляло в неприкосновенности парадокс, а заодно и кровоточащую, незаживающую рану в сознании Киндермана.

Он переступил с ноги на ногу. Любовь Господа полыхала мрачным и горячим пламенем, но она не давала света. А, может быть, тьма как раз и составляет часть его сущности? Допустим, он чувствителен и гениален, но ведь его могли сломить? Возможно и то, что сила его поистине изумительна и в то же время ограничена. Что-то в этом роде Киндерману довелось услышать в суде при вынесении приговора: «Виновен, ваша честь, но все это можно объяснить». Пожалуй, подобная теория уже близка к истине. Она являлась в меру рациональной, простой и не противоречила фактам. Однако Киндерман сразу выбросил ее из головы, подчинив логику интуиции, как это часто случалось с ним в ходе уголовных расследований. «Я подозреваю, я считаю, я полагаю» — именно эти слова он повторял чаще других. С этих же позиций Киндерман рассматривал проблему зла и добра. Что-то изнутри нашептывало ему, что едва наметившаяся, зыбкая и туманная истина связана-таки непостижимым образом с первородным грехом, да и то косвенно и неопределенно.

Следователь поднял голову. Драга перестала тарыхтеть — мотор замолчал. Стихли и душераздирающие вопли несчастной женщины. В наступившей тишине отчетливо слышалось, как нежно ластятся речные волны к пристани. Киндерман обернулся и встретился глазами с внимательным взглядом Стедмана.

— Во-первых, мы не можем встречаться вот так. Во-вторых, вы никогда не пробовали приложить свой палец к раскаленной сковородке и не отдергивать его?

— Нет, не пробовал.

— А я пробовал. Это практически невозможно. Уж очень больно. Вы вот, к примеру, просматриваете газету и наталкиваетесь на сообщение о том, что кто-то сторел

во время пожара в гостинице. «Тридцать два человека погибли в огне отеля Мэйфлауэр», — пишут журналисты. Однако на самом деле вы ни в коей мере не можете представить себе, что это такое. Ни вообразить этот кошмар, ни оценить его в полной мере вы не в состоянии. Остается раскаленная сковорода. Приложите же к ней свой палец — вот тогда вы поймете.

Стедман молча кивнул. Киндерман, слегка прикрыв глаза, мрачно разглядывал патологоанатома.

«Вы только полюбуитесь на него, — заметил про себя сыщик, — и этот считает меня чокнутым. Он, видимо, решил, что я сейчас несу невероятную чушь».

— Вы хотите еще что-то сказать, лейтенант?

«О да, разумеется. Про Шадрака, Месхака и Абед-него. «И вот тогда, разгневавшись, король приказал раскалить сковороды и вскипятить котлы медные. И тому, кто заговорил первым, повелел он отрезать язык, содрать с головы скальп, отрубить руки и ноги. А потом приказал поднести несчастного, все еще живого, к костру и зажарить на сковороде».

— Нет, больше ничего.

— Можно забрать тело?

— Пока еще нет.

«У боли свои правила, — размышлял Киндерман, — мозг способен отвлечься от нее в любой момент. Но каким образом? Царь небесный нам этого не объяснил. «И покатаются головы», — мрачно подытожил он».

— Стедман, идите. Отдохните, выпейте кофейку.

Киндерман проводил патологоанатома взглядом, пока тот не добрался до сторожки на пристани, где к нему присоединились другие судебные эксперты. Все они вели себя как обычно. Кто-то даже пытался шутить и негромко смеялся. Киндерман никак не мог взять в толк, что же это такое могло их сейчас вот так развеселить. Но тут он вспомнил трагедию «Макбет» и в который раз подумал о том, что мораль нынче и гроша ломаного не стоит.

Один из судебных экспертов протянул Стедману толстый регистрационный журнал. Патологоанатом одобрительно кивнул. Тогда вся остальная компания побрела прочь с пристани. Они шагали, ступая по похрустывающей гальке, вдоль берега и, миновав машину скорой помощи с бригадой врачей, уже весело обсуждали свои

бытовые проблемы. Двигаясь по пустынной джорджтаунской улице, вымощенной булыжником, они, вероятно, плакались друг дружке в жилетку, жалуясь на своих сварливых жен. Они торопились позавтракать, возможно, дома, а скорее всего в уютной «Белой башне» на М-стрит. Киндерман взглянул на часы и кивнул. Разумеется. Именно в «Белой башне». Она работает круглосуточно. «Луис, пожалуйста, глазунью из трех яиц. Побольше бекона, ладно? И горячую булочку». До чего здорово устроиться сейчас где-нибудь в уютном и теплом местечке!

Вот они свернули за дом и исчезли из виду. Сразу же из-за угла донесся взрыв смеха.

Киндерман снова посмотрел на патологоанатома. К Стедману тем временем подошел сержант Аткинс, помощник Киндермана. Молоденький и тщедушный сержант носил поверх коричневого фланелевого пиджака морской военный бушлат, а на голове — черную морскую фуражку. При этом он натягивал ее на уши, пытаясь скрыть свою стрижку под «ежика». Стедман вручил сержанту регистрационный журнал. Аткинс кивнул и, отойдя немного в сторону, расположился на скамейке перед входом в сторожку. Он не спеша раскрыл журнал и принялся внимательно изучать записи. Тут же на скамейке сидели плачущая женщина и медсестра. Последняя ласково поглаживала женщину, пытаясь хоть как-то ее успокоить.

Стедман стоял теперь в одиночестве и, застыв на месте, не сводил глаз с женщины. Киндерман с интересом вглядывался в его лицо. «Итак, какие-никакие чувства ты-таки испытываешь, Алан,— про себя рассуждал он.— После стольких лет работы, после всех этих трагедий и насилия в тебе все-таки осталась некая субстанция, которая продолжает чувствовать. Это хорошо. Ведь и я точно такой же. Мы с тобой являемся частью великой тайны. Если бы смерть была так же естественна как, например, дождь, то с какой стати мы бы с тобой сейчас испытывали все это, Алан? Конкретно, ты и я. Почему?»

Внезапно Киндерману до боли захотелось оказаться дома, в своей постели. Усталость опутывала ноги, а затем по костям тяжело утекала в недра земли.

— Лейтенант?

Киндерман медленно обернулся.

— Да?

Сзади стоял Аткинс.

— Это я, сэр.

— Да, я вижу, что это ты. Я это вижу.

Притворившись, что разглядывает его с откровенным презрением, Киндерман метал один за другим недовольные взгляды то на бушлат, то на фуражку Аткинса. И, наконец, заглянул ему в глаза. Глаза у сержанта были маленькие и зеленоватые. Они всегда были обращены немного внутрь, в себя, и от этого создавалось впечатление, будто Аткинс все время находится в состоянии медитации. Киндерману же он напоминал эдакого средневекового святошу, какими их обычно представляют в кино — не улыбающегося аж до гробовой доски, на редкость честного и искреннего, но непроходимо глупого. Однако последнее никак не относилось к Аткинсу, и лейтенант об этом прекрасно знал. Сержанту стукнуло тридцать два года, он морским пехотинцем участвовал во Вьетнамской войне. Призвали его туда прямо из Католического университета. За внешней невозмутимостью скрывалась натура яркая и прекрасная, достойная внимания и уважения, проникнутая истинной человечностью. Да и прятал-то Аткинс ее вовсе не из-за хитрости, а потому, как считал Киндерман, что душа у сержанта была весьма нежная. Внешне тщедушный, в минуты испытаний он проявлял недюжинные силу и храбрость. Однажды Аткинс умудрился даже повязать сумасшедшего наркомана, настоящего верзилу, когда тот, набросившись на Киндермана, приставил к его горлу нож. А когда дочь Киндермана попала в автомобильную катастрофу, чуть было не закончившуюся для нее трагически, все тот же Аткинс двенадцать дней и ночей проторчал в больнице возле нее. На работе он тогда взял внеочередной отпуск. Киндерман обожал своего помощника. Аткинс же, как верный пес, платил преданностью.

— Я тоже здесь, Мартин Лютер, и я слушаю. Киндерман, иудейский мудрец, весь во внимании. Я слушаю тебя, Аткинс, ходячее ископаемое. Рассказывай. Докладывай. Какие у нас там хорошие вести из Гента? Обнаружили какие-нибудь отпечатки пальцев?

— И очень много. На всех веслах. Но они какие-то смазанные, лейтенант.

— Какая жалость.

— Несколько окурков,— протянул Аткинс с неуловимой надеждой в голосе. А это уже кое-что да значило. По ним можно было определить состав крови.— Да еще пара волосков на трупе.

— Вот это уже теплее. Гораздо теплее.— Подобная находка действительно могла облегчить поиски.

— Да, вот еще,— добавил Аткинс, протянув Киндерману целлофановый пакетик.

Следователь осторожно взял его в руки и, поднеся поближе к глазам, нахмурился. Внутри пакета находилась розоватая пластмассовая безделушка.

— Что это?

— Заколка для волос. Женщины такие носят.

Киндерман прищурился, пристально разглядывая заколку.

— На ней что-то написано.

— Да, «Большие Виргинские водопады».

Опустив пакет, Киндерман взглянул на Аткинса.

— Такие штуковины продаются в сувенирных ларьках рядом с водопадом,— сообщил он.— У моей Джулии была такая же. Но это было давно. Я сам ее покупал дочке. Вернее, даже не одну, а пару. У нее их было две.— Следователь вручил пакет Аткинсу и глубоко вздохнул.— Это детская заколка.

Аткинс пожал плечами. Бросив взгляд на сторожку, он сунул пакетик в карман.

— Эта женщина все еще там, лейтенант.

— Сделай одолжение, скинь, пожалуйста, эту козырную фуражку. Мы же не собираемся снимать фильм о морском флоте, Аткинс. Война давно закончилась, хватит бомбить Хайфон.

Аткинс послушно стянул с головы фуражку и, засунув ее в другой карман бушлата, поежился от холода.

— А теперь надень ее,— тихо приказал Киндерман.

— Да нет, все нормально.

— Ошибаешься. Твой «ежик» еще козырнее. Надевай.

Аткинс колебался, а Киндерман продолжал настаивать:

— Давай-давай, надевай. Холодно ведь.

Аткинс снова натянул фуражку.

— Женщина еще там,— повторил он.

— Кто — там?

— Ну, та самая старушка.

Труп обнаружил на пристани воскресным утром 13 марта Джозеф Манникс, владелец лодочной станции. Он спозаранку приехал в тот день на работу: надо было приготовить закуски, снасти и различное снаряжение, а также и сами лодки для туристов: обычные двухвесельные, каяки и каноэ. Заявление Манникса отличалось краткостью. Вот оно:

Меня зовут Джо Манникс и что дальше? (В этом месте его перебил полицейский.) Да. Да, я вас понял, я все понимаю. Меня зовут Джозеф Фрэнсис Манникс, я проживаю по адресу: 3618 Проспект-стрит, Джорджтаун, Вашингтон, округ Колумбия. Я владею лодочной станцией на Потомаке, и сам здесь управляюсь со всем хозяйством. Я приехал сюда утром, около половины шестого. Обычно я так и приезжаю на станцию. Надо приготовить закуску и сварить кофе. Посетители являются не раньше шести, иногда им приходится даже чуточку подождать меня. Сегодня, правда, никого не было в это время. Я поднял газету, которую мне обычно оставляют на пороге, и — о Боже мой! Боже!

(Небольшое замешательство, свидетель пытается успокоиться.)

Я открыл дверь, вошел внутрь и поставил кофе. Потом отправился на пристань, чтобы пересчитать лодки. Иногда их отвязывают. А бывает, пускают в ход и кусачки, тогда хана цепям. Поэтому я их всегда пересчитываю. Сегодня все лодки оказались целехоньки. Тогда я поворачиваюсь, чтобы вернуться в домик, и вдруг вижу тележку этого мальчугана и пачку газет, а потом вижу... я вижу...

(Свидетель жестом указывает на тело жертвы; он не в состоянии продолжать рассказ. Полицейский вынужден отложить дальнейший допрос.)

Жертвой оказался Томас Джошуа Кинтри, двенадцатилетний темнокожий, сын Лойс Аннабель Кинтри, тридцативосьмилетней вдовы, преподавательницы иностранных языков в Джорджтаунском университете. Томас

Кинтри развозил номера газет «Вашингтон Пост». Предполагалось, что газету он должен был доставить на пристань примерно в пять часов утра. Манникс позвонил в полицейский участок в 5 часов 38 минут. Труп был опознан сразу же, поскольку на зеленой клетчатой ветровке, принадлежавшей жертве, обнаружили нашивку с его именем, адресом и телефоном: Томас Кинтри был немым от рождения. А на этом участке он работал всего тринадцать дней, поэтому-то Манникс его и не узнал. Зато Киндерман с ходу опознал жертву. Этого мальчугана он встречал в полиции.

— Старушка... — печальным эхом отозвался Киндерман. Затем его брови изумленно поползли вверх, и он снова уставился на реку.

— Она в сторожке на пристани, лейтенант.

Киндерман обернулся и в упор глянул на Аткинса.

— Ей там тепло? — забеспокоился он. — Вы уж пошустрите там, чтобы она не замерзла.

— Мы ее закутали в одеяло и, кроме того, раскочегарили камин.

— Ее надо покормить. Дайте ей супчику, горячего супчику.

— Она уже попила бульон.

— Бульон тоже хорошо, лишь бы он был горячим.

Ее заметили ярдах в пятидесяти от сторожки. Она стояла на берегу пересохшего канала «Си-энд-Оу». Канал этот нынче не судоходен, а случались времена, когда по нему плавали баржи, запряженные лошадьми, и перевозили пассажиров на расстояние в пятьдесят миль. Сейчас же его использовали под свои ежедневные моциионы местные жители — любители утренних пробежек трусцой. Старушке на вид было лет семьдесят, а то и больше. Ее подобрала поисковая бригада. Старая женщина дрожала как осиновый лист; нелепо подбоченившись, она испуганно озиралась по сторонам, чуть не плача, словно потерялась и не знала, куда теперь идти. Она не отвечала на вопросы. Очевидно, старушка была либо чем-то потрясена, либо находилась просто в старческом маразме. Никто так и не смог выдвинуть мало-мальски толковое предположение, что могла здесь делать старая женщина в столь ранний час. Ни одного жилого дома поблизости. Старушка была одета в хлопчатобумажную пижаму, голубой шерстяной

халат с поясом, на котором кто-то вышил цветочки, и бледно-розовые домашние тапочки. А на улице стоял холод.

Подошел Стедман.

— Вы уже закончили с телом, лейтенант?

Киндерман взглянул вниз на запятнанную кровью простыню.

— По Томасу Кинтри уже все выяснили? — осведомился он.

И опять донеслись до него всхлипывания. Киндерман покачал головой.

— Аткинс, отведи миссис Кинтри домой, — попросил он и глубоко вздохнул. — И прихвати медсестру. Пусть она подежурит у нее весь день сегодня. Я сам оплачу ей сверхурочные, не беспокойся. Отвези ее домой.

Аткинс хотел было что-то сказать, но Киндерман продолжал:

— Ах да, я помню. Старушка. Я сейчас как раз иду к ней.

Аткинсу ничего не оставалось, как выполнить просьбу Киндермана. А тот, тяжело опустившись на одно колено, чуть не застонал от напряжения.

— Прости меня, Томас Кинтри, — еле слышно проормотал следователь, а затем, бережно приподняв краешек простыни, вновь осмотрел руки, ноги и грудь мальчонки. «Какой же тоненький и хрупкий, точь-в-точь крошечный воробушек», — подумал Киндерман. Мальчик был сиротой и переболел пеллагрой¹. Лойс Кинтри усыновила мальчонку, когда тому исполнилось три годика. У Томаса началась новая жизнь. А теперь она оборвалась. Мальчика распяли, прибив запястья и щиколотки к двум веслам, сколоченным в виде креста. И такими же трехдюймовыми болванками раскрыли ему голову: сначала размозжили череп, а потом вбили их в мозг. Кровь извилистыми струйками стекала около глаз, все еще раскрытых и отражавших последний в жизни мальчика ужас. Открытый рот его застыл в беззвучном вопле, в диком немом крике от невыносимой боли и кошмара.

¹ Пеллагра — заболевание, обусловленное недостатком в организме никотиновой кислоты и витаминов группы В. Проявляется поражением кожи, слизистой, нервно-психическими расстройствами. — Здесь и далее примечания переводчика.

Киндерман внимательно осмотрел порезы на левой ладони Кинтри. Да, действительно, они смахивали на символ Близнецов. Затем следователь взглянул на другую руку мальчика и обнаружил, что на ней не хватает указательного пальца. Его отрезали. Киндерман почувствовал вдруг, как по спине пробежали мурашки.

Он осторожно опустил простыню и с трудом поднялся. Киндерман не мог отвести взгляд от этого тела, и вдруг он ощутил в душе непреклонную решимость. «Я найду твоего убийцу, Томас Кинтри»,— мысленно пообещал он.

Даже если это преступление совершил сам Господь Бог.

— Ну хорошо, Стедман, действуй,— сказал он вслух.— Бери тело и исчезни, наконец, с глаз моих долой. От тебя за версту несет формалином и смертью.

Стедман направился к «скорой помощи».

— Хотя нет, подожди еще чуток,— вслед ему прокричал Киндерман.

Стедман обернулся. Следователь подошел к нему вплотную и тихо пояснил:

— погоди, пусть сначала уйдет его мать.

Стедман кивнул.

К пристани пришвартовывалась драга. Тотчас с нее спрыгнул полицейский сержант в черной кожаной куртке на меху и подошел к Киндерману. В руках он нес какой-то предмет, завернутый в тряпку. Сержант собрался было заговорить, но Киндерман жестом остановил его.

Сержант непонимающе уставился на следователя, а затем проследил за его взглядом. Киндерман смотрел туда, где Аткинс беседовал с медсестрой и миссис Кинтри. Вот миссис Кинтри кивнула, и обе женщины встали. Киндерман отвел глаза, когда заметил, как мать на мгновение задержала взгляд на прикрытом холстом теле своего сына. Подождав немного, следователь спросил:

— Ну как, они уже ушли?

— Да, садятся в машину,— сообщил Стедман.

— Хорошо. Ну, сержант,— начал Киндерман,— валийте, показывайте.

Сержант молча развернул коричневую ткань и показал то, что в ней находилось: деревянный молоток для

отбивания мяса. Сержант держал его очень осторожно, чтобы случайно не коснуться пальцами.

Киндерман взглянул на молоток и объявил:

— У моей жены почти такой же. Для шницелей. Только чуть поменьше.

— Таким пользуются в ресторанах,— заметил Седман.— Или в столовых на предприятиях. Я сам видел такие на кухне в армии.

Киндерман поднял глаза.

— И такой штуковиной можно все это проделать?

Седман кивнул.

— Пусть его возьмет Делира,— проинструктировал сержанта Киндерман.— А я пойду взгляну на старушку.

В сторожке на лодочной станции было тепло. Поленья вспыхивали и потрескивали в огромном камине, выложенном из крупных и округлых серых булыжников, а вдоль стен, в специальных отсеках стояли легкие байдарки.

— Пожалуйста, мэм, назовите свое имя.

Старушка сидела у камина на ободранном диване, обитом желтой искусственной кожей, рядом с ней расположилась сотрудница полиции. Киндерман стоял перед ними, он сопел и комкал поля свей шляпы. Казалось, старая женщина не замечает следователя, ее сосредоточенный взгляд был устремлен Бог знает куда. Киндерман изумленно прищурился. Присев на стул рядом со старушкой, он бережно пристроил шляпу на стопку издававших виды журналов — разорванных, без обложек, забытых здесь, вероятно, во времена оны и сваленных на маленький деревянный столик. Шляпа накрыла древнюю рекламу виски.

— Вы не могли бы назвать свое имя, милая?

Ответа не последовало. Киндерман вопросительно взглянул на сотрудницу полиции. Та кивнула и объяснила:

— Она повторяет это бесконечно, кроме тех моментов, когда мы ее кормили. И даже тогда, когда я причесывала ее,— добавила она.

Киндерман снова взглянул на старушку. Она делала какие-то странные ритмичные движения руками.

И вдруг следователь увидел нечто такое, чего раньше почему-то не заметил. На столике рядом с его шляпой лежала маленькая розовая вещица. Киндерман поднял ее и прочитал надпись: «Большие Виргинские водопады». Буква «н» оказалась стертой.

— Никак не могу найти вторую,— пояснила сотрудница полиции,— поэтому я не стала закалывать эту и отложила ее.

— А она носит эти заколки?

— Да.

Следователь внутренне напрягся: с одной стороны, это было открытием, а с другой... Заколки приводили его в замешательство. Старушка несомненно являлась свидетельницей преступления. Но что она потеряла на пристани в такой час? Да еще на таком холоде? И совсем непонятно, с какой стати занесло ее на пересохший канал? Поначалу Киндерман решил было, что она просто слабоумная и, скорее всего, выгуливала собаку. «Собаку? Да, наверное, пес куда-то удрал, а она, пытаясь его найти, заблудилась. Тогда становилось понятным, почему она так плачет». Поразмыслив над этим, Киндерман пришел к страшному выводу, что несчастная женщина своими глазами наблюдала разыгравшуюся здесь трагедию, и от этого потеряла рассудок, во всяком случае, на некоторое время. Поэтому сейчас она не в состоянии отвечать ни на какие вопросы. Киндерман ощущал какую-то смесь жалости, возбуждения и раздражения. Надо было во что бы то ни стало разговорить ее.

— Мэм, не могли бы вы назвать свое имя?

И снова молчание. В наступившей тишине следователь наблюдал, как она опять и опять повторяет одни и те же пассы руками. Высоко в небе солнце выскользнуло, наконец, из облаков, и его приглушенные зимние лучи, как нежданная милость, коснулись ближайшего окна. Осветилось и лицо старушки. Казалось, что глаза ее наполнены этим божественным сиянием. Киндерман слегка подался вперед: ему вдруг почудилось, что в движениях пожилой женщины, казалось бы бессмысленных, прослеживается определенная ритмичность и очеречность. Ноги старушки были плотно сдвинуты, она последовательно то одной, то другой рукой совершала движения по направлению к бедрам, затем рука взмывала

высоко вверх над головой, и после нескольких коротких и резких толчков все повторялось снова.

Киндерман некоторое время наблюдал за старушкой, потом поднялся со стула.

— Пусть она побудет в приемной, Джордан, пока мы не установим личность.

Сотрудница полиции кивнула.

— Вы причесали ее,— тепло проговорил Киндерман.— Это очень мило. Оставайтесь пока с ней.

— Слушаюсь, сэр.

Киндерман повернулся и вышел из сторожки. Проинструктировав своих людей, он поехал домой. Жил Киндерман недалеко от Фоксхолл-роуд в небольшом и уютном коттеджике в стиле эпохи Тюдоров. Он переселился сюда из городской квартиры всего шесть лет назад по настоянию жены и называл теперь свое жилище, расположенное на окраине, не иначе как «деревней».

Киндерман вошел в дом и позвал:

— Пончик, я уже дома. Это я, твой герой, инспектор Ключо¹.

Он повесил шляпу и пальто в крошечной прихожей на вешалку, вырезанную в виде дерева, затем отстегнул кобур с пистолетом и запер ее в ящике небольшого деревянного комода, стоящего рядом с вешалкой.

— Мэри?

Ответа не последовало. Почувствовав аромат только что сваренного кофе, Киндерман, тяжело ступая, направился в кухню. Джулия, его двадцатидвухлетняя дочь, по всей вероятности, еще спала. Но где же Мэри? А Ширли, его теща?

Все на кухне было выдержано в этаким колониальном стиле. Хмуро оглядев медные кастрюльки и многочисленную утварь, развешенную над старинной газовой плитой, Киндерман попытался представить, что всем этим хламом набита не его кухня, а какая-нибудь ночлежка в Варшаве, в самом нищем районе. Он медленно подошел к столу.

— Стол из клена,— вслух пробормотал он. Находясь в одиночестве, он частенько разговаривал сам с собой.—

¹ Инспектор Ключо — комедийный герой из сериала художественных фильмов-пародий на детективы «Розовая пантера», популярные в 60-х годах.

Ну какой еврей отличит его от дуба или ясеня? Конечно, никакой, это просто невозможно.

И тут Киндерман заметил на столе записку. Он поднял ее и прочитал:

«Дорогой мой Билли,

не обижайся, но когда нас сегодня разбудил телефонный звонок, матушка настояла на том, чтобы мы отправились в Ричмонд. Наверное, это тебе в отместку. Поэтому я решила: чем скорее мы уедем, тем быстрее управимся и вернемся. Она говорила, что все евреи на юге должны держаться друг друга. Кстати, кто у нас в Ричмонде?

Как твои дела на работе? Интересно? С нетерпением жду твоих рассказов. Я приготовила на завтрак твое любимое блюдо — загляни в холодильник. Вернешься ли ты к вечеру домой или, как всегда, отправишься кататься на коньках по Потوماку вместе с Омаром Шарифом и Катрин Денёв?

*Целую тебя,
Мэри».*

Ласковая улыбка осветила и согрела его лицо. Положив на стол записку, Киндерман открыл холодильник и обнаружил там на блюде сливочный сырок, помидоры, копченую лососину, маленький маринованный огурчик и миндальный соус. Он зажарил пару тостов и, налив кофе, уселся завтракать. Слева на стуле следовательно заметил свежий номер «Вашингтон пост». Еще раз взглянув на еду, Киндерман вдруг обнаружил, что, хотя его желудок и пуст, он не сможет проглотить ни кусочка. Аппетит безнадежно пропал.

Он сидел и потягивал кофе. А потом поднял глаза. На улице заливалась какая-то птичка. «В такую погоду? Ее необходимо поместить в психиатрическую больницу. Она больна, ей надо помочь».

— Да и мне тоже, — заявил он вслух.

Птица замолчала, и единственным звуком, нарушавшим тишину, было тиканье больших настенных ходиков. Киндерман сверил свои часы — было восемь сорок две. Сейчас все христиане разбредутся по церквям. «Не забудьте помолиться за Томаса Кинтри, пожалуйста».

— И за Уильяма Ф. Киндермана, — громко добавил он.

«Да. И еще за одного человека». Следователь отхлебнул немного кофе. «Какое странное совпадение,— раздумывал он.— Почему Кинтри погиб именно в тот день, когда исполнился двенадцатый год с момента другой смерти, не менее загадочной и страшной?»

Киндерман снова взглянул на часы. Может быть, они остановились? Да нет. Часы продолжали тикать. Киндерман чуть пододвинул стул и внезапно почувствовал в комнате какие-то странные и необычные изменения. Но какие именно? «Ничего, просто ты переутомился». Он взял из вазочки конфету и, развернув, съел ее. «Конечно, не так вкусно, лучше бы все-таки съесть маринованный огурчик»,— с досадой решил он.

Киндерман вздохнул и, покачав головой, поднялся со стула. Он отодвинул блюдо с нетронутым завтраком, сполоснул под краном чашку и, покинув кухню, зашагал по лестнице на второй этаж. Он собрался чуточку вздремнуть, высвободив на это время подсознание. Может быть, тогда всплывет нечто такое, что он не доглядел или вообще не заметил. Внезапно Киндерман застыл на верхней ступеньке и пробормотал:

— Близнецы.

Неужели тот самый «Близнец»? Невозможно. Это чудовище уже мертво. Не может быть. Но почему же тогда по его телу поползли мурашки, почему волосы на руках стали дыбом? Киндерман вытянул руки и повернул их ладонями вниз. «Да, действительно волосики стоят дыбом. Но отчего же?»

Киндерман услышал, как поднялась Джулия. Тяжело топая, она побрела в ванную. А он не двигался с места, озадаченный и вконец запутавшийся. Надо было что-то делать. Но что? Привычные методы расследования, да и все логические рассуждения здесь явно не годились. Надо искать маньяка, а лабораторное заключение подоспеет не раньше вечера. Он вполне отдавал себе отчет в том, что Манникс уже выложил все то небольшое, о чем знал, а мать Кинтри, конечно же, никто не собирался сейчас тревожить. Но в любом случае одно было уже совершенно очевидно: мальчик не имел ни подозрительных дружков, ни вредных привычек. В этом Киндерман был абсолютно уверен, ибо сам неоднократно встречался с ним. Следователь покачал головой. Надо выйти на улицу, как-то подвигаться,

расшевелиться, что ли. Он услышал, как Джулия в ванной включила душ. Киндерман спустился по лестнице, достал пистолет, надел пальто и, нахлобучив шляпу, вышел из дома.

Некоторое время он постоял на пороге. Сомнения и самые невероятные предположения терзали его. Порыв ветра швырнул под ноги Киндерману пластиковый стаканчик, покатил его дальше по мостовой. Следовательно прислушался к его мерному постукиванию. И вот опять все стихло. Киндерман устремился к своей машине и, заведя мотор, тронулся.

Он не знал, куда направляется. Неожиданно для самого себя Киндерман вдруг обнаружил, что припарковался не там, где разрешалось: на 33-й улице рядом с рекой. Он выбрался из автомобиля. На порогах отделения лежали свежие номера «Вашингтон пост». Следовательно вновь одолели мучительные воспоминания, он резко отвернулся и, заперев машину, побрел вперед.

Киндерман прошелся вдоль небольшого парка до моста, перекинутого через канал. Потом по бечевнику¹ добрался до лодочной станции. Здесь уже собралась толпа зевак, наперебой обсуждавших события этого страшного утра, хотя никто из них толком и не знал, какая именно трагедия здесь разыгралась. Киндерман подошел к двери сторожки. Она оказалась запертой. Тут же висела красно-белая табличка с короткой надписью «Закрито». Взглянув на скамейку, следовательно тяжело опустился на нее, вздохнул и привалился спиной к стене сторожки.

Киндерман внимательно рассматривал людей, собравшихся сейчас на пристани. По опыту он знал, что убийцы-маньяки частенько наслаждаются вниманием, которое уделяет их особам обычная толпа. Вероятно, это льстит их самолюбию — собрать кучу зевак, судачащих исключительно об их жутких подвигах! Возможно, и сам преступник находился сейчас среди этой толпы и как ни в чем не бывало вопрошал случайных прохожих: «А что произошло? Вы не в курсе? Кого-то убили?»

¹ Бечевник — дорога, предназначенная для тяги судов на бечеве.

Киндерман пытался обнаружить в толпе что-нибудь подозрительное: например, джентльмена, который либо слишком натянуто улыбался, либо наблюдал за происходящим мутным остановившимся взглядом, как у наркомана. Нервный тик тоже привлек бы внимание следователя. Но особенно насторожил бы Киндермана человек, который, уже зная, что произошло, тем не менее продолжал бы задавать каждому встречному-поперечному все те же вопросы.

Следователь сунул руку во внутренний карман пальто: там он всегда про запас держал пару книжонок. В этот раз он извлек из кармана «Клавдия Божественного» и недовольно окинул взглядом обложку. Ему надо было прикинуться самым что ни на есть обычным пенсионером, который вышел к реке подышать свежим воздухом и почитать. Но роман Роберта Грейвса таил в себе некоторую опасность. Киндерман может вполне зачитаться, и тогда убийца ускользнет от его пытливого взгляда. И хотя следователь уже пару раз перечитывал роман, все равно он был уверен, что увлекательный сюжет вновь завладеет его вниманием. Киндерман запихнул книгу назад и вытащил другую. Взглянул на название. Это оказалась пьеса «В ожидании Годо». Следователь облегченно вздохнул и раскрыл ее сразу на втором акте.

Он просидел так очень долго, но ничего подозрительного не обнаружил. К одиннадцати часам толпа начала рассеиваться, да и новых лиц следователь больше не заметил. Однако он не терял надежды и выждал еще какое-то время. Взглянув на часы, Киндерман стал рассматривать лодки, прикованные к причалу цепями. Что-то раздражало его. Но что именно? Он попытался отыскать причину этого раздражения, но так и не смог. Сунув книгу в карман, он поднялся и зашагал прочь.

Подойдя к своей машине, Киндерман обнаружил на лобовом стекле штрафную квитанцию. Не веря глазам, следователь извлек ее из-под дворника и прочитал. Хотя на автомобиле не было опознавательных полицейских знаков, тем не менее по номерам можно было сразу определить, что машина принадлежала полиции округа. Киндерман смял квитанцию и, запихнув ее в карман, отпер машину, сел за руль и отъехал. Он не знал, куда направляется, и, когда остановился, с удивлением обна-

ружил, что находится перед зданием полицейского участка в Джорджтауне. Войдя внутрь, он подошел к дежурному сержанту.

— Сержант, кто сегодня штрафовал на 33-й улице возле канала?

Тот удивленно уставился на Киндермана:

— Робин Теннес.

— Мне вовсе не улыбается жить в такое время и в таком месте, где самого распоследнего дурня могут взять на работу в полицию,— взорвался Киндерман и, вручив сержанту квитанцию, зашагал вразвалку к лестнице.

— Лейтенант, есть что-нибудь новенькое о том ребенке? — крикнул ему вдогонку сержант. Он еще не успел прочитать, что было написано на квитанции.

— Никаких новостей, никаких,— пробурчал Киндерман.— Абсолютно никаких.

Он поднялся наверх и там, в зале, где собрались полицейские, буквально с порога был засыпан градом вопросов. Не отвечая ни на один из них, следовательно добрался, наконец, до своего кабинета. На одной стене висела подробная карта северо-западной части города. А к другой — позади рабочего стола, как раз между двумя окнами, выходящими на Капитолий, — был приколот большой плакат с изображением Снупи¹. Этот плакат подарил Киндерману Томас Кинтри.

Следователь сел за стол. Он все еще был в шляпе и пальто и не торопился раздеваться. На столе лежали еженедельник, Библия в мягкой обложке и почти новая пластиковая салфетница. Киндерман достал из нее одну салфетку, вытер нос и взглянул на фотографии, вставленные в специальные прорези салфетницы. С одной стороны ему улыбались жена и дочь. Перевернув салфетницу, Киндерман извлек из прорези фотографию темноволосого священника. Следователь застыл на месте, уставившись на надпись, сделанную на обороте снимка: «Не спускайте глаз с этих доминиканцев, лейтенант». И подпись: «Дэмыен». Взгляд Киндермана наполнился светом, словно отраженным от улыбки на этом суровом и обветренном лице со шрамом над пра-

¹ Снупи — щенок, персонаж популярных газетных комиксов в США.

вым глазом. Внезапно Киндерман скомкал салфетку, которую все еще продолжал держать в руке и, швырнув ее в корзину для бумаг, потянулся было к телефонной трубке. В этот момент в кабинет неожиданно вошел Аткинс. Киндерман заметил его только тогда, когда тот уже закрывал за собой дверь.

— А, это ты.— Следовательно оставил телефон в покое и сложил на груди руки, отчего сразу же стал похож на эдакого доморощенного Будду.— Так быстро?

Аткинс пересек кабинет и устроился напротив Киндермана. Он сдернул с головы фуражку и вопросительно взглянул на лейтенанта, до сих пор сидевшего в шляпе.

— Прости меня за навязчивость,— заговорил Киндерман.— Но сдается мне, я попросил тебя оставаться с миссис Кинтри.

— К ней пришли брат и сестра. А потом еще несколько друзей из университета. Я решил, что мне лучше вернуться.

— И правильно сделал, Аткинс. У меня тут для тебя прорва работы.— Киндерман выждал, пока Аткинс достанет маленький красный блокнотик и шариковую ручку, а затем продолжил:— Во-первых, свяжись с Фрэнсисом Берри. Много лет тому назад он вел дело о «Близнеце». Сейчас он работает в отделе расследования убийств в Сан-Франциско. Мне нужно все, что у него есть об убийце «Близнеце». Абсолютно все. Все материалы по этому делу.

— Но «Близнец» мертв вот уже двенадцать лет.

— Ну да? Неужели, Аткинс? А я-то и не знал. Ты хочешь сказать, что все газеты, сообщавшие о его смерти, оказались правы? И радио с телевидением тоже, Аткинс? Удивительно. Потрясающе. Я просто сражен.

Аткинс что-то записывал в блокнот, чуть заметно улыбаясь. Неожиданно дверь в кабинет распахнулась, и на пороге появился начальник лаборатории.

— Ну не маячь в дверях, Райан. Заходи,— пригласил коллегу Киндерман. Райан вошел и прикрыл за собой дверь.

— Внимай мне, о Райан,— воскликнул Киндерман.— Обрати свое драгоценное внимание на молодого Аткинса. Ты вот сейчас, между прочим, находишься рядом с гигантом мысли, с потрясающим гением розыска. Нет, в самом деле. Надо отдать ему должное. Ведаешь ли

ты, что именно этот колосс поставил во главу угла своей карьеры? Ты просто обязан это знать. Нельзя скрывать таких звезд нашей профессии. Так вот, на минувшей неделе, аж в девятнадцатый раз...

— В двадцатый,— поправил его Аткинс, подняв вверх ручку, словно обращая внимание Райана на торжественность минуты.

— В двадцатый раз он задержал Мишкина, всемирно известного злодея. В чем тот провинился? Он всегда совершает одно и то же преступление. Он врывается в квартиры и по своему вкусу переставляет там всю мебель. Он считает себя непревзойденным дизайнером.— Тут Киндерман обратился к Аткинсу.— На этот раз, клянусь, мы его упечем в психушку.

— Да, но какое отношение к этому имеет отдел по расследованию убийств? — удивился Райан.

Аткинс повернулся к нему и ровным голосом пояснил:

— Видишь ли, Мишкин каждый раз оставляет записки с угрозой убить владельца квартиры, если тот хоть что-нибудь передвинет и Мишкин это обнаружит.

Райан нервно заморгал.

— Героическая работа. Просто героическая,— добавил Киндерман.— Райан, ты хотел мне что-то сообщить?

— Пока ничего.

— А тогда по какому праву ты отнимаешь у меня драгоценное время?

— Я сам думал узнать, нет ли каких новостей.

— Есть. На улице чудовищно холодно. И еще очень важная новость: сегодня утром встало солнце. Не пришло ли тебе в голову, о Райан, еще что-нибудь мудрое, еще парочка подобных вопросов? А то их с нетерпением ожидают несколько восточных султанов.

Райан смерил Киндермана презрительным взглядом и покинул кабинет. Киндерман же холодно глянул ему вслед и, когда дверь за Райаном, наконец, закрылась, снова обратился к Аткинсу:

— По-моему, он клюнул на эту ерунду о Мишкине. Аткинс кивнул.

— Да, у этого человека напрочь отсутствует чувство юмора. Он ничего не понимает.

Сержант печально покачал головой:

— Но он пытается, сэр.

— Благодарю вас, мать Тереза.— Киндерман чихнул и потянулся за салфеткой.

— Будьте здоровы.

— Спасибо, Аткинс.— Киндерман утер нос и выбросил салфетку.— Итак, ты достанешь мне полное дело «Близнеца».

— Так точно.

— После этого выясни, интересовался ли кто-нибудь этой старушкой.

— Пока никто, сэр. Я это как раз проверил перед тем, как сюда идти.

— Позвони в отдел доставки «Вашингтон пост», разузнай, кто был ответственен за маршрут Кинтри, и уточни его личность с помощью компьютера ФБР. Выясни, не вступал ли он в конфликт с законом. Весьма сомнительно, чтобы в пять утра, да еще в такой собачий холод убийца вышел бы просто прогуляться и чисто случайно встретил бы Кинтри. Кто-то обязательно должен был знать, что это произойдет.

С нижнего этажа донеслась дробь телетайпа. Опустив глаза, Киндерман словно прислушивался к этим звукам, просачивающимся сквозь пол его кабинета.

— Ну вот, как здесь можно сосредоточиться?

Так же неожиданно телетайп замолчал. Вздохнув, Киндерман перевел взгляд на своего помощника:

— Есть еще вариант. Мальчика мог убить один из подписчиков. Видимо, он знал его маршрут и после убийства перетащил труп на пристань. Это вполне могло произойти. Так что данные всех подозрительных подписчиков также необходимо проверить на компьютере.

— Слушаюсь, сэр.

— И вот еще что. Половину газет Кинтри так и не успел доставить по адресам. Узнай в редакции, кто сегодня им звонил и жаловался на то, что не получил свежий номер. А потом вычеркни этих адресатов из списка. Оставь только тех, от кого не было звонков,— и тоже проверь на компьютере.

Аткинс перестал записывать и устался на Киндермана, пытаясь догадаться, что же на сей раз задумал его шеф.

А тот кивнул:

— Да. Именно так. Ибо в воскресенье люди как никогда любят газеты. Они ведь такие веселые по выход-

ным, Аткинс. И если кто-то не позвонил и не возмутился, что ему не достался воскресный номер — значит, здесь вырисовываются два варианта: либо подписчик умер, либо он сам и есть убийца. Здесь все точно продумано. В общем, с тебя не убудет, если ты всех, кого сочтешь нужным, проверишь по компьютеру. Кстати, как ты думаешь, научатся ли компьютеры сами шевелить мозгами?

— Сомневаюсь.

— Я тоже. Где-то я вычитал, что об этом спросили одного теолога. Так вот он заявил, будто бессонница одолеет его с того момента, когда компьютеры начнут беспокоиться о своих изношенных деталях. Мое им почтение. Удачи вам, компьютеры, и да благословит вас Господь! Однако вещница, сама собранная из нескольких штуковин, не сможет о себе позаботиться. Я прав? Все это чушь собачья, и разум далеко не то же самое, что и мозг. Вот посмотри: моя рука в кармане. Так разве стал карман при этом рукой? Да кто угодно тебе скажет, что мысль — это мысль, а не клетки мозга, и тем более не протекающая в них реакция. А, к примеру, ревность — это совсем не какой-нибудь вариант игры на компьютере «Атари». Да и вообще, кто кого стремится надуть? Если все эти блестящие японские ученые, создав искусственную клетку мозга величиной в одну сороковую кубического дюйма, решили бы воспроизвести на ее основании человеческий мозг, им бы пришлось занять амбарчик размерами миллиона в полтора кубических футов, да еще хорошенько запрягать свое изобретение подальше от любопытных глаз, убеждая соседей, что ровным счетом ничего стоящего в этом амбаре нет. И кроме всего прочего, Аткинс, я вот умею мечтать о будущем. А какой из известных тебе компьютеров может сделать то же самое?

— Так вы полностью исключаете Манникса?

— Я не беру здесь перспективы будущего, в общем-то, что можно предсказывать, исходя из логических соображений. Я мечтаю о таких вещах, которые тебе никогда и в голову не придут. Впрочем, не только я. Прочитай «Эксперимент со временем» Дюнне. А еще труды психиатра Юнга или физика-теоретика Вольфганга Паули, специалиста в области квантовой механики, которого в наше время называют отцом нейтрино. И таких

людей ты, кстати, мог совершенно спокойно повстречать на улице или еще где-нибудь. Что же касается Манника, то он — отец семерых детей, можно сказать, святой человек. И я знаком с ним вот уже восемнадцать лет. Так что выбрось его из головы. Однако внимания заслуживает кое-какой факт. Стедман не обнаружил на голове Кинтри никаких следов удара. Но как примириться с этим фактом, учитывая все то, что сотворили с мальчиком? Получается, что он был в сознании. Бог мой, он был в полном сознании. — Киндерман опустил глаза и покачал головой. — Аткинс, мы должны искать не одно чудовище. Кто-то ведь должен был удерживать мальчика. Обязательно.

Зазвонил телефон. Киндерман взглянул на определитель номера и снял трубку.

— Киндерман слушает.

— Билл? — послышался голос жены.

— А, это ты, дорогая. Ну, рассказывай, что там, в Ричмонде? Вы все еще там?

— Да, мы только что побывали в Капитолии. Ты знаешь, он, оказывается, белого цвета.

— Потрясающе.

— А как там у тебя, дорогой?

— Все отлично, любимая. Три убийства, четыре изнасилования и всего одно самоубийство. Ну, а в остальном, так, треплюсь с ребятами из участка. Милая, скажи, пожалуйста, когда карп сделает одолжение и освободит, наконец, нашу ванну?

— Мне сейчас неудобно говорить.

— А, понимаю. Матушка торчит рядом. Я догадался. Она с тобой в телефонной будке. Расплющивает тебя по стеклу? Так?

— Я не могу сейчас с тобой разговаривать. Ты приедешь домой к обеду?

— Скорее всего нет, мой бесценный ангел.

— Тогда, может, к ужину? Когда меня нет, ты питаешься нерегулярно. Мы сейчас выезжаем, а часам к двум уже будем дома.

— Спасибо тебе за все, дорогая. Но, видишь ли, сегодня мне необходимо слегка подбодрить отца Дайера.

— А что случилось?

— Из года в год именно в этот день он чувствует тоску и одиночество.

- Ах да, ведь это сегодня.
- Именно сегодня.
- Я совсем выпустила из головы.

Через кабинет Киндермана протащили задержанного. Он изо всех сил упирался и осыпал полицейских ругательствами.

— Я ничего не делал! Отпустите меня, идиоты вонючие!

— Что там происходит? — забеспокоилась супруга Киндермана.

— Да тут какие-то неевреи, только и всего. Не обращай внимания.— Дверь КПЗ, расположенной сразу же за проходным кабинетом Киндермана, захлопнулась.— Я свожу Дайера в кино. А потом мы покалякаем на этот счет. Ему понравится.

— Ну ладно. Я готовлю тебе обед и поставлю в духовку. Так что, если все-таки надумаешь, тебе останется его только разогреть.

— Ты — просто само очарование. Да, кстати, сегодня вечером запри, пожалуйста, все окна.

— А зачем?

— Мне так будет спокойней. Ну, моя крошка, крепко тебя целую и обнимаю.

— И я тебя тоже.

— Да, пожалуйста, не забудь про карпа, ладно? Меня никак не тянет домой, куда я знаю, что он до сих пор там.

— Билл!

— Пока, дорогая!

— До встречи.

Киндерман положил трубку и встал. Аткинс изумленно уставился на него.

— Этот карп тебя не касается,— буркнул Киндерман.— И вообще, лучше обрати свой пыл на наше Датское королевство, где что-то неладно.— Он подошел к двери.— У тебя куча работы, так что займись-ка делами. Что касается меня, то с двух до полчетвертого я в кинотеатре «Байограф». После этого ищи меня либо в ресторанчике «Клайд», либо здесь же, в кабинете. Если к этому времени у ребят из лаборатории что-нибудь прояснится, дай мне сразу же знать. Усек? Немедленно свяжись со мной по рации. Ну, до свиданья.

ния, высокородный лорд. Развлекайся и отдыхай на роскошной яхточке. Да смотри, чтобы она не дала течь.

С этими словами он вышел из кабинета. Аткинс видел, как Киндерман продирается сквозь толпу полицейских и отмахивается от них, словно от нищих на улицах Бомбея. Вот он пробрался к лестнице и скрылся из виду. Аткинс словно сразу же осиротел...

Он поднялся со своего стула и приблизился к окну. Сержант любовался белоснежными мраморными творениями рук человеческих. Памятники купались в солнечном сиянии. Аткинс прислушался к уличному гулу. На душе у него кошки скребли. Будто какая-то недобрая мгла сгушалась внутри него, и он, не понимая ее истоков, тем не менее ощущал всю ее тяжесть. Что же это такое? Ведь и Киндерман чувствовал то же самое. И не мог объяснить.

Аткинс попытался стряхнуть с себя наваждение. Он верил в людей, в их природу и жалел всех подряд. Внезапно ощутив надежду, он отвернулся, наконец, от окна и пошел работать.

Глава вторая

Джозеф Дайер, иезуит сорока пяти лет, был по происхождению ирландцем. Он преподавал Закон Божий в Джорджтаунском университете. В минувшее воскресенье Дайер присутствовал на церковной службе, подкрепляя в душе веру и молясь за милосердие ко всему человечеству. После мессы он посетил иезуитское кладбище, расположенное в низине на территории университета. Там он положил букетик цветов на могилу с надписью «Дэмыен Каррас, Общество Иисуса». Затем в университетской столовой плотно позавтракал, срубав такие порции, которым позавидовал бы и сам Гаргантюа: здесь были и блинчики, и свиные отбивные, и кукурузные лепешки, и сосиски, и, конечно же, яичница с беконом. В утренней трапезе принимал участие старинный приятель Джозефа, президент университета, отец Райли.

— Джо, как это все в тебя уместается? — удивлялся тот, наблюдая, как Дайер громоздит из отбивных и блинов сэндвич невероятных размеров. Хрупкий, ры-

жий, весь в веснушках, иезуит поднял на Райли свои наивные голубые глаза и ровным голосом пояснил:

— Усваивается, отец мой.— Он протянул руку к кувшину с молоком и налил себе очередной стакан.

Отец Райли только покачал головой и сделал микроскопический глоточек кофе из своей крошечной чашечки. Президент отвлекся и теперь никак не мог вспомнить, о чем же он только что беседовал с Дайером. Кажется, они обсуждали поэтов-священников.

— У тебя на сегодня определенные планы, Джо? Или ты еще побудешь здесь?

— А вы что, хотите продемонстрировать мне свою коллекцию галстуков, да?

— Да, мне тут надо подготовить речь. Видимо, на следующей неделе придется кое-где выступить, так вот я хочу показать ее тебе.

Райли замолчал и, открыв рот, изумленно наблюдал, как Дайер выливает в свою тарелку целое озеро кленового сиропа.

— Да, я тут буду часов до двух, а потом пойду в кино со своим другом, лейтенантом Киндерманом. Вы его знаете.

— А, этот полицейский с печальным, как у спаниеля, взглядом?

Дайер кивнул, набивая рот блинчиками.

— Занятный малый,— одобрил президент.

— Ежегодно именно в этот день его одолевает хандра, поэтому я должен его приободрить. А он обожает ходить в кино.

— Именно сегодня?

Дайер кивнул, потому что рот его в этот момент был наполнен яичницей.

Президент задумчиво отхлебнул еще один глоточек кофе.

— А я совсем забыл.

Дайер и Киндерман встретились у кинотеатра «Бай-ограф» на М-стрит. Они уже просмотрели добрую половину фильма «Мальтийский сокол». Но удовольствие было неожиданно прервано. Мужчина, сидевший рядом с Киндерманом, сделал несколько замечаний по ходу фильма, оценивая его достоинства, и лейтенант с ним

сразу же согласился. Затем незнакомец, уставившись на экран, вдруг положил свою ладонь на ляжку Киндермана. Следовательно тут же вспыхнул: повернувшись к извращенцу, он возмущенно зашептал: «Боже ты мой, я не верю своим глазам». И одним движением надел тому наручники. Устроив в зале небольшую возню, он выпроводил нарушителя в вестибюль и, вызвав патрульную машину, усадил в нее незадачливого любовника.

— Припугните его слегка, а потом отпустите восвояси,— тихо распорядился Киндерман.

Незнакомец высунул голову в окошко:

— Я знаком с сенатором Ключерманом! — взвизгнул он.

— Вот он расстроится-то, услышав о своем дружке в вечернем телевизионном выпуске,— отозвался следовательно. И обратился к шоферу: — Давай, поехал!

Патрульная машина тронулась. Вокруг уже начали скапливаться любопытные прохожие. Киндерман искал глазами Дайера и увидел, что тот пытается протиснуться к выходу, но собравшаяся толпа не пускает его. Дайер тоскливо озирался по сторонам и, приподняв лацканы пиджака, плотно сжимал их, пряча белый иезуитский воротничок. Киндерман тут же подошел к Дайеру.

— Ты чего тут колдуешь? Пытаешься основать тайный орден священников?

— Я прикидываюсь невидимкой.

— Плохо тебе это удастся,— чистосердечно признался Киндерман. Он протянул руку и пальцами коснулся Дайера. — Вот видишь, а это твоя рука.

— Да, лейтенант, с тобой действительно не соскучишься.

— Да ты сам смешной.

— Я не шучу.

— Этот придурок,— удрученно заметил Киндерман,— испортил все удовольствие от фильма.

— Но ты же его видел, наверное, раз десять.

— И еще столько же посмотрю. С меня не убудет.— Киндерман взял священника под руку, и они зашагали прочь.— Давай-ка лучше перекусим где-нибудь — можно заглянуть в «Могилку», или «Клайд», или «Скотт», — настаивал следовательно.— Мы бы с тобой поболтали, обсудили бы фильм, а то и покритиковали бы его.

— Это полфильма-то?

— Я прекрасно помню, что там дальше.

Дайер неожиданно остановился.

— Билл, ты плоховато выглядишь. У тебя какое-то сложное дело?

— Да так, не очень.

— Нет, ты просто подавлен,— не унимался Дайер.

— Со мной все в порядке. А как у тебя?

— И со мной все в порядке.

— Лжешь.

— Так же, как и ты,— согласился Дайер.

— Вот это верно.

Дайер озабоченно посмотрел на следователя. Его друг и в самом деле выглядел изможденно. Видимо, в городе произошло что-то из ряда вон выходящее.

— Ты очень устал,— продолжал Дайер.— Почему бы тебе не пойти сейчас домой и чуточку не вздремнуть?

«Ну вот, не хватало, чтобы не я, а он заботился бы обо мне»,— подумал Киндерман, а вслух произнес: — Нет, домой мне никак нельзя. Там карп.

— Ты, кажется, сказал «карп»?

— Именно «карп»,— подтвердил Киндерман.

— Ну да, я и говорю «карп».

Киндерман вплотную приблизился к Дайеру. Его физиономия оказалась всего в дюйме от лица священника. Киндерман уставился на Дайера и, немного помолчав, начал так:

— Понимаешь, к нам в гости приехала мать моей жены. Та самая, что считает, будто я связался с дурными людьми, и вообще я напоминаю ей Аль Капоне. Она таскает дочке подарки — что-то вроде «Кибуц номер пять» — это самые изысканные и неповторимые израильские духи. Вплоть до своего оригинального названия. Да и прочую ерунду. Зовут ее Ширли. Теперь, я думаю, ты ее легко себе представишь. Ну и чудненько. Так вот, в ближайшее время она собирается приготовить нам карпа. Это очень вкусная рыба. И я несколько не против. Но, так как считается, что эта рыбешка не вполне чистая, Ширли купила ее живой и, не долго думая, выпустила в ванну, где та отмокает вот уже третьи сутки. Мы сейчас с тобой разговариваем, а она плавает себе в моей ванне. Туда-сюда. Туда-сюда. И изгоняет из себя яды. А я ее ненавижу.

Да, вот еще что, отец Джо, вы ведь стоите вплотную ко мне, верно? И, наверное, заметили, что я несколько дней не мылся. Три дня, если быть точным. И все из-за этого карпа. Поэтому я теперь ни за что не пойду домой, пока он не заснет. Если я увижу, что он там опять плещется, я не выдержу и прикончу его.

Дайер не смог удержаться от смеха, слушая этот рассказ.

«Лучше. Уже лучше», — подумал Киндерман, а вслух произнес: — Ну, давай решай, куда мы завалимся: в «Клайд», «Скотт» или в «Могилку».

— Ну уж нет, давай лучше в ресторанчик к Билли Мартину.

— Только не надо ничего усложнять. Я уже заказал столик на двоих в «Клайде».

— Пусть будет «Клайд».

— Ты знаешь, я почему-то так и подумал, что ты выберешь именно «Клайд».

— Я и выбрал.

Они ускорили шаг, стараясь не вспоминать о той страшной ночи.

Аткинс сидел за своим столом и беспомощно хлопал ресницами. Он решил было, что не совсем понял сказанное или же сам что-то неверно сформулировал, давая задание в лабораторию. Сержант попросил еще раз повторить результаты исследований. С замирающим от волнения сердцем он вцепился в телефонную трубку. И снова услышал те же слова.

— Да, понимаю... Да, спасибо, — еле слышно пробормотал Аткинс. — Большое спасибо.

Он повесил трубку. В своем крохотном кабинетике без окон Аткинс отчетливо слышал собственное дыхание. Отодвинув настольную лампу, яркий свет которой раздражал глаза, сержант скользнул взглядом по своей руке. Ногти и кончики пальцев побелели. Аткинса охватил ужас.

— Вы не принесете мне еще немного помидоров для гамбургера? — Киндерман расчистил пространство на

столе для жареного картофеля, который им только что принесла очаровательная темноволосая официантка.

— О, благодарю вас.— Она поставила тарелку на освободившееся место как раз между Киндерманом и Дайером.— Три кусочка хватит?

— Да мне и двух вполне достаточно.

— Еще кофе?

— Нет, не надо, мисс, спасибо.— Следовательно взглянул на Дайера.— А тебе? Как насчет седьмой порции?

— Нет, спасибо,— отказался тот, опустив вилку рядом с тарелкой, на которой высился гигантский кусище омлета под кокосовым соусом. Дайер потянулся к пачке сигарет, лежащих здесь же, на бело-голубой скатерти.

— Сейчас я принесу вам помидоры,— пообещала официантка. И, улыбнувшись, направилась в кухню.

Киндерман посмотрел на тарелку Дайера.

— Ты не ешь, почему? Тебе что, плохо?

— Это блюдо слишком острое,— констатировал священник.

— Слишком острое? А мне показалось, что ты макал сладкое печенье в горчицу. Видимо, ты плохо себе представляешь, что такое на самом деле «острое и неудобоваримое блюдо».— Лейтенант отковырял своей вилкой небольшой кусочек омлета. Попробовав его, он отложил вилку.— Да, похоже, именно такое блюдо ты и заказал.

— Возвратимся к нашему фильму,— переменял тему Дайер, выпуская клубы голубоватого сигаретного дыма

— Он входит в десятку моих самых любимых фильмов,— заявил Киндерман.— А какие ваши любимые, святой отец? Может, назовешь хотя бы пяток?

— Мои уста скреплены обетом молчания.

— Однако ты позволяешь себе исключения.— Киндерман посолил жареный картофель.

Дайер скромно пожал плечами:

— Пять — это слишком много. Да и чей могучий интеллект в состоянии перечислить аж пять наименований?

— Аткинса,— не задумываясь, ответил Киндерман.— Он может назвать все подряд: фильмы, балльные танцы, да что угодно. Спроси его об еретиках, и он тут же назовет тебе десяток в том порядке, в каком они ему больше нравятся. Аткинс — человек, который прини-

мает молниеносные, может быть, даже чересчур поспешные решения. Однако это не страшно, ибо у него есть вкус, и, как правило, он не ошибается.

— Да неужели? И какие же у него любимые фильмы?

— Первые пять?

— Первые пять.

— «Касабланка».

— Ну, а остальные четыре?

— Опять же «Касабланка». Он просто с ума сходит по этой ленте.

Иезуит кивнул.

— Вот тут некоторые кивают,— угрюмо пробурчал Киндерман.— «Бог есть не что иное, как теннисный тапочек»,— заявляет еретик, а Торквемада кивает и с непроницаемой физиономией резюмирует: «Стража, отпустите его. Надо выслушать и другую сторону. Им обоим есть что сказать». В самом деле, святой отец, нельзя же так поспешно обо всем судить. А происходит это, вероятно, оттого, что в твоей голове не смолкает пение и звенят гитары.

— Так ты хочешь узнать название моего любимого фильма?

— И, пожалуйста, побыстрее, мой друг,— улыбнулся Киндерман.— А то моего звонка ждут не дождутся некоторые коронованные особы.

— Картина называется «Жизнь прекрасна»,— признался Дайер.— Ну что, теперь ты счастлив?

— О, выбор великолепный,— просиял Киндерман.

— Честно говоря, я смотрел этот фильм раз двадцать.— Улыбка озарила и веснушчатое лицо Дайера.

— Ну, с тебя не убудет.

— Мне действительно очень нравится этот фильм.

— Да-да, он чистый и добрый. Он наполняет сердце какой-то невинностью.

— Сдается мне, ты то же самое говорил и о картине «Возвращение на круги своя».

— Даже не упоминай при мне этот кошмарный фильм,— прорычал Киндерман.— Аткинс называет его «Бесконечное путешествие внутри козла».

Подошла официантка и принесла тарелочку с нарезанными помидорами.

— Ваш заказ, сэр.

— Спасибо,— поблагодарил следователь.

Девушка взглянула на нетронутый омлет, стоявший перед Дайером.

— Вам не нравится? Что-то не так?

— Нет-нет, он просто решил пока отдохнуть,— возразил Дайер.

Официантка засмеялась.

— Может, вам еще что-нибудь принести?

— Нет, спасибо. Похоже, я не очень голоден.

Девушка взглядом указала на омлет.

— Мне убрать его?

Священник кивнул, и она унесла тарелку.

— Пожуй чего-нибудь, Ганди,— предложил Киндерман и пододвинул поближе к Дайеру тарелку с жареной картошкой. Не обратив на нее внимания, священник спросил:

— А как поживает Аткинс? Я его не видел аж с Рождественской мессы.

— Чувствует себя превосходно. В июне у него свадьба.

Дайер просветлел.

— Здорово.

— Сержант женится на подружке детства. Два очаровательных существа, прогуливающих по лесам и полям.

— А где будут отмечать?

— В грузовике. Они экономят деньги на мебель. Невеста работает кассиршей в супермаркете, благослови ее, Господи. Аткинс же, как всегда, днем помогает мне, а по ночам грабит магазины «Сэвен-элевен»¹. К сожалению, государственным служащим разрешается работать по совместительству сразу в двух местах. А может быть, я слишком придираюсь к нему? Святой отец, с нетерпением жду вашего духовного совета.

— Но мне кажется, в таких лавочках не бывает много наличности.

— Да, кстати, а как твоя матушка?

Дайер потушил сигарету и, замерев, посмотрел на Киндермана странным и долгим взглядом.

— Билл, она же умерла.

¹ «Сэвен-элевен» — сеть магазинов, работающих с 7 до 23 часов.

Лейтенант ошарашенно уставился на священника.
— Она умерла вот уже полтора года назад. По-моему, я говорил тебе об этом.

Киндерман покачал головой.

— Нет, я не знал.

— Билл, я тебе говорил.

— Мне так жаль ее.

— А мне нет. Ей было девяносто три года, она постоянно страдала от боли, и смерть явилась для нее избавлением.— Из бара донеслась музыка, и Дайер взглянул в ту сторону, где стоял автоматический проигрыватель. Там за столиком сидели несколько студентов, потягивающих пиво из больших керамических кружек.— Кроме того, несколько раз срабатывала ложная тревога — раз пять или шесть,— продолжал священник, снова повернувшись к Киндерману.— Мне звонили то брат, то сестра, сообщая, что мать при смерти, и я тут же мчался к ним. Но в последний раз смерть, наконец, сжалилась над ней.

— Я тебя понимаю. Наверное, это ужасно.

— Нет. Вовсе нет, скорее даже наоборот. Когда я в тот раз добрался до них, мне сообщили, что она уже умерла. Там находились мой брат, сестра и врач. Я вошел в спальню к матери и прочитал молитву. А когда закончил, мать вдруг открыла глаза и уставилась на меня. Я чуть было не лишился дара речи. А она заговорила: «Джо, это было прекрасно, такая чудесная молитва. А теперь, сынок, налей-ка мне что-нибудь выпить». Понимаешь, Билл, я сразу же опрометью бросился вниз по лестнице на кухню, так я был поражен. Там я наполнил стакан виски, бросил в него льда, принес ей это наверх, и она залпом осушила весь бокал. Потом я взял его у нее из рук, а она, взглянув мне прямо в глаза, сказала: «Джо, сынок, по-моему, раньше я тебе этого не говорила, но ты — замечательный человек». И после этого она умерла. Но что меня действительно потрясло,— тут Дайер на мгновение замолчал, разглядев в глазах Киндермана слезы.— Слушай, если ты тут собрался порыдать, я сейчас уйду.

Киндерман смахнул слезы костяшками пальцев.

— Прости меня. Я просто подумал: какая жалость, что матери почти всегда ошибаются,— пробубнил он,— ну, продолжай.

Дайер придвинулся ближе.

— Я до сих пор не могу забыть... Больше всего меня поразило в тот день то, что... Так вот. Передо мной на смертном одре лежала девяностотрехлетняя старушка, выжившая из ума, полуслепая и почти глухая, и тело ее походило на старую, мятую тряпицу, но когда она со мной заговорила, Билл, когда заговорила... я понял, что она целиком до мозга костей, ВСЯ, словно вернулась ко мне.

Киндерман кивнул и бросил взгляд на свои руки, сложенные на столе. Мрачный и непрощенный образ Кинтри, распятого на веслах, как пуля прострелил его мозг.

Дайер накрыл своей ладонью руку лейтенанта.

— Эй, не грусти,— подбодрил он его.— Все в порядке. Сейчас ей уже хорошо.

— Мне только кажется, что мир — это какая-то жертва самоубийства,— угрюмо возразил Киндерман.— Неужели именно Бог изобрел такую страшную штуку, как смерть? Говоря попросту, это никчемная Его затея. Паршивая, святой отец. И похоже, далеко не самая лучшая Его выдумка.

— Не мели чушь. Ты бы и сам не рискнул жить вечно,— отрезал Дайер.

— Очень даже рискнул бы.

— Тебе бы надоело,— не унимался священник.

— У меня куча интересных увлечений.

Иезуит рассмеялся.

Воспрянув духом, следовательно продолжал развивать свою теорию:

— Я размышляю о проблеме зла.

— Ах, об этом...

— О, это надо запомнить. Очень ценное замечание. Вот, к примеру, в газете пишут: «Землетрясение в Индии, погибли тысячи людей». А я пробегаю глазами заголовки и невзначай бросаю: «Ах, об этом...» Святой Фрэнсис ведет беседы с птицами, а в то же время на Земле свирепствует рак, рождаются уроды, не говоря уже о бесчисленных болезнях желудка и прочих неполадках нашего организма, о которых некоторые эстеты даже и слышать не хотят. Неужели же наш добрый, полный сострадания Бог может допускать подобные беспорядки? Тот самый всемогущий Господь Бог, который

блаженно витает где-то в заоблачных высях, а в это время наши любимые умирают в мучениях. А обращается ли ваш Бог по этому вопросу к Пятой поправке?¹

— Но зачем предоставлять мафии благоприятные шансы?

— Истинная правда, святой отец. Так когда вы собираетесь начать свою проповедь? Очень хочется послушать. У тебя просто потрясающая способность проникать в самую суть.

— Билл, дело в том, что как раз в эпицентре всего этого кошмара и находится создание, называемое человеком, и оно способно ВИДЕТЬ этот кошмар. Поэтому, что значат для нас такие понятия, как «злой», «жестокый», «несправедливый»? Ты же не скажешь, будто прямая слегка изгибается, если не знаешь, что такое «прямая линия». — Киндерман попытался было перебить священника, но тот не дал ему и рта раскрыть. — Мы являемся частью этого мира. И если бы он на самом деле был таковым, мы бы все равно не смогли его оценить с помощью этих категорий. Мы бы просто думали, будто все то, что мы называем нынче «злом», есть не что иное, как естественный ход событий. Рыба ведь не может чувствовать, что вода мокрая. Рыба в ней живет, Билл. А люди — нет.

— Да, я читал об этом у Стивенсона, святой отец. И понимаю, конечно, что ваш Господь — это не то же самое, что доктор Джекил и мистер Хайд. Но ведь это только часть тайны, святой отец, грандиозного детектива, задуманного на небесах. И все — от евангелистов до Кафки — тщетно силятся разобраться в сути происходящего. Ну, ничего, ничего. За расследование взялся теперь лейтенант Киндерман. Тебе знакомы гностики?

— Я болею за другую команду.

— Да у тебя просто совести нет. Так вот, гностики считали, что мир создал, так сказать, «заместитель Бога».

— Ну, это уже переходит все границы, — взорвался Дайер.

— Да это же не я, а они так считают.

¹ Пятая поправка к Конституции США посвящена обеспечению в уголовном процессе права на защиту обвиняемого; в частности, она освобождает обвиняемого от обязанности давать показания, которые могут быть использованы против него.

— А потом ты объявишь, что святой Петр был католиком.

— Да послушай же ты. Итак, Господь Бог вызвал к себе ангела, своего «заместителя», и приказал ему: «Послушай, парень, вот тебе пара долларов — иди-ка ты и создай для меня что-нибудь стоящее, вот какая меня посетила классная идея! Это же гениально!» И ангел пошел и действительно сотворил мир, но так как сам он не являлся совершенством, то допустил некоторые промахи, о которых я тебе уже говорил сегодня.

— Это ты все сам придумал? — поинтересовался Дайер.

— Нет, но Господа Бога это не освобождает от неприятностей.

— Ну, а если шутки в сторону, твоя-то теория в чем состоит?

Киндерман хитро прищурился:

— Неважно. Это нечто совершенно новое и неожиданное. Просто грандиозное.

Подошла официантка и положила на столик счет.

— Вот и все, — протянул Дайер, разглядывая счет.

Киндерман рассеянно помешивал ложечкой остывший кофе и озирался по сторонам, словно выискивая некоего шпиона, который мог бы подслушать их разговор. Вытянув шею, лейтенант заговорщическим тоном начал:

— Мое отношение к этому миру сводится к следующему. Я рассматриваю его как гигантское место преступления. Понимаешь? И пытаюсь собрать улики. Пока что у меня на примете несколько подозрительных лиц, и на них уже готовы фотороботы. Они объявлены в розыске. Ты, кстати, не мог бы развесить их физиономии на университетской территории? Отдаю даром. Я же понимаю, что ты весьма щепетильно относишься к своему обету нищеты. И я очень тебя уважаю за это. Никакой ответственности, а заодно и зарплаты тоже.

— Так ты посвятишь меня в свою теорию?

— Я могу только намекнуть, — согласился Киндерман. — Свертывание крови.

Брови Дайера удивленно поползли вверх.

— Свертывание крови?

— Ну да, стоит человеку случайно порезаться, кровь в ранке начинает сворачиваться. А ведь в человеческом теле происходит для этого четырнадцать различных

микроскопических процессов, и все они протекают в строго определенной последовательности. Крошечные тромбоциты и всякие там умненькие молекулы с мудреными названиями приходят в движение и вступают в реакции каким-то невероятным, известным только им одним способом. А иначе человеку попросту пришел бы конец, вся кровь вытекла бы из него, и он превратился бы в грудку сушеного мяса.

— Это что, и есть намек?

— А вот еще один: автономная система. И еще: с помощью лозы можно за много миль обнаружить источник воды.

— Я совсем запутался.

— Терпение, мой друг. Ваш сигнал бедствия заперенгован, спешим на помощь.— Киндерман еще ближе придвинулся к Дайеру.— Так вот, некоторые штуковины, которые принято считать лишенными сознания, частенько ведут себя так, словно оно у них есть.

— Спасибо вам, профессор.

Киндерман неожиданно откинулся на спинку стула и нахмурился.

— А вот ты-то как раз и есть живое доказательство моей теории. Ты видел нашумевший фильм ужасов «Чужие»?

— Да.

— Это история твоей жизни. Но ты не переживай, зато я получил неплохой урок. Не рекомендуется посылать горных тибетских проводников на скальные работы. Потому что если на них обвалится утес, у проводников начнутся страшные головные боли.

— И это все, что ты хотел мне поведать о своей теории? — обиделся Дайер, поднимая чашку с кофе.

— Да, все. И это мое последнее слово.

Внезапно чашка выскользнула из пальцев священника. Перед его глазами все поплыло. Киндерман тут же подхватил чашку и, поставив ее на стол, промокнул салфеткой выплеснувшийся напиток, чтобы тот не стек Дайеру на колени.

— Отец Джо, что случилось? — встревожился Киндерман. Он хотел было подняться, но Дайер жестом остановил его. Похоже, он уже приходил в себя.

— Все в порядке, в порядке,— успокоил друга священник.

— Тебе нехорошо? Что случилось?

— Нет-нет, ничего.— Он зажег спичку, прикурил и, задув пылающий кончик, аккуратно опустил обгоревшую спичку в пепельницу.— Последнее время меня частенько одолевают приступы головокружения, но они как-то сразу проходят.

— А ты был у врача?

— Да, но он ничего не обнаружил. А ведь это может быть что угодно. Аллергия. Или вирус.— Дайер пожал плечами.— У моего брата Эдди тоже случалось подобное, и длилось это аж несколько лет. На нервной почве. Да, кстати, завтра утром мне надо сдать кое-какие анализы.

— Ты ложишься на обследование?

— В Джорджтаунскую клинику. По настоянию президента В его душу, видите ли, закралось подозрение, будто у меня сильнейшая аллергия на проверку курсовых. И теперь ему необходимо научное подтверждение этой версии.

На запястье у Киндермана запищали часы. Он отключил будильник и взглянул на циферблат.

— Полшестого,— пробормотал лейтенант и вдруг оживился. Глаза его заблестели. Он повернулся к Дайеру.— Засну-у-ул наш ка-арп,— нараспев протянул Киндерман.

Дайер прикрыл рукой рот: он не смог удержаться и прыснул в ладонь.

В этот момент раздалось жужжание. Кто-то вызывал Киндермана на связь. Лейтенант отцепил от ремня радиопередатчик и отключил зуммер.

— Прошу прощения, святой отец, я сейчас вернусь.— С трудом поднявшись и отдуваясь, он вышел из-за стола.

— Да уж, не бросай меня наедине с этим чудовищным счетом,— взмолился Дайер.

Следователь ничего не ответил. Он подошел к телефонному автомату и, набрав номер полицейского участка, соединился с Аткинсом.

— Лейтенант, есть новости. Срочные.

— В самом деле?

Аткинс доложил о полученных из лаборатории данных. Во-первых, что касалось подписчиков, которым Кинтри доставлял газеты. Никто из них не пожаловал-

ся в редакцию на то, что газету не принесли: ее получили все подписчики, даже те, к кому Кинтри должен был заехать уже после лодочной станции на Потомаке. После гибели мальчика газеты непостижимым образом были доставлены остальным адресатам.

И второе. Это уже касалось старушки. Киндерман отдал приказ самым тщательным образом исследовать ее волосы и те несколько волосиков, которые были найдены в сжатом кулаке погибшего мальчика.

Волосы оказались идентичными.

Глава третья

«Заметив его в окне, она вскрикнула и бросилась бежать. Раскрыв объятия, она рванулась к нему, ее юное личико сияло от радости. «Любовь всей моей жизни!» — восторженно воскликнула она. И через мгновение он уже обнимал само солнце».

— Доброе утро, доктор. Вам, как обычно?

Амфортас не слышал бакалейщика. Все его мысли обитали сейчас в сердце.

— Как обычно, доктор?

И тогда он вернулся к действительности. Он находился в маленькой бакалейной лавчонке неподалеку от Джорджтаунского университета. Он огляделся. Кроме него в лавке не было ни единого посетителя. Чарли Прайс, старенький бакалейщик за прилавком, озабоченно разглядывал Амфортаса.

— Да, Чарли, то же самое,— рассеянно согласился тот. Голос его прозвучал печально. Амфортас заметил Люси, дочь бакалейщика. Она примостилась на стуле у окна.

— Одну булочку для доктора,— пробормотал Прайс и нагнулся к застекленным ящикам, где были разложены свежие пончики и всякие плюшки. Он извлек глазированную булочку с начинкой из корицы, изюма и дробленого ореха. Выпрямившись, он завернул ее сначала в вощеную бумагу и затем, сунув в пакетик, положил на прилавок.— И один черный кофе,— добавил бакалейщик и направился к кофеварке, рядом с которой громоздились целые башни пластиковых стаканчиков.

«Целый день катались они на велосипедах, но вот неожиданно он вырвался вперед и скрылся за поворотом, где она не могла уже его видеть. Он резко затормозил

и, соскочив с велосипеда, быстро нарвал букет алых маков, растущих в изобилии прямо у обочины. Маки напоминали ему крошечных ангелочков, прославляющих Господа. И когда она показалась из-за поворота, он уже ждал ее. Он застыл посредине дороги и протягивал ей ослепительный букет. Она притормозила, изумленно глядя на цветы. Слезы заструились по ее щекам. «Я люблю тебя, Винсент».

— Вы опять провели всю ночь в лаборатории, доктор?

Пакет с булочкой и кофе в пластиковом стаканчике с крышечкой ждали его на прилавке. Амфортас перевел взгляд на бакалейщика.

— Нет, не всю ночь. Несколько часов.

Прайс взглянул на его изможденное лицо, на его ласковые, темно-карие, как лесная чаща, глаза. Какая-то тайна застыла в этом взгляде. Нет, не горе, нет. Что-то другое.

— Вы уж так не переутомляйтесь,— посочувствовал бакалейщик.— Вы выглядите уж больно усталым.

Амфортас кивнул. Порывшись в кармане темно-синего джемпера, надетого поверх больничного халата, он извлек оттуда доллар и протянул его бакалейщику.

— Спасибо, Чарли.

— Помните, что я вам сказал.

— Я запомню.

Амфортас прихватил пакет с булочкой, и через мгновение над входной дверью нежно звякнул колокольчик. Доктор очутился на улице. Высокий и стройный, слегка сутулившийся Амфортас постоял некоторое время на пороге, задумчиво опустив голову и прижав к груди пакет. Бакалейщик подошел к дочери, и они принялись вдвоем разглядывать доктора.

— За все эти годы я ни разу не видела, чтобы он улыбался,— еле слышно заметила Люси.

Бакалейщик протянул к полкам руку:

— А с чего он должен улыбаться?

«Улыбаясь, он произнес: «Энн, я не могу на тебе жениться».

«Почему? Разве ты не любишь меня?»

«Но ведь тебе всего двадцать два».

«А разве это плохо?»

«Я в два раза старше тебя,— возразил он.— Не за

горами то время, когда тебе придется возить меня в инвалидной коляске».

Она вспорхнула со стула, весело рассмеялась и, усевшись ему на колени, нежно обняла его обеими руками: «О Винсент, я не дам тебе состариться».

Амфортас услышал крики и топот. Он взглянул в сторону Проспект-стрит и увидел справа лестницу — бесконечный ряд каменных ступеней, ведущих далеко вниз на М-стрит, а оттуда — к реке и лодочной станции. Много лет назад эту лестницу окрестили «Ступенями Хичкока». Снизу вверх по ней бежали сейчас спортсмены университетской команды по гребле. Эта пробежка входила в обязательную утреннюю разминку. Амфортас наблюдал, как гребцы один за другим появились на верхней лестничной площадке, а потом дружно трусцой побежали к университету. Вскоре спортсмены скрылись из виду. Доктор стоял не шевелясь, пока не смолкли последние выкрики. В полном одиночестве застыл он в этом гулком, опустевшем коридоре, где, казалось, размывались границы любого человеческого поступка, а смысл жизни сводился лишь к ожиданию.

Сквозь бумажный пакет он почувствовал тепло, исходившее от горячего кофе. Амфортас отвернулся и медленно побрел вдоль 36-й улицы, пока не добрался до своего маленького двухэтажного деревянного домика. Тот располагался неподалеку от бакалейной лавки и отличался от прочих строений скромностью. Напротив через дорогу находилось женское общежитие и дипломатическая школа, а чуть дальше, налево, — церковь Святой Троицы. Амфортас присел на белоснежное, ослепительно чистое крыльцо и, раскрыв пакет, вынул булочку. По воскресеньям она обычно приносила ему именно такие.

«После смерти мы все возвращаемся к Богу, — объяснил он ей тогда. Она вспомнила отца, которого потеряла всего год назад, и он стремился утешить ее. — И тогда мы становимся частью Его самого».

«Такие, как мы есть?»

«Возможно, что и не такие. Может быть, мы при этом и утрачиваем свою индивидуальность».

Он увидел, как ее глаза наполняются слезами, она закусил губку, чтобы не расплакаться.

«Что с тобой?» — спросил он.

«Я не хочу терять тебя навсегда».

До этого момента он никогда не боялся смерти.

Зазвонили колокола в церкви, и небольшая стайка скворцов вспорхнула с крыши. Птицы развернулись в небе, словно исполняя какой-то замысловатый и неведомый танец. Из церкви начали выходить прихожане. Амфортас взглянул на часы. Семь пятнадцать. Как это он пропустил шестичасовую мессу? За последние три года такое случалось с ним впервые. Как же так? Амфортас рассеянно посмотрел на булочку и медленно опустил ее в бумажный пакет. Приподняв руки, он положил большой палец левой кисти на запястье правой, а еще два пальца на правую ладонь. Потом, надавив на правую всеми тремя пальцами, начал двумя водить по ладони. Затем повторил то же самое другой рукой.

Закончив эти манипуляции, Амфортас принялся рассматривать свои руки. Вновь вернувшись к действительности, он опять взглянул на часы. Семь двадцать пять. Амфортас поднял с крыльца пакет и очередной номер «Вашингтон пост», лежащий прямо у двери и пахнущий свежей типографской краской. Он зашел в пустой и осиротевший дом, положил пакет и газету на журнальный столик и, вновь очутившись на крыльце, запер входную дверь. Амфортас повернулся и, еще раз взглянув в сторону каменной лестницы, поднял глаза к небу. Над рекой ползли черные тучи, порывы ветра усилились и трепали кусты бузины, посаженные вдоль улицы. В это время года на них еще не было листвы. Не спеша застегнул Амфортас свой джемпер на все пуговицы и, затаив в душе одиночество и боль, зашагал в сторону горизонта. Сейчас он находился на расстоянии девяноста трех миллионов миль от солнца.

Джорджтаунская больница была построена сравнительно недавно и имела внушительный вид. Выполненные в современном стиле корпуса простирались между О-стрит и Резервуар-роуд. Главное же здание выходило фасадом на западную сторону 37-й улицы. Амфортас мог добраться туда от своего дома всего за несколько минут, так что в неврологическом отделении он оказался ровно в половине восьмого. У дежурного столика его уже поджидал молодой врач, и вдвоем они начали утрен-

ний обход. Они переходили из палаты в палату, молодой врач представлял вновь поступивших, а Амфортас задавал им вопросы. В коридоре у дверей очередной палаты они обсуждали диагнозы.

Палата 402. Здесь лежал тридцатилетний продавец с ярко выраженным поражением мозга, у него был так называемый синдром «односторонней небрежности». Этот больной тщательнейшим образом заботился об одной половине своего тела, совершенно не обращая внимания на другую. Когда он брился, то выбривал лишь одну щеку.

Палата 407. Экономист, пятьдесят четыре года. Полгода назад ему сделали операцию на мозг по поводу эпилепсии. С этого-то времени и начались жалобы. У хирурга не было выбора, и пациенту пришлось удалить часть височной доли.

За месяц до госпитализации больной присутствовал на собрании в сенате. Оно длилось девять изнурительных часов. А после, утром, сенат дал этому экономисту задание разработать новую налоговую систему, и тот сразу же ринулся в бой. Он грудился не покладая рук. Его рассудительность, равно как и абсолютная осведомленность и профессионализм вызывали восхищение. Ему потребовалось еще часов шесть, чтобы детально разработать свою программу и изложить ее на бумаге. Затем он подвел итоги и в течение получаса докладывал о результатах, даже не прибегая к помощи своих записей. После этого он прошел в свой рабочий кабинет и занялся корреспонденцией. Он ответил на три письма и, повернувшись к своей секретарше, вдруг обронил: «Вы знаете, у меня такое впечатление, что сегодня мне надо было бы присутствовать в сенате». Больше он уже ничего не мог припомнить из того, что происходило с ним в течение дня.

Палата 411. Девушка двадцати лет, подозрение на инфекционный менингит. Амфортас вздрогнул, услышав этот предварительный диагноз. Однако молодой доктор, пока еще плохо знавший своего шефа, не заметил этого.

Палата 420. Плотник, пятьдесят один год. Жалобы на «призрачную конечность». Он потерял руку год назад, а теперь страдал от мучительной боли в кисти, которая была ампутирована.

Расстройство нервной системы началось, как обычно в этих случаях. Сначала плотник ощущал «покалывание» в отсутствующей руке, ему казалось, что он чувствует каждый сантиметр потерянной кисти. Как будто он может делать ею любые движения, словно другой рукой. Забываясь, он мысленно протягивал несуществующую руку, пытаясь дотронуться ею до какого-либо предмета. А потом начались боли — его одолевало ощущение, что рука сжалась в кулак, и он не может ее расслабить.

Ему сделали операцию, удалили невромы и узелки регенерирующей нервной ткани. Поначалу это принесло ему облегчение. Ощущение призрачной кисти осталось, но плотник теперь мог мысленно сгибать и ее, и пальцы.

Однако очень скоро боль вернулась. Плотнику казалось теперь, что большой палец прилип к ладони, а все остальные сжимают его в кулаке, при этом кисть так выгибается в запястье, что терпеть это нет никакой мочи. И любое усилие воли не могло изменить это положение невидимой руки. Временами боль слегка отступала, однако частенько она походила на режущий скальпель, подолгу терзающий его плоть. Он жаловался и на непонятные, болезненные ощущения в указательном пальце. Они начинались с кончика, постепенно поднимаясь вдоль всей руки до плеча, и тогда культи начинала дергаться, словно во всей отсутствующей руке свирепствовали клонические судороги.

Плотник говорил, что во время таких приступов его мучила сильная тошнота. Когда судороги проходили, боль вновь концентрировалась в несуществующей кисти, и, хотя плотнику становилось легче, он утверждал, что все равно не может изменить положение пальцев.

Амфортас подошел к плотнику и заговорил:

— Суть вашего беспокойства заключается в том, что вы постоянно ощущаете напряжение в кисти. Но почему же все-таки это вас настолько тревожит?

Вместо ответа плотник попросил его сжать кулак, сначала плашмя расположив на ладони большой палец, затем вывернуть кисть и поднять кулак словно для удара. И вот в таком положении немного подержать руку. Невропатолог повиновался. Но буквально через несколько минут боль стала нестерпимой, и Амфортас решил прекратить этот эксперимент.

Грустно кивнув, плотник произнес:

— Вот видите. Разница только в том, что вы можете расслабить руку, а я нет.

Врачи молча покинули палату.

Шагая по коридору, молодой доктор пожал плечами.

— Ума не приложу, чем мы ему можем помочь?

Амфортас предложил сделать новокаиновую блокаду верхних симпатических нервных узлов.

— На какое-то время это облегчит его страдания,— решил он.— Правда, только на несколько месяцев.

Но не дольше. Амфортас прекрасно отдавал себе отчет в том, что вылечить от «призрачной конечности» невозможно.

Так же, как и исцелить разбитое сердце.

П а л а т а 424. Домохозяйка. С шестнадцати лет постоянно жаловалась на боли в животе. В течение последующих лет ей были сделаны четырнадцать операций на брюшной полости. После этого она перенесла незначительную черепную травму и стала жаловаться на сильные головные боли. Пришлось операционным путем понижать ей внутричерепное давление. Теперь же пациентка утверждала, что ее мучают боли в спине и конечностях. Сначала она ничего не хотела рассказывать о себе и постоянно лежала на правом боку. Когда же молодой врач хотел было повернуть ее на спину, она закричала от боли. Подойдя к женщине вплотную, Амфортас легонько прикоснулся к ее крестцу. Пациентка взвизгнула и затряслась.

Выйдя из палаты, врачи пришли к выводу, что больную необходимо показать психиатру, ибо здесь, возможно, появилось так называемое «пристрастие к хирургии».

И к боли.

П а л а т а 425. Еще одна домохозяйка, тридцать лет. Жалобы на постоянные, изнуряющие головные боли, отсутствие аппетита и рвоту. Самое страшное при таких симптомах — поражение мозга, но боль ощущается только с одной стороны головы. Иногда появляется временная слепота, или мерцательная скотома — когда в поле зрения попадают светящиеся пятна. Световая зона ограничивается зигзагообразными линиями. Обычно такие явления предвещают приступ мигрени. Кроме того, пациентка воспитывалась в весьма необычной семье, где человеческие достоинства пестовались с такой рьяностью, что любое проявление агрессии наказывалось

самым суровым образом. Как правило, именно в подобных семьях все ее члены бывают подвержены мигрени. Подавленная враждебность постепенно перерастала в подсознательную ярость, и это сказывалось рано или поздно на больном — у него начинались расстройства.

Эту женщину тоже следовало показать психиатру. И последняя палата 427. Мужчина, тридцати восьми лет с возможным поражением височной доли. Он работал дворником при больнице, и только за день до обхода его обнаружили в подвале, где он вывинтил около десятка электрических лампочек и, засунув их в ведро с водой, пытался утопить. Впоследствии он не мог вспомнить происходящего. Все это смахивало на автоматизм, на так называемое «автоматическое действие», характерное при психомоторных приступах. Такие припадки серьезно разрушают человеческий организм и зависят от подсознательных эмоций, хотя в большинстве своем совершенно безобидны с виду и просто доставляют некоторое неудобство окружающим. Необычные в таких случаях действия, как правило, скоротечны. Хотя истории известны и более длительные случаи. Непонятные действия происходили часами и не поддавались никаким объяснениям. Например, один мужчина совершил перелет на легком самолете из Виргинии в Чикаго, хотя доподлинно известно, что никто его этому не обучал. После приземления он не мог ничего вспомнить об этом полете. Случается, что подобные больные бывают опасны для окружающих. Так, один пациент со шрамом на височной доле мозга во время эпилептического припадка убил собственную жену.

Случай с дворником был почти тривиальным. Приступы, правда, одолевали его, как выяснилось, и раньше. В частности, он жаловался на то, что временами чувствовал неприятные запахи или противный привкус во рту. Менялись и вкусовые качества продуктов: плитка шоколада отдавала металлом, а иногда ни с того ни с сего ему внезапно чудился «запах тухлой рыбы». Сплошь и рядом возникало ощущение, будто что-то, происходящее с ним, случалось и ранее, или же, наоборот, в знакомом месте он вдруг вел себя, словно слепой котенок. Перед приступами он начинал, как уже заметили врачи, характерно причмокивать губами. Частое употребление алкоголя провоцировало припадки.

У дворника наблюдались и зрительные галлюцинации, в частности, микропсия, при которой больной видит предметы меньшими, чем они есть на самом деле; и левитация — ощущение полета. Случался с ним и не совсем обычный приступ, известный под названием «двойник». Дворник видел себя в трехмерной проекции со стороны, причем фигура повторяла все его слова и действия.

ЭЭГ выявила самую неблагоприятную картину. В подобных случаях, если в мозгу развивалась опухоль, то происходило это довольно медленно — болезнь подкрадывалась незаметно, но в конце концов, словно готовясь к последнему прыжку, она буквально в течение нескольких недель сжимала и разрушала мозг.

И тогда исход только один — смерть.

— Уилли, дайте мне руку,— осторожно попросил Амфортас.

— Которую? — спросил дворник.

— Любую. Дайте левую.

Дворник повиновался.

Молодой врач с обидой поглядел на Амфортаса.

— Я это уже делал,— слегка раздраженно сообщил он.

— Я просто хочу еще разок повторить,— успокоил его Амфортас.

Он положил указательный и средний палец левой руки на ладонь дворника, а большой палец правой руки — на его запястье, потом надавил ими на руку больного и начал описывать на его ладони круги. Кисть дворника подхватила эти движения и послушно повторяла их.

Амфортас прекратил колдовать над рукой пациента и отпустил ее.

— Спасибо, Уилли.

— Не за что, сэр.

— Вы только не волнуйтесь.

— Хорошо, сэр.

В половине десятого Амфортас и его молодой коллега уже стояли около кофейного автомата у входа в психиатрическое отделение. Они обсуждали диагнозы, уточняли детали некоторых заболеваний и не забывали о вновь поступивших пациентах. Когда очередь дошла до дворника, врачи пришли к единодушному заключению.

— Я уже заказал компьютерную томографию,— сообщил молодой коллега.

Амфортас согласно кивнул. Только с помощью томографии можно было с уверенностью констатировать, что имеется поражение мозга, и оно переходит в свою заключительную стадию.

— Надо бы на всякий случай забронировать операционную,— предложил Амфортас. Даже на этом этапе хирургическое вмешательство еще могло спасти Уилли жизнь.

Когда молодой врач начал рассказывать о девушке, у которой он подозревал менингит, Амфортас внезапно напрягся, черты его лица словно заострились и огрубели. Помощник заметил эту резкую перемену, но не придал ей особого значения, ибо знал, что невропатологи вообще отличаются интравертностью и весьма необщительны. Короче, люди со странностями. Поэтому молодой доктор тут же отнес такое поведение своего шефа именно на сей счет. При этом он подумал, что Амфортас, вероятно, расстроен. Ведь девушка еще слишком молода, и досадно, что ее ожидает либо полная инвалидность, либо мучительная смерть.

— А как продвигаются ваши исследования, Винсент?

Молодой врач уже допил свой кофе и, смяв пластиковый стаканчик, швырнул его в урну. Выходя за пределы отделения, где пациенты уже не могли их слышать, врачи, как правило, отбрасывали все формальности.

Амфортас пожал плечами. Мимо прошла медсестра. Она катила перед собой тележку с лекарствами. Амфортас некоторое время наблюдал за ней. Его безразличие начинало раздражать помощника.

— Сколько вы уже этим занимаетесь? — не унимался тот, пытаясь преодолеть возвышающийся между ними барьер отчуждения.

— Три года,— ответил Амфортас.

— И есть какие-нибудь результаты?

— Никаких.

Амфортас попросил своего помощника внести последние замечания в некоторые истории болезней, и тот оставил, наконец, очередную попытку сблизиться с шефом.

В десять часов Амфортас вместе с другими врачами совершил основной обход, а конференцию для медперсонала решили перенести на двенадцать.

Заведующий отделением невропатологии читал лекцию о рассеянном склерозе. Молодые врачи и студенты медицинского колледжа столпились у дверей лекционного зала и почти ничего не слышали. Так же, как и Амфортас, сидевший прямо перед носом лектора. Он просто не слушал его.

После лекции состоялась дискуссия, переросшая вскоре в жаркие дебаты. Темой, однако, как ни странно, стали внутренние конфликты между различными отделениями больницы. И когда Амфортас произнес: «Извините, мне надо на минутку выйти», и вышел, никто не заметил, что он так и не вернулся назад. Дискуссия закончилась, когда заведующий отделением вдруг разъяренно крикнул:

— И, черт возьми, мне уже опостытели здесь в больнице ваши пьяные физиономии. Или срочно приходите в себя, или на пушечный выстрел не приближайтесь к палатам, дьявол вас побери!

Последнее замечание слышали уже все, включая стажеров и студентов.

Амфортас вернулся в палату 411. Девушка, больная менингитом, сидела на кровати и не сводила глаз с голубого экрана телевизора, вмонтированного в противоположную стену. Она то и дело щелкала пультом, переключая программу за программой. Когда вошел Амфортас, она скосила глаза в его сторону. Голову она уже не поворачивала. Болезнь стремительно прогрессировала, и любое, даже незначительное движение причиняло девушке нестерпимую боль.

— Здравствуйте, доктор.

Она нажала очередную кнопку на пульте, и экран, вспыхнув, погас.

— Нет-нет, не выключай,— быстро сказал Амфортас.

Теперь она уставилась на пустой экран.

— Все равно сейчас нет ничего интересного

Он стоял возле кровати и рассматривал ее. Личико девушки покрывали веснушки, а на голове торчал смешной хвостик.

— Тебе хорошо здесь? — спросил Амфортас.

Она пожала плечами.

— Что-нибудь не так? — поинтересовался он.

— Надоело.— Девушка снова скосила глаза в его

сторону. И улыбнулась. Врач тут же заметил темные мешки у нее под глазами.—Днем по телевизору никогда не бывает интересных передач.

— Ты хорошо спишь?

— Нет.

Амфортас взял личную карту и, заглянув в нее, увидел, что снотворное уже назначено.

— Мне дают какие-то таблетки, но они совсем не действуют,— пожаловалась девушка.

Амфортас положил карту на место. Когда он снова взглянул на пациентку, та неестественно изогнулась, едва сдерживая крик.

— Можно, я буду смотреть телевизор ночью? Я выключаю звук.

— Я принесу тебе наушники,— пообещал Амфортас.— И никто, кроме тебя, ничего не услышит.

— Программы идут только до двух ночи,— с тоской в голос поведала она.

Амфортас начал расспрашивать девушку, чем она раньше занималась.

— Я играла в теннис.

— Профессионалка?

— Да.

— А уроки давала?

Нет, уроков она не давала, а выступала на международных соревнованиях и колесила по всей стране.

— А место какое-нибудь занимаешь?

— Да, ракетка номер Девять.

— В стране?

— В мире.

— Прости за мое невежество,— извинился он. И вдруг почувствовал озноб. Он ничего не мог пообещать ей.

А она все так же неподвижно сидела на кровати.

— Да, теперь это останется только в моей памяти,— тихо произнесла девушка.

Амфортас почувствовал комок в горле. Ей все известно. Он пододвинул стул поближе к кровати и принялся расспрашивать девушку о теннисе. Казалось, что она немного приободрилась. Тогда врач присел на стул.

— Ну, в основном мне запомнились поездки во Францию и в Италию. Правда, во Франции и соперниц-то подходящих не было. Там я победила всех.

— А в Италии? — заинтересовался доктор. — С кем ты встречалась в финале?

Еще добрых полчаса болтали они о теннисе и о соревнованиях.

Взглянув на часы, Амфортас понял, что ему пора уходить. Девушка сразу же словно втянула голову в плечи и безразличным взглядом уставилась в окно.

— Да-да, конечно, идите, — пробормотала она. И снова ушла в свою скорлупу.

— У тебя есть здесь родственники? — осведомился врач.

— Нет.

— А где же они?

Она с трудом перевела взгляд с окна на экран телевизора.

— Они все умерли, — бросила она, словно невзначай. На экране бегали какие-то спортсмены, и эти чудовищные слова потонули в яростных криках болельщиков. Когда Амфортас выходил из палаты, девушка внимательно следила за происходящим на экране.

Очутившись в коридоре, Амфортас услышал, что она плачет.

Амфортас решил сегодня не обедать, а вместо этого поработать в своем кабинете. Надо закончить описание нескольких историй болезни. Два случая эпилепсии, где приступы провоцировались весьма необычно. В первом — женщина не выносила звуков музыки. Как только она их слышала, у нее тут же начинался припадок. Во втором — девочка одиннадцати лет также подвергалась припадку, стоило ей только взглянуть на собственную руку.

И еще несколько случаев афазии¹.

Одна пациентка повторяла буквально все, что ей говорили.

Пациент, который писал, а потом не мог прочесть то, что написал.

Еще один пациент не мог узнать человека по лицу. Для того, чтобы больной признал этого человека, ему

¹ А ф а з и я — расстройство речи, вызванное поражением коры головного мозга.

были необходимы дополнительные данные, например, голос или иная особая примета вроде родинки и необычного цвета волос.

Все формы афазии были связаны с поражением мозга.

Отхлебывая кофе, Амфортас пытался сосредоточиться. Но это ему никак не удавалось. Отложив ручку, он внимательно посмотрел на фотографию в рамке, стоящую на столе. Золотоволосая юная девушка.

В этот момент дверь распахнулась, и в кабинет буквально впрыгнул Фриман Темпл, заведующий отделением психиатрии. Элегантной пританцовывающей походкой он сразу же направился к столу Амфортаса. При этом он слегка изгибался, так что складывалось впечатление, будто он ходит на цыпочках. Подойдя к свободному стулу, Темпл тут же плюхнулся на него и с ходу понес:

— Слушай, я тебе тут такую кралю присмотрел! — Он поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее. Вытянул ноги, затем, скрестив их, достал короткую тонкую сигару и прикурил от спички, а саму спичку швырнул на пол, помахав ею в воздухе, чтобы загасить пламя. — Клянусь Богом, тебе она придется по вкусу. Ноги у нее растут прямо от груди. А грудь какая! Господи, одна сиська как арбуз, а другая еще больше! И кроме того, она просто сохнет по Моцарту. Винс, ты обязан ее куда-нибудь затащить!

Амфортас равнодушно внимал этой тираде. Темплу было уже за пятьдесят, но этот коротышка сумел сохранить мальчишеский задор, и глаза его всегда светились бесельем. Однако, присмотревшись к нему повнимательней, можно было заметить, что веселость эта весьма обманчива. И глаза его напоминали скорей волнующееся пшеничное поле. Иногда они внезапно останавливались, впившись в собеседника, оценивали и изучали его. Амфортас не любил Темпла и не доверял ему. Темпл постоянно надоедал Амфортасу рассказами о своих бесчисленных любовных похождениях. Или начинал плести какие-то пространные байки, будто, учась в колледже, слыл бесподобным боксером. При этом он заставлял всех называть его «Герцогом».

— Именно так все меня называли в Стенфорде, — хвастался он. — Все обращались ко мне не иначе, как «Герцог».

Каждой миловидной медсестре Темпл считал своим долгом сообщить, будто избегает боев, ибо «законом установлено, что мои руки считаются смертельным оружием»,— говаривал он. Когда Темпл напивался, то становился просто невыносимым. Мальчишеское очарование сменялось неприкрытой агрессивностью и злобой. Сейчас он тоже был навеселе. Видимо, после изрядной порции алкоголя или амфетамина, а может быть, как подозревал Амфортас, того и другого одновременно.

— Я сам встречаюсь с ее подружкой,— продолжал свои откровения Темпл.— Правда, она замужем, ну и что? К черту мужа. Мне-то какая разница? Но та, которую я тебе наметил, конечно, свободна. Дать тебе ее телефончик?

Амфортас взял ручку и начал просматривать бумаги, делая на полях кое-какие заметки.

— Нет, спасибо. Я уже много лет не назначаю никому свиданий,— спокойно отказался он.

Внезапно психиатр словно протрезвел и, прищурившись, холодным взглядом окинул Амфортаса.

— Я это знаю,— ледяным тоном заметил он.

Амфортас продолжал работать.

— Что у тебя за проблемы? Ты что, импотент? — не унимался Темпл.— Хотя, конечно, в твоём положении такое вполне возможно, но я могу вылечить тебя гипнозом. Это у меня здорово получается. Я самый лучший гипнотизер.

Амфортас игнорировал болтовню Темпла, делая заметки и что-то записывая для себя на отдельном листочке, словно психиатра и вовсе не было в его кабинете.

— Ну хорошо, тогда объясни мне, что это такое?

Амфортас оторвал взгляд от бумажки и наблюдал, как Темпл роется в карманах. Затем психиатр вытащил оттуда смятый листок и швырнул его Амфортасу на стол. Тот не спеша взял его и развернул. Потом прочел надпись, сделанную очень похожим на его — Амфортаса — почерком. Он ничего не понимал. Надпись гласила: «Жизнь в меньшей степени способна».

— Это еще что за чертовщина? — переспросил Темпл. Теперь он уже не скрывал своей злости.

— Не знаю,— просто ответил Амфортас.

— Ах, ты не знаешь!

— Я этого не писал.

Темпл взвился со стула и рванулся к столу:

— Боже мой, ты ведь собственноручно всучил мне вчера эту писанину у дежурного столика. Мне тогда было некогда, и я сунул листок в карман. Что это значит?

Амфортас отложил записку в сторону и снова принялся за работу.

— Я этого не писал,— повторил он.

— Ты что, окончательно спятил? — Темпл сгреб записку и сунул ее прямо в лицо Амфортасу.— Это же твой почерк! Вот тут видишь свои знаменитые закорючки? Они, между прочим, говорят о том, что с твоими мозгами не все в порядке.

Амфортас зачеркнул в бумагах какое-то слово и вместе него вписал другое.

Лицо психиатра побагровело, и это особенно бросалось в глаза на фоне его белоснежных волос.

— Тебе следует прийти ко мне на прием,— взревел он.— У тебя повышенная агрессивность и враждебность. Ты полоумней, чем самый безнадежный псих у меня в палатах.

Пулей выскочив из кабинета, Темпл громко хлопнул дверью.

Какое-то время Амфортас безучастно разглядывал мятый листок. А потом вновь с головой погрузился в работу. Надо было заканчивать все свои дела.

Днем Амфортас читал лекцию на медицинском факультете Джорджтаунского университета. Он поведал одну любопытную историю болезни. Пациентка с рождения не чувствовала боли. Еще в детстве она случайно откусила себе кончик языка, разжевывая пищу. Через некоторое время она очень сильно обожглась. Залюбовавшись закатом, она в течение нескольких минут стояла голыми коленями на раскаленной батарее. Женщину отправили на психиатрическое исследование. Врачам она объясняла, что не чувствует боли даже при электрошоке, не различала она также горячую или ледяную воду. Самым поразительным было то, что при этом у нее не повышалось кровяное давление, не изменялась частота сердцебиения и не нарушалось дыхание. Она никогда не чихала и не кашляла, рвотный рефлекс удавалось вызвать с большим трудом, да и то при помощи

специальных инструментов. Напрочь отсутствовал и роговичный рефлекс, защищающий глаза.

Разнообразные опыты, которые при иных обстоятельствах смахивали бы скорее на садистские пытки — протыкание сухожилий, инъекции гистамина или введение палочек глубоко в ноздри, — не доставляли ей ровным счетом никаких неудобств, не вызывая болезненных ощущений.

Со временем женщина стала чувствовать себя плохо, появились различные отклонения: патологические изменения коленных чашечек, тазобедренных суставов и позвоночника. Хирург предположил, что подобная патология происходит оттого, что у больной ослаблена защита суставов, которая обычно ориентирована на болевые ощущения. В конце концов, женщина потеряла способность двигаться, менять позы и переворачиваться во время сна, что ускорило воспалительные процессы в суставах.

Она умерла в возрасте двадцати девяти лет от обширной инфекции, не поддающейся лечению.

Вопросов после лекции не последовало.

В половине четвертого Амфортас вернулся в свой рабочий кабинет. Он запер дверь и, сев за стол, расслабился. Он отдавал себе отчет в том, что совершенно не в состоянии сейчас работать. Надо было чуточку отдохнуть.

Время от времени раздавался стук в дверь. Амфортас не отвечал, и шаги в коридоре постепенно стихали. Один раз в дверь стали колотить, потом бить ногами, и Амфортас догадался, что это явился Темпл. Сквозь массивную дверь до Амфортаса донеслось его яростное рычание:

— Ты, псих ненормальный, я знаю, что ты там. Пусти меня, я знаю, как тебе помочь.

Амфортас даже не пошевелился, и некоторое время снаружи было тихо, затем он услышал негромкий голос Темпла: «Какие сиськи!» — и снова молчание. Ему показалось, что Темпл прижал ухо к двери и прислушивался.

Наконец раздалась шаги — психиатр уходил, осторожно ступая по коридору своими легкими ботинками на двойной подошве. Амфортас продолжал ждать.

Без двадцати пять он позвонил своему приятелю, тоже невропатологу, работающему в городской больнице. Когда тот снял трубку, Амфортас с ходу заговорил о делах.

— Эдди, это Винсент. Результаты моего томографирования готовы?

— Да. Я как раз собирался позвонить тебе.

Наступила пауза.

— Положительный? — спросил, наконец, Амфортас. И снова молчание.

— Да.— Голос невропатолога был едва слышен

— Ладно, я сам обо всем позабочусь. До свидания, Эд.

— Винс...

Но Амфортас уже опустил трубку.

Он достал из ящика письменного стола фирменный больничный бланк и, тщательно обдумывая каждое слово, написал письмо заведующему невропатологическим отделением.

«Дорогой Джим!

Как ни трудно писать об этом, но я вынужден просить тебя освободить меня от занимаемой должности с вечера 15 марта. Мне необходимо целиком, без остатка посвятить себя научным исследованиям. Том Соамс вполне опытный врач, и все мои пациенты окажутся в надежных руках до тех пор, пока ты не найдешь мне замену. Ко вторнику я закончу полный отчет о каждом пациенте, а диагнозы вновь поступивших больных мы с Томом сегодня обсудили. После вторника я постараюсь выбрать еще разок для консультации, но на сто процентов не могу этого обещать. В любом случае, найти меня всегда можно или в лаборатории, или дома

Я понимаю, что для тебя все это — полнейшая неожиданность. И что тебе придется нелегко. Еще раз прости. Я знаю, что ты не потребуешь от меня никаких дальнейших объяснений. К концу недели я уберу все свои вещи из кабинета. Хочу также заверить тебя, что все в отделении было прекрасно, и работа мне всегда нравилась. А уж ты-то, конечно, вообще был на высоте. Спасибо за все.

С сожалением,
Винсент Амфортас».

Амфортас вышел из кабинета и, опустив письмо в персональный ящик заведующего отделением, покинул больницу. Было уже почти полшестого, и он ускорил шаг, направляясь в церковь Святой Троицы. Он еще успевал на вечернюю мессу.

В церкви была уйма народу. Он стоял у самого выхода и слушал мессу с замирающим сердцем, полным надежды и веры. Измученные тела пациентов, с которыми ему приходилось встречаться на протяжении многих лет, укрепили в его сознании мысль о том, что человек — это весьма хрупкое и одинокое создание. Люди напоминали ему крошечные язычки пламени на свечах, трепещущие во мраке вечной и кошмарной бездны. И подобное восприятие человека заставляло Амфортаса бережно относиться к людскому племени. Он воспринимал себе подобных как существ беспомощных и легко ранимых, таких, которых необходимо постоянно и неустанно защищать. А вот Господь почему-то не шел к нему на помощь. Он знал о существовании Бога, но Бог только манил его к себе, а когда он к Нему приближался, Бог отступал. Он хотел обнять Господа, слившись с Ним, но в итоге в объятиях оказывалась лишь его же собственная вера. Однако именно она объединяла все эти крошечные язычки пламени в единое целое; это целое было разлито в воздухе, оно возносилось ввысь и освещало ночь.

«О, Господи, я любил и воспевал красоту дома Твоего...»

Может быть, только здесь и прятался смысл, ибо нигде больше его просто не существовало.

Амфортас взглянул на длинную очередь, выстроившуюся перед исповедальней. Слишком много людей. Он решил прийти сюда завтра. Вот это будет исповедь. Он сознается во всех своих смертных грехах! Можно будет исповедаться и на утренней мессе,— подумал Амфортас. С утра здесь никогда не бываетлюдно.

«И да станет это для нас вечным исцелением...»

— Аминь,— твердо подхватил Амфортас.

Он уже все решил для себя.

Отперев парадную дверь, он вошел в дом. В прихожей прихватил со столика газету с пакетом и, пройдя в гостиную, зажег свет.

Амфортас снимал этот небольшой мебелированный особнячок, который являл собой дешевую и неудачную пародию на колониальный стиль. Гостиная переходила в кухню и кончалась небольшим закутком, который вполне годился под столовую. Наверху располагались спальня и кабинет. Однако большего Амфортасу и не было нужно.

Он устало опустился на стул и огляделся. Как всегда, в комнате царил беспорядок. Никогда прежде это его не беспокоило. Но теперь внутри нарастало какое-то непривычное ощущение: оно властно требовало разложить по местам все вещи, вымести мусор и до блеска протереть мебель и окна. В общем, произвести в доме генеральную уборку. Словно Амфортасу предстояло неведомое и длительное путешествие.

И тем не менее он отложил уборку на завтра. Сегодня он слишком устал.

Амфортас взглянул на магнитофон, стоящий на полке, неподалеку от стула. Магнитофон соединялся с усилителем, рядом лежали наушники. Но сил Амфортасу не хватало даже на то, чтобы послушать любимую музыку. Он бросил взгляд на газету «Вашингтон пост», лежавшую на коленях, и внезапно ощутил страшный приступ головной боли. С силой втянув воздух, он прижал к вискам ладони, затем встал, и газета соскользнула на пол.

Пошатываясь, он добрал до спальни, нащупал выключатель, и комната озарилась приглушенным светом. Возле кровати неизменно стоял саквояжик с лекарствами. Амфортас раскрыл его, достал ватный тампон, одноразовый шприц и маленький пузырек с янтарно-желтой жидкостью. Присел на кровать, расстегнул ремень и, спустив до колен брюки, обнажил бедра. Затем сделал себе инъекцию гормона, успев подумать, что теперь ему требуется уже приличная доза.

Амфортас лег на кровать и стал ждать, когда лекарство подействует. В кулаке он все еще сжимал пузырек с гормоном. Сердце бешено колотилось, в висках стучало, но ритмы эти не совпадали. Однако через пару минут они, наконец, слились, и Амфортас потерял чувство времени.

Он очнулся и, сев на кровати, обнаружил, что брюки его все еще спущены. Он натянул их и застегнул ре-

мень. В этот момент взгляд его упал на маленькую керамическую уточку, стоявшую на тумбочке возле кровати. Бело-зеленая пухлая уточка была облачена в девичье платишко. На нем было написано: «Если ты от меня без ума, только крикни». Амфортас грустно разглядывал фигурку, а затем, печально вздохнув, спустился вниз на кухню.

Пересекая гостиную, он подобрал с пола воскресную газету, которую решил просмотреть, пока в духовке разогревается обед. И вдруг застыл на месте. В закутке, который служил ему столовой, валялись остатки завтрака. Тут же были разбросаны газетные листы все того же, воскресного выпуска «Вашингтон пост».

Кто-то читал газету в его доме.

Глава четвертая

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Заключение экспертизы от 13 марта 1983 г.

Алану Стедману, доктору медицины
копия: доктору Фрэнсису Капонерго
запрос № 50

Эксперт: магистр Самюэль Хиршберг

Лаборатория: Бетесда

Получено: 13 марта 1983 г.

Жертва: Кинтри, Томас Джошуа

Возраст: 12 лет

Цвет кожи: негр

Пол: мужской

Подозреваемые: отсутствуют

Материал предоставлен доктором Аланом Стедманом.

Задача экспертизы: исследование крови и мочи на содержание алкоголя и наркотиков.

Результаты исследования:

Кровь: концентрация этанола — 0,06 %.

Моча: концентрация этанола — 0,08 %.

Результаты качественных исследований химического состава крови и мочи:

Не обнаружено:

— цианидов и фтористых соединений;

- барбитуратов, карбаматов, бензодиазепинов и прочих седативных и снотворных лекарств;
- амфетаминов, антигистаминов;
- естественных и синтетических наркотиков и болеутоляющих средств;
- трициклических антидепрессантов и угарного газа;
- радионуклеидов.

Обнаружено:

- сукцинилхолинхлорид — 18 миллиграммов.

Токсиколог: Самюэль Хиршберг, магистр.

Глава пятая

«Существует некое предположение, будто человек является пленником, не имеющим права открыть дверь и уйти; это та самая тайна, которую я не в состоянии постичь. И все же я считаю, что боги — наши тюремщики, а мы, люди, — их собственность».

Киндерман раздумывал над отрывком из Платона. Эти строки то и дело всплывали в памяти следователя.

— Как это понимать? — недоумевал Киндерман. — Как же это может быть?

Они сидели за столом в полицейском участке: Киндерман, Аткинс и Райан. Киндерману позарез требовались сейчас все эти люди, он должен был ощущать вокруг себя деловую суматоху, чувствовать, что мир реален и пол под его ногами с минуты на минуту не провалится. И еще ему был необходим яркий свет.

— Ну, конечно, на все сто процентов я в этом не уверен, — начал Райан и в задумчивости почесал плечо. Так же, как Аткинс и Седман, он привык работать без пиджака: в комнате на полную мощность были включены обогреватели. Райан пожал плечами и продолжал: — По волосам этого нельзя сказать наверняка, и все же мы вполне можем допустить. И все же...

— И все же, — эхом отозвался Киндерман. — Все же...

Рыхлый слой волос был идентичен по толщине, кроме того, размер и количество волос на единицу площади, кутикулы — все это совпадало в обоих образцах. Волоски, извлеченные из кулака Кинтри, оказались свежесорванными, с округленными краями. Это свидетель-

ствовало о том, что мальчик сопротивлялся. Киндерман покачал головой.

— Невозможно,— заявил он.— Это просто невозможно.

Следователь посмотрел на женскую фотографию, которую только что положили перед ним на стол, затем перевел взгляд на стаканчик чая, сунул в него палец и, гоня туда-сюда лимонную дольку, принялся размешивать теплую жидкость. Киндерман сидел в пальто.

— Отчего он умер? — спросил, наконец, лейтенант.

— От шока,— ответил Стедман.— И постепенного удушья.— Все уставились на него.— Ему вкололи сукцинилхолин. Десять миллиграммов на каждые пятьдесят фунтов вызывают немедленный паралич,— пояснил он.— В тело Кинтри ввели почти двадцать миллиграммов. После этого он не мог ни пошевелиться, ни крикнуть, а через минут десять не мог и дышать. Эта штука парализует и дыхательную систему.

Наступила тишина, она словно внезапно упала на них и отрезала от всего остального мира: от погруженных в свои дела, галдящих за соседними столиками людей, от треска, стука и писка многочисленных включенных аппаратов. Киндерман слышал, что происходит вокруг, но звуки теперь казались ему какими-то стертymi и размытыми. Они доносились словно издалека и походили на давно забытые молитвы.

— И для чего он применяется? — прервал молчание следователь.— Этот... как вы его там называете?

— Сукцинилхолин.

— Да, Стедман, это словечко наверняка пришлось тебе по вкусу.

— В основном он применяется, как мышечный релаксант,— разъяснил Стедман.— Его используют для анестезии. Например, при лечении электрошоком.

Киндерман кивнул.

— Да, и еще кое-что,— спохватился Стедман.— Это лекарство действует только в определенных дозах. Так что для достижения желаемого эффекта необходимо знать точную дозировку.

— Итак, это может быть врач,— вслух размышлял Киндерман.— Возможно, и анестезиолог! Пока этого никто не знает. Во всяком случае, человек, весьма близкий к медицинским кругам, так? И у него есть доступ к

лекарствам, в частности к этому. Кстати, а шприца на месте преступления не нашли? Или там обнаружили лишь ценнейшие улики, вроде фантиков или пустых сигаретных пачек?

— Нет, шприца там не было,— вставил Райан.

— Ну да, разумеется,— вздохнул Киндерман.

Тщательное обследование места происшествия мало что дало. Правда, на деревянном молотке обнаружили дырки от гвоздей, но зато отпечатки пальцев оказались смазанными, а исследование окурков выявило лишь то, что куривший человек имел группу крови О—самую распространенную из всех групп. Киндерман заметил, что Стедман взглянул на часы.

— Стедман, иди домой,— приказал он.— И ты, Райан, тоже. Уходите. Валите отсюда. Разбредайтесь по своим домам и там обсуждайте евреев сколько душе заблагорассудится.

После короткого прощания Райан и Стедман покинули участок, и уже через пару минут мысли их вертелись только вокруг вкусного обеда и горячего кофе.

Замерев у окна, Киндерман следил за тем, как они попытаются перейти забитую автомобилями улицу. Мыслями следователь вновь вернулся в суматоху полицейского участка. Он тут же услышал телефонные звонки, нетерпеливые выкрики своих коллег, но вдруг звуки опять будто по команде куда-то исчезли, словно растворились, и он остался с глазу на глаз с Аткинсом.

Сержант молча наблюдал, как Киндерман в задумчивости не спеша потягивает чай, затем пальцами достает ломтик лимона и, аккуратно выжимая его, снова бросает в стаканчик.

— И эти газеты, Аткинс,— прервал молчание Киндерман и нахмурился. Не мигая, сержант уставился на своего шефа.

— Лейтенант, тут скорее всего недоразумение. Я в этом почти уверен. Должно же быть какое-нибудь объяснение. Я завтра еще раз позвоню в отдел доставки и разужнаю.

Киндерман покачал головой и заглянул в стаканчик, с которым до сих пор никак не мог расстаться.

— Бесполезно. Ты ровным счетом ничего не узнаешь. И от этого мне становится как-то не по себе. Словно над нами кто-то жуткий и беспощадный решил позаба-

виться. Ты ничего не узнаешь, Аткинс.— Он отхлебнул еще один глоток, а потом пребормотал:

— Сулцинилхолинхлорид. Одного этого уже достаточно.

— А что делать с той старушкой, лейтенант? — вспомнил Аткинс.— Никто не пытается разыскивать ее. На ее одежде не обнаружили пятен крови.

Киндерман посмотрел на Аткинса отсутствующим взглядом, затем, внезапно оживившись, заговорил:

— Ты что-нибудь слышал об охотящейся осе, Аткинс? Сразу вижу, ничего тебе не известно об этом. Да и вообще, мало кто об этом что-нибудь знает. Но оса проделывает невероятные вещи. Для начала обмолвлюсь, что продолжительность ее жизни всего два месяца. Немного. Но оса этого вполне хватает, если она, конечно, здорова. Ну, хорошо. Вот вылупляется она из яйца. Махонькая такая, но уже шибко умная. Через месяц она вырастает и может откладывать собственные яйца. Но тут выясняется, что потомство надо еще и кормить, а едят они только живых насекомых. Так вот, Аткинс, возьмем, к примеру, цикаду, да, пусть это будет цикада. И оса это прекрасно понимает. А откуда ей известно про цикад? Так вот это тоже тайна, но сейчас она к делу не относится. Важно лишь то, что еда должна быть живой: любое разложение может оказаться смертельным для личинок. С другой стороны, живая цикада сама может раздавить яйцо или, чего доброго, съест его. А ведь оса не может накинуть сеть на стайку цикад и приволочь их в свое гнездо, сказав при этом своим деткам: «Вот, прошу вас, откушайте. Это вам на обед». Ты думаешь, Аткинс, охотящейся осе так все и плывет в ручки? А сама она целый день напролет весело и беспечно летает, жалея кого попало? Нет, все гораздо сложнее. У ос своих проблем выше крыши. Но если оса сумеет п а р а л и з о в а т ь цикаду, то проблема, считай, решена, и обед, можно сказать, готов. Но ведь надо знать, куда ужалить цикаду, Аткинс. А для этого требуется изучить цикаду, тебе же известно, что она, как броней, покрыта хитиновыми пластинками. И кроме того, Аткинс, надо точно рассчитать, сколько яду можно ввести в цикаду. Иначе наша прелестница либо околеет, либо просто улетит. Для подобной скрупулезности требуются глубочайшие медико-хирургические знания. Ну,

Аткинс, не вешай нос! Все прекрасно. Осы везде охотятся удачно! Пока мы с тобой сидим тут и занимаемся болтовней, они летают себе преспокойненько по всей стране и, напевая восхитительные песенки, парализуют одно насекомое за другим. Разве это не удивительно? Как же все это происходит?

— Ну, это инстинкт,—объявил Аткинс, заранее зная, что же хочет от него услышать Киндерман.

Тот просветлел:

— Аткинс, не произноси при мне слово «инстинкт», а я со своей стороны клянусь, что никогда не упомяну про «параметры». Ну что, по рукам?

— Ладно, а можно говорить «инстинктивно»?

— Нет, это тоже запрещается. Инстинкт. А что такое инстинкт? Разве слово само по себе что-то значит? Вот тебе кто-нибудь скажет, что сегодня над Кубой не взойдет солнце, а ты ответишь на это: «Подумаешь, значит, сегодня — День-Невсхождения-над-Кубой-Солнца». Так? Ну и что? Разве этим ты что-нибудь объяснишь? Навешивая на какое-то явление ярлык, ты только скрываешь его тайную суть. Вот на меня, например, никакого впечатления не производят слова «сила притяжения». Ну ладно, об этом особый разговор. А пока что вновь возвратимся к охотящейся осе, Аткинс. Это удивительно. И это является частью моей теории.

— Вашей теории касательно нашего дела? — ожил Аткинс.

— Не знаю. Вполне возможно. А может, и нет. Я просто рассуждаю. Нет, скорее всего, это другое дело, Аткинс. Нечто гораздо большее.— Он неопределенно махнул рукой.— Все ведь на этом свете взаимосвязано. А что касается той старушки, ты пока что...

Киндерман внезапно замолчал, а откуда-то издалека донеслись раскаты грома. Следовательно уставился на окно. Первые капли дождя робко скользнули по стеклу. Аткинс заерзал на стуле.

— Так вот, эта старушка,— еле слышно продолжал Киндерман, и глаза его мечтательно закатились.— Она приведет нас к самому сердцу тайны, Аткинс. Лично мне страшновато покуда следовать за ней. Честно, Аткинс.

Следовательно замолчал, размышляя о чем-то про себя. Потом, внезапно смяв пустой стаканчик, швырнул его в

корзину для бумаг, стоявшую рядом со столом. Стаканчик упал в нее с глухим стуком. Киндерман поднялся.

— Ну, а теперь поспеши к своей возлюбленной, Аткинс. Жуйте жвачку, пейте лимонад и уплетайте ириски. Что же до меня, то я уйду. Адью.— Следовательно продолжал стоять на месте, озираясь по сторонам.

— Лейтенант, она на вас,— подсказал Аткинс.

Лейтенант дотронулся до полей шляпы.

— Да, действительно. Надо же, заметил.

Киндерман все еще медлил, стоя возле стола.

— Никогда слепо не доверяй фактам,— буркнул он и засопел.— Факты нас ненавидят. И от них несет чутьенюко чем-то гнусным. Они к тому же ненавидят не только людей, но и временами — саму истину.— Киндерман, резко повернувшись, ковыляющей походкой зашагал к выходу.

Однако, не дойдя до двери, он вновь вернулся к столу, обшаривая на ходу свои карманы.

— И еще вот это,— обратился он к Аткинсу.— Сейчас, минуточку.— Киндерман извлек из кармана книгу, взглянул на название и, наспех пролистав ее, вынул оттуда пакетик из-под закусок местного бара. На пакетике было что-то написано. Следовательно прижал его к груди, велел Аткинсу не подглядывать.

— Я и не собирался,— обиделся тот.

— Вот и хорошо.— Киндерман расправил листок и начал читать вслух: «Еще одно убедительное доказательство существования Бога связано с разумом, а не с чувствами, и заключается в том, что весьма трудно, даже невозможно представить себе, будто вся бесконечная Вселенная является результатом чистой случайности или же объективной необходимости».— Киндерман прижал листок к груди и взглянул на своего помощника.— Кто это написал, Аткинс?

— Вы.

— Да, похоже, до лейтенанта тебе еще далеко. Попробуй отгадать еще разок.

— Не знаю.

— Чарльз Дарвин,— сообщил Киндерман.— «Происхождение видов».— С этими словами он записнул листок в карман пальто и покинул кабинет.

И тут же снова вернулся.

— И еще кое-что,— спохватился он, подходя вплот-

ную к Аткинсу Между ними оставалось не больше дюйма. Лейтенант держал руки в карманах.

— Что означает слово «Люцифер»?

— Несущий свет.

— А что составляет основу Вселенной?

— Энергия.

— А какая самая распространенная ее форма?

— Свет.

— Сам знаю.— Поникнув головой, детектив медленно вышел из кабинета. До сержанта донеслись тяжелые шаги Киндермана, спускающегося по лестнице.

Больше он не возвращался.

Сотрудница полиции Джоурдан примостилась в темном углу одной из палат. Старушка лежала на кровати, освещенная тусклым светом ночника. Она не шевелилась и не издавала ни звука. Руки ее были вытянуты вдоль тела, а глаза широко раскрыты. Она ничего не замечала вокруг, словно погруженная в свои неведомые грезы. Джоурдан прислушивалась к ровному дыханию старушки и к барабанной дроби дождевых капель, бивших в окно. Время от времени она начинала ерзать на стуле, устраиваясь поудобней. Ее уже клонило ко сну. Внезапно женщина встрепенулась и широко открыла глаза. Ей послышался странный звук. То ли потрескивание, то ли хруст. Совсем рядом со старушкой. Звук был еле слышен. Почувствовав себя неудобно, Джоурдан огляделась по сторонам. Она даже не поняла, испугал ли ее этот звук или же просто встревожил. И тут она облегченно вздохнула: вероятно, это всего-навсего кубики льда в стакане около постели старушки.

В этот момент дверь распахнулась, и на пороге возник Киндерман. Он тихо вошел в палату.

— Вы можете отдохнуть,— предложил лейтенант.

Джоурдан, благодарно улыбнувшись, покинула палату.

Киндерман некоторое время внимательно изучал старую женщину, а затем, сняв шляпу, заговорил:

— Как вы себя чувствуете, дорогая?

Старушка молчала. И вдруг, вскинув руки, начала судорожно повторять все те же странные движения, которые лейтенант уже наблюдал сегодня на лодочной станции. Киндерман осторожно приподнял стул и по-

ставил его рядом с кроватью. В палате невыносимо пахло какими-то дезинфицирующими средствами. Лейтенант сел и начал наблюдать за старушкой. Движения ее рук носили явно не случайный характер. Но что они могли означать? Мрачные тени от рук плясали на стене, напоминая силуэты каких-то жутких пауков, движущихся в таинственном, закодированном танце. Киндерман снова заглянул в лицо старушке. Оно словно излучало непонятную святость, а в глазах застыла безысходная тоска, как будто старушка жаждала и никак не могла открыть свою тайну.

Битый час просидел Киндерман в полумраке наедине со своими невеселыми мыслями, и единственными звуками в палате был стук дождя и его — Киндермана — собственное дыхание. Он рассуждал про себя о кварках и странных, неясных намеках физики, будто бы материя — это не вещество, а некие процессы, происходящие в мире. Они просто меняют расположение теней. Нейтрино в этом мире — призраки, а электроны вообще способны путешествовать во времени. «Посмотрите прямо на неяркую звезду — она сразу же исчезнет, — думал лейтенант, — потому что свет ее попадает на колбочки вашей сетчатки, и теперь взгляните чуть в сторону от этой звезды — и вы ее увидите, ибо теперь свет воспринимается палочками сетчатки вашего глаза». Киндерман понимал, что и ему теперь придется смотреть не прямо, а чуточку в сторону. Ибо иначе найти ответы на огромное количество вопросов, видимо, просто невозможно. Нет, он не верил в то, что старушка замешана в убийстве, и все же каким-то шестым чувством ощущал тут связь. Видимо, срабатывал инстинкт. И чем меньше доверял Киндерман фактам, тем сильнее крепла его уверенность в том, что старушка связана с происшедшей трагедией.

Когда несчастная прекратила, наконец, свои странные пассы руками, детектив поднялся и в который раз взглянул на кровать. Шляпу свою он держал обеими руками за поля.

— Спокойной ночи, мисс. Извините, что я вас тревожил, — и вышел из палаты.

Джоурдан курила в холле. Лейтенант подошел к женщине и, окинув ее внимательным взглядом, понял, что она изрядно вымоталась.

— Старушка что-нибудь говорила? — спросил он.

Джоурдан выпустила струйку дыма и отрицательно покачала головой.

— Нет, ни слова.

— Ее кормили?

— Да, она поела немного каши и горячего супа.— Джоурдан нервно постучала указательным пальцем по кончику сигареты, пытаясь стряхнуть пепел.

— По-моему, вы чем-то обеспокоены,— встревожился Киндерман.

— Не знаю. Здесь жутковато. И я не могу понять, отчего.— Она пожала плечами и повторила: — Не знаю.

— Вы очень устали. Идите-ка лучше домой. Здесь есть и медсестры, и сиделки...

— Нет-нет. Мне не хочется уходить. Она такая жалкая и несчастная.— Джоурдан снова попыталась стряхнуть несуществующий пепел, и тут в ее глазах вспыхнула надежда.— Впрочем, я и в самом деле как-то разбитая. Вы думаете, мне можно уйти?

— Вы прекрасно поработали. А теперь бегите домой.

Джоурдан взглянула на него с облегчением:

— Спасибо, лейтенант. Спокойной ночи.— И, повернувшись, она поспешила к выходу. Киндерман не спускал с нее глаз.

«Вот и она почувствовала это,— размышлял он.— То же, что и я. Но что именно? В чем же загвоздка? Старушка ведь этого не делала».

В холле появилась уборщица и принялась надраивать пол. Ее волосы покрывала красная, выдавшая виды косынка.

«А вот уборщица моет пол,— думал Киндерман.— И больше ничего не происходит».

Вернувшись к действительности, следовательно отправился домой. Ему вдруг нестерпимо захотелось в теплую мягкую постель.

Мэри уже поджидала его на кухне. Она восседала за столом из кленового дерева в голубом шерстяном халате. У нее было круглое, добродушное лицо и озорные глаза.

— Ну, наконец-то. Привет, Билл. Ты какой-то усталый,— заметила она.

— Я превращаюсь в одно гигантское веко, и оно чудовищно хочет спать.

Киндерман чмокнул жену в лоб и опустился на стул.

— Есть хочешь? — спросила Мэри.

— Не очень.

— Я пожарила грудинку.

— А почему не карпа?

Она рассмеялась.

— Как у тебя дела?

— Прекрасно. Как обычно, резались в картишки.

Мэри прекрасно знала об убийстве Кинтри. Она слышала об этой трагедии по радио. Но еще много-много лет назад они договорились, что служебные дела не будут тревожить их семейный покой. По крайней мере, обсуждать их дома запрещалось. Что же касалось поздних телефонных звонков, то они, конечно же, были неизбежны.

— Ну, а у тебя что новенького? Как тебе Ричмонд?

Она скорчила недовольную гримасу.

— Представляешь, решили мы там позавтракать, заказали яичницу с беконом, а нам ее принесли с овсянкой. Так мама не выдержала и как выпалит у самой кассы: «Здесь все евреи какие-то чокнутые».

— А где же она сама, наша несравненная и почтенная богиня яиц и бекона?

— Спит.

— Слава Богу.

— Билл, потише. Она может услышать.

— Сквозь сон? Ну, конечно, любовь моя, а я и забыл. Повелительница Ванны дремлет чутко. Ибо прекрасно знает, что я могу совершить нечто чудовищное с этой проклятушкой рыбиной. Мэри, ну когда же, наконец, мы съедим этого карпа? Кроме шуток.

— Завтра.

— Значит, сегодня я опять не смогу принять ванну?

— Сходи в душ.

— Но я хочу в ванну, и чтобы в ней было много-много пены. Слушай, а, может, карп не будет возражать против пены? Я согласен вступить с ним в переговоры. Кстати, а где Джулия?

— На занятиях по танцам.

- Разве по ночам пляшут?
- Билл, но сейчас только восемь часов.
- Пусть лучше пляшет днем.
- Почему?

— Днем светло. Поэтому и лучше. Она будет видеть собственные туфли. Евреи не умеют плясать в темноте. Они все время спотыкаются. А это здорово раздражает.

— Билл, я хочу тебе кое-что сообщить. Только ты не психуй.

— Ясно, к нам спешат еще пять карпов.

— Что-то вроде этого. Джулия собирается поменять фамилию на «Фебрэ».

Лейтенант тупо уставился на жену.

— Ты издеваешься?

— Нисколько.

— Значит, у тебя такие шуточки?

— Она утверждает, что танцовщице эта фамилия подходит гораздо лучше.

— Джулия Фебрэ,— мрачно произнес Киндерман.

— А почему бы и нет?

— Среди евреев нет фамилии «Фебрэ». Что-то в этом роде происходит нынче и со всей нашей культурой. А потом явится доктор Берни Фейнерман и выпрямит ей нос, чтобы он соответствовал ее фамилии. Следом за этим в Библии появится новая книга Фебрэ, да и в ковчег уже не пустят никого, кто смахивает на антилопу-гну. Там соберутся только аккуратенькие и чистенькие зверьки с благозвучными именами. И при этом все они будут непременно стопроцентными янки из Дубьюка. Мы должны благодарить Бога за то, что рядом с нами нет фараона, ох и посмеялся бы он нам прямо в лицо!

— Могло быть и хуже,— возразила Мэри.

— Могло бы.

— А интересно, ковчег причаливал в Ричмонде?

Но Киндерман уже не слушал.

— По-моему, я уже погружаюсь,— пробормотал он и уронил голову на грудь.

— Дорогой, иди скорей спать,— засуетилась Мэри.— Ты сам себя изводишь.

Киндерман послушно кивнул.

— Да, я действительно здорово устал.— Он поднялся со стула и поцеловал жену в щеку.— Спокойной ночи, пончик.

— Спокойной ночи, Билл. Я тебя очень люблю.

— Я тоже.

Киндерман добрал до спальни и через несколько минут уже мирно посапывал.

И приснился ему странный сон. Сначала он будто бы летал над лесами и лугами, все казалось ярким, красочным и настоящим. Потом Киндерман разглядел сверху деревеньки и города. Они тоже казались вроде бы настоящими, да и выглядели как обычно, но он-то знал: на этот раз в них кроется что-то совершенно непонятное, и Киндерман никогда не смог бы описать их. Как бывает обычно в таких снах, он не ощущал собственного тела и в то же время чувствовал невероятную силу. Отчетливо распознавая вокруг себя и предметы, и лица, Киндерман тем не менее прекрасно понимал, что все это ему только снится, на самом деле он лежит сейчас в постели и досконально помнит все события минувшего дня.

Неожиданно Киндерман очутился внутри огромного каменного строения. Гладкие нежно-розовые стены сходились на невероятной высоте, образуя гигантский купол. Киндерман догадался, что находится внутри исплинского собора. Всюду стояли койки, такие же, как в больницах — белые и узкие, а рядом сновали незнакомые люди, и каждый был чем-то занят. При этом вокруг стояла тишина. Одни лежали или сидели на койках, другие бродили между ними в пижамах и халатах. В основном люди читали или беззвучно беседовали друг с другом. Совсем рядом Киндерман заметил горсточку людей, состоящую из пяти человек. Они собрались за столом, на котором возвышался аппарат, напоминающий радиопередатчик. Лица у собравшихся застыли в напряжении. Наконец, Киндерман услышал, как один из них произнес: «Вы меня слышите?» Странные крылатые существа — мужчины и женщины в белых больничных халатах — шествовали в разных направлениях и раздавали лекарства. Они тоже спокойно переговаривались между собой. Сквозь округлые витражные окна пробивались яркие солнечные лучи. В соборе царили мир и согласие.

Киндерман двинулся вдоль бесконечного ряда коек. Похоже, его здесь никто не замечал, кроме разве что одного крылатого ангела, который на мгновение обер-

нулся к Киндерману, когда тот проходил мимо. Ангел приветливо улыбнулся и тут же снова вернулся к своей работе.

И вдруг Киндерман увидел своего брата Макса. Тот ходил в учениках у раввина вплоть до своей смерти в 1950 году. Не спеша подошел Киндерман к Максy и присел на краешек его кровати.

— Рад тебя видеть, Макс,— начал он, а затем добавил: — Ну вот, теперь мы ОБА спим и видим этот сон.

Но брат, печально покачав головой, возразил:

— Нет, Билл, Я-ТО как раз и не сплю.

И тут Киндерман вспомнил, что Макс давно умер. Но одновременно с этим к нему явилась и мысль, что Макс — не иллюзия, не плод воображения. Киндерман вдруг осознал, что видит брата на самом деле.

— Эти люди уже умерли? — спросил лейтенант.

Макс кивнул.

— Это часть таинства,— объяснил он.

— А где мы находимся? — полюбопытствовал Киндерман.

Макс лишь пожал плечами.

— Не знаю. Мы точно не уверены. Но сначала мы все попадаем сюда.

— Смахивает на больницу,— заметил Киндерман.

— Да, нас всех здесь лечат,— подтвердил Макс.

— А ты знаешь, куда вы отправитесь потом?

— Нет,— ответил Макс.

Они продолжали беседовать, и Киндерман наконец решился задать свой самый важный вопрос.

— А Бог действительно существует, Макс?

— Только не в мире снов, Билл.

— А что такое мир снов, Макс? Мы сейчас в нем?

— Это тот мир, где мы занимаемся самосозерцанием.

Киндерман принялся настаивать, чтобы Макс объяснил ему это, но ответы брата становились все более непонятными. Макс вдруг заявил: «У нас две души», а потом снова бессвязно залепетал. Сон начал постепенно растворяться, и вскоре Макс растаял, превратившись в призрак, продолжавший нести полную околесицу.

Проснувшись, Киндерман приподнял голову. Сквозь щелочку в занавесках пробивался сумеречный свет —

близился восход солнца. Лейтенант опустил голову на подушку и принялся размышлять о своем странном сне — что же он мог означать?

— Ангелы-врачи,— вслух пробормотал Киндерман.

Мэри заворочалась во сне. Киндерман осторожно выскользнул из-под одеяла и направился в ванную. Нащупав выключатель и прикрыв за собой дверь, он зажег свет и справил нужду, недовольно косясь в сторону ванны. Там, лениво шевеля плавниками, все еще ожидал своей участи несчастный карп, и лейтенант отвернулся, чтобы не видеть его. Киндерман умылся, побрился и снял халат, висевший тут же на маленьком дверном крючке. Выключив свет, он спустился по лестнице, вскипятил чайник, уселся за стол и задумался. А вдруг этот сон имеет непосредственное отношение к будущему? Может быть, он является предчувствием смерти? Киндерман покачал головой. Нет, сны о будущем никогда не были у него такими красочными и отчетливыми. А этот сон вообще ни на что не походил. И произвел на лейтенанта очень сильное впечатление.

— Только не в мире снов,— пробормотал Киндерман.— Две души. Это тот мир, где мы занимаемся самосозерцанием.

А вдруг, пока он спал, само подсознание протягивало ему ключ к решению задачи, над которой он постоянно бился? Вечная проблема боли... Киндерман вспомнил очерк Юнга «Видения», где рассказывается о том, как психиатр столкнулся со смертью. Его доставили в больницу в состоянии комы. Он чувствовал, как покидает собственное тело и словно плывет по воздуху куда-то ввысь, а потом витает над планетой. Психиатр уже собрался было посетить некий храм, паривший тут же неподалеку, но вдруг к нему приблизился доктор, причем, судя по одежде, это был врачеватель из Древней Греции. Он принялся уговаривать психиатра вернуться в собственное тело и укорял его за то, что тот еще не закончил свои земные дела. И через мгновение Юнг очнулся на больничной койке. Он тут же узнал врача, хотя в грезах тот явился ему в странном одеянии. Юнг забеспокоился. И действительно, доктор этот через пару недель серьезно заболел и вскоре умер. Однако более всего поразила Юнга (и не покидала еще по крайней мере месяцев шесть) — глубочайшая депрессия и созна-

ние того, что ему пришлось вернуться в собственное тело и в этот мир, который он отныне называл не иначе, как «ящик».

«Может быть, здесь и кроется ответ? — про себя рассуждал Киндерман. — Может быть, вся наша трехмерная Вселенная является всего-навсего искусственно созданной конструкцией и служит лишь для того, чтобы в определенный промежуток времени мы решали те задачи, которые нельзя решить в других мирах? Возможно, и проблема зла придумана для того, чтобы мы разобрались в ней самостоятельно? И, может быть, наши души являются в этот чуждый им мир облаченными в тела, словно подводники, наплавившие на себя водолазные скафандры и устремившиеся на океанское дно? И не сознательно ли мы выбираем боль, чтобы потом страдать?»

Киндерман размышлял, способен ли человек существовать без боли, по крайней мере без необходимости ее ощущать. И сохраняются ли тогда понятия чести, храбрости и доброты? Если Бог хороший и добрый, Он не должен пройти мимо страдающего и плачущего ребенка. А Он проходит. Он просто наблюдает. А не человек ли попросил Его именно наблюдать? Ибо именно человек и взвалил на свою душу все самые суровые испытания, дабы сделаться настоящим человеком, и случилось это в незапамятные времена, до того как была создана твердь небесная.

Больница. Ангелы-врачи. «Да, нас всех здесь лечат». Ну, разумеется, — решил Киндерман. — Все сходится. После смерти необходимо отдохнуть недельку-другую. Это что-то вроде курорта во Флориде. Хуже, во всяком случае, от этого не будет.

Киндерман еще немного порассуждал на эту тему, и она показалась ему забавной. Но как только лейтенант подумал о страданиях высших животных, он тут же зашел в тупик. Звери-то уж наверняка не могли выбрать для себя боль, а ведь даже самая расчудесная и преданная собака не имела бессмертной души. «И все же в этом что-то есть, — сам себе возразил Киндерман. — Это уже ближе к истине». Оставалось лишь логически обосновать данную теорию. Чтобы она, имея смысл,ставляла Бога в самом выгодном свете. Киндерману казалось, что сейчас он на верном пути.

На лестнице слышались шаркающие и торопливые шаги. Киндерман обернулся и скорчил недовольную гримасу. Шаги приближались. Лейтенант поднял глаза и увидел тещу. Ей уже стукнуло восемьдесят, и Киндерман в который раз принялся разглядывать старушку. Седые волосы аккуратно уложены в пучок, черный халат.

— Я и не знала, что ты уже встал, — удивилась она. Все лицо ее избороздили морщины.

— А я вот встал, — отозвался Киндерман. — И это факт.

Казалось, она задумалась над его словами. Потоптавшись на месте, старушка поспешила к плите.

— Сейчас я поставлю чайник.

— Я уже пил чай.

— Выпей еще.

Она подошла к столу и, дотронувшись до чашки зятя, бросила на него такой взгляд, какой, наверное, был у Господа Бога, когда Ему сообщили о Каине.

— Он же остыл, — ледяным тоном констатировала теща. — Я приготовлю новый.

Киндерман взглянул на часы. Почти семь. «Что происходит со временем?» — удивился он, а вслух спросил:

— Ну как Ричмонд?

— Там сплошь и рядом негры. Больше вы меня туда ни за какие коврижки не затащите.

Теща плюхнула чайник на плиту и пробурчала что-то на идиш. Зазвонил телефон.

— Ничего, я возьму, — спохватилась она и сняла трубку: — Да?

Киндерман наблюдал, как старушка с недовольной гримасой выслушивает чьи-то слова, а затем хмурится.

— Это тебя. Один из твоих дружков-гангстеров.

Киндерман вздохнул и, поднявшись, взял трубку.

— Киндерман слушает, — устало произнес он.

И застыл как вкопанный. Лицо его окаменело.

— Сейчас буду, — только и сказал он и бросил трубку.

Утром в шесть тридцать был убит священник. Его обезглавили прямо в исповедальне, в то время, как он выслушивал одного из прихожан.

Убийцы на месте преступления не оказалось.

Понедельник, 14 марта

Глава шестая

Существование жизни на земле связано с атмосферным давлением. Это давление, в свою очередь, определяется постоянным действием некоторых физических сил, зависящих от расположения планеты в космическом пространстве. А на него — на космическое пространство — влияет Вселенная в целом. Но что же здесь первично? — раздумывал Киндерман.

— Лейтенант?

— Я весь во внимании, Горацио Хвастунишка. И каковы наши достижения на сегодняшний день?

— Никто не заметил ничего особенного, — сообщил Аткинс. — Можно отпустить прихожан?

Киндерман сидел на скамье возле исповедальни, где обычно выстаивалась очередь прихожан. Дверь в исповедальню была прикрыта, но кровь уже успела просочиться под нее. Алый поток разделился надвое, и судебные эксперты с опаской переступали через эти страшные ручейки. Вход в церковь охранялся полицейскими. Пастор внимательно слушал Стедмана. Они стояли слева от алтаря перед статуей Девы Марии. Старый священник время от времени кивал, покусывая нижнюю губу.

— Да, конечно, отпустите их, — обратился лейтенант к Аткинсу. — Оставьте только тех, четырех свидетелей. А мне еще надо кое-что обдумать.

Аткинс кивнул и обвел взглядом церковь в поисках возвышения, откуда он смог бы объявить прихожанам, что они свободны. Тут он заметил хоры и направился к ним.

Киндерман вновь погрузился в свои размышления. Вечна ли Вселенная? Возможно. Этого никто не знает. Если бы, к примеру, зубной врач обладал бессмертием, он бы вечно пломбировал зубы! А Вселенная? Что ее-то поддерживает? Изменится ли что-нибудь, если начать растягивать звенья причинно-следственной цепи? Нет, так я ни к чему не приду, — решил Киндерман. Он представил себе товарный состав, перевозящий на фирму «Авраам и Страусс» одежду с маленьких военных заво-

диков близ Кливленда, где, как ему казалось, производят именно одежду. Впереди каждого вагона находится точно такой же, и поэтому он движется. Ни один вагон сам по себе не поедет. И как бы ни увеличивать число вагонов, в движение они от этого не придут. Сколько ни умножай ноль, все равно ноль и получится. Да и электровоз не тронется с места, если на нем не поставить двигатель. А это уже совсем другое, нежели вагоны.

Первичный двигатель сам по себе недвижим. Первоначальная причина не из чего не вытекает. Что это — противоречие? — думал Киндерман. — И если все должно иметь свою причину, то, может быть, она и есть Бог? Тут Киндерман приступил к интеллектуальной разминке и сразу же ответил сам себе: принцип причинно-следственных связей вывели на основании наблюдений за материальной Вселенной, а она лишь часть общей Вселенной. И существует ли другой мир, не связанный со временем, с пространством и материей? А что думает по этому поводу, например, чайник?

Киндерман повернулся к Райану:

— Как ты считаешь, стоит ли оповещать прессу или оставим это пока в пределах церкви?

— Надо снять отпечатки пальцев с ширмы в исповедальне.

— А для чего мы, интересно, съехались сюда? Ищите отпечатки. И не только снаружи, но и изнутри, особенно на металлических ручках.

— Но внутри могут быть отпечатки пальцев только самого священника, — удивленно возразил Райан. — Что они могут дать?

— Я иду по следу. Работу мне оплачивают по часам. А тебе полагается присматривать за своим помощником вместо того, чтобы задавать мне дурацкие вопросы.

Но Райан стоял на своем:

— Я не понимаю, какое отношение к преступлению могут иметь отпечатки пальцев убитого священника.

— Придется тебе поверить мне на слово.

— Хорошо, — сдался, наконец, Райан.

Он ушел, а вместе с ним исчезло и ощущение покоя — крошечный островок в потоке отчаяния и тоски. Киндермана вновь одолели сомнения. Да, все произошло именно здесь. И в определенное время. Он услышал

шаркающие шаги прихожан. Люди выходили из церкви на освещенную улицу.

Допустим,— продолжал свои рассуждения Киндерман,— американский астронавт совершает посадку на Марс. И там вдруг обнаруживает фотоаппарат. Как он объяснит его присутствие на поверхности чужой планеты? Сначала астронавт решит, что он здесь не первый, что кто-то уже побывал на Марсе до него. Но только не русские. Ибо этот фотоаппарат фирмы «Никон». Он слишком дорогой. Тогда, может быть, это астронавты из какой-то другой страны, а то и вообще пришельцы. Они, наверное, побывали сначала на Земле и прихватили этот аппарат для изучения. А вдруг правительство США обмануло его и послало сюда другого астронавта, который и обронил здесь свой аппарат. В конце концов, он может прийти к заключению, что у него начались галлюцинации, что все это ему просто привиделось или приснилось. Но вот одна вещь никогда не придет ему в голову,— рассуждал Киндерман,— на Марс попадает множество метеоритов, да и сама его поверхность изобилует вулканами. За многие миллиарды лет могло произойти случайное слияние различных частиц, в результате которого и возник этот фотоаппарат. Однако нашего астронавта убедят в том, что он, дескать, подвергся некоему опасному космическому облучению и от этого прямиком сошел с ума. Затем его тихонечко спроводят в соответствующее учреждение, снабдив при этом мешком с мафой и какой-нибудь цыцкой, вроде значка Космического десантника. Затвор объектива, диафрагма, автоматическая фокусировка, выдержка. Может ли все это возникнуть случайно?

Человеческий глаз обладает десятками миллионов электрических связей. Они могут воспринимать одновременно несколько миллионов сигналов, а могут различить свечение всего лишь одного фотона.

И вот на Марсе находят человеческий глаз.

Человеческий мозг, три фунта ткани, состоит из более сотни миллиардов клеток и пятисот триллионов синапсов. Он может мечтать, решать уравнения, сочинять музыку, создавать язык и науки, придумывать двигатели для ракет, рвущихся к звездам, он усыпляет мать в яростную бурю, и он же будит ее при малейшем писке младенца. Компьютер, который исполнял бы все функ-

ции мозга, целиком занял бы поверхность планеты Земля.

На Марсе находят человеческий мозг.

Мозг в состоянии распознать единицу меркаптана¹ в пятидесяти миллиардах единиц воздуха, и если бы ухо человека было таким же чувствительным, оно смогло бы воспринять на слух столкновение молекул.

За сотни миллионов лет никто так и не смог разрешить тайны мироздания. Сама эволюция является величайшей загадкой. Основная тенденция материи направлена в сторону дезорганизации, к конечному состоянию случайностей, из которого Вселенная уже никогда не сумеет выбраться. Каждое мгновение рвутся и исчезают какие-то связи, и весь наш мир летит навстречу саморазрушению, лихорадочно ожидая смерти, подобно остывающей звезде. И все же эволюция существует,— вновь и вновь поражался Киндерман,— ураган собирает соломинки в стог, в единое сложное строение. Эволюция похожа на некую теорему, начертанную на листочке растения, плывущего против течения. Великий Конструктор трудится в поте лица. Ну, что еще? Вроде здесь все ясно. Если вы услышали топот копыт в Центральном парке, не спешите обнаружить там стадо зебр

— Все посторонние покинули церковь, лейтенант

Киндерман поднял глаза и, увидев Аткинса, перевел взгляд на исповедальню, где до сих пор находился труп священника.

— Ну да, Аткинс? В самом деле?

Райан усердно наносил порошок на внешнюю сторону ширмы, и Киндерман какое-то время наблюдал за ним. Веки его отяжелели, глаза закрывались.

— И с внутренней стороны тоже,— напомнил он.— Не забудьте.

— Не забуду,— буркнул Райан.

— Чудесно.

Тяжело вздохнув, Киндерман поднялся и вместе с Аткинсом направился во вторую исповедальню рядом со входом в церковь. На задних скамьях сидели свидетели, которых Аткинс попросил задержаться. Остановившись, Киндерман внимательно присмотрелся к ним. Ричард Коулман, сорок лет, адвокат, работает в приемной

¹ Меркаптан — химическое соединение с резким, неприятным запахом.

у генерального прокурора. Сюзан Вольп, симпатичная студенточка Джорджтаунского университета. Джордж Патерно, футбольный тренер из Мэриленда. Невысок, крепкого телосложения. На вид немногим более тридцати. Рядом с ним расположился одетый с иголки джентльмен лет пятидесяти, Ричард Маккуи, выпускник Джорджтаунского университета. В настоящее время он владел ресторанчиком под названием «1789», что находился всего в квартале от церкви. Киндерман лично знал этого человека. Ему принадлежала еще одна забегаловка, всем известная в округе «Могилка». В незапамятные времена лейтенант неоднократно сиживал там со своим приятелем, который уже давным-давно умер.

— Еще несколько вопросов, если это вас не затруднит,— обратился к присутствующим Киндерман.— Это не займет много времени. Я постараюсь вас очень скоро отпустить. Мистер Патерно, войдите, пожалуйста, в исповедальню.

Внутри комнатка была разделена на три секции. В среднем отсеке должен был находиться священник. Эта часть исповедальни была темной, свет сюда проникал лишь через небольшую решетку над входной дверью. Два других отсека также имели отдельные входы и маленькие скамеечки для того, чтобы посетителям было удобно вставать на колени. С обеих сторон располагались ширмы. Когда подходил очередной кающийся, священник приоткрывал край ширмы. Когда же исповедь заканчивалась, он задвигал ширму и открывал другую, с противоположной стороны, где его уже ждал следующий прихожанин.

Утром, примерно в шесть тридцать пять, слева из исповедальни вышел молодой человек, личность его пока не установлена. У него были зеленые глаза, волосы наголо острижены. Одет он был в теплую водолазку. Судя по всему, в исповедальне он находился долгое время, потом его место занял Джордж Патерно. В это время покойный, отец Кеннет Бермингэм, бывший президент Джорджтаунского университета, повернулся направо, чтобы выслушать очередного прихожанина. Его личность также оставалась пока загадкой. Говорили, будто на этом джентльмене были белые полотняные штаны и черная шерстяная кофта с капюшоном. Он появился минут через шесть-семь, а вместо него внутрь за-

шел старичок с целлофановым пакетом. Какое-то время он отсутствовал, потом возвратился, очевидно, так и не исповедовавшись, поскольку сначала шла очередь Патерно. А последний все еще находился внутри исповедальни. Место старичка занял Маккуи и, так же как и Патерно, стал дожидаться в темноте. Маккуи был уверен, что священник занят сейчас мистером Патерно. Тот же, в свою очередь, считал, что мужчина в черной кофте еще до сих пор в исповедальне. Но одно было совершенно ясно. Ни до Коулмана, ни до Вольп очередь так и не дошла. Кровь, сочащуюся из-под двери исповедальни, первым заметил Коулман.

— Мистер Патерно?

Патерно опустился на колени в левом отсеке исповедальни. Постепенно он начинал приходить в себя. Услышав свое имя, Патерно взглянул на Киндермана и растерянно заморгал.

— Пока вы находились в исповедальне,— продолжал следовательно,— неизвестный в черном стоял с другой стороны, а потом там оказался старичок, и уже после него мистер Маккуи. Вы говорили, будто слышали, как задвинулась шторка с другой стороны. Вы этого не отрицаете?

— Да, все было именно так.

— И поэтому вы решили, что тот, в черной кофте, уже закончил свою исповедь?

— Да.

— А вы не слышали, как священник снова раздвигает ширму? Может быть, он хотел еще что-то сказать ему?

— Нет, не слышал.

Киндерман кивнул и, закрыв дверь, вошел в соседний отсек. Осмотревшись, он занял место священника.

— Сейчас я прикрою ширму с вашей стороны,— объяснил он Патерно.— После этого слушайте внимательно.— Он дернул ширму, а потом очень медленно раздвинул другую — с противоположной стороны. После этого вновь обратился к Патерно.— Вы что-нибудь слышали?

— Нет.

Киндерман задумался. Когда Патерно поднялся с колен, лейтенант остановил его и попросил:

— Пожалуйста, мистер Патерно, не уходите пока. Следовательно покинул средний отсек, вошел в правый

и встал на колени. Отодвинув свою ширму и разглядев Патерно, командовал:

— Закройтесь и слушайте внимательно.

Патерно послушно задвинул ширму. Киндерман протянул руку внутрь среднего отсека, где должен был находиться священник, нащупал там металлическую ручку и попробовал закрыть ширму изнутри. Он задвинул ее почти до конца, а потом, вынув руку, уже со своей стороны нажал пальцами на створку и захлопнул ее. Раздался приглушенный стук.

Киндерман поднялся, вышел из отсека и направился к Патерно. Открыв его дверцу, он молча уставился на свидетеля.

— Теперь что вы слышали? — осведомился лейтенант.

— Вы закрыли ширму.

— А походил ли этот звук на тот, что вы слышали в прошлый раз, когда ждали своей очереди?

— Да, точно такой же.

— Точно?

— Точно.

— Пожалуйста, опишите его.

— Как это «опишите»?

— Ну опишите. На что он был похож?

Мгновение поколебавшись, Патерно заговорил:

— Ну, раздался звук, как будто ширма закрывается, потом наступила тишина, а потом кто-то снова задвинул ее.

— Значит, вы расслышали, что звук прекращался на некоторое время?

— Да, все было точно так же, как сейчас.

— А откуда вы узнали, что ее задвинули до конца?

— Тогда раздался такой же глухой стук. Довольно громкий.

— То есть громче, чем это бывает обычно?

— Да, стук был громкий.

— И не как всегда?

— Да, громче.

— Понятно. А вы не удивились, почему после этого ширму не открыли с вашей стороны?

— Удивился ли я?

— Да, почему вам не открыли.

— В общем, да.

— А когда вы слышали этот звук? Сколько прошло времени, прежде чем обнаружили труп?

— Не припомню.

— Минут пять?

— Не знаю.

— Десять?

— Не скажу точно.

— А может быть, больше, чем десять минут?

— Я не уверен.

Киндерман снова задумался, а потом спросил:

— А не слышали ли вы другие звуки, пока ждали здесь своей очереди?

— В смысле, разговоры?

— Что угодно.

— Нет, разговор я не слышал.

— А бывает так, что вы все же слышите голоса во время чужой исповеди?

— Иногда. Особенно в конце, когда исповедь становится по-настоящему искренней и говорят очень громко.

— Но на этот раз такого не было?

— Нет.

— Вообще никаких разговоров?

— Вообще никаких.

— Даже бормотанья?

— Нет.

— Спасибо. Вы можете идти.

Патерно отвернувшись, вышел из своего отсека и присел на скамью рядом с другими свидетелями. Киндерман оглядел их еще раз. Адвокат время от времени бросал нетерпеливые взгляды на свои часы. Следовательно начал именно с него:

— Тот самый старичок с пакетом, мистер Коулман...

— Да? — откликнулся адвокат.

— Сколько времени, по-вашему, он находился внутри исповедальни?

— Минут семь-восемь. Может, и дольше.

— А после исповеди он оставался в церкви?

— Не знаю.

— Ну, а вы, мисс Вольп? Вы случайно не заметили?

Девушка никак не могла собраться с мыслями и тупо уставилась на следователя.

— Мисс Вольп?

Она вздрогнула.

— Да?

— Тот старичок с пакетом, мисс Вольп. После исповеди он ушел из церкви или остался?

Девушка еще некоторое время смотрела на него остекленевшими глазами, а потом, наконец, заговорила:

— По-моему, он вышел. Но точно я не могу вам сказать.

— Вы не уверены?

— Не уверена.

— Но все же вам кажется, что он ушел.

— Да, мне так кажется.

— Вы не заметили ничего необычного в его поведении?

— Необычного?

— Мистер Коулман, а вы не заметили?

— Он показался мне очень дряхлым,— отозвался Коулман.— Я еще подумал тогда, что поэтому-то он и задержался так долго.

— Вы говорили, что на вид ему было за семьдесят?

— Ну да, но он выглядел уж больно изможденным и слабым, когда шел.

— Шел? Куда он шел?

— К скамье.

— Значит, он остался в церкви,— заключил Киндерман.

— Нет, я этого не утверждаю,— возразил Коулман.— После исповеди он действительно направился к скамье, но потом, вполне возможно, покинул церковь.

— Я понял вас, господин адвокат. Благодарю.

— Не за что.— В глазах Коулмана светилось удовлетворение.

— Так, теперь остается голубчик с бритой головой и неизвестный в черной кофте с капюшоном,— добавил Киндерман.— Кто-нибудь из вас помнит, оставались ли они в церкви или же сразу ушли?

Наступила тишина.

Киндерман обратился к девушке:

— Мисс Вольп, тот мужчина в черной кофте... Что-нибудь в его облике или в манерах не показалось вам необычным?

— Нет,— удивилась Вольп.— Я хочу сказать, что не обратила на него особого внимания.

- А суетливости в его действиях вы не заметили?
— Нет, он был спокойный, ну, в общем, как все.
— Как все.
— Ах, да! Он слегка причмокивал, вот и все.
— Слегка причмокивал?
— Ну да.

Киндерман задумался, а потом спохватился:

— Ну, вот и все. Спасибо всем, извините, что пришлось вас задержать. Сержант Аткинс, отпустите свидетелей, а потом сразу ко мне. Это очень важно.

Аткинс проводил свидетелей к выходу, где дежурил полицейский. Всего несколько шагов, но Киндерман с таким волнением наблюдал за сержантом, будто Аткинс решил отправиться куда-нибудь в Мозамбик и, возможно, с концами.

Однако через несколько минут Аткинс уже стоял перед ним.

— Слушаю вас, сэр.

— Я хотел тут кое-что добавить к сказанному об эволюции. Вот все твердят: шансы, шансы, и что все очень просто. Миллиарды рыб безуспешно плюхались на берег, но вот как-то раз одна очень пройдошистая рыбешка огляделась по сторонам и заметила: «Чудесненько. Майами-Бич. Фонтенбло. Можно, я полагаю, остаться здесь и подышать воздухом». Итак, далее следуют легенды о карпе-питекантропе, карпе-кроманьонце, карпе-неандертальце и так далее. Но не все так просто. Если рыба надышится воздухом, ей наступит конец. Да, во всяком случае, все так привыкли думать. А надо, чтобы история была повеселее? И обоснована по-научному? Я к вашим услугам. Так вот, дело в том, что эта умная рыбешка не загорает с утра до ночи на солнышке. Она прихватывает немного воздуха, как бы пробу, это у нее просто очередная репетиция, а потом — сразу же назад в море, в реанимационное отделение, там она приходит в себя и уже можно бренчать на банджо, вспоминая прекрасные времена, проведенные на суше. Потом еще одна попытка, и вот уже наша рыбка дышит воздухом чуть подольше. Это возможный вариант. После многократных попыток славная рыбешка мечет икру, а умирая, оставляет завещание следующего содержания: «Возлюбленные чада мои, пробуйте дышать воздухом,

сделайте это во имя своего отца. С приветом, ваш Карлуша». И оставляет инструкции, как именно это делать. А они точно следуют завещанию. И вот так продолжается, может быть, сотни миллионов лет, поколение за поколением, и каждый раз у них получается все толковей и толковей, потому что опыт предков с генами передается детям. И вот, наконец, одна рыбешка, тощая, в очках, этакий скромный и страшно положительный подросток, который вечно что-нибудь читает и по двору без дела не шляется, начинает так долго дышать воздухом, что вскоре уже в состоянии посещать и спортивные клубы, и даже кегельбан. Разумеется, не стоит сомневаться в том, что перед его детьми уже никогда не встанет проблема с дыханием. Конечно, им придется еще трудновато, когда надо будет вырабатывать походку. Именно так и считают ученые. Да, конечно, я все предельно упростил. А они — нет? Да ведь сейчас любого, кто при каждом удобном случае вставляет слово «позвоночные», автоматически зачисляют в гении, не говоря уж о тех, кто знает словечко «филюм». Наука предлагает нам уйму фактов, но дает минимум знаний. Что же касается теории о рыбах, то тут тоже есть своя проблема, — конечно, упаси меня Бог удерживать рыб и не позволять им экспериментировать, но дело в том, что процесс привыкания к воздуху, к сожалению, протекает очень медленно. И каждая рыба должна начинать заново, а за одну рыбью жизнь в ее генах ничего не изменится. Главный рыбий лозунг звучит так: «Все делать постепенно».

Нет, я не против эволюции. Здесь все в порядке. Но вот тебе пример из жизни рептилий. Пораскинь на досуге мозгами. Рептилии выбирают на сушу и откладывают яйца. Пока все очень просто. Так? Сушная безделица. Но в яйце маленькой рептилии нужна влага, иначе бедняжка засохнет в скорлупе, так и не успев появиться на свет. И к тому же ей необходимо питаться — да еще как! — потому что вылупляется она уже сравнительно взрослой, копия своих родителей. Но не переживай слишком сильно за них. Они-то выживут. Потому что в яйце есть желток, который является в самый подходящий момент и сообщает: «А вот и пища». А белок прекрасно выполняет роль воды. Но, правда, для этого белок должен быть упрятан в специальную оболочку, иначе он обязательно испарится, не забыв попрощаться:

«Пока, любезнейшая, лично я отсюда сваливаю!» И вот как по волшебству в яйце вокруг белка появляется что-то наподобие кожаной оболочки, и счастливая рептилия радостно улыбается. Рано веселиться. Все гораздо сложнее. Теперь надо подумать и об отходах, ведь скорлупа мешает. Нужен специальный пузырь, вроде мочевого. Тебя тошнит, что ли? Ну, я уже заканчиваю. Вдобавок надо позаботиться о каком-нибудь ломике или другом инструменте попроще, чтобы маленькая рептилия смогла в конце концов выбраться на свободу, пробив твердую скорлупу. Думаю, что сказанного вполне достаточно. Потому что, Аткинс, все эти изменения в яйце рептилии должны происходить мгновенно! Ты меня слушаешь? Мгновенно! Если хоть что-то в яйце будет отсутствовать, тогда все — прощайте, юные рептилии, можете назначать друг другу свидания на том свете. И ведь все складывается именно так, а не по-другому. Представь себе, что желток уже на месте, ждет себе не дождется миллион-другой лет, и вот появляется наконец пузырь или кожаная оболочка, заявляя на ходу: «Простите, слегка задержалась, раввин тут слишком долгую беседу затеял». Значит, все эти изменения должны произойти сразу. Невозможно? Тем не менее до сих пор мы имеем счастье наблюдать многочисленных рептилий. Можешь спросить кого хочешь, особенно тех, кто обитает неподалеку от змеиных болот. Они-то врать не станут. Но как это могло произойти? Столько изменений, и все благодаря счастливому совпадению в одном эмбрионе? Ну, даю тебе гарантию, что на такое объяснение клюнут одни придурки. Так вот, что касается сегодняшнего преступления, то убийца — тот же самый, что и в деле Кинтри. Если бы он не использовал лекарство, моментально парализующее человека, никакого убийства не произошло бы. Все услышали бы крик священника, и у преступника ничего бы не вышло. Далее. Сейчас у нас пятеро подозреваемых. Это Маккуи, Патерно, мужчина с пакетом, неизвестный с бритой головой, а также мужчина в белых штанах и черной кофте с капюшоном. Следует заметить, что эти преступления очень жестоки и необычны, и надо искать психопата да еще с медицинским образованием. Маккуи я знаю лично. Могу утверждать, что он вполне нормален. Правда, у себя в спальне он расставляет вещи так, чтобы была

видна одежда, и вся она у него разложена по полочкам. Насколько мне известно, никаких знаний и навыков в области медицины он не имеет. То же самое можно сказать и о Патерно. Однако, чтобы все формальности были соблюдены, пошли-таки запрос в клинику, где он состоит на учете, пусть тебе пришлют историю болезни. К тому же убийца не стал бы ошиваться здесь поблизости, так что Маккуи и Патерно можно смело исключить из списка. Это кто-то из оставшихся троих. И вот еще что: старик вполне способен все это сделать. Обезглавливание с помощью проволоки или больших острых ножниц не требует особых усилий. Подойдет и нож вроде медицинского скальпеля. Старичок находился в исповедальне довольно долго, и его дряхлость, о которой мы слышаны, могла быть и притворной. Он был последним, кто видел священника. Это версия номер один. Но ведь и человек в черной кофте способен это сделать. Он мог задвинуть ширму так, чтобы старик не увидел мертвого священника. А старичок прождал напрасно. Он так и ушел, не дождавшись своей очереди на исповедь. Может, он устал ждать. Ведь он такой слабенький, как нас уверяет Коулман. Может, старичок случайно задремал в своем отсеке, и ему почудилось, будто он уже исповедался. Это версия номер два. В третьем варианте убийца — человек с бритой головой. Он убивает священника и, закрыв ширму, выходит из исповедальни. Но человек в кофте с капюшоном видел священника, а значит, тот был еще жив. Все могло происходить именно так. А может быть, бритый убил священника, а тот, в кофте, разозлившись, что его очередь никак не подходит, покинул кабинку, так и не повидавшись со священником. А потом в растрепанных чувствах отправился домой. Тут возможен любой вариант, — подвел итог Киндерман. — А как оно было на самом деле — никто пока не знает.

Изложение фактов, касающихся убийства, последовало стремительно, почти скороговоркой. Аткинс понимал, что лирические отступления Киндермана означали лишь то, что сейчас тот обдумывает совершенно иные вещи, и, вероятно, эти размышления уже успели натолкнуть его на нечто важное. Сержант кивнул. Аткинса заинтересовало, почему его шеф спросил Патерно о том, с каким звуком закрывалась деревянная ширма.

— Райан, вы сняли для меня отпечатки пальцев? — осведомился Киндерман.

Оглянувшись, Аткинс увидел, что к ним подходит Райан.

— Да, целую кучу, — отозвался Райан.

Киндерман безразлично посмотрел на него и отметил:

— Достаточно и одного, лишь бы он был четким.

— Такой у нас есть.

— И снаружи и изнутри, разумеется.

— Нет, изнутри мы не снимали.

— Тогда я сейчас зачитаю вам ваши права. Слушайте внимательно, — рассердился Киндерман.

— А как вы думаете, мы это сделаем, если труп все еще внутри каморки?

Райан был совершенно прав. Стедман давно закончил обследование тела. Все необходимые фотографии были сделаны, слово осталось только за Киндерманом. Но тот решил повременить с осмотром трупа. Киндерман знал священника лично. Когда-то давным-давно одно общее дело сблизило их, и вместе с отцом Дайером, который тогда являлся заместителем этого священника, они втроем заваливались иногда в «Могилку», брали по кружке пива и вели долгие-долгие беседы. Киндерман любил погибшего.

— Тут ты, пожалуй, прав, — согласился следователь с Райаном. — Спасибо за своевременное напоминание. Не знаю, что бы я без тебя делал. Честно говорю.

Райан сердито посмотрел на него и, развернувшись, плюхнулся на одну из скамей. Он сложил руки на груди и приготовился ждать.

Киндерман прошел ко второй исповедальне. Он взглянул на пол — кровавые следы уже вытерли, и было видно, как блестят кафельные плитки — по ним только что прошлишь мокрой тряпкой. Какое-то время следователь молча стоял перед дверью, а потом неожиданно распахнул ее. Отец Бермингэм сидел в своем отсеке. Стены и потолок были забрызганы кровью, а в широко раскрытых глазах священника застыл ужас. Но чтобы перехватить этот взгляд, следователю пришлось наклониться. Ибо голова священника покоилась у него на коленях, и руки поддерживали ее так, словно выставляли напоказ.

Киндерман тяжело вздохнул и шагнул внутрь. Он приблизился к священнику и осторожно поднял его левую руку. На ладони он обнаружил уже знакомый символ Ближнецов. Опустив руку, он оглядел другую. На правой руке отсутствовал указательный палец.

Закончив осмотр трупа, Киндерман взглянул на небольшое черное распятие, висящее на стене позади стула. Еще немного постояв, он повернулся и, выйдя из исповедальни, сразу же столкнулся с Аткинсом. Киндерман сунул руки в карманы и, не глядя на помощника, приказал еле слышным голосом:

— Вынесите его отсюда. Сообщите Стедману. И снимите отпечатки пальцев с внутренней стороны ширмы.

Он медленно направился в глубь церкви.

Аткинс молча наблюдал за шефом. Такой рослый, сильный мужчина,— рассуждал про себя сержант,— и каким же жалким и одиноким он сейчас кажется. Киндерман тяжело опустился на скамью. Аткинс отвернулся и пошел искать Стедмана.

Сложив на коленях руки, Киндерман мрачно уставился на них. Он вдруг почувствовал страшное одиночество. Преднамеренность и случайность,— размышлял он.— Бог существует, это нам известно. Очень хорошо. Но о чем же ОН сейчас думает? Почему бы ему не вмешаться в это дело прямо сейчас? У нас ведь свобода выбора. Ну, хорошо. Раз мы так сами когда-то решили, отступать уже некуда. Может быть, терпению Бога просто нет предела? На ум пришли строки из какого-то романа Честертона: «Когда на сцену является автор, пьеса заканчивается». Ну и пусть. Кому это надо? И так все слишком далеко зашло. А вдруг сила и власть Бога ограничены? Почему бы и нет? Подобный ответ был проще простого и как нельзя лучше вписывался в данную ситуацию. Однако следователю он был явно не по душе. Так кто же тогда Бог? Какая-нибудь деревенщина? Мужлан? Нет, это невозможно. Разум Киндермана мог воспринимать Бога только как совершенство. И нечего тут зря раздумывать.

Следователь покачал головой. Мысль о том, что Бог не всесилен, еще страшнее, чем та, что его вообще нет. Смерть — это конец, по крайней мере так считают те, кто не верит в Бога. А если Бог существует, но Он не-

полноценный, что же Он может сделать после смерти? И если его власть не бесконечна, то и доброта — тоже? Что же получается? Выходит, это какой-то тщедушный, капризный и своенравный Бог Иов? А если учесть, что у него в распоряжении целая вечность, то жутко даже представить, на какие новые пытки и мучения может он исхитриться.

Что же это еще за «Бог Ltd»? ¹ Киндерман отбросил эту несуразную мысль. Бог — творец всех светил и небесных туманностей, создатель силы тяжести и человеческого мозга, он таится в генах и частицах атома. Но как же тогда получается, что он не может справиться с раком или, например, с сорняками?

Киндерман уставился на массивное распятие над алтарем, и глаза его наполнились холодным блеском: «А какова Твоя роль во всей этой заварухе? Ты можешь мне ответить? Или хочешь позвать адвоката? Тебе зачитать Твои права? Ну, ладно, не надо переживать. Я Твой друг. Я могу составить Тебе протекцию. Только ответь мне на пару несложных вопросов, хорошо?»

Постепенно взгляд следователя смягчился, и он уже смотрел на крест со смирением, а в глазах застыло лишь удивление: «Кто же Ты? Божий сын? Нет, Ты знаешь, что я в это не верю. Я спросил просто из вежливости. Ты не возражаешь, если я буду с Тобой откровенен? Хуже от этого не станет. Если я Тебе слишком надоем или далеко зайду, сделай так, чтобы в соборе застучали все окна. Я пойму и сразу заткнусь. Просто постучи окнами. Этого достаточно. Совсем необязательно, чтобы мне на голову обрушилось все здание. С меня и одного Райана довольно. Ты, наверное, это уже заметил. А кто еще дуриком проскользнул к нам в отдел? Ну, неважно, я не хочу никаких обид и разборок. А пока что я не знаю, кто Ты. Хотя Ты — определенно велик. Что, не расслышал? Я говорю, Ты — некто великий. Это же ясно, как день. И мне не нужны доказательства. Какая разница? Для меня это не имеет значения. Я-то знаю. А Ты знаешь, откуда мне это известно? Из Твоих собственных слов. Когда я читаю «Возлюби врага своего», я трепещу, я схожу с ума, и в моей груди что-то поднимается, нечто такое, что, наверное, было там всегда.

¹ Ltd — limited — ограниченная ответственность (англ.).

Будто бы все мое существо в эти мгновения полнится этой истиной. И тогда мне становится ясно, что Ты велик. Никто на земле не смог бы сказать так, как Ты. И никто не смог бы сделать того, что сделал Ты. Такое просто вообразить невозможно. Твои слова не идут ни в какие сравнения.

И еще кое-что, чем бы я хотел с Тобой поделиться. Ты не возражаешь? Хотя чего уж тут возражать. Я просто рассуждаю. Твои ученики увидели Тебя на берегу. Они вдруг осознали, что Ты восстал из мертвых. Петр стоит на палубе совершенно обнаженный. Почему бы и нет? Он рыбак, он молод и наслаждается жизнью. И вот теперь он не может дождаться, когда же судно доплывет до берега, он так возбужден, его переполняет радость, потому что он видит Тебя. Он хватается первую попавшуюся под руку тряпку — Ты помнишь это? — но не может потратить и минуту на то, чтобы как следует облачиться в нее. Поэтому он обматывает ее вокруг бедер, прыгает в воду и, как сумасшедший, гребет к берегу. Это уже кое-что. Когда я об этом думаю, я расцветаю. Это так непохоже на картину с изображением святых, где все насквозь пропитано благоговением и почтительностью. Все такое неподвижное. Вот это, возможно, и есть настоящий обман. Здесь же не было никакой тайны, никакого застывшего образа. И я верю, что все было именно так. Ибо это близко любому человеку, это удивительно и так похоже на правду. Видимо, Петр очень любил Тебя.

Так же, как и я. Это Тебя удивляет? Что ж, это действительно так. Ты существовал на самом деле, и эта мысль согревает меня. Ты воскрес — и это даже в меня вселяет надежду. А то, что Ты, возможно, и поныне существуешь, — наполняет меня спокойствием и радостью. Я хотел бы дотронуться до тебя и увидеть, как Ты улыбаешься. Ведь хуже от этого не станет.

Ну, хватит тут растекаться медом. Кто же Ты? И что Ты хочешь от нас? Чтобы мы принимали страдания, как это сделал Ты на кресте? Ну что ж, мы так и поступаем. Так что, пожалуйста, не майся бессонными ночами, кумекая над этой проблемой. Мы в отличной форме. У нас все в порядке. Пожалуй, и все, о чем я хотел поведать Тебе в первую очередь. Да, еще кое-что. Отец Бермингэм, Твой друг, передает Тебе привет.

Вторник, 15 марта

Глава седьмая

Киндерман явился в контору к девяти утра. Аткинс уже поджидал его. Результаты лабораторной экспертизы лежали на столе.

Киндерман уселся на свое место и освободил пространство для отчета, отодвинув в сторону книги с загнутыми страницами. В отчете подтверждалось использование сукцинилхолина. Здесь же приводились данные исследований отпечатков пальцев, снятых в исповедальне с наружных и внутренних металлических ручек деревянной ширмы. Они совпадали и не принадлежали убитому священнику.

Информация, полученная из редакции «Вашингтон пост», оставалась пока прежней, никаких новых сообщений не поступало. Аткинс добыл историю болезни Патерно, а также все сведения о нем, но Киндерман не стал тратить на это время и лишь махнул рукой.

— Для нас это ровным счетом не представляет никакого интереса,— пояснил он.— Надо искать неизвестного с целлофановым пакетом и того, другого, в кофте с капюшоном. Не путай меня больше. Кстати, где Райан?

— Он сегодня не работает,— сообщил Аткинс.

— Да, действительно.

Киндерман вздохнул и откинулся на спинку стула. Потом посмотрел на коробку с салфетками, стоящую на столе. Казалось, он снова погрузился в размышления.

— Талидомид излечивает проказу,— рассеянно произнес следовательно, а потом резко наклонился к Аткинсу: — Ты никогда не задумывался над тем, почему скорость света — предельная во всей Вселенной?

— Нет,— растерялся Аткинс.— А почему?

— Не знаю,— ответил Киндерман и пожал плечами.— Я просто так спросил. И кстати, раз уж мы занялись этим делом, ты знаешь, что говорит церковь об ангелах? Что является основой их существования?

— Чистая любовь,— не задумываясь, изрек Аткинс.

— Вот именно. Даже у падшего ангела. А почему раньше ты мне этого никогда не говорил?

— А вы никогда меня не спрашивали.

— Неужели я должен помнить о мелочах?

Следователь стремительно выудил из кучи бумаг на столе зеленую книгу и раскрыл ее там, где из-за страниц торчала этикетка от банки из-под маринованных огурцов, служившая теперь закладкой.

— Я случайно натолкнулся на эту мысль,— заявил Киндерман,— вот здесь, в книге, которая называется «Сатана». Ее написали твои друзья, католики и теологи. Слушай! — И следователь начал громко читать: — «Существо ангела совершенно. Поэтому пламя ангельской любви не может разгораться постепенно. В этой любви нет начальной стадии тления. Ангел мгновенно вспыхивает разрушительной, сжигающей любовью, которая никогда не убывает». — Киндерман сунул книгу обратно в ворох бумаг на столе. — Там еще говорится, будто такое положение вещей не может измениться. Даже несмотря на то, что за ангел имеется в виду — падший или какой другой. Так зачем же мы все время твердим, будто это дьявол и черти вокруг нас устраивают разного рода беспорядки и заварушки? — Киндерман уже искал следующую книгу.

— А как обстоит дело с отпечатками пальцев? — поинтересовался Аткинс.

— Ага! — обрадовался Киндерман, отыскав, наконец, нужную книгу и раскрыв ее на загнутой странице: — Вот теперь мы кое-чему можем поучиться и у птиц.

— Поучиться у птиц? — в недоумении повторил Аткинс.

Лицо Киндермана просветлело:

— Аткинс, что я тебе только что сказал? Теперь внимание. Послушай, что пишут про птицу-конька.

— Птицу-конька?

Киндерман загадочно взглянул на сержанта и подмигнул ему:

— Аткинс, пожалуйста, больше так не делай.

— Хорошо, не буду.

— Хорошо, ты не будешь. А теперь я поведаю тебе о том, как птица-конек... — Тут Киндерман выдержал небольшую паузу, — ...как птица-конек вьет свое гнездо.

Это невероятно.— Он раскрыл книгу и начал читать: — «Конек использует для постройки гнезда четыре вида материалов: мох, паутину, лишайник и перья. Сначала он находит подходящую ветку, напоминающую рогатку. Затем собирает мох и облепливает им эту рогатку. Большая часть мха падает, но конек настойчив, он трудится до тех пор, пока кусочки мха не налипнут на ветку. Потом птица переключается на паутину. Она прижимает ее ко мху, пока та не прилипнет, а потом начинает растягивать нити, чтобы затем связать свое будущее гнездо. И вот наконец дно гнезда готово. Тут птичка снова начинает таскать кусочки мха. Сооружение по форме напоминает чашу. Сначала конек плетет гнездо горизонтальными нитками паутины, затем вертикальными, связывая кусочки мха. При этом все тельце конька беспрестанно вращается. Когда «чаша» почти готова, начинается новый этап: прижимание кусочков мха грудкой и утаптывание дна лапками. Когда гнездо свито на одну треть, птичка отправляется на поиски лишайника. Он будет покрывать только внешнюю часть гнезда, и для этого конек проделывает сложные акробатические трюки. Когда «чаша» готова на две трети, строительство проходит уже несколько по-другому, ибо надо позаботиться и о том, чтобы обеспечить наиболее удобный подлет к гнезду. Оставляется аккуратное отверстие, которое укрепляется лишайником и мхом, после чего достраивается купол гнезда и начинается отделка изнутри перьями».— Закончив чтение, Киндерман отложил книгу в сторону.— А ты думал, Аткинс, что это так легко — свить гнездо? Что можно запросто заказать сборный двухэтажный домик где-нибудь на фирме в Финиксе? Ты смотри, что происходит! Ведь птичка должна заранее иметь представление о том, как в конечном итоге будет выглядеть ее гнездо, к тому же необходимо точно рассчитать, где и сколько мха и лишайника надо уложить, чтобы форма стала идеальной. Что это — ум? У этой птички мозг с бобовое зернышко. Что же руководит ею, когда она так безупречно ведет постройку? Думаешь, Райан смог бы свить такое гнездо? Ну, неважно. И еще кое-что, так, пища для ума. Где на Земле можно отыскать стимул — эдакий метод «кнути и пряника», о котором талдычат специалисты по поведению и который так необходим этой птичке, чтобы безу-

пречно выполнить все тринадцать различных операций по витью гнезда? Б. Ф. Скиннер делал вот что: он тренировал во время второй мировой войны голубей, и из них получались настоящие камикадзе. Ты сам можешь об этом прочитать в книгах. Этим голубям к брюшкам привязывали маленькие бомбочки. Однако раз за разом случалось так, что птица сбивалась с курса, и бомбы падали на Филадельфию. К тому же самому ведет и отсутствие свободного выбора у человека. Что же касается отпечатков пальцев, то они ничего не означают: они лишь подтверждают вещи, давно мне известные. Убийца сам закрыл ширму в исповедальне, чтобы следующий в очереди не увидел убитого священника. И еще для того, чтобы мы заподозрили в преступлении кого-нибудь другого. Вот для этого он и задвинул ширму так, чтобы стук услышал Патерно. Убийца таким образом заставил тех, кто услышал этот звук, поверить, будто священник еще жив, а он — этот неизвестный — закончил свою исповедь, так как ширма задвинулась с его стороны. И это вполне объясняет задержку с ее задвиганием, о которой мне и поведал Патерно. Сначала ширма движется, потом пауза, а затем она захлопывается до конца. Ведь убийца не мог полностью закрыть ее изнутри, поэтому он задвигает ее уже с внешней стороны. И отпечатки пальцев, несомненно, принадлежат именно ему. В силу этого наголо бритый человек автоматически исключается — он находился в левом отсеке исповедальни. Отпечатки пальцев и эти странные звуки — все с правой стороны. Значит, убийца — либо старичок с пакетом, либо мужчина в черной кофте с капюшоном. — Киндерман встал и направился к вешалке за пальто. — Сейчас я собираюсь в больницу, мне пора навестить отца Дайера. А ты, Аткинс, проведай-ка нашу старушку. Дело о «Близнеце» уже на месте?

— Нет, пока еще нет.

— Позвони снова. Затем вызови свидетелей из церкви, пусть они составят словесные портреты подозреваемых, сделай с них наброски. Действуй. Встретимся у рек Вавилона¹. Чую, мне придется выслушать серьез-

¹ У рек Вавилона — популярная народная песня, исполняемая многими известными певцами и ансамблями, например, Джоан Баез, «Бони М» и др.

ные жалобы. — У двери Киндерман замешкался. — Я сейчас в шляпе?

— Да.

— Ничего-ничего, это всего-навсего привычка. — Он вышел и тут же возвратился: — А вот еще предмет для разговора, но это уже как-нибудь потом: кому может прийти в голову носить зимой белые полотняные штаны? Подумай. Адью. И помни обо мне.

Киндерман снова вышел, но на этот раз уже не вернулся. Аткинс принялся соображать, какие дела ему раскидать в первую очередь.

До Джорджтаунской больницы было только две остановки. Киндерман приблизился к справочному столу с целым кулком гамбургеров в одной руке. Другой он бережно прижимал к себе большого плюшевого медведя в бледно-голубых шортах и рубашке с короткими рукавами.

— Мисс,— обратился он к дежурной.

Девушка подняла глаза и увидела перед собой огромного медведя. На рубашке пестрела надпись: «Если хозяину грустно, немедленно выдайте ему шоколадку».

— Очень остроумно,— улыбнулась девушка. — Это для мальчика или для девочки?

— Для мальчика,— насупился Киндерман.

— Как его зовут?

— Отец Джозеф Дайер.

— Я вас правильно расслышала? Вы сказали «отец»?

— Да, именно так. Отец Дайер.

Девушка удивленно посмотрела сначала на медведя, потом на Киндермана. И только тогда заглянула в списки больных.

— Невропатология, палата 404, четвертый этаж. Из лифта — направо.

— Спасибо большое. Вы очень добры.

Когда Киндерман подошел к палате, Дайер находился в постели, он полулежал в подушках и, водрузив на нос очки, увлеченно читал газету. «Знает ли он о случившемся?» — подумал Киндерман. Возможно, нет. Дайер, видимо, попал сюда как раз тогда, когда и произошло

убийство. Следовательно надеялся, что врачи серьезно занялись священником и при случае могли ввести ему успокоительное. По крайней мере так сейчас казалось Киндерману. Он мог это определить и по выражению лица Дайера, тем более, что тот сейчас не видел его.

Осторожно ступая, Киндерман медленно подошел к кровати. Дайер не заметил своего друга. А тот внимательно разглядывал священника. По его внешнему виду Киндерман мог сказать, что пока вроде все идет нормально. Однако следователя насторожило то, как тщательно Дайер изучает газету. Может, он уже успел прочитать и про убийство? Следовательно бросил взгляд на название газеты и остолбенел.

— Ну? Может быть, сядешь, наконец, или так и будешь торчать надо мной и распространять свои микробы? — спросил внезапно Дайер.

— Что это ты читаешь? — каменным голосом произнес Киндерман.

— «Женская одежда», ежедневный выпуск. А что? — Иезуит скосил глаза и увидел медведя. — Это мне?

— Я подобрал его на улице и решил, что это как раз для тебя.

— О!

— Тебе не нравится?

— Цвет чуток подкачал, — с важностью изрек Дайер. И вдруг зашелся в кашле.

— Так, я все понял. А кто пытался меня убедить, что ничего серьезного? — упрекнул его Киндерман.

— Кто же знал? — угрюмо буркнул Дайер.

Киндерман облегченно вздохнул. Теперь-то он был убежден в том, что за здоровье Дайера опасаться нечего и что тот ровным счетом ничего не слышал об убийстве. Следовательно вручил священнику кулек с гамбургерами и медведя.

— На вот, возьми, — проворчал он и, пододвинув стул поближе к кровати, плюхнулся на него. — Не могу поверить, что ты так увлекся «Женской одеждой».

— Я должен быть в курсе всех событий, — возразил Дайер. — Я ведь не в вакууме даю духовные наставления.

— А тебе не кажется, что на твоём месте лучше было бы почитать религиозные газеты? Или какую

другую литературу? Ну, например, «Духовные упражнения», а?

— Там ничего не сказано про моду,— уклонился Дайер.

— Жуй гамбургеры,— предложил Киндерман.

— Но я не голоден.

— Тогда можешь съесть только первую половину. Это же твои любимые, из «Белой башни».

— А вторая половина откуда?

— Вторая — прямо из космоса, непосредственно с твоей родины.

В палату приковыляла полная, коренастая медсестра. Вид у нее был усталый. В руке медсестра несла резиновый жгут и шприц.

— Надо взять у вас кровь на анализ, святой отец,— сообщила она Дайеру.

— Опять?

Сестра застыла на месте.

— Что значит «опять»? — удивилась она.

— Только что, минут десять назад, у меня уже брали кровь.

— Вы, наверное, шутите, святой отец?

Дайер поднял руку, и на внутренней стороне локтя мелькнул маленький кусочек пластыря.

— А вот и дыра,— добавил он.

— Черт побери, а ведь и правда,— возмутилась сестра.

Резко повернувшись, она с воинственным видом покинула палату. Спустя мгновение коридор огласился ее свирепым воплем:

— Кто посмел зайти к этому парню?

Дайер уставился на распахнутую дверь:

— До чего же мне по душе такое внимание и забота,— пробормотал он.

— Да, здесь довольно мило,— согласился Киндерман.— Спокойненько и полнейшая тишина. Да, кстати, а как у вас здесь с учебной тревогой?

— О, я совсем забыл,— встрепенулся вдруг Дайер. Он дотянулся до ящика тумбочки и, выдвинув его, извлек оттуда вырезанную из журнала карикатуру. Потом со словами: «Специально берег для вас»,— протянул ее Киндерману.

Следователь посмотрел на картинку. Там был изображен бородатый рыбак рядом с гигантским карпом. Надпись гласила: «Эрнст Хемингуэй во время пребывания в Скалистых горах выловил карпа более пяти футов длиной, но потом-таки передумал писать об этом».

Киндерман суровым взглядом окинул Дайера и поинтересовался:

— Где ты это достал?

— Вырезал из «Санди Мессенджер». Знаешь, а мне немного легче.— Он вынул из пакета гамбургер и начал с аппетитом уплетать его.— М-м, спасибо, Билл. Это прекрасно. Кстати, карп до сих пор плавает в ванне?

— Его казнили вчера вечером.— Киндерман с удовольствием наблюдал, как Дайер принялся за вторую порцию.— Матушка Мэри откровенно рыдала за столом. Что же касается меня, то я хладнокровно принимал в это время ванну.

— Это чувствуется,— заметил Дайер.

— Как вам нравятся гамбургеры, святой отец? Кстати, сейчас ведь великий пост.

— Я освобожден от всех постов,— возразил Дайер.— Я болен.

— А на улицах Калькутты дети умирают от голода.

— Они не едят коров,— парировал Дайер.

— Все, сдаюсь. Еврей, выбирая в друзья священника, получает кого-нибудь вроде Шардена. А что мне досталось? Священник, который интересуется новинками женской моды и обращается с людьми так, будто у него в руках кубик Рубика, он вертит его во все стороны, как ему понравится. Главное, чтобы получился один цвет. Кому все это надо?

— Не желаешь гамбургер? — Дайер протянул Киндерману кулек.

— Пожалуй, один съем.— Глядя на аппетитно жующего Дайера, лейтенант почувствовал, что и впрямь проголодался. Он сунул руку в кулек и вынул гамбургер.— Мне они особенно нравятся из-за этих маленьких маринованных огурчиков. Без них как будто что-то теряется.— Киндерман отхватил здоровенный кусище, и как раз в этот момент в палату вошел врач.

— Доброе утро, Винсент,— поздоровался Дайер.

Амфортас кивнул и, остановившись возле кровати, взял со столика карту назначений и молча пробежал ее глазами.

— А это мой друг лейтенант Киндерман,— представил следователя Дайер.— Билл, познакомься, это доктор Амфортас.

— Рад познакомиться,— приветливо окликнул врача Киндерман.

Казалось, Амфортас не слышал его. Он что-то записывал в карте.

— Меня вроде завтра выписывают,— начал было Дайер.

Амфортас кивнул и положил карту на место.

— А мне здесь понравилось,— заявил Дайер.

— Да, и медсестры тут просто потрясающие,— добавил Киндерман.

Впервые за все время Амфортас взглянул на следователя. Лицо его по-прежнему оставалось безучастным, глаза серьезными, но в глубине этих грустных, темных глаз скрывалась какая-то тайна. «О чем он сейчас думает? — размышлял Киндерман.— Неужели я вижу улыбку в этих полных печали глазах?»

Их взгляды встретились лишь на мгновение, потом Амфортас повернулся и вышел из палаты. В коридоре он сразу же свернул налево и скрылся из виду.

— Твой врач, похоже, хохочет без умолку,— пошутил Киндерман.— С каких это пор талантливые трагики занимаются медициной?

— Бедный парень,— посочувствовал Дайер.

— Бедный? А что с ним случилось? Вы уже успели подружиться?

— Он потерял жену.

— А, понимаю.

— Он так и не оправился полностью.

— Развод?

— Нет, она умерла.

— Жаль. И давно?

— Уже три года,— ответил Дайер.

— Это гигантский срок,— заметил Киндерман.

— Я знаю. Но она умерла от менингита.

— Что ты говоришь!

— И он до сих пор не может простить себе этого. Он сам лечил ее, но не смог не только спасти, но даже облегчить ее страданий. И это разрывало его сердце. Сегодня он работает здесь последний день, а затем увольняется. Он решил посвятить всего себя исследователь-

ской работе. А начал он свои опыты как раз, когда она умерла.

— А что он исследует? — заинтересовался Киндерман.

— Боль, — охотно пояснил священник. — Он изучает боль.

Казалось, Киндерман слегка оживился, услышав это.

— Ты что, все о нем знаешь? — удивился он.

— Да, вчера он мне полностью открылся, — кивнул Дайер.

— Он любит поговорить?

— Ну, ты же знаешь, как действуют на людей священники. Мы как магнит для встревоженной души.

— А можно сделать соответствующее заключение и относительно меня?

— Если галоши подходят, почему бы их не надеть?

— А он католик?

— Кто?

— Тулуз Лотрек. Разумеется, доктор, о ком же я еще могу спрашивать?

— Ну, ты частенько так неясно выражаешься...

— Это обычный способ. Особенно, когда имеешь дело с чокнутым. Итак, Амфортас католик или нет?

— Да, он католик. И вот уже много лет подряд ежедневно посещает мессу.

— Какую мессу?

— В шесть тридцать утра в церкви Святой Троицы. Кстати, я тут обдумывал твою проблему.

— Какую проблему?

— Насчет зла, — напомнил Дайер.

— Да разве это только МОЯ проблема? — фыркнул Киндерман. — Чему же тебя столько лет учили? Вы в своей семинарии для слепых одни корзины, что ли, плетете? Это проблема КАЖДОГО!

— Понимаю, — согласился Дайер.

— А вот это уже странно.

— Тебе не мешало бы относиться ко мне с добротой.

— А плюшевый медведь?

— Медведь тронул меня до глубины души. Так мне можно говорить?

— Но это очень опасно,— нахмурился Киндерман. Потом, со вздохом взяв с кровати газету, раскрыл ее и начал читать.— Валяй, рассказывай, я весь внимание.

— Так вот, я тут кое о чем подумал,— продолжал Дайер.— Пока я лежу в больнице и все прочее...

— Пока ты лежишь в больнице совершенно здоровый,— вставил Киндерман.

Дайер не обратил никакого внимания на этот выпад.

— Я задумался о некоторых вещах, связанных с хирургией.

— Да на них практически ничего и нет,— вдруг весело вскинулся Киндерман. Он с головой погрузился в рассматривание «Женской одежды».

— Говорят, когда человек находится под наркозом,— снова заговорил Дайер,— его подсознание продолжает ощущать все, что с ним происходит. Оно слышит голоса врачей и медсестер. Оно чувствует боль.— Киндерман оторвался от газеты и посмотрел на священника.— Но когда человек приходит в себя, у него остается впечатление, будто ничего с ним не происходило. Поэтому, может быть, когда мы снова вернемся к Богу, то же самое случится и со всей мирской болью.

— Это правда,— согласился Киндерман.

— Ты тоже так считаешь? — удивился Дайер.

— Я имею в виду подсознание,— пояснил Киндерман.— Известные психологи, светила прошлых лет, проводили множество экспериментов. Так вот, они выяснили, что внутри нас существует и второе сознание, которое мы называем подсознанием. Один из таких исследователей — Альфред Бине. Послушай! Однажды он за гипнотизировал девушку. И внушил ей, будто с этого момента она не видит его, не слышит и не знает, что он делает. Потом, вложив ей в руку карандаш, он расстелил на столе бумагу. В комнату входит помощник и начинает задавать девушке самые различные вопросы. В это же время сам Бине тоже спрашивает ее о чем-то. Девушка начинает отвечать помощнику, и **ОДНОВРЕМЕННО** пишет на бумаге ответы на вопросы Бине! Удивительно! Но это еще не все. Во время сеанса Бине колет девушку булавкой. Она, разумеется, ничего не замечает и продолжает спокойно беседовать с помощником. Но карандаш в ее руке движется по бумаге, и вско-

ре она выводит следующее: «Пожалуйста, не делайте мне больно». Разве это не поразительный факт? И то, что ты мне сейчас рассказал про хирургию, тоже правда. Кто-то внутри нас все равно чувствует и как нас режут, и как зашивают. Но кто? — Неожиданно Киндерман вспомнил свой странный сон и непонятное, загадочное высказывание Макса: «У нас две души».

— Подсознание,— мрачно проговорил Киндерман.— Что же это такое? КТО это такой? Что у него общего с коллективным подсознанием? И как ты уже догадался, это тоже входит в мою теорию.

Дайер отвернулся и только махнул рукой.

— А, опять ты про это,— пробормотал он.

— Да, дорогой мой, тебя просто съедает зависть, что Киндерман — гений, светлая голова, и сейчас он на пороге великого открытия, он-то разрешит проблему зла,— ораторствовал Киндерман. Потом, насупив брови, продолжал: — Мой гигантский мозг напоминает осетра, окруженного пескарями.

Дайер резко повернулся:

— А тебе не кажется, что это уже просто неприлично?

— Ничуть.

— Ну, а тогда почему же ты мне так до конца и не поведаешь свою теорию? Давай-ка выслушаем и забудем, наконец, о ней,— распалялся Дайер.— А то в коридоре уже выстроилась целая очередь желающих исповедаться.

— Нет, уж очень она сложна для твоего понимания,— угрюмо пробурчал Киндерман.

— Почему же тогда тебе не по душе мысль о первоначальном грехе?

— А с какой стати новорожденные младенцы должны нести ответственность за то, что когда-то совершил Адам?

— Это тайна,— возмутился Дайер.

— Скорее шутка. Должен признаться, я не раз задумывался над этим,— возразил Киндерман. Он наклонился к Дайеру, и глаза его загорелись.— Если бы, например, грех состоял в том, что много миллионов лет тому назад ученые взорвали планету какими-нибудь нейтронными бомбами, и сейчас в атомах нашего тела наблюдались бы мутации. Может быть, именно вследствие по-

добного кошмара образуются сейчас вирусы, которые несут болезни, может быть, поэтому происходит сумятица в окружающей среде, начинаются различные землетрясения и прочие катастрофы. Что касается самих людей, то они в силу мутаций сходят с ума и превращаются в настоящих чудовищ. Они принимаются уплетать мясо, точно так же, кстати, как и животные, но вместе с тем обожают торчать в ванне и слушать рок-н-ролл. И ничего не поделаешь. Это ведь у них в генах. Даже Бог не смог бы здесь ничем помочь. Грех — такая штука, которая запрятана глубоко в генах.

— А что, если каждый человек, родившийся на Земле, составлял когда-то часть Адама? — вдруг предположил Дайер. — Я имею в виду, физически. Будучи действительно одной из его клеток.

Киндерман подозрительно посмотрел на священника:

— Итак, святой отец, я вижу, вы посещали не только воскресную школу, где в вас вдалбливали катехизис. Вы, похоже, увлекались игрой в бинго, поэтому вам совсем не чужд дух авантюризма. И откуда только в вашу голову могла закрасться подобная мысль?

— А что такого? — удивился Дайер.

— Да ты, оказывается, способен думать. Но эта идея не проходит.

— Почему нет?

— Только еврей может придумать подобное. Ведь получается, что Бог у вас какая-то сварливая и несостоятельная брюзга. Давай разберемся. Ведь Бог может остановить всю эту ерунду в любой момент, когда только пожелает. И может точно так же легко начать все заново. Разве Он не может сказать: «Ну-ка, Адам, пойдй умойся, пора обедать» — и сразу же обо всем позабыть? И не может сам скорректировать гены? Евангелисты твердят нам: забывайте и прощайте, а Бог разве этого не может? И развязывается кровавая бойня, как в Сицилии. Жаль, Пьюзо¹ этого не слышит. Мы бы с ним в два счета отсняли очередную порцию «Крестного отца».

— Ну, хорошо, но в чем же, наконец, заключается твоя теория? — настаивал Дайер.

Следователь хитро улыбнулся.

¹ Пьюзо Марио — автор бестселлера «Крестный отец».

— Я все еще корплю над ней, святой отец. Мое подсознание собирает ее по кусочкам и отшлифовывает.

Дайер отвернулся и тяжело опустил голову на подушки.

— Как я измучился,— вздохнул он и уставился в темный экран неисправного телевизора.

— Тогда еще один намек,— не унимался Киндерман.

— Когда же починят эту дурацкую штуковину?

— Перестань язвить в мой адрес и выслушай намек. Дайер откровенно зевнул.

— Кстати, это из твоего Евангелия,— продолжал Киндерман.— То, как ты поступаешь со слабым, так ты поступаешь со Мной,— перефразировал он.

— Установили бы здесь хоть какие-нибудь игровые автоматы, что ли. «Космических завоевателей», например.

— «Космических завоевателей»? — как эхо повторил Киндерман и задумался.

Дайер повернулся к нему и попросил:

— А ты не можешь купить мне газету в местном киоске?

— Какую именно? «Глобус» или «Звезду»?

— Мне кажется, «Звезда» выходит по средам, правда?

— Да нет, я пошутил. Я просто искал связь между нашими мирами.

Дайер обиделся:

— А почему тебе не нравятся эти газеты? Вот недавно там писали, что Мики Руни лицезрел призрака, как две капли воды похожего на Авраама Линкольна. Ну, где только еще ты об этом прочитаешь?

Детектив сунул руку в карман и начал там шарить:

— Вот, у меня здесь есть несколько книжонок, может, они тебя развлекут,— предложил он Дайеру. Тот задержал взгляд на названиях и поморщился.

— Документальные исследования,— сердито проворчал он.— Тоска. Мне бы роман какой-нибудь.

Киндерман поднялся со стула:

— Хорошо, я принесу роман.— Затем подошел к столику и взял карту назначений.— Какой именно? Исторический?

— Купи мне «Угрызения совести»,— потребовал Дайер.— Я уже дошел до третьей главы, но забыл захватить роман в больницу.

Киндерман посмотрел куда-то мимо него, положил карту на место и, повернувшись, медленно направился к двери.

— После обеда,— пообещал он.— Перед обедом нельзя возбуждаться. Да и мне, кстати, тоже неплохо было бы перекусить.

— После поглощения трех гамбургеров?

— Двух. Но кто же тут их подсчитывает?

— Если у них этого романа нет, возьми «Принцессу Дейзи»,— крикнул ему вслед Дайер.

Покачивая головой, Киндерман покинул палату.

Двинувшись вдоль коридора, он внезапно остановился. У дежурного столика следователь заметил Амфортаса, записывающего что-то в блокнот. Киндерман быстро подошел к врачу, меняя на ходу выражение лица. Он прикинулся озабоченным и встревоженным.

— Доктор Амфортас? — мрачно произнес Киндерман.

Невропатолог поднял глаза.

«Снова эти глаза,— подумал Киндерман.— Что за тайна прячется в них?»

— Я бы хотел поговорить с вами об отце Дайере,— начал было следователь.

— С ним все в порядке,— коротко доложил Амфортас и вновь вернулся к своему блокноту.

— Да, мне известно,— не отступал Киндерман.— Но я хотел бы поговорить о другом. Это чрезвычайно важно. Мы оба — друзья отца Дайера, но кое в чем я помочь ему не могу. Только вы.

Встревоженный тон лейтенанта привлек, наконец, внимание врача, и взгляд печальных темных глаз застыл на лице Киндермана.

— Что случилось? — поинтересовался он.

Следователь огляделся и заговорил:

— Ну, только не здесь. Может быть, поищем более укромное местечко? — Он взглянул на часы.— Кстати, мы могли бы пообедать.

— Я никогда не обедаю,— заявил Амфортас.

— Тогда вы можете смотреть на меня. Пожалуйста. Это очень важно.

Амфортас внимательно изучал его и колебался.

— Ну, хорошо,— наконец согласился он.— А нельзя ли поговорить у меня в кабинете?

— Я очень голоден.

— Тогда я сейчас оденусь.

Амфортас ушел и вскоре вернулся в своем синем свитере.

— Ну вот, я готов,— сказал он Киндерману.

Тот посмотрел на свитер и заметил:

— Вы так замерзнете. Надо еще что-нибудь накинуть.

— Этого хватит.

— Нет-нет, оденьтесь потеплее. Я уже вижу заготовки завтрашних газет: «Невропатолог напоявал сражен морозом. Неизвестный полный мужчина разыскивается для дачи показаний». Набросьте сверху какую-нибудь кофту. Чтобы стало совсем тепло. Иначе вина гажким бременем обрушится на меня. А кроме того, вы, по-моему, не больно-то питаете здоровьем.

— Все в порядке,— тихо возразил Амфортас.— Но все равно спасибо вам за заботу.

Киндерман казался удрученным:

— Ну, хорошо,— смирился он.— Во всяком случае, я вас предупреждал.

— И куда мы пойдем? Только не очень далеко.

— В «Могилку»,— ответил Киндерман.— Ну, двинули.

Он ухватил врача под руку и вместе с ним направился к лифтам.

— Вам будет очень полезно поесть. Да и прогуляться по свежему воздуху тоже. Это улучшает цвет лица. А обед фигуре не повредит. Кстати, ваша матушка в курсе, что вы пропускаете обеды? Ну, хорошо, я уже понял, что вы очень упрямы. Это заметно.— Киндерман окинул взглядом врача. Что это, улыбка? Кто знает? «Да, трудный случай, очень трудный»,— констатировал про себя лейтенант.

По дороге в «Могилку» Киндерман задавал бесчисленные вопросы о состоянии Дайера. Амфортас был занят своими мыслями и поэтому отвечал очень коротко или кивал. А то и просто отрицательно качал головой. Выходило, что такие симптомы, как у Дайера, в некоторых случаях действительно давали повод заподозрить мозговую опухоль, но у священника это, скорее

всего, было связано с излишним напряжением и усталостью. Он очень много работал и переутомился.

— Переутомился? — удивленно воскликнул Киндерман, когда они уже входили в «Могилку». — Напряжение? Кто бы мог подумать? Да он же нынче как вареная лапша!

В «Могилке» столики были накрыты чистыми скатертями в красно-белую клетку, а за большой круглой дубовой стойкой подавали пиво в высоких стеклянных кружках. Стены украшали многочисленные гравюры, изображавшие сценки из прошлой жизни Джорджтауна. Народу было не так уж много, приближалось время ленча. Еще при входе Киндерман заметил уютный кабинет.

— Вон туда, — указал он, и скоро они уже сидели за небольшим столиком в нише.

— Я так голоден, — повторил Киндерман.

Амфортас ничего не ответил. Он сложил на коленях руки и, склонив голову, молча уставился на них.

— Вы будете что-нибудь есть, доктор?

Амфортас только покачал головой.

— Ну, что там насчет Дайера? — спросил он. — Что вы мне хотели рассказать?

Киндерман наклонился к нему и яростно прошептал:

— Не чините ему телевизор.

Амфортас удивленно посмотрел на Киндермана:

— Простите, не понял вас.

— Не чините ему телевизор. А то он все узнает.

— Что он узнает?

— Вы еще не слышали про убийство священника?

— Конечно, слышал, — сказал Амфортас.

— Этот священник был закадычным другом отца Дайера. И если вы почините телевизор, то он узнает об этом из новостей. И еще: не приносите ему газет, доктор. И запретите сестрам.

— И для этого вы привели меня сюда?

— Не будьте так жестоки, — упрекнул врача Киндерман. — У отца Дайера очень чувствительная душа. И в любом случае, пока человек лежит в больнице, лучше его не расстраивать.

— Но он уже знает.

Следователь остолбенел:

— Он знает?

— Да, мы с ним говорили об этом,— подтвердил Амфортас.

Следователь отвернулся и понимающе покачал головой.

— Как это похоже на него,— наконец заговорил Киндерман.— Он не хотел беспокоить меня, поэтому притворился, что абсолютно ничего не знает.

— Так зачем вы привели меня сюда, лейтенант?

Киндерман повернулся к врачу. Амфортас пристально смотрел на него.

— Зачем я привел вас сюда? — смущенно пробормотал Киндерман. Он уставился на Амфортаса, стараясь выдержать этот вопрошающий взгляд, и щеки у него начали краснеть.

— Вот именно, зачем? Видимо, все-таки не для того, чтобы поговорить о неисправном телевизоре,— съязвил Амфортас.

— Да, я вам солгал,— выпалил вдруг следователь. Теперь у него пылало все лицо, он отвернулся и засмеялся: — От вас ничего не скроешь. Я не знаю, как мне сохранять полное спокойствие и невозмутимость.— Киндерман снова повернулся к Амфортасу и беспомощно вскинул над головой руки: — Да, я виновен. Я бесстыжий. Я солгал. Но я ничего не мог поделать с собой, доктор. Неведомые силы побороли меня. Я предлагал им пряник и уговаривал: «Подите прочь!», но они-то знали мою слабину, поэтому не отступали и твердили: «Солги, иначе на обед ты получишь какой-нибудь дрянной бутербродик с ломтиком прокисшей дыни!»

— Надо было предложить им тако¹, тогда бы подействовало,— посоветовал Амфортас.

Киндерман от неожиданности опустил руки. Выражение лица Амфортаса несколько не изменилось, оно по-прежнему сохраняло спокойствие, а глаза все так же пристально изучали Киндермана. Но ведь следователь только что своими ушами слышал его шутку.

— Да, и тако тоже,— неуверенно подхватил он.

— Ну, так чего же вы хотите? — осведомился Амфортас.

¹ Тако — острое мексиканское блюдо, плоский пирог с салатом и мясом.

— Вы простили меня? Я бы хотел услышать от вас кое-что.

— О чем?

— О боли. Это просто сводит меня с ума. Отец Дайер говорил мне, что вы работаете в этой области, и что вы — настоящий специалист. Вы не возражаете? А чтобы затащить вас сюда и спокойненько поговорить, мне пришлось пойти на хитрость. Но теперь я страшно смущен и прошу вашего прощения. Доктор, вы ведь уже простили меня? Может быть, договоримся на условное отбывание наказания?

— Вам что-то причиняет постоянную боль? — поинтересовался Амфортас.

— Да, и это «что-то» называется Райан. Но сейчас я бы хотел поговорить не о нем.

Амфортас по-прежнему оставался мрачным.

— О чем же? — тихо спросил он.

Но прежде чем следователь успел ответить, перед ними возник официант и протянул меню. Это был совсем молодой парень, видимо, студент. Скорее всего, он подрабатывал в кафе. В глаза бросался его ярко-зеленый галстук и жилетка.

— Вы будете обедать? — вежливо осведомился юноша.

Официант все еще протягивал меню, но Амфортас кивнул на Киндермана:

— Нет, это не мне. Мне принесите только чашку черного кофе. Этого достаточно.

— Тогда и я не буду обедать, — заявил следователь. — Мне только чай с лимоном, пожалуйста. И пряники. У вас есть такие круглые, с имбирем и орехами?

— Есть, сэр.

— Тогда принесите их. Кстати, почему это сегодня на всех официантах жилетки и галстуки?

— Праздник святого Патрика. В «Могилке» его отмечают всю неделю, — сообщил официант. — Больше ничего заказывать не будете?

— У вас сегодня есть куриный суп?

— Да, с лапшой.

— С чем угодно. Принесите одну порцию, пожалуйста.

Официант кивнул и отправился выполнять заказ.

Киндерман нахмурился, разглядев на соседнем столике большую пивную кружку, доверху наполненную светлым пивом.

— Просто бред какой-то,— проворчал он.— Человек гоняется за змеями, как полоумный, а вместо того, чтобы поместить его в палату для буйных где-нибудь в психлечебнице, католики причисляют его к лику святых.— Он повернулся к Амфортасу.— Эти маленькие садовые змейки, они же совершенно безвредные, они даже картошку не едят. Ну разве такое поведение разумно, доктор?

— А я-то думал, что вы голодны,— заметил Амфортас.

— Неужели вы не можете оставить человеку хоть капельку достоинства? — расстроился Киндерман.— Да, конечно, это было моей очередной ложью. Я всегда так поступаю. Я неисправимый врунишка, стыд и позор всего нашего участка. Теперь вы удовлетворены, доктор? Милости просим использовать мой мозг для своих опытов. Я только тогда смогу спокойно отойти в мир иной, когда буду знать, отчего это происходит. Ведь мое вранье сводит меня с ума вот уже долгие годы!

В глазах доктора промелькнула лукавая усмешка.

— Вы начали говорить о боли,— напомнил он.

— Это правда. Послушайте, вы ведь знаете, что я работаю в отделе по расследованию убийств.

— Да.

— И мне часто приходится сталкиваться с болью, которая обрушивается на невинных людей,— вздохнув, признался следователь.

— А почему это вас так волнует?

— Вы религиозны, доктор?

— Я католик.

— Это хорошо, тогда вы сами должны все знать и понимать. Мои вопросы будут касаться доброты Бога,— пояснил Киндерман.— И того, каким образом погибают невинные детишки. Избавляет ли их Бог от чудовищной, невероятной боли? Как в том фильме «А вот и мистер Джордан», где ангел извлекает героя из падающего самолета как раз в тот момент, когда происхо-

дит катастрофа. Повсюду только и судачат о таких вот случаях. Возможно ли такое? Сталкиваются, к примеру, два автомобиля. В одном находятся трое детей. Они не пострадали от удара, но вот машина загорелась, дети оказались в ловушке и не могут сами выбраться из машины. Позже в газетах мы читаем, что они сгорели заживо. Это ужасно. Но что они чувствуют, доктор? Где-то я слышал, будто кожа в эти мгновения немеет. Это так?

— Вы очень странный следователь,— признался Амфортас. Сейчас он смотрел прямо в глаза Киндерману.

Лейтенант пожал плечами:

— Я старею. И мне необходимо задумываться о таких вещах. Ведь хуже от этого не станет. Ну, и каков же ответ на мой вопрос?

Амфортас опустил глаза.

— Никто не знает,— тихо вымолвил он.— Мертвые ничего не могут нам рассказать. Все, что угодно, может произойти в такие минуты,— пояснил врач.— Человек может задохнуться от дыма прежде, чем до него доберется пламя. Может случиться сердечный приступ или смерть от шока. Кроме того, поток крови сразу же устремляется к жизненно важным органам в надежде как-то защитить их. Отсюда и сообщения о «немеющей коже».— Он пожал плечами.— Я не знаю. Мы можем только догадываться.

— А если все не так, как вы говорите? — засомневался следователь.

— Но ведь это только предположения и размышления,— напомнил Амфортас.

— Ну, пожалуйста, доктор, поразмышляйте еще немножко. Я весь внимание.

Подошел официант с заказом. Он хотел было поставить тарелку с супом перед Киндерманом, но лейтенант жестом указал на доктора: — Нет-нет, это ему,— а когда тот начал возражать, перебил его: — Не заставляйте меня звонить вашей матушке. Здесь куча витаминов и только те продукты, которые упоминаются в Торе. Не упрямитесь. Вы должны поесть. Эта лапша — просто кладезь полезных веществ.

Амфортас сдался, и официант поставил перед ним тарелку.

— Кстати, мистер Маккуи сейчас здесь? — поинтересовался Киндерман.

— Да, по-моему, он у себя наверху, — подтвердил официант.

— Вы бы не могли позвать его на минуточку сюда? Однако если он очень занят, то не стоит его беспокоить. Это не так уж важно.

— Хорошо, сэр. Я его позову. Как ваше имя?

— Уильям Ф. Киндерман. Он знает меня. Но если он занят, то не надо.

— Хорошо, я передам. — Официант удалился.

Амфортас смотрел на лапшу.

— От первых ощущений боли до самой смерти проходит двадцать секунд. Так вот, когда сгорают нервные окончания, они, естественно, перестают выполнять свои функции, и боль сразу же прекращается. Когда именно это происходит, мы тоже можем лишь догадываться. Однако не позднее, чем через десять секунд. Но в течение этих десяти секунд боль действительно невыносима и неопишима. Вы находитесь в полном сознании и понимаете, ЧТО происходит. Адреналин поступает в избытке.

Киндерман, уставившись себе под ноги, качал головой.

— Как же Бог допускает такое? Это еще одна тайна. — Он поднял глаза и посмотрел на доктора. — А вы никогда об этом не задумывались? Это вас не злит?

Амфортас какое-то время колебался, а потом заглянул в глаза следователю.

«Да этот человек просто горит желанием что-то рассказать мне, — подумал Киндерман. — Что за тайну схоронил он в себе?» Лейтенанту внезапно показалось, что Амфортас испытывает нечеловеческую боль, которой хочет поделиться с ним, но что-то продолжает его удерживать.

— Наверное, я ввел вас в заблуждение, — спохватился Амфортас. — Я ведь пытался исходить из ваших собственных предположений. И забыл сказать вам, что в тот момент, когда боль становится невыносимой, нервная система испытывает перегрузку. Она отключается, и боль прекращается.

— А, понимаю.

— Боль — очень странная штука, — задумчиво про-

изнес Амфортас.— Если у человека боль длится долгое время, а потом его неожиданно лишают этой боли, то обычно развиваются серьезные душевные заболевания. Можно вспомнить эксперименты над собаками,— продолжал он.— И результаты этих опытов довольно-таки занимательны.

Амфортас рассказал следователю об опытах над скотч-терьерами, проведенных еще в 1957 году. Собак выращивали в изоляции, в специальных вольерах. Брали маленьких щенят и содержали их там до полового созревания. Они никогда не общались ни с другими собаками, ни с людьми. Их оберегали от всяческих травм, ушибов и даже царапин. Когда щенки подросли, им причиняли боль, и реакция на нее была весьма неадекватной. Многие щенки совали нос в горящие спички, затем инстинктивно отдергивали его, но через секунду снова пытались понюхать пламя. Если оно случайно затухало, точно так же собаки реагировали и на вторую спичку, и на третью. Другие щенки вообще не обращали на огонь внимания, однако тоже не пытались избежать контакта с огнем, когда ученые пытались обжечь их. И неважно, сколько раз это повторялось. К такому же результату пришли экспериментаторы во время опытов по укалыванию собак булавками. С другой стороны, такие же терьеры, но выращенные в естественной среде, сразу же понимали, откуда может исходить опасность, и при повторном появлении булавки или спички в руках ученого пытались увернуться.

— Боль — загадочное явление,— подытожил Амфортас.

— Скажите мне откровенно, доктор, как вы считаете, Бог мог бы защитить нас как-нибудь иначе? Скажем, придумать некую сигнальную систему, которая предупреждала бы нас о возможной опасности?

— Вы имеете в виду безусловный рефлекс?

— Ну, что-то вроде колокольчика, который звенел бы каждый раз у нас в голове.

— Представьте себе, что случится, если у вас, скажем, повреждена артерия,— произнес Амфортас.— Вы что, сразу же кинетесь накладывать жгут, или решите слегка повременить и закончить игру в карты? А если это произойдет с ребенком? Нет, это вряд ли поможет.

— Тогда почему не сотворить человеческое тело невосприимчивым к повреждениям?

— Об этом спросите у Бога.

— Но я спрашиваю вас.

— Я не знаю ответа.

— А чем вы занимаетесь у себя в лаборатории, доктор?

— Стараюсь выяснить, как можно отключить боль, когда в ней нет необходимости.

Киндерман затаил дыхание, но Амфортас так ничего больше и не сказал:

— Ешьте суп,— нарушил, наконец, молчание следователь и пододвинул к нему тарелку с супом.— А то он остынет. Как любовь Бога.

Амфортас взял ложку, но тут же отложил ее в сторону. Ложка тихонько звякнула, стукнувшись о край тарелки.

— Я тоже не голоден,— произнес врач.— Я вспомнил кое-что. Мне надо идти.— Он поднял глаза и уставился на Киндермана.

— Странно, что вы вообще верите в Бога,— отзывался Киндерман.— С вашими знаниями о мозге и его функциях.

— Мистер Киндерман? — послышался вдруг голос официанта. Он уже стоял перед столиком.— Мистер Маккуи, похоже, очень занят сейчас. Я подумал, что лучше его не беспокоить. Извините.

Подумав немного, следователь проговорил:

— Нет, пожалуй, побеспокойте его.

— Но вы же сами сказали, что это не так важно.

— Так-то оно так. Но все равно побеспокойте его. Я ужасно капризный человек, у меня свои причуды. Я старенький.

— Хорошо, сэр.— Официант немного постоял, но потом все же отправился вверх за хозяином кафе.

Киндерман снова повернулся к Амфортасу:

— А вам не кажется, будто все, что мы называем «душой», на самом деле — не более, чем процессы, протекающие в нейронах?

Амфортас посмотрел на часы.

— Я вспомнил кое-что,— повторил он.— Мне надо идти.

Киндерман удивленно взглянул на него. «Может быть, я схожу с ума? Ведь он уже говорил это». — На чем вы остановились? — произнес он вслух.

— Простите, не понял, — замялся Амфортас.

— Ну, неважно. Послушайте, побудьте со мной еще чуточку. У меня пока не все. Меня тут мучают разные сомнения. Вы не задержитесь на минутку? Кроме того, невежливо прямо так уходить из-за стола. Я еще не допил чай. Разве цивилизованные люди так поступают? Даже всякие там знахари и шарлатаны не вытворяют таких штук. Вот они сидели бы себе спокойненько и наматывали все на ус, а старый глупый толстяк пусть распинается о чем угодно. Вот это и называется «правилами хорошего тона». Я не слишком отвлекся? Отвечайте прямо. Мне тут все пеняют, будто я неясно выражаюсь, хожу вокруг да около, и я должен рассеять эти утверждения. Неужели это и в самом деле так? Только честно.

Амфортас вздохнул, и что-то похожее на удовлетворение проскользнуло в глубине его глаз.

— Так чем же я все-таки могу вам помочь, лейтенант? — спросил он.

— Это все та же проблема мозга и ума, — объявил Киндерман. — Уже столько лет подряд я мечтаю проконсультироваться у хорошего невропатолога, но, вы понимаете, я очень стесняюсь незнакомых людей. А вот теперь меня свели с вами. И я счастлив, что мне представляется такой случай. Так вот, разъясните мне, неужели все чувства и мысли человека на самом деле являются процессами в нейронах мозга?

— Вы хотите сказать, будто это то же самое, что и нейроны?

— Да.

— А что вы сами думаете по этому поводу? — поинтересовался Амфортас.

Киндерман задумался и, приняв серьезный вид, кивнул:

— Я думаю, что это одно и то же, — важно изрек он.

— А почему?

— А почему бы нет? — парировал следователь. — Кому это приспичит продираться в таких дебрях, как

душа, если мозг функционирует достаточно ясно, чтобы все объяснить. Я прав?

Амфортас слегка подался вперед. Видимо, эти слова тронули его, и он заговорил уже более мягко:

— Предположим, что вы любуетесь небом,— с жаром начал он.— Перед вами огромное однородное пространство. Это примерно то же, что и электрические разряды между клетками мозга. Вот вы видите грейпфрут. В вашем чувственном восприятии появляется образ округлого предмета. Но проекция этого грейпфрута в вашей затылочной доле мозга вовсе не круглая. Она более смахивает на эллипс. Так как же тогда эти вещи могут быть одним и тем же? Когда вы думаете о Вселенной, неужели вы в состоянии разместить ее в своем мозгу? Или, скажем, предметы, находящиеся в этом кафе. Они имеют иную форму, нежели клетки вашего мозга. Так что же, неужели они становятся такими в вашем мозгу? Есть и другие загадки, над которыми стоит поразмышлять. Одна из них — избирательная способность мозга. Каждую секунду на вас обрушиваются сотни, а может быть, тысячи чувственных впечатлений, но вы фильтруете их и выбираете именно те, которые необходимы в данный момент. Так вот, все эти бесчисленные решения принимаются даже не за секунду, а за долю секунды. Кто же принимает решение, что именно отбросить, а что — оставить? И вот еще что, лейтенант: мозг шизофреника структурно находится в более выгодном положении, чем мозг человека, не страдающего психическими заболеваниями. Между прочим, многие люди, после того, как у них удаляют большую часть мозга, все равно продолжают вести себя адекватно.

— А что вы скажете о том ученом с электродами,— заявил Киндерман.— Он дотрагивался до некоторых участков, и человек либо слышал голос из далекого прошлого, либо испытывал определенные эмоции.

— Знаю. Это Уилдер Пенфилд,— отозвался невропатолог.— Но испытуемые в один голос утверждали, будто все эти ощущения шли не от них самих, а откуда-то извне. Это было им **НАВЯЗАНО**.

— Весьма странно слышать такое от представителя ученых кругов,— вставил следователь.

— Уилдер Пенфилд также не считает, что мозг и ум — это одно и то же. Так же, как и сэр Джон Экклес, английский физиолог, который получил Нобелевскую премию за свои исследования мозга.

Киндерман удивленно вскинул брови:

— В самом деле?

— Да. Если бы ум и мозг были идентичны, то мозг обладал бы некоторыми штучками, совсем не обязательными для существования тела. Например, удивление или осознание самого себя. Некоторые ученые идут даже дальше, они считают, что человеческое сознание сконцентрировано не в мозгу. Есть некоторые теории, предполагающие, будто человеческое тело, включая и мозг, внешний мир, все это пространственно, а также расположено внутри сознания. И последнее, лейтенант. Хочу предложить вам веселый куплет.

— Я обожаю веселые куплеты.

— Я тоже, но этот мне, пожалуй, особенно нравится:

Когда бы вес мозга
Был весом ума —
Любой бегемот
Стал мудрей бы Ферма.

С этими словами невропатолог нагнулся над тарелкой и начал стремительно уплетать лапшу.

Краешком глаза Киндерман заметил, как к их столу приближается Маккуи.

— Это именно то, что я думаю, — заявил лейтенант Амфортасу.

— Что? — не понял врач, замерев с ложкой у рта и удивленно уставившись на собеседника.

— Я решил ненадолго стать адвокатом дьявола¹. Я вполне согласен, ум — это не мозг. Я абсолютно уверен.

— Вы очень странный человек, — признался Амфортас.

— Да, вы мне уже об этом говорили.

— Вы хотели видеть меня, лейтенант?

Киндерман поднял глаза и увидел Маккуи. Тот, как всегда, был в пенсне, неизменном темно-синем блейзере

¹ Адвокат дьявола — лицо, которому поручено при католической канонизации поддерживать сомнения в действительности чудес, совершенных усопшим.

и серых фланелевых брюках. Он смахивал на прилежного ученика.

— Ричард Маккуи, а это доктор Амфортас,— представил их друг другу Киндерман. Маккуи сразу же протянул руку и поздоровался с доктором.

— Очень рад познакомиться,— заулыбался он.

— Я тоже.

Маккуи повернулся к следователю.

— Так я вас слушаю.— Он демонстративно посмотрел на часы.

— Все дело в чае,— объяснил Киндерман.

— В чае?

— Какой сорт вы завариваете на этой неделе?

— «Липтон». Как, впрочем, и всегда.

— По-моему, у него несколько другой вкус.

— Вы меня для этого пригласили сюда?

— О, я мог бы потрепаться о любых пустяках, но я ведь знаю, что вы очень занятый человек. И поэтому не смею вас задерживать.

Маккуи холодно окинул взглядом столик.

— И что же вы заказали?

— Вот. Все перед вами,— сообщил следователь.

Во взгляде Маккуи проскользнуло безразличие.

— Но это же столик на шестерых.

— А мы как раз уходим.

Маккуи ничего не ответил. Он просто повернулся и удалился.

Киндерман посмотрел на Амфортаса. Тот доедал суп.

— Ну вот и хорошо,— обрадовался лейтенант.— Ваша матушка останется очень довольна.

— У вас еще есть ко мне вопросы? — осведомился доктор и потрогал чашку с кофе. Та уже остыла.

— Сукцинилхолинхлорид,— выговорил Киндерман.— Вы его используете в больнице?

— Да. То есть, не я лично, разумеется. Его применяют в электрошоковой терапии. А почему вас это интересует?

— Если бы кто-то в больнице захотел украсть его, он смог бы это сделать?

— Да.

— Каким образом?

— Он мог бы стащить его с тележки, на которой

развозят лекарства, в тот момент, когда этого никто не видит. А почему вы спрашиваете?

Но Киндерман снова уклонился от ответа.

— А посторонний человек мог бы это сделать?

— Ну, если он уверен в том, что именно ему нужно. И еще надо точно знать расписание, когда и куда доставляют лекарства.

— Вам приходилось работать в психиатрическом отделении?

— Случалось. Вы для этого меня сюда пригласили, лейтенант? — Амфортас сверлил Киндермана взглядом.

— Нет, не для этого, — успокоил его Киндерман. — Честно. Бог не даст мне соврать. Но раз мы все равно уже здесь... — Он замолчал на некоторое время, а потом продолжил: — Понимаете, ведь если бы я задал такой вопрос в больнице, мне бы, разумеется, ответили, что это сделать невозможно. Вы меня понимаете? А так как мы с вами успели немного подружиться, я понял, что вы ответите мне правду.

— Спасибо вам, лейтенант. Вы очень милый и симпатичный человек.

Киндерман почувствовал, что Амфортас словно теплеет изнутри. Он тут же подхватил: — В той же манере и я хотел бы высказаться о вас. — Киндерман улыбнулся. — Вы помните выражение «в той же манере»? Мне оно очень понравилось. В фильме «А вот и мистер Джордан» Джо Пендлтон так и сыплет им.

— Да, я помню.

— И вам нравится этот фильм?

— Да.

— Мне тоже. Должен признаться, что люблю такие фильмы. Ведь подобная доброта и невинность в наши дни — вещи довольно редкие. Что за жизнь! — вздохнул Киндерман.

— Она всего лишь подготовка к смерти.

И снова Амфортас удивил следователя. Он уже понимал, что Амфортас — чрезвычайно умный человек.

— В самом деле, — согласился Киндерман. — Как-нибудь нам надо будет встретиться еще разок и обсудить эту проблему. — Следователь снова заглянул в глаза собеседнику и заметил в них еле уловимые искорки.

Что это? Что? — Вы уже допили свой кофе? — забеспокоился он.

— Да.

— Я задержусь и оплачу счет. Вы были так добры и потратили на меня уйму времени. Я-то знаю, что вы очень заняты сейчас. — Киндерман протянул ему руку, и Амфортас крепко пожал ее, а потом встал и уже собрался было уйти, но замешкался и, глядя на Киндермана, тихо спросил:

— Я хотел узнать насчет сукцинилхолина. Это ведь имеет отношение к убийству. Я прав?

— Да, это действительно так.

Амфортас кивнул и вышел из кафе. Киндерман еще какое-то время наблюдал, как он пробирается между столиками. Но вот Амфортас скрылся из виду. лейтенант вздохнул, подозвал официанта и расплатился. Затем он поднялся по лестнице туда, где находился кабинет Маккуи. Директор беседовал с бухгалтером. Заметив Киндермана, он слегка опешил, но выражение его глаз скрыло пенсне.

— Наверное, вы хотите спросить меня про кетчуп? — ровным голосом съязвил Маккуи.

Киндерман только молча поманил его пальцем, и Маккуи тотчас подошел к нему.

— Вы помните того человека, с которым я сидел за столиком? — спросил следователь. — Вы запомнили его лицо?

— Довольно симпатичный джентльмен.

— Вы его раньше нигде не видели?

— Не могу точно сказать. За год в своих магазинах и кафе я вижу тысячи людей.

— А не был ли он вчера на исповеди?

— Что?

— Вы его видели?

— Не уверен.

— Подумайте.

Маккуи замолчал. Однако спустя пару секунд закурил нижнюю губу и отрицательно замотал головой.

— Понимаете, когда стоишь в очереди на исповедь, стараешься не смотреть на людей. Почти всегда прихожане стоят или сидят, опустив глаза, и каждый вспоминает свои грехи. Даже если я и видел его, то вряд ли теперь вспомню, — объяснил Маккуи.

— Но человека в кофте с капюшоном вы видели.

— Да. Только я не могу сказать, был ли это тот же джентльмен.

— А можете ли вы с уверенностью сказать, что это были два разных человека?

— Нет. Но это тоже не точно.

— Понятно.

— Видите ли, я очень сомневаюсь.

Киндерман оставил Маккуи в размышлениях, а сам отправился в больницу. Там он сразу же заглянул в книжный киоск и тщательно осмотрел полки. Обнаружив роман «Угрызения совести», Киндерман покачал головой и взял книгу. Наугад открыв ее, он прочитал несколько строчек. «Да, такое он одолеет в два счета», — решил Киндерман и стал подыскивать еще одну книжонку, которая помогла бы его другу-иезуиту скоротать время в больнице. В конце концов он выбрал роман из рыцарских времен.

Киндерман подошел к кассе. Продавщица взглянула на обложки и засияла:

— Я уверена, ей это очень понравится.

— Не сомневаюсь.

И тут ему вздумалось купить какой-нибудь забавный брелок для Дайера. В кассе было полно всяческих безделушек. Неожиданно его внимание привлек большой пакет, и Киндерман, не мигая, уставился на него.

— Еще что-нибудь? — спросила девушка.

Но Киндерман уже ничего не слышал. Он медленно поднял пакет. Внутри находились розовые заколки для волос с надписью: «Большие Виргинские водопады».

Глава восьмая

Психиатрическое отделение Джорджтаунской больницы соседствовало с отделением невропатологии. Оно разделялось на две основные секции. В первой находились палаты для буйных. Здесь содержались пациенты, подверженные припадкам насилия. Параноики и активные кататоники. В лабиринте коридоров и палат затеялась парочка комнат, обитых войлоком. Уж что-что, а меры безопасности здесь соблюдались свято. В другой секции располагались так называемые «общие палаты».

Больные здесь не представляли опасности для окружающих. Большинство из них — люди преклонного возраста — попадали сюда по причине старческого слабоумия. В этих же палатах коротали свои дни и пациенты, страдающие шизофренией или депрессией, алкоголики или несчастные, перенесшие паралич. Кроме того, среди обитателей «общих палат» имелись и несколько пассивных кататоников. Замкнувшись в себе, они день за днем проводили в полной неподвижности с застывшими и странными выражениями лиц. Случалось, они вступали в разговор, являя при этом пример чрезвычайной исполнительности и скрупулезно следуя всем распоряжениям. В этих палатах не принималось никаких особых мер предосторожности. Пациентам разрешалось на денек-другой отлучаться из больницы. Пропуск им мог выписать кто угодно: от врача вплоть до подсобного рабочего.

— Кто выписывал ей пропуск? — осведомился Киндерман.

— Медсестра по фамилии Аллертон. Кстати, она как раз сегодня дежурит и явится сюда с минуты на минуту, — сообщил Темпл.

Они сидели в его небольшом уютном кабинетике рядом с дежурной стойкой. Киндерман разглядывал висевшие на стенах грамоты, дипломы и фотографии. На двух снимках красовался Темпл, на вид лет двадцати, в боксерской стойке, облаченный в спортивную форму университета. Взгляд его был свирепым. На других снимках Темпл обнимал какую-нибудь очередную краля и широко улыбался в объектив. На столе лежал сувенир — маленький Экскалибур¹. На подставке была выгравирована надпись: «использовать в экстренных случаях». К боковой тумбе стола кнопками был пришпилен лозунг: «Алкоголик — это тот, кто выпивает больше доктора». Разбросанные на столе бумаги были обильно посыпаны сигаретным пеплом. Киндерман повернулся к Темплу, стараясь избегать взглядом его расстегнутой ширинки.

— Я не могу поверить, — произнес следовательно, — что эту женщину выпустили без сопровождения.

¹ Экскалибур — волшебный меч из легенды о короле Артуре.

Пожилую женщину с пристани удалось, наконец, опознать. Киндерман показывал ее фотографию на всех дежурных постах больницы. В отделении психиатрии ее и опознали. Больной оказалась Мартина Отси Ласло. В «общую палату» ее перевели из окружной больницы, где она пробыла сорок один год. Болезнь Мартины классифицировали как кататоническую форму слабоумия. Оно началось у нее еще в юности. Этот диагноз оставался неизменным и поныне, с того самого момента, как Ласло перевели в открывшуюся в 1970 году Джорджтаунскую больницу.

— Да, я просматривал ее историю болезни,— согласился Темпл,— и сразу понял, что там какая-то ерунда. Чего-то там явно не хватает.— Он прикурил и небрежно швырнул спичку в пепельницу, но промахнулся, и спичка упала на раскрытую историю болезни. Темпл мрачно проводил спичку взглядом.

— Черт их знает, чем они там занимаются. Она проторчала в окружной больнице целую вечность, так что никто и не помнит, с чего у нее крыша поехала. Ранние записи они куда-то засунули. А эти более чем странные пассы, которые она вытворяет руками, вот такие,— воскликнул Темпл и хотел было продемонстрировать их следователю, но тот оборвал его:

— Да, я видел,— спокойно произнес Киндерман.

— Правда?

— Она сейчас у нас в полиции.

— Я счастлив за нее.

Киндерман почувствовал неприязнь к врачу.

— Что означают эти движения? — поинтересовался он.

Вспыхнувшая над дверью лампочка прервала разговор.

— Войдите! — крикнул Темпл.

Порог кабинета переступила молодая, привлекательная медсестра.

— Да, доктор?

Врач взглянул на медсестру.

— Мисс Аллертон, вы выписывали пропуск Ласло в субботу?

— Простите?

— Ласло. Вы выписали ей пропуск в субботу, так? Медсестра озадаченно взглянула на него.

— Ласло? Нет, я не выписывала.

— А это что же такое? — удивился Темпл. Он взял со стола бланк пропуска и начал читать: «Фамилия и имя: Ласло Мартина Отси. Цель поездки: визит к брату в Фэрфакс, штат Виргиния. Срок: до 22 марта». — Затем передал листок медсестре. — Выдан в субботу и подписан вами.

Медсестра, изучая пропуск, нахмурилась.

— Это была ваша смена, — напомнил Темпл. — С двух часов дня до десяти вечера.

Девушка посмотрела на него.

— Сэр, я не писала этого, — заявила она.

Лицо врача побагровело.

— Ты шутишь, крошка?

Мисс Аллертон, ежась под взглядом Темпла, взволнованно заговорила:

— Нет, я не писала этого. Клянусь. Да ведь она никуда и не уезжала. Я делала вечерний обход в девять и видела ее в постели.

— Разве это не ваш почерк?

— Нет. То есть да. Ой, я не знаю! — воскликнула мисс Аллертон. Она снова уставилась на бланк пропуска. — Да, похож на мой почерк, но это все равно не моя рука. Чем-то все равно отличается.

— Чем же именно? — выпытывал Темпл.

— Я не могу сразу сказать. Но я точно знаю, что не писала этого.

— Дайте-ка посмотреть. — Темпл выхватил листок у нее из руки и стал внимательно изучать его. — Да, вижу, — наконец проронил он. — Вы имеете в виду эти закорючки?

— Можно мне? — вмешался Киндерман и протянул руку к документу.

— Конечно, — Темпл передал ему пропуск.

— Спасибо, — поблагодарил Киндерман, рассматривая листок.

— Я не писала этого, — стояла на своем медсестра.

— Да, возможно, вы правы, — пробормотал Темпл. Следователь взглянул на психиатра.

— Что вы только что сказали? — спросил он.

— Да нет, ничего. — Темпл окинул взглядом медсестру. — Все в порядке, крошка. Зайди ко мне попозже, я угощу тебя чашечкой кофе.

Медсестра Аллертон кивнула, затем, повернувшись, торопливо вышла из кабинета.

Киндерман вернул пропуск Темплу.

— Странно, вы не находите? Кто-то подделал пропуск мисс Ласло.

— Но ведь это же сумасшедший дом. — Психиатр беспомощно вскинул руки.

— Зачем и кому это могло понадобиться? — не унимался Киндерман.

— Я же вам объяснил. Тут все сплошь и рядом психи.

— Вы имеете в виду и персонал отделения?

— Конечно. Эти заболевания заразны, как чума.

— И кто же из вашего персонала уже заболел?

— Да будет вам. Перестаньте.

— Что перестать?

— Я просто пошутил.

— И вас не насторожил этот случай?

— Абсолютно. — Темпл небрежно смял пропуск и швырнул его в пепельницу, но опять промахнулся. — Ах, черт! Впрочем, это, скорее всего, чья-то плоская шуточка. А, может быть, кто-то из моих подчиненных точит на меня зуб.

— Но ведь если бы дело сводилось только к этому, — возразил следователь, — тогда шутник наверняка подделал бы именно ваш почерк.

— Возможно, вы и правы.

— По-моему, это называется паранойей.

— Умница. — Темпл прищурил глаза, и теперь они стали похожи на узенькие щелочки. Пепел с сигары упал прямо ему на пиджак. Темпл попробовал было стряхнуть его, но только размазал большое темное пятно. — Она могла и сама выписать себе пропуск.

— Кто? Мисс Ласло?

Темпл неопределенно пожал плечами:

— А почему бы и нет? Здесь всякое случается.

— В самом деле?

— Да нет, конечно, это весьма сомнительно.

— Кто-нибудь видел, как мисс Ласло покидала больницу? Ее кто-нибудь сопровождал?

— Я пока этого не знаю, но постараюсь выяснить как можно скорее.

— Скажите, а после девятичасового обхода кто-нибудь еще раз проверяет больных?

— Да, ночная дежурная обходит палаты в два часа,— сообщил Темпл.

— А вы не могли бы спросить у нее, находилась ли в это время мисс Ласло в постели?

— Непременно. Я оставляю ей записку. Послушайте, а почему вас все это так интересует? Ведь это не имеет никакого отношения к убийствам.

— Каким убийствам?

— Вы меня прекрасно поняли. Я имею в виду того мальчишку и священника.

— В том-то и дело, что здесь имеется связь,— посерьезнел Киндерман.

— Впрочем, я так и подумал.

— Почему?

— Я-то ведь еще не окончательно тронулся.

— По-видимому, нет,— согласился Киндерман.— Вы на редкость сообразительный человек.

— Итак, какое имеет отношение Ласло к убийствам?

— Не знаю. Она замешана в этом деле, хотя и косвенно.

— Я теряюсь в догадках.

— Это обычное человеческое состояние.

— И вы считаете, что здесь она будет в полной безопасности?

— Скорее всего, да. И все же, вы точно уверены, что пропуск для нее был подделан?

— Ни на йоту не сомневаюсь.

— Кто же его подделал?

— Понятия не имею. Вы начали задавать вопросы по второму кругу.

— Этот необычный почерк с закорючками вам ни о чем не говорит?

Темпл уставился на Киндермана, а потом, неуверенно переведя взгляд, коротко бросил:

— Нет.

«Слишком поспешно»,— отметил про себя Киндерман. Он молча оглядел врача, а затем несжиданно попросил:

— Объясните мне, пожалуйста, отчего мисс Ласло все время повторяет руками какие-то необычные движения?

Темпл снова повернулся к своему собеседнику. На этот раз на его лице сияла самодовольная ухмылка:

— Видите ли, моя работа во многом похожа на вашу. Я ведь тоже в каком-то смысле сыщик.— Он весь подался вперед.— И вот что я выяснил. Уверен, вы все поймете и оцените. Движения Ласло кажутся не случайными, верно? Они всегда одни и те же.— Темпл попытался изобразить их.— Как-то раз я очутился в сапожной мастерской— мне надо было срочно отремонтировать ботинки— оторвалась подошва. И вот от нечего делать я принялся наблюдать за работой мастера, пока он пришивал мою подошву. Операцию, разумеется, выполняла специальная машина. Я подошел к мастеру и спросил: «Скажите, любезнейший, а как же вы раньше справлялись с этой задачей, когда у вас не было никаких машин?» Сапожник был уже в годах и говорил с акцентом, по-моему, у него в роду имелись сербы. А спросил я его просто по наитию, так как вдруг почувствовал, что мне очень важно узнать про это. «Раньше мы все делали руками»,— ответил он и засмеялся, приняв меня, видимо, за дурачка. И тогда я его попросил: «А покажите, как». Он, конечно же, сразу заявил, что ему некогда заниматься подобной чепухой, но я предложил деньги, по-моему, долларов пять. И вот тогда он уселся рядом со мной, зажал между коленями ботинок и воображаемыми движениями, которыми прилаживают оторванные подошвы, начал «зашивать» его. И, поверите ли, его движения точь-в-точь походили на пассы Мартины Ласло. Я попал в точку! Пулей помчался в больницу и связался с ее братом в Виргинии. И знаете что? Как раз перед тем, как Ласло свихнулась, ее бросил парень, который обещал на ней жениться и клялся в вечной любви. Догадываетесь, кем работал этот пройдоха?

— Неужели сапожником?

— Вот именно. Она не вынесла потери, и сама как будто превратилась в своего возлюбленного. Когда тот

ее бросил, Ласло было всего лишь семнадцать. Девушка не мыслила жизни без него и полностью отождествляла себя с этим негодяем. А сейчас ей уже стукнуло пятьдесят два.

Киндерману стало грустно.

— Ну, и что вы об этом скажете? Я имею в виду способность выслеживать,— красноречиво психиатр.— Этот талант у вас либо есть, либо его просто нет. И проявляются такие способности довольно рано. Только-только закончив университет, я столкнулся с одним занятым пациентом. Он страдал депрессией. Несчастный утверждал, что постоянно слышит в ухе щелчки. И вот, после долгой беседы мне неожиданно пришла в голову идея. «А в каком именно ухе у вас щелкает?» — поинтересовался я. Он тут же ответил: «Всегда в левом». «А в правом никогда?» — не унимался я. «Нет, только в левом». «А можно, я послушаю?» — попросил я. «Пожалуйста», — согласился больной. Тогда я приложил к его уху свое и — поверите ли? — действительно услышал щелчки! И довольно громкие. Оказывается, молоточек у него в среднем ухе вечно соскальзывал и издавал эти злосчастные щелчки. Пришлось прибегнуть к помощи хирурга, и пациент сразу же почувствовал облегчение. А ведь он пролежал в психиатрическом отделении целых шесть лет. Именно эти щелчки и сводили его с ума — он сам себя считал психом, а отсюда и начиналась депрессия. Как только пациент понял, что щелчки ему не просто кажутся, что они реальны, он сразу же выздоровел.

— Да, просто потрясающе, — согласился Киндерман. — Ничего подобного я еще не слышал.

— Довольно часто я применяю и гипноз, — продолжал распинаться Темпл. — Хотя многие врачи не признают его, да и не верят в успех. И потом, гипноз считается в некоторых случаях даже опасным. Но взгляните на этих несчастных — неужели лучше оставить их в том положении, в каком они пребывают сейчас? Божь мой, да надо быть воистину изобретателем, чтобы облегчить их страдания! И всегда, помимо прочего, искать новые пути. Всегда. — Он тихо засмеялся. — Я тут еще кое-что вспомнил, — добавил Темпл. — Во времена студенчества мы проходили практику в гинекологическом отделении. И вот там я наткнулся на одну боль-

ную, женщину лет сорока, которая жаловалась на странные боли в половых органах. Я часто и подолгу беседовал с этой пациенткой, наблюдал за ней и пришел к выводу, что место ей не в гинекологическом отделении, а в сумасшедшем доме. Никаких гинекологических заболеваний у нее не обнаружили. Я был убежден, что она просто свихнулась. Я высказал свои соображения заведующему психиатрическим отделением, тот побеседовал с этой женщиной, но в конце концов заявил, что не согласен со мной. Тем не менее, время шло, и день за днем я все более убеждался, что наша подруга чокнутая. Но заведующий психиатрическим отделением и слышать о ней не хотел. И вот я решился. В один прекрасный день я улучил момент и вошел к ней в палату, прихватив с собой небольшую стремянку и резиновую простыню. Я запер дверь изнутри, накрыл женщину простыней до подбородка, вытащил свою дудку и от души помочился на кровать. Женщина не верила своим глазам. Тогда я спустился с лестницы, свернул клеенку и молча удалился, не забыв прихватить и стремянку. А потом начал выжидать. Буквально через день в столовой я наткнулся на молодого психиатра. Он пристально посмотрел на меня и заявил: «Послушайте, а ведь вы оказались правы насчет той женщины. Вы даже не представляете, что она тут понаплела медсестрам!» — Темпл с довольным видом откинулся на спинку кресла. — Да, иногда приходится многое придумывать. Очень многое.

— И для меня это был неплохой урок, доктор, — признался Киндерман. — В самом деле. Вы мне открыли глаза на кое-какие вещи. Знаете, многие врачи почему-то недолюбливают психиатров и в удобный момент не прочь покритиковать их.

— Идиоты, — буркнул Темпл.

— Между прочим, я сегодня обедал с одним из ваших коллег. Доктор Амфортас, невропатолог, может, слышали?

Психиатр прищурился:

— Уж Винс-то не преминул бы ущипнуть меня, это точно.

— Да нет же, — поспешил вступить за своего нового знакомого Киндерман. — Ничего плохого о психиатрах он не говорил. Мы говорили совсем о другом.

— И что же?

— Он оказался очень симпатичным человеком. Кстати, вы не могли бы попросить кого-нибудь проводить меня до палаты Ласло? — Киндерман встал. — Мне необходимо осмотреть ее кровать.

Темпл поднялся с кресла и, свирепо взглянув на следователя, потушил сигару.

— Я сам вас провожу, — сердитым голосом предложил он.

— Нет-нет, ни в коем случае. Вы ведь чудовищно заняты. Я не могу быть таким навязчивым и отнимать у вас кучу времени. — Киндерман поднял руки, как бы умоляя Темпла остаться в кабинете.

— Какая ерунда, — возразил Темпл.

— Вы уверены?

— Это отделение — мое детище. И я по праву горжусь им. Пойдемте, я вам все покажу сам. — И он распахнул дверь.

— Это окончательное решение?

— Абсолютно.

Киндерман вышел в коридор. Темпл указал направо: — Вот сюда, пожалуйста. — И быстрым шагом устремился вдоль коридора. Киндерман едва поспевал за ним.

— И все же мне так неудобно, — наигранно сокрушался следователь.

— Лучше меня здесь никто ничего не покажет.

Отделение представляло собой настоящий лабиринт коридоров, перемежающихся небольшими холлами. По обеим сторонам этого лабиринта располагались многочисленные палаты, кое-где встречались конференц-залы и комнаты для персонала. Тут же находилась небольшая столовая и целый комплекс физиотерапии. Но настоящей гордостью отделения являлся, разумеется, зал отдыха с настольным теннисом и телевизором. Очутившись в этом помещении, психиатр указал на кучку больных, наблюдавших по телевизору какие-то спортивные соревнования. Большинство пациентов — люди пожилого возраста — уставились на экран в полном безразличии, словно не понимая, что там происходит. Все они были в пижамах, халатах и в одинаковых тапочках.

— Здесь-то и разыгрываются настоящие сражения,— сообщил Темпл.— С утра до вечера бедолаги с пеной у рта обсуждают, какую именно программу смотреть. А медсестра выступает в роли арбитра. Собственно, в этом и заключается вся ее работа.

— Похоже, они сейчас довольны своим выбором,— заметил Киндерман.

— Погодите. Я вам кое-что о них расскажу. Вон там, например, видите? Очень интересный пациент,— шепнул Темпл, указывая на одного из мужчин, внимательно следящих за происходящим на экране. На голове у больного была бейсбольная кепка.— Он страдает кастрофренией,— пояснил Темпл.— Считает, что враги высасывают у него из головы мысли. Не знаю. Может, в этом и на самом деле что-то есть. А вон там, позади него, стоит Лэнг. Когда-то он считался неплохим химиком, но внезапно начал слышать голоса на чистых магнитофонных лентах. Это были голоса умерших. Они отвечали ему на любые вопросы. В свое время он где-то раздобыл книгу, вот с этого-то все и началось.

«Почему мне это кажется таким знакомым?» — удивился вдруг Киндерман. Ему стало не по себе.

— Ну, а потом он стал слышать голоса и в ванной, когда принимал душ,— продолжал Темпл.— И в звуках любой текущей воды. Например, в струе из-под водопроводного крана. Или в шелесте океанского прибора Дальше — еще хлеще. Голоса раздавались в шорохе листьев. И, наконец, они проникли в его сон. Несчастный никуда не мог от них деться. А сейчас он утверждает, что телевизор лишь чуть-чуть заглушает их.

— И из-за этих голосов он сошел с ума? — заинтересовался Киндерман.

— Нет, не так. Из-за того, что он сошел с ума, он и начал их слышать.

— Как щелчки в ухе?

— Нет, этот парень по-настоящему чокнутый. Уже вы мне поверьте. А вон, гляньте на ту даму в дурацкой шляпке. Местная красотка. Но у нее-то вроде дела по-немногу идут на лад. Видите, вон та? — Он указал на пышную женщину средних лет, восседающую в кресле возле телевизора.

— Да, вижу,— подтвердил Киндерман.

— Ах, черт возьми,— удрученно буркнул Темпл.— Она меня заметила и уже прется сюда.

Женщина торопливым шагом приближалась к ним, оглушительно шаркая тапочками. Через пару секунд Киндерман уже разглядывал ее синюю фетровую шляпку, украшенную шоколадными плитками, которые она прикрепила к полям иголками.

— Не надо полотенце,— сообщила она Темплу.

— Не надо полотенце,— эхом отозвался психиатр.

Женщина круто развернулась и с гордым видом зашагала назад к телевизору.

— Дело в том, что раньше она припрятывала полотенца,— объяснил Темпл.— Воровала их у других больных и прятала. Но мне удалось ее вылечить. В течение первой недели она каждый день получала по семь полотенце дополнительно. Через неделю по двадцать штук ежедневно, а еще через неделю — уже по сорок. В результате у нее накопилось их столько, что в палате уже негде было повернуться, и вот, когда сестра принесла ей очередную порцию, наша красавица вдруг как закричит, да как примется метать из палаты полотенце за полотенцем. Теперь она видеть их не может.— Психиатр замолчал, наблюдая, как больная устраивается в кресле у телевизора, а затем добавил: — Думаю, что и с шоколадками нам удастся разобраться.

— Они у вас такие спокойные,— заметил Киндерман. Он огляделся. Больные, расположившиеся в креслах, либо глядели на экран, либо безразлично устались в одну точку.

— Да, совсем как растения,— подхватил Темпл. Он многозначительно постучал пальцем по голове.— Никого нет дома. Разумеется, лекарства здесь не помогают.

— Лекарства?

— Да, таблетки, которые им обычно назначают. Торазин. Они получают его каждый день. Но толку мало.

— Скажите, а тележку с лекарствами сюда тоже доставляют?

— Разумеется.

— А кроме таблеток на ней еще что-нибудь привозят?

Темпл удивленно взглянул на Киндермана:

— Разумеется. А что?

— Ничего, просто так.

Психиатр пожал плечами.

— Особенно если тележка предназначена для палат буйных.

— По-моему, именно там производят лечение шокотерапией?

— Сейчас ее почти не применяют.

— Почти?

— Ну, иногда, конечно, бывает,— спохватился Темпл.— Когда это крайне необходимо.

— Скажите, а в этих палатах среди пациентов есть врачи?

— Забавный вопрос,— улыбнулся Темпл.

— Считайте, это мое слабое место,— начал оправдываться Киндерман.— Если мне в голову приходит какая-нибудь ерунда, я должен сразу же высказать ее вслух.

Казалось, эти слова несколько озадачили Темпла, но он очень быстро пришел в себя и махнул рукой в сторону одного из больных — худощавого пожилого мужчины. Тот сидел у окна, тупо уставившись на улицу. Солнечные лучи попадали на него и разделяли сутулую фигуру на полосы света и тени. Лицо его абсолютно ничего не выражало.

— В пятидесятые годы он служил в Корее военным врачом,— поведал Темпл.— И там потерял гениталии. За тридцать лет он не произнес ни слова.

Киндерман кивнул. Потом повернулся в ту сторону, где располагалась стойка дежурной медсестры. Как раз в этот момент та что-то записывала в журнал. Рядом с ней, облокотившись о стойку, стоял крепкий чернокожий санитар и безразлично рассматривал больных.

— Разве у вас здесь только одна сестра? — поинтересовался Киндерман.

— А больше и не надо,— спокойно откликнулся Темпл и, хлопнув себя по бедрам, уставился куда-то вдаль.— Видите ли, когда работает телевизор, единственным звуком в этой комнате является шарканье тапочек. Хотя, надо признаться, звук этот довольно неприятный.— Некоторое время он еще рассматривал что-то впереди себя, а затем взглянул на следователя.

Тот продолжал наблюдать за пациентом у окна.— Вы чем-то расстроены? — встревожился Темпл.

Киндерман будто очнулся.

— Кто, я?

— Вы, кажется, любите погружаться в раздумья, верно? Я сразу заметил, как только вы переступили порог моего кабинета. С вами это часто происходит?

Киндерман с удивлением отметил про себя, что сейчас Темпл как никогда близок к истине. Войдя в его кабинет, следователь сразу почувствовал себя не в своей тарелке. Психиатр, похоже, начинал исподволь влиять на него. Как же это у него получалось? Киндерман взглянул на Темпла. В глазах доктора бурлила энергия.

— Такая уж у меня работа,— уклонился от ответа Киндерман.

— Так поменяйте ее. Знаете, один мне тут выдал: «Доктор, как быть, только начинаю есть свинину, меня сразу же одолевают головные боли», на что я ему ответил: «Завяжите со свиной».

— Простите, можно мне осмотреть палату мисс Ласло?

— Только в том случае, если вы немного приободритесь.

— Постараюсь.

— Вот и хорошо. Тогда пойдемте, я вас тудаведу. Здесь недалеко.

Темпл через зал провел Киндермана в коридор, затем в другой небольшой холл, и очень скоро они очутились в довольно уютной палате.

— Вещичек здесь негусто,— объявил Темпл.

— Да, я вижу.

Иными словами, палата оказалась пуста. Киндерман открыл шкаф. Там висел синий халат. Следователь обыскал ящики, но во всех хоть шаром покати. В ванной обнаружилось несколько полотенец и мыло. Других вещей в комнате не было. Киндерман еще раз окинул взглядом скромное помещение. И вдруг почувствовал на лице холодное дуновение. Казалось, ветерок промчался сквозь тело лейтенанта и точно так же внезапно стих. Киндерман взглянул на окно, но оно было закрыто. Странное чувство охватило следователя. Он по-

смотрел на часы и про себя отметил точное время: три часа пятьдесят пять минут.

— Да, ну мне пора идти,— засобирався Киндерман.— Огромное вам спасибо.

— Всегда к вашим услугам,— отозвался Темпл.

Психиатр вывел Киндермана из палаты и проводил до холла, откуда начиналось отделение невропатологии. У самого выхода они расстались.

— Ну, а мне надо назад,— торопливо бросил Темпл.— Дальше сами доберетесь?

— Разумеется.

— Был ли я вам полезен, лейтенант?

— Еще как!

— Чудесно. И если у вас снова начнется депрессия, звоните или лучше заходите сразу. Думаю, что смогу вам помочь.

— А какой школы в психиатрии вы придерживаетесь?

— Я убежденный бихевиорист,— ответил Темпл.— Вы мне подробно излагаете все факты, а я вам наперед говорю, что сделает любой человек.

Киндерман уставился в пол и покачал головой.

— И что же это означает? — поинтересовался Темпл.

— Нет-нет, ровным счетом ничего.

— Ну уж меня-то вы не проведете,— запротестовал Темпл.— У вас какие-то проблемы?

Киндерман поднял взгляд и уловил злобный огонек в глазах психиатра.

— Просто мне всегда было жаль бихевиористов, доктор. Они ведь никогда не поблагодарят соседа по столу: «Спасибо, что передали мне горчицу».

Психиатр стиснул зубы и процедил:

— Так когда вернется Ласло?

— Сегодня вечером. Я позабочусь об этом.

— Хорошо. Просто великолепно.— Темпл толкнул стеклянную дверь.— Мы еще увидимся, лейтенант,— произнес он и скрылся в коридоре.

Киндерман некоторое время постоял, прислушиваясь к звуку быстро удаляющихся шагов, и когда они стихли, неожиданно для самого себя испытал облегчение. Тяжело вздохнув, он почувствовал, будто все же забыл кое-что. Рука его нащупала оттопыривающийся

карман,— там лежали книги, купленные для Дайера. Следовательно повернулся и быстро зашагал прочь.

Когда Киндерман заглянул в палату, Дайер по-прежнему лежал на кровати и читал.

— Ну, как же ты долго шлялся,— пожаловался он.— Мне тут уже несколько раз переливали кровь.

Киндерман подошел к кровати и выгрузил книги прямо на живот Дайера.

— Вот все, что ты заказывал,— доложил он.— «Жизнь Моне» и «Беседы с Вольфгангом Паули». Знаете ли вы, святой отец, за что распяли Христа? Он тоже прятал эти книжонки, боясь, что другие их обнаружат.

— Ну, не будьте таким снобом.

— Да, святой отец, а вы слышали о иезуитской миссии в Индии? Может, и для вас там найдется работенка? И мухи там не такие уж и злые, как люди судачат. А очень даже милые — всех цветов радуги. Кстати, «Угрызения совести» уже перевели на хинди и все, к чему вы так привыкли, вам будут сразу же непременно доставлять первым рейсом. А еще там можно приобрести сразу несколько миллионов экземпляров «Камы Сутры».

— Это я уже проштудировал.

— Я и не сомневался.— Киндерман подошел к краю кровати, где лежала медицинская карта Дайера и, пробежав ее глазами, положил на место.

— Вы уж простите меня, если я прекращу нашу милую мистическую беседу. Эстетика в непомерных количествах вызывает у меня страшную головную боль. Кроме того, в соседних палатах меня ждут еще два священника: Джо ди Маджо и Джимми Криик. Посему я оставляю вас.

— Оставляйте.

— А к чему такая спешка?

— Я хочу вернуться к «Угрызениям».

Киндерман повернулся и направился к выходу.

— Разве я что-то не так сказал? — забеспокоился Дайер.

— Мать Индия зовет нас к себе, святой отец.

Киндерман вышел из палаты. Как только он скрылся из виду, Дайер, глядя в открытую дверь, улыбнулся.

— Прощай, Билл,— тихо проговорил он и снова углубился в чтение.

Вернувшись в участок, Киндерман миновал шумную приемную, вошел в свой кабинет и плотно прикрыл дверь. Аткинс уже ждал его, прислонившись к холодной стене. На сержанте поверх синих джинсов и теплой водолазки былаброшена блестящая черная кожаная куртка.

— Мы погружаемся слишком глубоко, капитан Немо,— посетовал Киндерман, грустно глядя в глаза своему помощнику.— Корпус может не выдержать такого давления.— Он не спеша подошел к столу.— То же самое и с моей обшивкой. Аткинс, о чем ты все время думаешь? Довольно «Двенадцатую ночь» гонят не здесь, а в кинотеатре напротив. А это еще что такое? — Следователь нагнулся и, взяв со стола два рисунка, посмотрел на них, а потом исподлобья взглянул на Аткинса.— И это что, подозреваемые? — раздраженно вскинулся он.

— Никто в точности не запомнил их,— попытался оправдаться Аткинс.

— Сам вижу. Старик смахивает скорее на сушеный плод авокадо. А второй меня просто сбивает с толку. Разве у него были усы? Что-то я не припомню, чтобы в церкви мне хоть кто-нибудь обмолвился об усах.

— Это мисс Вольп вспомнила.

— Мисс Вольп...— Киндерман бросил рисунки на стол и устало потер рукой лицо.— Мисс Вольп, познакомьтесь, это Джулия Фебрэ.

— Мне надо вам кое-что сообщить, лейтенант.

— Только не сейчас. Неужели ты не видишь, что я готовлюсь к смерти? А ведь это требует от человека полной сосредоточенности и абсолютного внимания.— Киндерман тяжело опустился в кресло и уставился на рисунки.— Вот Шерлоку Холмсу было намного легче,— заворчал он.— Ему ведь не подсовывали таких портретов собаки Баскервильей. И уж, конечно, мисс Вольп не идет ни в какое сравнение с Морнарти¹.

¹ Профессор Морнарти — один из персонажей рассказов А К Дойла

— Пришло дело о «Влизнеце».

— Я знаю. Вот оно передо мной на столе. Ну что, Немо, мы понемногу всплываем на поверхность? По-моему, видимость слегка улучшается.

— Лейтенант, есть новости.

— Не забудь о них. А вот у меня сегодня выдался чудеснейший денек в Джорджтаунской больнице. Неужели тебе не интересно?

— Что же там произошло?

— Пожалуй, я еще не готов к обсуждению. Тем не менее, горю желанием узнать, что ты думаешь по этому поводу. Хотя пока это только теория. Понимаешь? Просто некоторые факты. Известный психиатр, занимающий в больнице видное место, скажем, заведующий целым отделением, делает зачем-то откровенно неуклюжую попытку выгородить одного из своих коллег, скажем, невропатолога, работающего над проблемами боли. Так вот, когда я спрашиваю психиатра, не напоминает ли ему определенный почерк руку одного из его коллег, он вдруг начинает притворяться. Психиатр целый час буравит меня взглядом, а затем очень четко и громко произносит слово «нет». И я, как опытная лиса, тут же делаю вывод, что между ними уже давно кошка пробежала. Может быть, я и ошибаюсь, но почему-то уверен. Ну, и какое же умозаключение можно вывести из всего сказанного, Аткинс?

— Несомненно, психиатр хочет подставить невропатолога, но боится сделать это открыто.

— А почему, Аткинс? — выпытывал следователь. — Не забывай, ведь своим «нет» он вводит следствие в заблуждение.

— Вероятно, он чувствует за собой вину. Может быть, он и сам впутан в какую-то историю. Однако, если он кого-то и покрывает, то его самого уж никак не заподозришь.

— Да, хитрая bestия. Но я с тобой вполне согласен. Однако должен сообщить и кое-что более важное. В городе Белтсвилл, штат Мэриленд, существовала когда-то больница для пациентов, умирающих от рака. Врачи назначали безнадежным больным большие дозы ЛСД. Хуже ведь от этого уже не стало бы. Верно? Наркотик снимает боль. Однако странное дело: все пациенты, независимо от своего прошлого и религиозных убеждений, пере-

живали одни и те же невероятные ощущения. Будто сквозь бесчисленные слои грязи, помоев, нечистот и прочей гадости они проникают в самые недра земли. Так вот, в короткие мгновения несчастные чувствуют себя частью этой мерзости, сливаясь и растворяясь в ней. И вдруг направление резко меняется. Они внезапно взлетают и движутся вверх до тех пор, пока все вокруг не преобразается до неузнаваемой ослепительной красоты. Тогда они вроде бы являются пред ясны очи Господа. А Он им и заявляет: «Придите же скорей ко Мне, это же вовсе не Ньюарк!»

Аткинс, каждый больной испытал подобное хотя бы раз. Ну, ладно-ладно, пусть не сто процентов. Но девяносто — уж точно. Вот так. Однако суть не в этом. Все пациенты в один голос утверждали, будто их пронизывает ощущение абсолютного слияния со всей Вселенной. В эти мгновения больные понимали, что они и весь космос — одно и то же. Они словно чувствовали себя неким единым существом. И разве неудивительно, что подобные переживания испытывал каждый? И еще, Аткинс, покумекай над теорией Белла: в любой системе, состоящей из двух частей, изменение спина одной ее части тут же влечет за собой изменение спина другой ее части. При этом совершенно все равно, каково между ними расстояние. И неважно, о чем идет речь: о галактиках или световых годах!

— Лейтенант...

— Помолчи, пожалуйста, когда глаголет твой шеф! Я еще не все сказал.— Следователь подался вперед, глаза его заблестели.— А еще пораскинь-ка мозгами над автономной системой. Это она управляет всеми заумными процессами, которые поддерживают твое драгоценное тело в полном здравии. Но эта система лишена собственного разума. Да и твое сознание не властвует ни над ней, ни над самими процессами. «Так что же ею управляет?» — справедливо поинтересуешься ты. Твое подсознание. А теперь прикинь в уме: Вселенная — это твое тело, а эволюция и охотящаяся оса суть автономная система. Так что же всем управляет, Аткинс? Ну-ка, поразмышляй. Да, и не забудь про коллективное подсознание. А вообще-то, на эту тему можно без умолку чесать языки. Так ты навестил старушку или нет? Впрочем, для нас это не так важно. Она душой и телом

принадлежит Джорджтаунской больнице. Звякни, куда надо, и пусть ее заберут. Она обитает в психиатрическом отделении, и, видимо, пожизненно приговорена к заключению.

— Старушка умерла,— сообщил Аткинс.

— Что?

— Сегодня днем она умерла.

— От чего?

— Сердечный приступ.

Киндерман несколько секунд не шевелился, а потом, опустив голову, кивнул.

— Да, для нее это, наверное, единственный выход,— пробормотал он. Его вдруг охватила тоска — горькая и мучительная.— Мартина Отси Ласло,— с искренней нежностью произнес он, глядя на Аткинса.— Это была великая старушка. В жестоком мире, где любовь так недолговечна, старушка была просто грандиозна.— Киндерман выдвинул ящик и достал из него заколку, найденную на пристани. Он грустно взглянул на нее и произнес: — Я надеюсь, она уже с Ним.— Потом положил заколку на место и задвинул ящик.— У нее брат где-то в Виргинии,— обратился он к Аткинсу.— Его фамилия Ласло. Позвони, пожалуйста, в больницу и сообщи им. Свяжись с человеком по фамилии Темпл, доктор Темпл. Он заведует отделением психиатрии. Но только не позволяй ему гипнотизировать себя. Я думаю, с него станется сделать это даже по телефону.

Следователь встал и направился к двери, но, как обычно, дойдя до выхода, резко повернулся и снова подошел к столу.

— Ходьба полезна для сердца,— констатировал он и, прихватив папку с надписью «Дело «Близнеца», мельком взглянул на Аткинса.— А вот наглость, наоборот, вредит,— предупредил Киндерман.— И даже не пытайся мне возражать.— Он подошел к двери и, взявшись за ручку, оглянувшись на помощника: — Проверь по всему округу рецепты на сукцинилхолин за последние два месяца. Особое внимание обрати на имена Винсент Амфортас и Фримэн Темпл. Послушай, а сам-то ты ходишь по воскресеньям в церковь?

— Нет.

— Почему нет? Знаешь, Немо, ведь именно про та-

ких, как ты, монахи говорят: этот человек создан для трех таинств: крещения, венчания и смерти.

Аткинс безразлично пожал плечами:

— Я об этом никогда не задумывался,— признался он.

— Теперь у тебя появилась такая возможность. Последний маленький вопросик, Аткинс, и я готов отдать тебя на растерзание всем желающим. Если бы Христос не позволил распять себя, как бы мы узнали о воскрешении из мертвых? Не отвечай, ибо это так очевидно, Аткинс. Благодарю тебя за убитое время и великое усилие порассуждать вместе. Ну, а теперь наслаждайся в полной мере, погружаясь в морскую пучину. Уверю тебя, ничего интересного ты там не найдешь — на тебя только и будет глазеть стая глупых рыбешек. Речь, конечно, не идет об их вожаке — карпе весом тринадцать тонн и с мозгом дельфина. Вот он-то весьма необычен, Аткинс. Старайся избегать его. Если карп поймет, что мы с тобой заодно, он может предпринять нечто ужасное.— С этими словами следователь покинул кабинет. Аткинс видел, как Киндерман прошел в дежурную комнату и остановился посередине, приветствуя кого-то и касаясь пальцами полей своей потрепанной шляпы. И тут его чуть было не сбил с ног полицейский, тащивший упирающегося нарушителя: Киндерман что-то сказал им обоим, но Аткинс был далеко и поэтому не расслышал. Наконец, Киндерман очутился на улице и исчез из поля зрения сержанта.

Аткинс подошел к столу и сел. Он выдвинул ящик и, разглядывая розовую заколку, с удивлением вспоминал слова лейтенанта о любви. Что имел в виду Киндерман? Неожиданно сержант услышал чьи-то шаги и поднял голову. Рядом со столом стоял Киндерман.

— Если когда-нибудь из моего ящика пропадет еще хотя бы одна конфетка, учить тебя я больше никогда ничему не буду. Кстати, в котором часу умерла та старушка?

— В три часа пятьдесят пять минут,— отчеканил Аткинс.

— Понятно.— Киндерман устоялся куда-то в пустоту, а потом, не вымолвив ни слова, повернулся и вышел. Аткинс так и не понял, зачем это лейтенанту пришлось узнать время смерти несчастной старушки.

Киндерман сразу же отправился домой. Сняв в прихожей шляпу и пальто, он прошел на кухню. Джулия сидела за столом и увлеченно читала какой-то модный журнал, а Мэри с матерью сутились у плиты. Мэри что-то усердно размешивала в блюде. Наконец она оторвала от него взгляд и улыбнулась.

— Здравствуй, дорогой. Хорошо, что ты успел к обеду.

— Привет, па,— не поднимая головы, произнесла Джулия.

Теща демонстративно повернулась к лейтенанту спиной и принялась протирать разделочный стол.

— Здравствуй, милый пончик,— откликнулся Киндерман, целуя жену в щеку.— Без тебя жизнь походила бы на пустой стакан и черствую пиццу. А что это вы тут стряпаете? — спохватился он.— Пахнет обалденно.

— Это блюдо вообще не пахнет,— пробурчала Ширли.— У тебя что-то с носом.

— Ну, насчет носа пусть волнуется Джулия,— мрачно отозвался Киндерман и уселся за стол напротив дочери. Папка с делом о «Близнеце» лежала у него на коленях. Джулия, сложив на столе руки, продолжала читать журнал, и ее длинные черные волосы касались обложки. Она рассеянно откинула локон и перевернула страницу.

— Так что у нас насчет Фебрэ? — нарушил молчание Киндерман.

— Папочка, пожалуйста, не заводись,— коротко бросила Джулия, переводя взгляд на следующую страницу.

— А кто заводится?

— Я ничего еще не решила до конца.

— Как, впрочем, и я.

— Билл, не приставай к ней,— одернула его Мэри.

— А кто к кому пристаёт? Только, Джулия, все ведь не так-то просто. Понимаешь, если один человек в семье решает вдруг поменять фамилию, проблем особых не возникает. Но вот когда все трое собираются сделать подобный шаг, тогда это совсем другое дело, я прямо-таки не знаю. Это может привести к массовой истерии, не говоря уже о мелких недоразумениях. Может быть, нам сообща следует все хорошенько продумать?

Джулия перевела, наконец, взгляд на отца. Пытаясь

сосредоточиться, она уставилась на него своими красивыми и удивленными глазами:

— Извини, я не уловила — что ты сказал?

— Дело в том, что мы с твоей мамой меняем фамилию на Дарлингтон.

Деревянный половник громко стукнулся о раковину, и Киндерман заметил, как Ширли, фыркнув, стремглав вылетела из кухни. Мэри еле слышно хохотнула и отвернулась к холодильнику.

— ДАРЛИНГТОН? — ахнула Джулия.

— Да, — подтвердил Киндерман. — Кроме того, мы меняем вероисповедание.

Джулия чуть не задохнулась от ужаса.

— Вы что, станете католиками? — воскликнула она.

— Не говори ерунду, — устало произнес Киндерман. — Это ничуть не лучше, чем оставаться евреями. Мы тут подумываем о лютеранстве. — Он услышал, как и Мэри вслед за матерью торопливо ретировалась из кухни. — Разумеется, твоя мать немного расстроена. Любые перемены весьма мучительны и болезненны. Ну, да ничего, это пройдет. Однако в один миг ничего не изменишь. Все нужно делать постепенно, шаг за шагом. Сначала фамилия, потом вера, а потом мы уже всей семьей подпишемся на «Нэшнл Ревью».

— Я тебе не верю, — твердо заявила Джулия.

— Придется поверить. Мы вступаем в период Великой Каши. И теперь мы будем представлять собой некое Пюре... или Фебрэ. Неважно. Если неизбежно. Единственная проблема заключается в том, чтобы действовать согласованно. Поэтому свои предложения просьба обсуждать вместе с нами, Джулия. Ну, что ты на это скажешь?

— Мне кажется, вам не следует менять фамилию, — с жаром возразила девушка.

— Почему же?

— Потому что это ТВОЯ фамилия! — продолжала она. Увидев, что вернулась мать, Джулия с ходу обратилась к ней: — Мам, вы что, серьезно?

— Конечно, Джулия, совсем не обязательно Дарлингтон. Если тебе не нравится, мы подыщем другую фамилию, такую, чтобы она устраивала нас всех. Например, Бунтинг, — вставил Киндерман.

Мэри задумчиво поглядела на них и кивнула:

— Мне нравится.

— Бог ты мой, это же просто невыносимо,— застонала Джулия. Она вскочила со стула и бросилась вон из кухни, натолкнувшись на бабушку, возвращавшуюся из комнаты.

— Ты все еще продолжаешь свои сумасшедшие бредни? — сердито проворчала Ширли.— В этом доме невозможно ничего понять, кажется, будто все свихнулось. Скоро, наверное, у меня начнутся слуховые галлюцинации, и вы с удовольствием упечете меня в психушку.

— Да-да, разумеется,— искренне согласился Киндерман.— Приношу свои извинения.

— Ну вот, что я говорила! — взвизгнула Ширли.— Мэри, скажи же ему, пусть немедленно прекратит это издевательство!

— Билл, довольно,— осекла мужа Мэри.

— Уже прекратил.

В семь часов все дружно отобедали. Киндерман, пытаясь сбросить с себя груз дневных забот и волнений, погрузился в горячую ванну. Однако, как оно и повелось, ванна не помогла. «Как же складно выходит у Райана,— размышлял Киндерман.— Надо будет непременно выведать у него секрет. Для этого подкараулим, покуда он совершит что-нибудь героическое, из ряда вон выходящее и разоткровенничается». Зацепившись за слово «секрет», следовательно тут же перескочил на рассуждения об Амфортасе «Это весьма загадочная личность — ну просто тайна, покрытая мраком». Киндерман чувствовал, что Амфортас многого не договаривает, но чего? Лейтенант потянулся за пластмассовым флаконом и щедро плеснул в воду пенящейся жидкости, чуть было не опрокинув флакон.

После ванны Киндерман облачился в банный халат и, захватив папку с делом о «Близнеце», направился в свой кабинет. Стены там были сплошь увешаны плакатами. Они рекламировали старые черно-белые киноленты — шедевры 40-х и 50-х годов. На темном деревянном столе валялось множество книг. Киндерман вдруг поморщился. Он прилепал сюда босым и теперь случайно наступил на острый край книги, лежавшей на полу. Сей труд назывался «Феномен человека» Тейяра де

Шардена. Лейтенант нагнулся и, подняв книгу, бережно положил ее на стол, а потом включил лампу. Световой поток выхватил из полумрака целые залежи скатанных в шарики фантиков, притаившихся в закутках между книгами. Киндерман расчистил место для папки, уселся за стол и, почесав нос, попытался сосредоточиться. Он перерыл все книги, отыскал, наконец, свои очки и, рукавом халата протерев стекла, водрузил очки на нос. Но ничего не увидел. Тогда он прищурил один глаз, затем другой, снял очки и повторил процедуру. Тут его осенило. Он решил, что без левой линзы читать будет неизмеримо легче. Тогда он обернул ее краем рукава и выдал на стол. Стекло шлепнулось на его поверхность и благополучно расколосось надвое. Киндерман насутился и что-то мрачно буркнул, затем, вновь взметнув на нос очки, попытался прочесть несколько строк.

Бесполезно. Сегодня, видимо, надо поставить на этом крест. Глаза устали и не желали слушаться. Киндерман снял очки, и, выйдя из кабинета, побрел в спальню.

И приснился ему сон. Будто сидит он вместе с психами и смотрит кино. Ему казалось, что крутили «Потерянный горизонт», хотя на экране отчетливо мелькали кадры из «Касабланки». Но при этом Киндерман не ощущал никакого противоречия. Тут же за пианино сидел сам Амфортас. Он как раз пел песенку «А время проходит», когда в кабачок «У Рика», где все они находились, вошла героиня, которую в фильме играла Бергман. Но во сне ею оказалась Мартина Ласло, а ее мужем — доктор Темпл. Ласло и Темпл приблизились к пианино, и Амфортас произнес: «Оставьте его, мисс Ильс». Тогда Темпл скомандовал: «Пристрелите его», и Ласло, выхватив из сумочки скальпель, вонзила его прямо в сердце Амфортасу. Неожиданно Киндерман сам очутился на экране. Он восседал за столиком в компании Хэмфри Богарта. «Документы подделаны», — заявил Богарт. «Да, я знаю», — кивнул Киндерман. Он поинтересовался, не замешан ли в этом деле его братец Макс, но Богарт только пожал плечами и заметил: «Это же кабачок Рика». «Да, многие шляются сюда», — подхватил Киндерман. — Я видел эту картину уже раз двадцать». — «Хуже от этого не будет», — возразил Богарт. Внезапно Киндерман заволновался, потому что никак не мог

вспомнить своих первоначальных реплик. Тогда он быстро свернул тему и перевел разговор на проблему зла. Он вкратце изложил Богарту свою теорию. Во сне это заняло какую-то долю секунды. «Ну, теперь-то я вас здорово зауважал»,— восхитился Богарт и сам затеял беседу о Христе. «Что-то в вашей теории Ему не нашлось места,— удивился Богарт.— Будьте предельно осторожны, а то немецкие курьеры пронюхают это».— «Нет-нет, я обязательно включу Его в свою теорию»,— поспешно воскликнул Киндерман, и в этот момент Богарт почему-то превратился в отца Дайера, а Ласло с Амфортасом пересели к ним за стол. Ласло на этот раз была молодой и очень красивой. Дайер выслушивал исповедь невропатолога и, когда отпустил тому все грехи, получил от Ласло одну-единственную белоснежную розу. «Я никогда не покину тебя»,— пообещала она Амфортасу. «Иди и не живи более»,— напутствовал доктора Дайер.

В следующий миг Киндерман оказался среди зрителей. Он уже знал, что все это ему только снится. Экран разросся, он занял все видимое пространство. Вместо кадров из «Касабланки» на экране возникли два световых пятна. Они сверкали на фоне бледно-зеленой бездны. Пятно слева было большим и переливалось голубоватым пламенем. А справа от него находился маленький белый шарик, сияющий подобно тысяче солнц, но в то же время шар этот не ослеплял и не мерцал: он был спокоен и казался безмятежным.

Киндерман услышал, как заговорил левый огонек:

— Я не могу не любить тебя.

Второй огонек не отвечал. Наступила тишина.

— Вот, что я есть на самом деле,— продолжало голубоватое пламя.— Чистая любовь.

Снова промолчал ослепительный шарик. Долгую паузу вновь нарушил первый огонек:

— Я хочу создать себя.

И тогда заговорил шар:

— Будет больно.

— Я знаю.

— Но ты не понимаешь, что это такое.

— Я сделал свой выбор,— возразил голубоватый огонек. И стал ждать, переливаясь в бледно-зеленом пространстве.

Целая вечность канула, прежде чем ответил белый шар:

— Я пришлю тебе кого-нибудь.

— Нет, не надо. Ты не должен вмешиваться.

— Он будет частью тебя,— настаивал шар.

Голубоватое пламя сжалось. Вспышки его на какое-то время укоротились и ослабли. Наконец, огонек вновь расправился и замерцал:

— Да будет так.

Воцарилась тишина. Она длилась вечность. Все вокруг было проникнуто покоем и миром. Божественное сияние освещало сумрачное пространство.

Тихим и ровным голосом заговорил белый шар:

— Пусть же начнется время.

Голубоватое пламя вспыхнуло с новой силой, и по нему заструились потоки радужных соцветий; постепенно они погасли, и голубое пятно вновь мирно и спокойно замерцало. И опять безмолвие. Тогда в этой абсолютной тишине зазвучал нежный и грустный голос голубого огня:

— Прощай. Когда-нибудь я вернусь к тебе.

— Торопись.

Голубое пламя начало вспыхивать ярче и ярче. Оно выросло и стало намного прекрасней, чем было раньше. Затем оно уменьшилось и вот уже по размерам не превосходило белый шар. На какую-то секунду все вокруг замерло.

— Я люблю тебя,— прошептало голубое пламя.

И тут же взорвалось, разлетевшись сверкающей пылью и рассыпавшись над вечной Вселенной триллионами крошечных частиц всепроникающей и вездесущей энергии. Раздался чудовищной силы грохот.

Проснувшись, Киндерман вскочил в постели. Затем медленно сел и потрогал лоб Испарина. В глазах еще полыхали отсветы того умопомрачительного взрыва. Киндерман чуточку посидел в кровати, раздумывая, что же только что произошло. И происходило ли все это на самом деле? Сон был настолько реален, что хотелось в него верить. Даже тот, прошлый сон о Максе, не казался лейтенанту таким настоящим. Киндерман даже не вспомнил о первой части сна, где действие разворачивалось в кабачке, потому что вторая половина начисто затмила ее.

Он встал с кровати и спустился в кухню, зажег свет и, прищурившись, взглянул на большие настенные часы. «Пять минут пятого? Просто безумие какое-то,— возмутился Киндерман.— Фрэнк Синатра только собирается в койку». Тем не менее чувствовал он себя отлично, словно успел прекрасно выспаться. Киндерман поставил чайник и прислонился к плите, чтобы не прозевать его. Надо успеть снять чайник до того, как раздастся свисток. А то он разбудит Ширли. Киндерман стоял и раздумывал над сном, который глубоко потряс его. Что же терзает меня, размышлял следовательно. Какая-то мучительная боль потери. Ему вспомнилась книга о Сатане, написанная католиками-теологами. Как-то раз она попала к нему на глаза, и он с удовольствием прочитал ее. Красота и совершенство Сатаны описывались в книге как «захватывающие дух». «Несущий свет». «Утренняя звезда». Бог, очевидно, очень любил его. Но тогда почему Он проклял его на все времена?

Киндерман дотронулся до чайника. Только начал нагреваться. Еще несколько минут. Он снова подумал о Люцифере, о существе, излучающем свет. Католики утверждали, что сущность его изменить нельзя. Ну и что? Неужели именно он несет болезни и смерть на землю? И он же изобретает кошмары, зло и жестокость? Нет, здесь смысл теряется. Даже на старика Рокфеллера снисходила иногда благодать, и он раздавал монетки бедным. Киндерман вспомнил Евангелие и несчастных одержимых. Кем одержимых? Уж, конечно, не падшими ангелами. Только дураки могли бы спутать дьявола с духом умершего человека. Это просто шутка. Это мертвые пытаются возвратиться в мир живых. Кассиус Клей может бесконечно повторять это, но что остается делать бедному погибшему портному? Нет, Сатана никогда бы не стал мелочиться и занимать чужие тела. Даже евангелисты так считают, вспомнил Киндерман. Да, конечно, однажды сам Иисус пошутил насчет этого, мысленно подтвердил он. Как-то явились к Нему апостолы, полные впечатлений и окрыленные успехом в изгнании демонов. Иисус кивнул и, сохраняя полнейшее спокойствие, заявил: «Да, я видел, как Сатана падал с небес, подобно молнии». Вот и противоречие. Он просто пошутил над ними. Но почему именно молния? —

удивлялся Киндерман. И почему Христос называл Сатану «Князем Тьмы»?

Через несколько минут чайник закипел и, налив себе чашку, Киндерман понес ее наверх в кабинет. Он тихо прикрыл за собой дверь, на цыпочках подошел к столу и, включив свет, сел читать дело «Близнеца».

Убийства, известные под названием «Дело «Близнеца», происходили в районе Сан-Франциско на протяжении семи лет с 1964 по 1971 год и прекратились, когда преступник был застрелен полицейскими, пытаясь перелезть через ограду моста Золотые Ворота. Ранее он утверждал, что убил двадцать шесть человек, причем каждое преступление было особо жестоким, и труп очередной жертвы подвергался либо расчленению, либо другим изуверствам. В списке несчастных оказывались и мужчины, и женщины разного возраста, иногда даже дети. Город жил в постоянном страхе, несмотря на то, что личность убийцы удалось установить. Сразу же после первого убийства он прислал письмо в газету «Сан-Франциско Хроникл». Этого человека звали Джеймс Майкл Веннамун, ему было тридцать лет. В городе знали и его отца-евангелиста. Беседы с этим священником передавались по всей стране каждое воскресенье в десять часов. И все же найти «Близнеца» не удавалось. Не смог помочь и евангелист, который в 1967 году прекратил всякие публичные выступления. После расстрела на мосту тело убийцы словно сгнуло. Оно упало в реку, и в течение нескольких дней его тщетно пытались выловить драгами. Однако в смерти садиста не приходилось сомневаться. Не менее сотни пуль изрешетили его. К тому же страшные убийства после этого сразу прекратились.

Киндерман медленно листал страницу за страницей. Вот раздел, посвященный уродованию жертв. Внезапно следователь остолбенел. Не веря своим глазам, он заново перечитал целый абзац. Волосы на его голове встали дыбом. Этого не может быть! — думал он. — Боже мой, но этого просто не может быть! И все же приходилось верить. Следователь оторвал взгляд от страницы и тяжело задышал. А потом вновь углубился в чтение.

Киндерман дошел до описания психического состояния преступника, большей частью основанного на его бессвязных письмах и детских дневниках. У преступни-

ка имелся брат Томас, они родились близнецами. Но Томас страдал слабоумием и жил в своем собственном мире. Он боялся темноты, несмотря на то, что его постоянно окружали люди. Томас спал всегда при включенном свете. После развода отец не уделял мальчикам должного внимания, и всю заботу о брате Джеймс взял на себя.

Вскоре Киндерман погрузился в изучение истории их жизни.

Томас сидел за столом, уставившись своими детскими наивными глазами в никуда. Взгляд его был пуст. Джеймс пек ему блинчики. Внезапно на кухню ввалился Карл Веннамун, одетый только в пижамные штаны. Он был навеселе и держал в руке стакан с почти опорожненной бутылкой виски. Как сквозь туман Веннамун окинул взглядом кухню и заметил Джеймса.

— Что ты тут делаешь? — взревел он.

— Готовлю блинчики для Томми, — объяснил мальчик. Он проходил мимо отца с полной тарелкой, когда Веннамун крепкой затрешиной неожиданно сбил его с ног.

— Сам вижу, сопляк! — зарычал Веннамун. — Я тебе ясно сказал, что сегодня он еды не получит! Он испачкал штаны!

— Но он не виноват в этом! — заплакал Джеймс. Веннамун пнул его ногой в живот и направился к дрожавшему от страха Томасу.

— А ты, негодяй! Я же запретил тебе есть! Ты что, не слышал? — На столе стояло несколько тарелок с едой, и разъяренный Веннамун одним движением опрокинул их на пол. — Ты, маленькая обезьяна, ты у меня научишься послушанию и порядку! — Евангелист сдержал мальчонку со стула и поволок к входной двери. По дороге он осыпал сынишку ударами кулака. — Ты как твоя мать! Грязная свинья! Вонючая католическая скотина!

Веннамун подтащил мальчика к двери, ведущей в подвал. Яркое солнце заливало окрестные холмы. Веннамун распахнул дверь.

— Ты полезешь туда, в подвал к крысам, будь ты проклят!

Томас задрожал еще сильнее, и в огромных мальчишеских глазах заметался страх. Мальчик заплакал.

— Нет! Нет, я не хочу в темноту, папа! Пожалуйста, пожалуйста...

Веннамун ударил его, и мальчонка кубарем покати́лся вниз по лестнице.

Томас в отчаянии закричал:

— Джим! Джим!

Дверь в подвал захлопнулась, раздался скрежет засова.

— Да уж, крысы им займутся, я надеюсь,— донесся пьяный голос отца.

Внезапно тишину прорезал истошный вопль.

Вернувшись в дом, Веннамун привязал Джеймса к стулу, а сам уселся к телевизору и возобновил попойку. В конце концов, так он и уснул у экрана. А Джеймс всю ночь напролет не смыкал глаз, постоянно слыша крики и плач брата.

На рассвете крики прекратились, Веннамун проснулся, развязал Джеймса, а потом вышел во двор и открыл дверь подвала.

— Можешь выходить,— крикнул он в темноту. Но ответа не последовало. Веннамун безразлично наблюдал, как Джеймс стремглав ринулся вниз и вскоре услышал чье-то рыдание. Но это был не Томас. Это плакал Джеймс. Мальчик понял, что после этой страшной ночи его брат окончательно потерял рассудок.

Томаса поместили в психиатрическую больницу Сан-Франциско. Не оставалось ни малейшей надежды на излечение, и мальчик был вынужден до конца жизни коротать здесь свои дни. Как только выдавалось свободное время, Джеймс навещал брата, а в шестнадцать лет он сбежал из дома и устроился разносчиком газет в Сан-Франциско. Теперь он мог приходить к Томасу каждый вечер. Джеймс держал брата за руку, читая ему детские книги и сказки. Он же и убаюкивал Томаса. Так продолжалось до 1964 года. А потом случилось непоправимое. Тогда была суббота, и Джеймс с утра до вечера просидел у Томаса.

Было девять часов вечера. Томас уже лежал в кровати. Джеймс устроился рядышком на стуле, а доктор прослушивал Томасу сердце. Спустя некоторое время врач опустил стетоскоп и подмигнул Джеймсу.

— Твой братишка хорошо себя чувствует,— улыбнулся он.

Из-за двери высунулось личико дежурной медсестры:

— Мне очень жаль, сэр, но время посещений уже закончилось.

Врач сделал знак Джеймсу, чтобы тот не вставал, а сам подошел к сестре.

— Я хочу поговорить с вами, мисс Киич. Нет, не здесь, давайте пройдем в холл.— Они вышли из палаты.— Вы сегодня первый раз дежурите, мисс Киич?

— Да.

— Надеюсь, вам у нас понравится,— сказал доктор.

— Я тоже так думаю.

— Молодой человек, который пришел к Тому,— его родной брат. Уверен, вы и сами это заметили.

— Я обратила на это внимание,— подтвердила Киич.

— Вот уже несколько лет подряд он неизменно приходит к брату каждый вечер. И мы разрешаем ему находиться в палате до тех пор, пока его брат не заснет. Иногда он остается даже на ночь. Но не беспокойтесь. Здесь все в порядке. Это исключение,— пояснил доктор.

— Да, я понимаю.

— И еще: у него в палате горит лампа. Мальчик боится темноты. Страх этот патологический. Никогда не выключайте у него свет. Я опасаюсь за его сердце. Он очень слабенький.

— Я запомню это,— кивнула медсестра и улыбнулась.

Доктор ответил ей добродушной улыбкой.

— Ну и прекрасно, тогда увидимся завтра. Всего вам хорошего.

— Спокойной ночи, доктор.— Сестра Киич проводила его взглядом, и, когда врач скрылся из виду, улыбка ее превратилась в злобный оскал. Она покачала головой и произнесла: — Идиот.

Джеймс сидел рядом с братом, крепко сжав его руку. Перед ним лежала детская книга, но он уже выучил ее наизусть, а уж это стихотворение Джеймс повторял Томасу, наверное, тысячи раз:

Спокойной ночи, милый дом,
И все, кто обитает в нем:
Спокойной ночи, мыши
И голуби на крыше.

Спокойной ночи, каша, щетка,
Спокойной ночи, злая тетка,
Спокойной, доброй ночи вам...
Я с вами засыпаю сам.

На секунду Джеймс смежил веки, а потом чуть-чуть приоткрыл их, чтобы взглянуть, заснул ли Томас. Но Томас, уставившись в потолок, не спал, и тогда Джеймс увидел, что из глаз брата текут слезы.

— Я л-л-люблю т-т-тебя,— заикаясь, произнес Томас.

— И я люблю тебя, Том,— нежно произнес Джеймс. Тогда Томас закрыл глаза и вскоре уснул.

Джеймс ушел, а спустя некоторое время мимо палаты прошла сестра Киич. У двери она остановилась и заглянула внутрь. Томас был один и спокойно спал. Медсестра прошла в палату, выключила лампу и вышла, хлопнув за собой дверь.

— Тоже мне, «исключение»,— недовольно пробормотала она и вернулась в свой кабинет, где занялась просмотром журналов.

Среди ночи отчаянный вопль прорезал больничные покои. Это проснулся Томас. Крик не стихал несколько минут, а потом неожиданно оборвался. Томас Веннамун умер.

И родился убийца «Близнец».

Киндерман посмотрел в окно. Начинало светать. История братьев неожиданно растрогала его. Неужели жалость к этому чудовищу закралась в его душу? Тогда он снова вспомнил, что «Близнец» вытворял со своими жертвами. И символом-то он избрал перст Божий, которым Господь тронул Адама. Поэтому всем жертвам

«Близнец» отрезал указательный палец. И первой буквой фамилии или имени погибших стала буква «К». Веннамун, Карл.

Киндерман дочитывал последнюю страницу: «Постоянными убийствами людей, чьи имена или фамилии начинались с буквы «К», «Близнец», таким образом, всячески пытался отомстить отцу и испортить его карьеру. В конце концов имя отца стали связывать с убийствами. Это подтверждается и тем, что отец вскоре перестал выступать публично. Месть отцу явилась вторым основным мотивом всех преступлений «Близнеца».

Киндерман молча смотрел на последнюю страницу толстого дела. Наконец, он снял очки и, заморгав, снова оглядел папку. Он никак не мог взять в толк, с какой стороны браться за расследование.

Зазвонил телефон и, вздрогнув, Киндерман поднял трубку.

— Да, Киндерман слушает,— тихо произнес он. Потом взглянул на часы, и сердце у него замерло. Он услышал голос Аткинса. Потом в трубке раздались гудки. На Киндермана вдруг обрушилось страшное одиночество.

В больнице был убит отец Дайер.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Величайшим современным событием в истории Земли является, очевидно, постепенное осознание факта (разумеется, теми, кто способен видеть), что во главе всей субстанции, созданной в процессе сжатия развивающейся Вселенной, стоит не только Нечто, но и Некто...

Существует только одно зло: Отсутствие Единства.

Пьер Тейяр де Шарден

Среда, 16 марта

Глава девятая

Уважаемый отец Дайер!

Вероятно, Вы зададите себе вопрос: «Почему именно я? Почему он не выбрал кого-нибудь из своих коллег, которые бы лучше разобрались в этом вопросе, и все тяжкое бремя переложил на мои плечи?»

Да, ученые, конечно же, разобрались бы во всем лучше. Такие проблемы притягивают их, словно сладкое лекарство ребенка. Но я думаю, Вы и сами отнеслись бы к их мнению скептически. «Еще один псих, уверяющий, будто видел плачущую статую Христа.— Так, возможно, Вы подумали.— Только потому что священник, я должен верить любым байкам. И на сей раз это должно быть что-то из ряда вон выходящее». Нет, дело совсем не в этом. Я решил рассказать Вам обо всем, ибо доверяю Вам. Доверяю не как священнику, а как человеку. Если бы Вы захотели предать меня, Вы бы уже не раз воспользовались удобными моментами. Но Вы этого не сделали. Вы сдержали свое слово. И это говорит о многом. Когда мы с Вами беседовали, уста Ваши не были запечатаны тайной исповеди. Другой священник, да и просто всякий человек на Вашем месте, уже наступал бы куда следует. Поэтому, прежде чем доверить Вам свою тайну, я вынужден был пойти на подобную проверку.

Мне очень жаль, что в награду Вы получаете лишь еще одно обязательство. Но я верю в Вас, и это обретает великий смысл. Вы сейчас все поймете. Ну что, святой отец, Вы еще не жалеете, что познакомились со мной?

Не знаю, с чего начать и как рассказать Вам все, что я хотел бы. Мне чуточку неловко. Я очень хочу, чтобы Вы поверили мне и все правильно оценили. Боюсь, это будет нелегко. Может быть, то, о чем я поведаю, заставит Вас съежиться от страха. Ну что ж, другого выхода у меня нет. Да будет так. Теперь немного попридержите свое любопытство, потерпите и не читайте дальше, прежде чем не выполните мою просьбу. Сейчас я Вам все подробно объясню. Сначала надо достать магнитофон, только не кассетный, а с простыми катушками, причем такой, на котором можно проигрывать запись с различной скоростью. Лучше всего возьмите мой. К этому письму я клейкой лентой прилеплю ключ от своего дома. А теперь загляните в картонную коробку, которую я Вам прислал. В ней лежат несколько бобин со сделанной мною записью. Найдите катушку с надписью «9 января 1982 года». Поставьте счетчик на ноль. Теперь перемотайте пленку вперед до отметки «383». Возьмите наушники, добейтесь максимальной громкости (разумеется, в наушниках) и запустите пленку на нормальной скорости. Слушайте внимательно. Раздастся шипение усилителя, это вполне естественно. И с этим придется смириться. А потом Вы услышите голос. Он перестанет звучать, когда счетчик достигнет цифры «388». Прогоните пленку несколько раз, прослушивая этот ее участок до тех пор, пока не убедитесь, что точно расслышали сказанное. Голос звучит достаточно громко, но шипение и статический шум мешают с первого раза разобрать слова. Когда Вы поймете, что он говорит, заведите пленку на повышенной скорости (она удвоится) — и снова повторите всю операцию. Да, я не ошибся. Я хочу, чтобы Вы прослушали этот кусочек пленки на другой скорости. И тогда забудьте о том, что Вы слышали в первый раз. Слушайте внимательно! Пожалуйста, сделайте все это, прежде чем начнете читать дальше.

Хотя я и доверяю Вам, но все же продолжаю с новой страницы. Нам всем время от времени нужна отсрочка.

Ну вот, теперь Вы все услышали сами. Слово, прозвучавшее на нормальной скорости, я уверен, Вы поняли хорошо: мужской голос произнес «Лэйси». А на большей скорости Вы так же четко разобрали слова, но теперь это была фраза: «Верь в это». Здравый смысл и глубокая вера должны убедить Вас, что я абсолютно ничего не выиграл, если бы решил подстроить все это нарочно или обмануть Вас. А теперь расскажу Вам, как мне удалось сделать эту запись. Я взял чистую магнитофонную ленту — еще ни разу не использованную — и применил диод, который исключает запись всяких комнатных шумов, но действует наподобие микрофона, и, поставив нормальную скорость, вслух произнес: «Существует ли Бог?» Я максимально вывернул ручки громкости и включил магнитофон на запись. В течение последующих трех минут я молча ждал. Потом прекратил запись и, перемотав пленку, услышал этот голос.

Я отослал бобину своему приятелю в Колумбийский университет. По моей просьбе он исследовал ее на спектрографе. Потом вернул пленку вместе с результатами анализа. Их Вы тоже найдете в коробке. В письме он указал, что, по данным спектрографа, голос на пленке не может принадлежать человеку. Для подобного звучания необходимо сконструировать искусственную гортань и запрограммировать ее на произнесение данных слов. Мой приятель утверждал, будто его аппарат не мог ошибиться. Далее. Он совершенно сбит с толку, каким образом слово «Лэйси» на двойной скорости превращается во фразу «Верь в это». Обратите внимание еще и на то — это уже мой собственный комментарий, — что ответ на мой вопрос звучит бессмысленно, пока пленка не проигрывается на удвоенной скорости. Это исключает возможность подделки голоса, если представить, будто я мог записать его с радио. И, святой отец, ведь окажется здесь какое-то совпадение, оно все равно давало бы некоторое объяснение. Вероятно, Вы сами захотите удостовериться в истинности сказанного и лично убедиться, что это возможно. Так, ради Бога, пойдите на все, лишь бы избавиться от малейших сомнений. Позвоните моему приятелю в Колумбийский университет, это профессор Сирил Харрис. А лучше всего сделайте еще один спектрографический анализ где-нибудь в другом месте. Я уверен, что Вы получите точно такие же результаты.

Я начал делать эти записи спустя несколько месяцев после смерти Анны. В психиатрическом отделении больницы находится один пациент, некий Антон Лэнг. Пожалуйста, не разговаривайте с ним на эту тему. У него серьезные проблемы, и если он начнет делиться ими, то моя теория не покажется вам такой достоверной. Мне бы этого очень не хотелось. Лэнг жаловался на сильную головную боль, поэтому мне пришлось обследовать его и таким образом вступить с ним в контакт. Я читал историю его болезни и знаю, что несколько лет он записывал на магнитную ленту звуки, которые называл «голосами». Я побеседовал с ним, и он рассказал мне несколько интересных вещей, а потом я решил прочитать что-нибудь по этому вопросу. Лэнг посоветовал мне книгу «Прорыв». Ее написал один латыш, Константин Раудиев, она была переведена на английский и издана в Великобритании. Я заказал себе экземпляр и буквально проглотил ее от корки до корки. Святой отец, Вы еще не устали?

Большую часть книги занимали четкие воспроизведения слов, записанных Раудиевым на магнитную ленту. Содержание фраз мало обнадеживало. Это были либо какие-то незначительные слова, либо просто бессмысленные сочетания звуков. Если они, как утверждал латвийский профессор, суть голоса мертвых, то возникает вопрос: неужели же это все, что они хотят нам передать? «Костя устал», «Костя сегодня работает». «На границе — таможня». «Мы спим». Мне сразу вспомнилась древняя тибетская «Книга мертвых». Вы знакомы с этим произведением, святой отец? Довольно занятная рукопись, некое пособие для тех, кто собирается на тот свет. Людей подготавливают к загробным явлениям. Первое ощущение, как уверяли древние мудрецы, это встреча с так называемым «чистым светом». Понятие это, разумеется, трансцендентальное. Дух умершего — если захочет — может слиться с «чистым светом». Но подобное удастся лишь немногим, потому что подавляющее большинство людей не успели за свою земную жизнь как следует подготовиться к этому. Мертвые вновь и вновь исчезают и перевоплощаются на земле бесчисленное множество раз. Находясь на грани между смертью и следующим рождением, дух, разумеется, может нести всякого рода околесицу; подобного рода чушь

встречается не только в книге у Раудиева, но и во многих трудах по спиритизму. Эти фразы навевают тоску. Они не вызывают никакого восторга и желания слушать их дальше. Поэтому, мягко говоря, книга «Прорыв» не очень-то меня порадовала. Но там я нашел предисловие другого ученого Колина Смита. Именно здесь я обнаружил много невысказанного и завуалированного. Это заинтриговало меня. Я раскопал еще несколько книг, написанных физиками и инженерами, а одну — даже католическим архиепископом из Германии. Все они весьма сдержанно отзывались об этих голосах. Авторы рассуждали о причинах их возникновения, и кто-то из них высказал предположение, будто эти голоса не что иное, как подсознание самого записывающего.

И я отважился убедиться во всем на собственном опыте. Буду говорить начистоту. Меня потрясла смерть Анны. Тогда я воспользовался своим портативным магнитофоном «Сони». Он настолько мал, что легко помещается в кармане пальто, но зато дает возможность быстро перематывать пленку и, кроме того, имеет кнопку «реверс», что позволяет записывать на обе стороны кассеты, не вынимая ее. В дальнейшем это сыграло мне на руку в моих экспериментах. Как-то летним вечером — а темнело сравнительно поздно — я сидел у себя в комнате рядом с магнитофончиком и от нечего делать пригласил все присутствующие голоса проявить себя и вступить со мной в контакт путем записи на пленку. Потом я нажал на кнопку «запись» и просидел молча, пока вся кассета не кончилась. Я прокрутил пленку, но ничего не услышал, кроме записавшихся уличных шумов и шипящего фона. Вскоре я забыл об этой неудачной попытке.

Однако спустя пару дней я снова решил прослушать пленку. И вот где-то в середине записи я услышал нечто странное — щелчок, а потом слабый, едва уловимый звук, его словно обволакивало шипение усилителя. Этот звук поразил меня, потому что был он очень странным. Я вновь и вновь перематывал ленту, то и дело воспроизводя этот кусочек. Звук с каждым разом становился громче, и вот, наконец, я услышал — или мне показалось, — будто мужской голос ясно выговорил мою фамилию — «Амфортас». Ни много ни мало. Голос был чистым и отчетливым, но определить, кому он принадле-

жал, я не смог. По-моему, у меня в тот миг бешено колотилось сердце. Я еще раз внимательно прослушал всю пленку, но, ничего больше не обнаружив, снова вернулся к тому заветному кусочку, где раздавался таинственный голос. Но теперь здесь царило молчание. Мои надежды рухнули, подобно кошельку, который бедняк обронил в бездонную пропасть. Раз за разом прокручивал я пленку, и через некоторое время мне показалось, что я опять слышу тот же странный звук. После трех перемоток вернулся и мужской голос.

Может быть, у меня к тому времени уже помутился рассудок? А может, я намеренно заставлял свой мозг искать слова в равнодушном шелесте пленки? Я снова проиграл запись, и теперь уже в другом месте, где раньше был слышен один только фон, я отчетливо различил новый голос. На этот раз женский. Нет, голос принадлежал не Анне, а какой-то другой женщине. Она произнесла целое предложение, начало которого я никак не мог разобрать, несмотря на то, что прослушивал пленку бесчисленное количество раз. Вся фраза звучала очень странно по ритму. Да и интонация казалась необычной: слова то сыпались вниз, то взмывали ввысь. Конеч высказывания мне все же удалось разобрать: «продолжай слушать нас», — произнесла женщина, но почему-то с вопросительной интонацией. Я был поражен. Вне всяких сомнений, я отчетливо расслышал эту часть фразы. Но почему же раньше в этом же самом месте звучал только фон усилителя? И тут я решил, что после многократного прослушивания мой мозг научился, наконец, правильно разбирать слова, отбрасывая прочь весь ненужный шелест и шипенье. Кроме того, я уже успел привыкнуть к этому странному и едва уловимому голосу.

Но вот опять сомнения. Может быть, мой магнитофон случайно выловил голоса с улицы или какого-то разговора из соседних домов? Бывали времена, когда я довольно отчетливо слышал беседы своих соседей. Кстати, один из них вполне мог назвать меня по фамилии. Тогда я перешел в кухню — она расположена дальше от улицы — и, поставив чистую кассету, сделал новую запись. Я громко попросил всех, кто будет со мной «вступать в контакт», повторять слово «Кириос» — это девичья фамилия моей матери. Но, проиграв запись, я убе-

дился, что пленка так и осталась совершенно чистой, не считая шелеста усилителя. Раздавались и другие звуки, производимые самим магнитофоном, но в одном месте они напомнили мне визг тормозящего автомобиля. Разумеется, этот звук донесся с улицы,— констатировал я. К этому времени я здорово притомился, ибо подобное напряжение требует немалой затраты энергии. Я не произвел той ночью больше ни одной записи.

На следующее утро, ожидая, пока закипит кофе, я решил заново прокрутить обе пленки. «Амфортас» и «продолжай слушать нас» звучали уже гораздо уверенней. Поставив вторую пленку, я решил сосредоточиться на том участке, где раздавался визг тормозов, и, несколько раз подряд прослушав ее, вдруг понял, что мой мозг приспособился и теперь каким-то таинственным образом стал воспринимать послания, ибо вместо непонятного звука я ясно различил женский голос, довольно высокий, произносящий слова «Анна Кириос», причем довольно быстро. Я был настолько потрясен, что не уследил за «туркой», и кофе у меня, разумеется, убежал.

В тот же день я прихватил в больницу и магнитофон, и обе кассеты. Во время обеденного перерыва я проиграл ключевые моменты одной из наших сотрудниц — медсестре Эмили Аллертон. Она призналась, что ровным счетом ничего не услышала ни на одной из пленок. Позже я предложил эти записи другой медсестре из невропатологического отделения — Эми Китинг. Я запустил первую кассету, и девушка поднесла магнитофон прямо к уху. Прослушав запись всего один раз, она кивнула и, возвращая мне «Сони», как ни в чем не бывало заметила: «Да, я слышу вашу фамилию», а потом занялась своими делами. Тогда я решил прекратить дальнейшие опыты, по крайней мере на наших медсестрах.

В течение нескольких недель я был одержим. Я купил большой катушечный магнитофон, обзавелся приличными наушниками, приобрел дополнительные усилители и еженежно часами продолжал записывать.казалось, теперь-то дела пошли на лад, и каждый раз я добивался определенных результатов. Все пленки были буквально набиты голосами, да так плотно, что те иногда перекрывали друг друга. Одни голоса еле доносились из

динамика, я даже не тратил время на их расшифровку, зато другие раздавались громко и отчетливо. Некоторые слова я разбирал с ходу, но встречались и такие, которые я начинал понимать только при изменении скорости проигрывания. К примеру, несколько голосов зазвучали только тогда когда я снизил ее вдвое. То и дело вызывал я Анну, но так и не смог услышать ее. Иногда, правда, до меня доносились таинственные голоса, сообщавшие: «Я здесь» или «Я — Анна». Но эти голоса не принадлежали ей. В этом я уверен.

Как-то октябрьским вечером я прокручивал одну из своих пленок, записанную неделю назад. Там мне встретилось одно интересное местечко, где голос произносил фразу «Земной контроль». После нескольких повторов я прослушал чуточку дальше, и тут у меня перехватило дыхание. Я различил другие слова: «Винсент, это Анна». Я почувствовал, как по телу пробежали мурашки. Нет-нет, это не мой мозг повторял ее слова. Это был ее, да-да, ее собственный голос. Я вновь и вновь ставил этот кусочек записи и всякий раз испытывал ту же дрожь, доводящую меня почти до экстаза. Я пытался сдерживать себя, но не мог. Это была Анна.

На следующее утро в мою душу закрались сомнения. А вдруг этот голос — всего лишь проекция моего желания? Или, может быть, ментальный уровень моего существа просто заставил меня услышать этот голос среди ничего не значащего шелеста пленки? И я решил раз и навсегда разобраться в этом.

Я связался с Эдди Фландерсом — сотрудником Джорджтаунского института языкознания, когда-то он числился моим пациентом. Не помню точно, что я ему тогда наговорил, но он согласился прослушать тот кусочек с голосом Анны. Когда Фландерс снял наушники, я с нетерпением попросил его рассказать, что же он услышал. Фландерс сообщил: «Кто-то разговаривает. Но только очень тихо». Я не унимался: «Что говорит этот голос? Вы можете разобрать слова?» Фландерс неуверенно произнес: «Кажется, там назвали мое имя».

Я выхватил у него наушники и убедился, что Эдди слушает именно ту часть пленки, а потом еще раз попросил прослушать запись. Результат остался прежним. Я находился на грани отчаяния «Но это действительно голос? — засомневался я, — а не простой шум?» —

«Нет, совершенно определенно, это голос. А не ваш случайно?» — «А вы что, слышите мужской голос?» — оторопел я. Фландерс кивнул: «Да, причем очень похожий на ваш». На этом я и закончил свои исследования. Но не прошло и недели, как я снова вернулся к ним. В институте имелся прекрасный лингафонный кабинет, оборудованный профессиональными магнитофонами и усилителями. В одной из звуконепроницаемых кабинок я обнаружил вмонтированный высокочувствительный микрофон. И тогда я уговорил Эдди помочь мне сделать запись. Я вошел в кабинку и отвернулся, чтобы Эдди по губам не смог разобрать моих слов, и, как раньше, пригласил все присутствующие голоса вступить в контакт. Я задал два конкретных вопроса и в качестве ответов предложил воспользоваться словами «положительно» и «отрицательно». Эти слова ведь звучат гораздо более отчетливо, нежели обычные «да» и «нет», которые можно порой спутать с шумом. Потом я вышел из кабинки плотно прикрыв за собой дверь, подал знак Эдди, чтобы он начинал запись. Он спросил меня: «А что мы записываем?», и я ответил: «Молекулы воздуха. Мне это необходимо для новых исследований о функциях мозга». Как залось, Эдди вполне удовлетворил такой ответ, и мы записали эту «тишину» с максимальным уровнем при скорости 7,5 дюймов в секунду. Минуты через три мы остановили пленку и прокрутили ее на максимальной громкости. И тут мы услышали нечто странное — нет, это был не голос, а какой-то непонятный булькающий звук, причем раз в десять более громкий, чем любая моя доморощенная запись. И больше ничего. «Эдди, — воскликнул тогда я, — а часто у вас при записи появляется этот звук?» У меня мелькнула догадка, что, возможно, сложное оборудование само по себе порождает подобные звуки. Но Эдди заявил, что он и сам озадачен и не может взять в толк, откуда на пленке возникли посторонние шумы. Я предположил, что нам, вероятно, попалась бракованная пленка, и он со мной согласился. После нескольких проигрываний звук стал напоминать голос. Однако ни разобрать слов, ни найти разумного объяснения мы не могли и поэтому прекратили исследования.

Я принес запись домой и прослушал ее. Теперь я различил множество голосов, тихих и очень поспешных,

которые либо отвечали на мои вопросы, либо сами произносили какие-то фразы. Но среди них голоса Анны не оказалось. Из всего этого я сделал следующие выводы. Видимо, я вошел в контакт с личностями, находящимися в переходном состоянии. Они не обладали даром ясновидения и не могли предсказывать будущие события, но уровень их знаний намного превосходил мой собственный. Например, они могли назвать мне фамилию медсестры, дежурившей в данный момент, но с которой я не был знаком лично и тем более не мог знать ее фамилии. Однако у них частенько возникали разногласия. Когда я задавал им конкретные вопросы, например, просил назвать день рождения моей матери, они почему-то давали разные ответы, и среди них — ни одного правильного. Но в то же время я чувствовал, что они просто не хотят, чтобы я потерял к ним интерес. Иногда они откровенно вешали мне лапшу на уши, а иногда пытались уколоть меня. Я стал узнавать такие голоса и в дальнейшем перестал на них реагировать точно так же, как мы иногда стараемся не слышать людей, сквернословящих в нашем присутствии. Некоторые голоса умоляли о помощи, а когда я их спрашивал — и не один раз! — что именно должен я сделать, чтобы помочь, ответ всегда звучал одинаково: «Прекрасно. Уже хорошо». Одни просили помолиться за них, другие утверждали, что, наоборот, они будут молиться за меня. Тогда у меня возникала мысль, будто все они представляют собой некое сообщество святых.

Совершенно очевидно, что они обладают чувством юмора. Как-то в самом начале эксперимента я делал записи и облачился в старенький банный халат. Он являл собой безвкусное, аляповато-полосатое произведение ткацкого искусства и помимо всего прочего имел громадную дырищу у правого плеча. Вот тогда мне и выдали: «Конская попона». Я неоднократно спрашивал: «Кто создал материальный мир?», на что мне один голосок заявил: «Я создал». Как-то раз я пригласил участвовать в опытах моего молодого коллегу. Он интересовался различными парапсихологическими явлениями, и мне было легко обсуждать с ним цели и результаты моих экспериментов. Весь вечер напролет он убеждал меня, будто ничего не слышит, в то время как я, разумеется, прекрасно разбирал знакомые голоса. Они бормотали:

«Какой в нем толк?» и «Зачем так суетиться?» и «Пойдите поиграйте в Пак-Ман»¹ и еще что-то в этом роде. Позднее я узнал, что врачу этому медведь на ухо наступил, и он очень стеснялся своего недостатка, никогда о нем не заикаясь.

Иногда голоса сами помогали мне и предлагали другие способы записи. Один из этих способов — использование диода. Другой же заключался в том, что мне надо было найти в радиоприемнике полосу «белого шума» и подсоединить его к магнитофону. Последний прием я так и не попробовал, ибо боялся, что случайно запишу и голоса реальных людей. Микрофон лучше всего срабатывал в тихой пустой комнате со звукоизоляцией. Но в конце концов я решил использовать диод, потому что он исключал возможность записи случайных звуков.

Голоса критиковали порой даже техническую сторону моих опытов. Иногда я путался и нажимал не те кнопки, и тогда голос тут же констатировал: «Ты сам не знаешь, что делаешь». (Этот голос звучал особенно устало. В тот вечер у меня буквально все падало из рук, и я постоянно ошибался.) Подобные высказывания укрепили мою мысль о том, что я имею дело с крайне индивидуальными и не похожими друг на друга особами, и к тому же довольно простодушными. Они напоминали мне обыкновенных людей. Частенько желали «спокойной ночи» после бесконечной записи, когда я забывался. Я тут же вспоминал, что действительно устал и пора идти спать. По разным поводам они говорили мне «Спасибо» и «Благодарю вас». А вот что еще интересно. Как-то я поинтересовался, не следует ли мне опубликовать результаты исследований, на что все они явственно ответили «Отрицательно». Это меня тоже удивило.

Где-то в середине 1982 года я решил отправить письмо Колину Смигу, тому самому человеку, который написал предисловие к книге «Прорыв». Мне почему-то показалось, что ему можно доверять. В письме я задал несколько вопросов, и он не только сразу же ответил мне, но и посоветовал прочесть свою книгу (она назы-

¹ Пак-Ман — одна из самых известных компьютерных игр.

вается «Продолжайте говорить»). Правда, он был несколько сдержан, но это и понятно, потому что такие проблемы, особенно в лондонской прессе, принято считать сенсационными. Некоторые прохиндеи так далеко зашли, что стали утверждать, будто могут разговаривать с Джоном Кеннеди или с Фрейдом и так далее. Смит поведал мне кое-что из ряда вон выходящее. Несколько невропатологов из Эдинбурга, приехавших в Лондон на медицинскую конференцию, разыскали Смита и прокрутили ему записи, сделанные ими в присутствии коматозных пациентов или же несчастных, которые по разным причинам не могли разговаривать. И вот на пленках зазвучали голоса этих больных.

Вскоре после этого я прихватил в больницу свой портативный «Сони». Было часа два или три ночи, и я сразу направился в психиатрическое отделение, в палату для тяжелобольных, где и записал пленку возле одного пациента, кататоника, страдающего амнезией. Он уже многие годы находился в больнице. Личность его так и не установили. Полиция подобрала его в районе М-стрит в 1970 году, он бродил по улицам и ничего не помнил. С тех пор он не произнес ни слова. Хотя, может быть, его просто никто не слышал. Я спросил его, кто он такой и слышит ли меня, а потом включил магнитофон. Я записал целую кассету, а потом вернулся домой и прослушал ее. Результат оказался весьма странным. За все полчаса я обнаружил только пару участков пленки, где появился голос. Обычно запись напичкана голосами, хотя частенько они, разумеется, едва различимы. Здесь же — за исключением двух участков, о которых я упомянул, — пленка осталась чистой, и пустота эта сама по себе казалась необычной. Но что меня еще более поразило — я бы даже сказал испугало, — так это сами голоса. Оба раза звучал мужской голос, и я уверен, что он принадлежал именно этому пациенту-кататонику. Сначала голос произнес: «Я начинаю вспоминать». А потом я услышал, скорее всего, имя и фамилию пациента, то есть ответ на мой вопрос, а звучало это примерно так: «Джеймс Венамин», как мне помнится. От этого голоса меня почему-то бросило в дрожь, и я не отважился повторить свой эксперимент.

В конце года произошло важное, решающее событие. Поначалу я еще сомневался в том, что же именно мне

удается слышать. Но все развивалось гораздо стремительней, чем я предполагал. Свой магнитофон я поменял на другой, высшего класса. В него была вмонтирована электронная подстройка скорости. Еще там имелся полосовой фильтр, который автоматически выбрасывал любые звуки, выходящие за рамки диапазона человеческого голоса.

Так вот, в субботу симпатичный молодой человек из магазина радиоаппаратуры явился с этим чудом ко мне на дом, сам установил его и подключил к сети. Когда техник уже заканчивал работу, у меня вдруг мелькнула мысль. Ведь у молодых людей слух, как известно, гораздо лучше, чем у стариков, к тому же этому юноше, учитывая его профессию, просто необходимо было иметь исключительный слух. Поэтому я поставил ему одну из пленок, где звуки раздавались довольно громко, и, вручив ему наушники, попросил прослушать ее. После этого я поинтересовался, что же ему удалось разобрать, и он незамедлительно ответил: «Там кто-то разговаривает». Это меня удивило. «А кто — мужчина или женщина?» — спросил я. Он не колебался: «Мужчина». «А что он говорит?» — «Не знаю, запись очень замедленная». Новый сюрприз! Я уже привык к тому, что голоса произносили фразы очень быстро. «Вы хотите сказать, что убыстренная», — поправил его я. «Да нет же, наоборот, замедленная, по крайней мере мне так кажется». Он перемотал пленку к отмеченному месту и, надев наушники, руками немного добавил скорость. Потом снял наушники и кивнул. «Конечно же, скорость очень маленькая, вот, послушайте сам!» — и протянул мне наушники. — «Я вам сейчас продемонстрирую». Я надел наушники и наблюдал, как он руками увеличивает скорость записи. И тогда я услышал четкий мужской голос, объявивший: «Положительно. Вы меня слышите?»

Этот несложный опыт знаменовал новый этап в моей работе. Теперь я часто получал записи с отчетливыми голосами, и значение слов менялось при переключении скорости. «Лэйси — верь в это» явилась одной из первых таких записей. Ее смог бы услышать даже тот тугоухий молодой врач.

Три такие пленки я послал своему приятелю в Колумбийский университет, о чем я уже сообщал Вам.

Прослушайте их, а потом сделайте свои собственные записи. Поначалу у Вас вообще может не получиться, или же голоса будут едва уловимы. Если Вы не сможете привыкнуть к шуму и научиться, как пробиваться сквозь него, тогда возьмите за основу мои самые громкие записи и судите по ним. Сначала их надо очистить от шума, для этого существует специальное оборудование. После этого их надо подвергнуть спектрографическому анализу. Можно также и восстановить скорость первоначальной записи и, исходя из этого, исключить возможную подделку, как если бы запись делалась с радио

Эти голоса — реальные. Я уверен, что они принадлежат умершим. Это нельзя доказать. Но даже с научной точки зрения можно продемонстрировать, что они принадлежат сущностям без тела в том смысле, как мы это понимаем. Возможно, католическая церковь заинтересуется этим явлением, у нее достанет средств. Необходимо доказать, что голоса существуют, а их источник — неземной. И опыты можно повторять до бесконечности, лишь бы убедить самых твердолобых.

Да, голоса уверяли меня, что это неважно. Для кого неважно? Интересно узнать. Люди боятся смерти и не желают смириться с тлением и вечным забвением. По ночам они рыдают, оплакивая своих потерянных любимых. Неужели только вера способна избавить нас от страданий? Неужели ее достаточно?

Эти пленки — моя молитва за всех, кто пребывает в горе. Конечно, они не суть спасение, ибо сомнения наверняка останутся — ведь воскрешение Лазаря не убедило даже тех, кто видел его своими собственными глазами! Если Бог не желает вмешиваться, тогда вмешаться должны люди. И Он позволяет нам сделать это. Это наш мир.

Спасибо Вам за то, что Вы не объявили мое решение великим грехом отчаяния. Я-то знаю, что это не так. Я же ничего не делаю. Я только жду. Может быть, в глубине души Вы все же подумали, что это неправильно. Но Вы не сказали этого вслух. Поэтому я прощаюсь, и надежда не оставляет меня.

В дальнейшем Вы, возможно, услышите обо мне странные вещи. Мне страшно об этом думать, но если это все же произойдет, знайте, что я никогда никому не

желал зла. Думайте обо мне только хорошо. Договорились, святой отец?

Сколько же времени мы с Вами знакомы? Два дня? Я буду скучать без Вас. Но я знаю, что когда-нибудь мы с Вами опять встретимся. Когда Вы прочтете это письмо, я буду уже с моей Анной. Пожалуйста, порадитесь за меня.

С глубоким уважением,
Винсент Амфортас.

Амфортас пробежал глазами письмо. Кое-где он внес незначительные поправки, потом, взглянув на часы, отметил, что уже пора делать инъекцию гормона. Он научился делать укол заранее, не дожидаясь страшной головной боли. Теперь каждые шесть часов он почти автоматически вводил себе шесть миллиграммов лекарства. Вскоре ослабевший разум покинет его. Поэтому надо торопиться с письмом.

Амфортас поднялся в спальню и, сделав себе укол, быстро спустился к пишущей машинке, которая стояла на маленьком журнальном столике. Он немного подумал и, решив, что в письмо надо внести еще одно дополнение, начал печатать:

Р. S.: В течение долгих месяцев, пока я был занят своими исследованиями, я частенько обращался к голосам: «Опишите свое состояние и месторасположение как можно точнее и яснее». Несколько раз мне удавалось добиться весьма четких ответов. Вообще голоса стараются избегать подобных настойчивых вопросов. И Вам, наверное, будет интересно, какие ответы я получил. Вот они:

Сначала мы приходим сюда.
Здесь мы ждем.
Забвение.
Мертвые.
Это похоже на корабль.
Это похоже на больницу.
Врачи — ангелы.

А еще я спросил: «Что мы, живые, должны делать?», и отчетливый голос произнес: «Творить добро». Голос был похож на женский.

Амфортас выдернул письмо из машинки и вставил в нее конверт, на котором напечатал:

Пресв. Джозефу Дайеру, Общество Иисуса
Джорджтаунский университет
Доставить в случае моей смерти.

Глава десятая

Киндерман приближался к больнице и постепенно замедлял шаг. У самого входа он оглянулся и сквозь морозящий дождь посмотрел на хмурое небо. Он попытался было определить, когда же взойдет солнце, потому что полностью утратил счет времени, но увидел лишь красные вспышки огней на полицейских машинах, которые одна за другой следовали по улице, врезаясь в ночные, сверкающие от дождя сумерки. Киндерман почувствовал что движется как во сне. Он не ощущал собственного тела. Мир стал неузнаваем. Издалека заметив подкативших в автомобиле телерепортеров, лейтенант отвернулся и торопливо прошел внутрь больницы. На лифте он поднялся в невропатологическое отделение и сразу же окунулся в знакомый хаос. Репортеры были уже тут как тут. Внезапно Киндермана ослепила фотовспышка. Повсюду стояли полицейские. У поста дежурной медсестры уже столпились любопытные врачи, большинство из которых явились сюда из других отделений. Коридор был забит перепуганными и заспанными больными, видимо, они еще не совсем поняли, что произошло. Медсестры по очереди подходили к ним и уговаривали вернуться в палаты.

Киндерман огляделся. Напротив дежурного поста у входа в палату Дайера стоял грозный с виду полицейский. Тут же суетился и Аткинс. Его окружили репортеры и засыпали градом вопросов. Аткинс размахивал руками, мотал головой, но упорно молчал. Киндерман направился к нему, Аткинс заметил следователя и встретил его взгляд. Сержант, видимо, находился в неменьшем потрясении, чем его начальник. Киндерман прокричал ему прямо в ухо:

— Аткинс, отправь всех журналистов вниз в вестибюль!

На мгновение он крепко стиснул руку сержанта выше локтя и, заглянув Аткинсу в глаза, почувствовал, что

тот искренне разделяет его боль. Киндерман вошел в палату Дайера и закрыл за собой дверь.

Сержант подозвал к себе полицейских:

— Отправьте этих людей вниз на первый этаж! — приказал он. Толпа репортеров недовольно загудела. — Вы подняли такой шум, а здесь больные, — объяснил Аткинс.

Журналисты продолжали громко возмущаться. Полицейские стеной наступали на них, притирая к лифтам. Аткинс подошел к посту дежурной медсестры и прислонился к столу. Скрестив руки, он цепким взглядом скользнул по двери в палату. А там царил сверхъестественный ужас. Аткинс не мог в полной мере осознать его.

Из палаты вышли Стедман и Райан. На бледных лицах лежали следы усталости. Райан впился взглядом в пол и, так и не поднимая глаз, торопливо удалился в глубину коридора. Стедман рассеянно наблюдал за Райаном, пока тот не скрылся за углом, а потом повернулся к Аткинсу.

— Киндерман хочет побыть один, — произнес он неестественно ровным, каким-то металлическим голосом.

Аткинс кивнул.

— Вы курите? — спросил Стедман.

— Нет.

— Я тоже, но сейчас не отказался бы от сигареты, — признался Стедман.

Он на секунду отвернулся, будто размышляя о чем-то. Потом вытянул перед собой руку и поднес ладонь к глазам. Та сильно дрожала.

— Господи Иисусе! — тихо воскликнул Стедман. Дрожь усилилась. Он резко сунул руку в карман и стремительно отошел от Аткинса направляясь вслед за Райаном. Какое-то время Аткинс еще слышал его голос: «Боже! Боже мой! Господи Иисусе!»

Раздался приглушенный звонок: один из пациентов, видимо, вызывал медсестру.

— Сержант...

Аткинс очнулся от своих раздумий. Полицейский, дежуривший возле дверей палаты, странно смотрел на него.

— Да, что вы хотели? — осведомился Аткинс.

— Что за чертовщина здесь происходит, сержант?

— Я не знаю.

До Аткинса донеслась грубая словесная перепалка. Он поднял глаза и увидел, что возле лифта журналисты с пеной у рта что-то втолковывают полицейским. Сержант узнал одного из комментаторов местного телевидения, ведущего шестичасовых новостей. У него были напомажены волосы. Телевизионщик лез на рожон, постоянно осыпая бранью полицейских. Однако стражи порядка не давали прохода репортерам, а, наоборот, оттесняли их назад. Комментатор, нехотя пятясь, оступился и чуть было не потерял равновесие. Видимо, это окончательно вывело его из себя. Он крепко выругался и вместе со своей журналистской братией спешно ретировался, выкрикивая что-то на ходу.

— Скажите, пожалуйста, кто здесь главный? Раньше мне почему-то казалось, что это я.

Аткинс повернул голову налево и увидел возле себя невысокого худощавого мужчину в синем фланелевом костюме. За толстыми стеклами очков светились умные добрые глаза. — Вы здесь командуете? — не унимался незнакомец.

— Я сержант Аткинс. К вашим услугам, сэр.

— А я доктор Тенч. Сдается мне, что я главный врач больницы, — добавил он. — Понимаете, у нас здесь много пациентов в критическом состоянии. И вся эта суматоха здорово действует им на нервы.

— Понимаю, сэр.

— Я не хочу показаться вам бессердечным, — продолжал Тенч, — но чем раньше уберут покойника, тем быстрее уляжется эта заварушка. Как вы думаете, скоро это произойдет?

— Думаю, что да, сэр.

— Надеюсь, вы понимаете мое положение.

— Безусловно.

— Спасибо. — Тенч устремился к выходу. В его походке сквозила подобострастность.

Внезапно Аткинс заметил, как вокруг стало тише. Он огляделся по сторонам и обнаружил, что телерепортеры один за другим покидают холл. Комментатор еще что-то говорил и для убедительности шлепал по ладони

свернутой в трубочку газетой. Вот разошлись дверцы лифта, из которого вышли Стедман и Райан,— и лифт тут же поглотил всю телебригаду. Стедман и Райан шагали молча, уставившись в пол. Репортер еще успел крикнуть им вслед: — Эй, а что здесь произошло? — Но створки лифта уже сомкнулись.

Аткинс услышал, как скрипнула дверь в палату Дайера. И тут же увидел появившегося на пороге Киндермана. Глаза у следователя покраснели — видимо, он без конца тер их. Какое-то время Киндерман молча разглядывал Стедмана и Райана.

— Вот и все, можете заканчивать,— тихим надломленным голосом произнес он.

— Лейтенант, примите наши соболезнования,— проникновенно воскликнул Райан. Его лицо выражало сострадание.

Киндерман, уставившись в пол, кивнул. Он только пробормотал: — Спасибо, Райан, да, спасибо.— И торопливо устремился к лифтам, не поднимая головы. Аткинс догнал его.

— Мне необходимо чуточку прошвырнуться, Аткинс.

— Да, сэр.— Сержант продолжал идти рядом. Как только они подошли к лифтам, створки одного из них тут же распахнулись. Лифт направлялся вниз, следовательно и его помощник вошли в него, и сразу же развернулись лицом к дверям.

— Похоже, что мы удачно выбрали лифт,— произнес кто-то за их спинами.

Аткинс услышал, как заработал мотор и, обернувшись, разглядел ухмылку на губах комментатора, а также стрекочущую камеру в руках оператора.

— Скажите, а священнику отрезали голову,— начал было комментатор,— или...

Не задумываясь, Аткинс со всего маху врезал комментатору в челюсть. От неожиданности и силы удара тот стукнулся головой о стенку лифта. Из разбитой губы брызнула кровь, комментатор осел на пол и потерял сознание. Аткинс перевел взгляд на оператора, и тот сразу же опустил камеру. Сержант посмотрел на Киндермана. Казалось, следователь даже и не заметил происшедшего. Он молчал, уставившись в пол и засунув руки в карманы. Аткинс нажал кнопку, и лифт остановил-

ся на втором этаже. Взяв следователя под руку, сержант бережно вывел его из лифта.

— Аткинс, что это ты затеял? — рассеянно пробормотал Киндерман. Сейчас он выглядел жалким и беспомощным стариком. — Я хочу прошвырнуться.

— А мы как раз и идем гулять, лейтенант. Вот сюда, прошу вас.

Аткинс проводил лейтенанта в другое крыло больницы и, вызвав лифт, спустился с Киндерманом на первый этаж. Ему не хотелось натолкнуться в вестибюле на журналистов. Миновав еще несколько длинных коридоров, они оказались в конце концов на улице, но только с другого выхода, рядом с территорией университета. Небольшой портик оберегал их от дождя, который заметно усилился к этому времени. Молча наблюдали они за ливневыми струями. Вдалеке группа студентов в разноцветных куртках и плащах припустилась бегом, торопясь на завтрак. Две подружки-студентки, заливаясь смехом и прикрывая газетами головы, выпорхнули из общежития.

— Этот человек был настоящей поэмой, — нежно произнес Киндерман. Аткинс ничего не ответил. Он продолжал следить за дождевыми потоками.

— Аткинс, я хочу немного побыть один. Спасибо тебе.

Аткинс обернулся и внимательно посмотрел на следователя. Тот невидящим взглядом уставился прямо перед собой.

— Хорошо, сэр, — коротко бросил сержант. Он повернулся и отправился назад в отделение невропатологии, где с ходу принялся опрашивать свидетелей трагедии. Всех врачей, медсестер и санитаров психиатрического отделения, дежуривших в эту ночь, попросили задержаться. Некоторые из них уже крутились поблизости. Пока Аткинс задавал вопросы дежурной медсестре, рядом с ними неожиданно появился врач и перебил Аткинса:

— Вы простите меня... Извините... — Аткинс взглянул на него и заметил, что этот человек находился в сильнейшей растерянности. — Меня зовут Амфортас, доктор Амфортас. Я лечил отца Дайера. Скажите, неужели это правда?

Аткинс с грустью кивнул.

Несколько секунд Амфортас молча стоял, бледнея прямо на глазах. Взгляд его становился все более пустым и отрешенным. Амфортас словно ушел в себя и, обронив на прощание «Благодарю вас», неуверенной походкой двинулся к выходу.

Аткинс посмотрел ему вслед и снова повернулся к медсестре:

— Когда он приходит на работу?

— Он не приходит сюда больше, — ответила та. — Амфортас уже не работает с больными. — Девушка пыталась сдержать подступающие слезы.

Аткинс что-то пометил в своем блокноте. Он уже собрался было задать медсестре очередной вопрос, но вдруг неожиданно обернулся и увидел, что к ним приближается Киндерман. Шляпа и пальто следователя промокли насквозь. «Наверное, бродил под дождем», — подумал Аткинс. Киндерман стоял перед сержантом. Но он был уже совсем другим. Чистый и ясный взгляд его выражал решимость.

— Ну ладно, Аткинс, хватит тебе лодырничать и завлекать в свои сети хорошеньких сестричек. Здесь серьезное дело, а не шуры-муры.

— Сестра Китинг была последней, кто видел его живым, — сообщил Аткинс.

— Когда это произошло? — обратился следователь к медсестре.

— Примерно в половине пятого, — ответила та.

— Сестра Китинг, можно мне поговорить с вами наедине? — спросил Киндерман. — Простите, но это необходимо.

Она кивнула и вытерла нос платком.

Киндерман указал на кабинет с застекленными дверями, расположенный неподалеку от дежурного поста.

— Может, там?

Девушка снова кивнула. Киндерман последовал за ней в кабинет. Здесь стоял небольшой столик, два стула, все стены были сплошь увешаны книжными полками, на которых теснились всевозможные папки и документы. Следователь жестом предложил девушке сесть и закрыл дверь. Сквозь стекло он заметил, что Аткинс не сводит с них взгляда.

— Итак, вы видели отца Дайера где-то в половине пятого,— сказал он.

— Да.

— И где вы его видели?

— В палате.

— А что вы там делали?

— Ну, я вернулась, чтобы сообщить ему, что не наша вина.

— Я не ошибся, вы сказали «вина»?

— Да. Незадолго до этого он вызвал меня и попросил немного хлеба и вина.

— Это что, было нужно ему для мессы?

— Да, именно так.— подхватила медсестра. Слегка покраснев, она неуверенно пожала плечами.— Видите ли, кое-кто из наших врачей... В общем, иногда у них бывает спиртное.

— Понимаю.

— Я заглянула туда, где они обычно его прячут,— объяснила девушка.— А потом вернулась и сказала, что, к сожалению, мне ничего не удалось найти. Но хлеб я ему передала.

— И что же он вам сказал?

— Не помню.

— А когда вы дежурите, мисс Китинг?

— С десяти вечера до шести утра.

— Каждую ночь?

— Нет, только когда работаю.

— А по каким дням вы работаете?

— Начиная со вторника и до субботы,— ответила она.

— А до этого отец Дайер когда-нибудь служил мессу?

— Не знаю.

— Но раньше-то он никогда не просил вина и хлеба?

— Никогда.

— Он не говорил вам, почему именно в тот день собирався это сделать?

— Нет.

— Когда вы сообщили, что вина нет, он что-нибудь ответил?

— Да.

— И что же он ответил, мисс Китинг?

Медсестра вновь скомкала носовой платок и, взяв себя в руки, попыталась сосредоточиться.

— Он спросил меня: «Вы его выпили?» — Голос у девушки задрожал, и она сморщилась от страшного горя. — Он всегда шутил, — добавила она, а потом отвернулась и снова заплакала. Киндерман разглядел на одной из полок коробку с салфетками и, выдернув сразу несколько штук, сунул их девушке в руку, потому что ее собственный платочек представлял собой мокрый бесформенный комок.

— Спасибо, — поблагодарила медсестра. Киндерман терпеливо ждал. — Простите, — еле слышно пробормотала она.

— Ничего страшного. И больше отец Дайер вам ничего не говорил?

Медсестра отрицательно покачала головой.

— А когда вы увидели его в следующий раз?

— Когда нашла его.

— Когда это произошло?

— Примерно без десяти шесть.

— Скажите, в промежутке между половиной пятого и пятью пятидесятью никто не заходил в палату к Дайеру?

— Нет, я никого не видела.

— И никто не выходил от него?

— Нет.

— Все это время вы находились в кабинете напротив его палаты?

— Да, я составляла отчет о дежурстве.

— И вы постоянно находились здесь?

— Да, за исключением, конечно, нескольких минут, когда я занималась некоторыми пациентами.

— Сколько времени у вас на это ушло?

— Ну, не более двух минут на каждого, наверное.

— В каких палатах вы были?

— Четыреста семнадцать, девятнадцать и одиннадцать.

— Значит, вы отлучались с поста три раза?

— Нет, только дважды, потому что два укола я сделала за один раз.

— А когда вы их делали?

— Кодеин мистеру Болгеру и мисс Райан — без четверти пять, а мисс Фрейц из четыреста одиннадцатой палаты — гепарин и декстран — примерно через час после этого.

— Скажите, эти палаты в том же коридоре, что и палата отца Дайера?

— Нет, они за углом.

— А вот если бы неизвестный вздумал проникнуть в палату отца Дайера без четверти пять и через час вышел бы оттуда, вы не заметили бы этого?

— Не заметила бы.

— Скажите, а уколы вы всегда делаете именно в это время?

— Нет, гепарин и декстран для мисс Фрейц — новое предписание. Я вычитала его в истории болезни только вчера.

— А кто назначил эти уколы? Вы не могли бы вспомнить?

— Доктор Амфортас.

— Вы уверены? Может быть, стоит проверить?

— Нет, я хорошо помню это.

— Почему?

— Потому что это несколько странно. Обычно этим занимаются другие. Но, видимо, доктор заинтересовался пациенткой.

Следователь опешил:

— Но, насколько мне известно, доктор Амфортас больше не лечит больных.

— Совершенно верно. Вчера он выходил на работу в последний раз.

— И он посещал эту девушку?

— Да, но это вполне естественно. Он часто к ней ваходит.

— Ночью?

Китинг кивнула.

— Да, девушка страдает бессонницей. Как, впрочем, и он сам.

— Почему? То есть, я хотел спросить, почему вы так решили?

— Последнее время он то и дело неожиданно появлялся среди ночи и подолгу болтал со мной о всякой ерунде или же просто слонялся по коридорам. За глаза мы окрестили его «Призраком».

— Когда он последний раз разговаривал с мисс Фрейц?

— Вчера.

— А именно?

— Часа в четыре утра или, может быть, в пять. Потом он заглянул в палату к отцу Дайеру и с ним тоже о чем-то побеседовал.

— Он заходил к отцу Дайеру?

— Да.

— Вы случайно не слышали, о чем они разговаривали?

— Нет, он закрыл за собой дверь.

— Понятно.— Киндерман задумался. Его взгляд сквозь стеклянные двери был прикован к Аткинсу. Сержант облокотился на стол и тоже внимательно смотрел на следователя. Киндерман снова обратился к сестре:

— А еще кого-нибудь вы заметили возле палаты примерно в это же время?

— Вы имеете в виду персонал?

— Неважно. Кто-нибудь появлялся в коридоре?

— Только миссис Клелия.

— Кто это?

— Пациентка из психиатрического отделения.

— Она что, гуляла по коридорам?

— Нет. Я нашла ее в холле — она лежала на полу.

— Просто лежала?

— У нее было состояние, близкое к ступору¹.

— А где именно в холле?

— Здесь за углом, как раз у входа в психиатрическое отделение.

— В котором часу это произошло?

— Как раз перед тем, как я обнаружила тело отца Дайера. Я позвонила в психиатрическое отделение, прибежали санитары и забрали ее.

— У миссис Клелии старческое слабоумие?

— Я точно не могу вам сказать. По-видимому, да. Но я не знаю. Она больше похожа на кататоника.

— Она кататоник?

— Это только моя догадка,— спохватилась девушка.

¹ Ступор — состояние обездвиженности с отсутствием реакций на внешние раздражители, в том числе болевые.

— Понятно.— Киндерман еще секунду помолчал, затем решительно встал.— Спасибо вам, мисс Китинг.
— Не за что.

Киндерман вручил ей еще пару салфеток и покинул кабинет. Он сразу же направился к Аткинсу.

— Аткинс, немедленно достань телефон доктора Амфортаса и вызови его сюда. А я пока что навещу психиатрическое отделение.

Вскоре Киндерман стоял в отделении для тихих пациентов. Ночная трагедия не коснулась этого уголка. Обычная толпа молчаливых зрителей собралась возле телевизора, сонные пациенты расселись на стульях и креслах. К следователю подошел старичок.

— Я хочу, чтобы кашу мне сегодня подали с финиками,— заявил он.— Не забудьте про эти проклятые финики. Я хочу фиников.

К ним уже направлялся рослый санитар. Киндерман огляделся по сторонам — он искал взглядом дежурную сестру, но ее место за столом пустовало. Медсестра разговаривала по телефону в застекленном кабинете. Лицо ее казалось напряженным. Киндерман двинулся в сторону стола, а старичок продолжал выговаривать пустому месту, где только что стоял следователь:

— Я не хочу есть эти проклятые финики,— ныл он теперь.

Неожиданно появился Темпл. Он словно выскочил из-за угла и начал озиаться по сторонам. Вид у него был сонный и растрепанный. Тут он заметил Киндермана и тоже приблизился к столу дежурной сестры.

— Боже мой! — воскликнул он.— Я не могу поверить в это. Неужели это правда? То, как он умер?

— Да, это правда.

— Мне позвонили и разбудили. Боже мой! Я все равно не могу в это поверить.

Темпл стрельнул в медсестру взглядом, отчего та, беспомощно заморгав, тут же опустила трубку. В это время санитар уже вел старичка к креслу.

— Я бы хотел поговорить с вашей пациенткой. С миссис Клелией. Где мне ее найти?

Темпл метнул в следователя внимательный взгляд:

— Я вижу, вы уже здесь освоились. Что же вам нужно от миссис Клелии?

— Я бы хотел задать ей несколько вопросов. Одина, не больше. Хуже ведь ей от этого не будет.

— Миссис КЛЕЛИИ?

— Да.

— Это все равно, что задавать вопросы стене,— сказал Темпл.

— Ну, к этому-то я давно привык,— не моргнув, парировал Киндерман.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего особенного.— Киндерман пожал плечами и беспомощно развел руками.— Понимаете, у меня рот открывается и слова вылетают прежде, чем я успеваю их обдумать.

Темпл скользнул по нему цепким, пронзительным взглядом, а потом повернулся к медсестре. Та суетливо возилась с бумагами за дежурным столом.

— Где у нас миссис Клелия, а, курносая? — спросил Темпл.

Сестра, не поднимая глаз, ответила:

— У себя в палате.

— Ну, проявите же к старику снисходительность, позвольте мне поговорить с ней,— попросил Киндерман.

— Разумеется. Почему бы и нет? — согласился Темпл.— Пойдемте.

Киндерман последовал за доктором, и вскоре они очутились в узкой палате.

— А вот и ваша подружка,— сообщил Темпл.

Он указал рукой на седую старушку, примостившуюся на стуле у окна. Та не мигая уставилась на свои шлепанцы, руками стягивая на плечах концы красной шерстяной шали. Старушка даже не взглянула на вошедших.

Следователь коснулся пальцами полей шляпы.

— Миссис Клелия?

Женщина посмотрела мимо него.

— Вы мой сын? — равнодушно спросила она Киндермана.

— Нет, но хотел бы стать им,— ласково ответил он.

Несколько секунд миссис Клелия буравила его взглядом, а потом отвернулась.

— Вы не мой сын,— пробормотала она.— Вы восковой.

— Попробуйте вспомнить, что вы делали сегодня рано утром, миссис Клелия.

Старушка начала тихонько напевать какую-то мелодию, все время попадая между нот.

— Миссис Клелия...— напомнил о себе следовательно.

Казалось, она не слышала его.

— Я же вам говорил,— вмешался Темпл. В его голосе мелькнуло самодовольство.— Но для вас я ее, конечно, введу, так и быть.

— Введу?

— В состояние гипноза. Ну как? — все еще мешкал Темпл.

— Конечно.

Темпл закрыл дверь и пододвинул второй стул поближе к старушке.

— Разве не надо затемнить комнату? — удивился Киндерман.

— Нет, это сущий бред,— рубанул Темпл.— Итак... фокус-покус! — Из верхнего кармана белого халата он извлек миниатюрный блестящий медальон. Тот свисал на короткой цепочке и имел треугольную форму.

— Миссис Клелия,— начал Темпл.

Старушка сразу повернулась к психиатру. Темпл приподнял медальон и начал раскачивать его у нее перед глазами. А потом произнес: «Пора засыпать». В тот же момент старая женщина смежила веки и словно обмякла. Темпл высокомерно взглянул на Киндермана.

— О чем ее спросить? — осведомился он.— О чем и вы ее спрашивали?

Киндерман кивнул.

Темпл повернулся к старушке.

— Миссис Клелия,— обратился он к ней.— Вы помните, что делали сегодня рано утром?

Они ждали, но ответа не последовало. Старушка не шевелилась. На лице Темпла отразилось удивление.

— Что вы делали сегодня рано утром? — повторил он.

Киндерман переступил с ноги на ногу. Молчание.

— Она сейчас спит? — тихо спросил следовательно.

Темпл отрицательно покачал головой.

— Вы видели сегодня священника, миссис Клелия? — продолжал допрос психиатр.

Неожиданно тишина была прервана:

— Не-е-е-ет.— Голос казался низким и напоминал стон.

— Вы сегодня утром ходили гулять?

— Не-е-е-ет.

— Вас куда-нибудь водили?

— Не-е-е-ет.

— Что за черт! — прошептал Темпл. Он обернулся и посмотрел на Киндермана.

— Хорошо, этого достаточно,— остановил его следователь.

Темпл коснулся лба старушки рукой и произнес:

— Проснитесь.

Постепенно старушка выпрямилась и, открыв глаза, взглянула на Темпла. Потом на Киндермана. Глаза ее были пусты и невинны.

— Вы починили мне радио? — накинулась она на следователя.

— Я почию его завтра, мэм,— пообещал Киндерман.

— Вот так все говорят,— пожаловалась миссис Кле-лия и, вновь уставившись на шлепанцы, затянула свою невеселую песню.

Киндерман и Темпл вышли в коридор.

— Как вам понравился мой вопросик насчет священника? — полюбопытствовал Темпл.— Для чего все время ходить вокруг да около? Надо хватать быка за рога. А как я ловко спросил о том, что, может быть, ее кто-нибудь ОТВЕЛ в отделение невропатологии? Помоему, тоже неплохо, а?

— Но почему она не стала вам отвечать? — удивился Киндерман.

— Понятия не имею. Честно говоря, меня это беспокоит.

— Вы, вероятно, неоднократно вводили эту даму в подобное состояние?

— Всего пару раз.

— Она так быстро заснула.

— Потому что я отличный гипнотизер,— похвастался Темпл.— Я же вам говорил. Боже мой, никак не могу прийти в себя, как вспомню этого несчастного священника... Что же с ним сделали! Неужели это возможно, лейтенант?

— Мы разберемся.
— И он был изуродован? — не унимался Темпл.
Киндерман пристально посмотрел на психиатра.
— У него был отрезан указательный палец, — сказал он. — А на левой ладони убийца вырезал знак Зодиака. Знак Близнецов, — добавил Киндерман. Он не сводил глаз с Темпла. — И о чем это вам говорит?
— Не знаю, — растерялся Темпл и недоуменно уставился на следователя.
— Разумеется, вы не знаете, — поддакнул Киндерман. — И откуда вам знать? Кстати, а у вас в больнице имеется отделение патологии?
— Конечно.
— Там, где производят вскрытие и все такое прочее?
Темпл кивнул.
— Это внизу, в секции «В». Вам надо сесть в лифт в отделении невропатологии, а внизу свернете налево. Вы сейчас туда?
— Да.
— Ну тогда не промахнетесь.
Киндерман зашагал прочь.
— Эй, а зачем это вам? — крикнул ему вдогонку Темпл. Но Киндерман, не замедляя шага, лишь пожал плечами. Темпл выругался про себя.

Прислонившись к дежурному столу, Аткинс ждал. Внезапно он заметил приближающегося лейтенанта. Сержант пошел ему навстречу.

— Ты связался с Амфортасом? — спросил следователь.

— Нет.
— Дозвонись обязательно.
— Стедман и Райан уже закончили.
— А я еще нет.
— На всех бутылочках остались отпечатки пальцев, — сообщил Аткинс. — Причем довольно четкие.
— Да, убийца осмелел. Он издевается над нами, Аткинс.

— Приехал отец Райли. Он сейчас внизу и говорит, что хотел бы увидеть тело покойного.

— Нет, этого делать нельзя. Спустись к нему, Ат-

кинс, и побеседуй. Не обещай ничего определенного. И пусть Райан поторопится с отпечатками. Мне нужно срочно сравнить их с теми, что мы сняли в исповедальне. А я пока спущусь в отделение патологии.

Аткинс кивнул, и они направились к лифтам. Когда Аткинс выходил на первом этаже, Киндерман, бросив мимолетный взгляд, заметил отца Райли. Тот сидел в углу, обхватив руками голову. Следовательно отвернулся и только тогда вздохнул с облегчением, когда двери лифта захлопнулись.

Киндерман без труда отыскал отделение патологии и вошел в помещение, где студенты медицинского факультета производили вскрытие трупов. Стараясь не смотреть в их сторону, он напрямик устремился к доктору, который восседал за письменным столом. Заметив следователя, тот поднял голову и вопросительно взглянул на него.

— Чем могу помочь? — вежливо осведомился врач, поднимаясь со своего места.

— Чем-нибудь, наверное, можете. — Киндерман показал ему свое удостоверение. — Мне тут кое-что нужно узнать. Нет ли среди ваших инструментов такого, который по внешнему виду напоминал бы ножницы? Мне интересно.

— Разумеется, — кивнул доктор. Он подвел следователя к стене, где в чехлах висело великое множество различных инструментов. Доктор снял один и протянул его Киндерману. — Только осторожней, — предупредил он.

— Непременно, — отозвался Киндерман.

В руках у него оказался блестящий режущий инструмент из нержавеющей стали. Он как две капли воды походил на садовые ножницы. Концы загибались в форме полумесяцев, и когда Киндерман наклонил секатор, тот сверкнул, отражая свет ламп.

— Да, это уже кое-что... — пробормотал следователь. Подобная штука внушала страх. — И как же это называется? — любопытствовал он.

— Ножницы.

— Ну да, конечно. В стране мертвых все вещи называют своими именами.

— Что вы сказали?

— Ничего. — Киндерман попытался раскрыть сека-

тор. Для этого ему пришлось применить усилие.— Да, вероятно, я ослаб,— пожаловался он.

— Нет, они на самом деле очень тугие,— возразил доктор.— Они совсем новые.

Киндерман удивленно вскинул брови.

— Вы сказали «новые»?

— Да, мы их только-только получили.— Доктор подошел ближе и содрал с ножниц прилипшую этикетку.— Видите, еще даже цена осталась.— Он скомкал этикетку и сунул себе в карман.

— И часто вы меняете эти инструменты? — заинтересовался следователь.

— Вы, наверное, шутите. Эти вещи очень дорогие. К тому же они практически никогда не выходят из строя. Я даже не знаю, зачем нам понадобились новые ножницы.— Оглядев стену, он печально кивнул: — А-а, понятно, старых-то нет на месте. Наверное, кто-нибудь из студентов прихватил на память.

Киндерман возвратил ему секатор.

— Спасибо вам большое, доктор... простите, я не знаю вашего имени.

— Арни Дервин. Это все, что вы хотели?

— Этого вполне достаточно.

Приближаясь к дежурному посту отделения невропатологии, Киндерман заметил там некоторую суматоху. У столика собрались несколько медсестер, а Аткинс стоял прямо перед главным врачом Тенчем и о чем-то с ним спорил. Лейтенанту удалось расслышать гневные выкрики Тенча:

— Это больница, сэр, а не зоопарк! Вы понимаете, что здесь важнее всего благополучие и покой наших больных? Вы можете это понять или нет?

— Что у вас тут за шум? — вмешался Киндерман.

— Это доктор Тенч,— представил врача Аткинс.

Тенч резко обернулся, угрожая выдвинув свой острый подбородок.

— Я главный врач больницы,— заносчиво выпалил он.— А вы кто такой?

— Бедный и несчастный лейтенант полиции, гонящийся за призраками. Пожалуйста, отойдите в сторону. У нас дела,— посерьезнел Киндерман.

— Бог ты мой, да у вас еще хватает наглости...

Но Киндерман уже обернулся к Аткинсу:

— Убийца находится где-то в больнице,— уверенно произнес он.— Позвони в участок. Нам потребуется много людей.

— А теперь выслушайте МЕНЯ! — взорвался Тенч.

Но следователь не обратил на него ни малейшего внимания.

— На каждом этаже выставить двух охранников. Запереть все выходы. Возле каждого — тоже по одному дежурному. Никого не впускать и не выпускать без надлежащих документов.

— Ну уж это у вас не пройдет! — взвизгнул Тенч.

— Всех выходящих обыскивать. Необходимо найти хирургические ножницы. С этой же целью следует обшарить все подозрительные уголки в больнице.

Тенч побагровел.

— Да вы будете слушать меня или нет, черт вас побери!

На этот раз следователь круто обернулся к доктору и мрачно отчеканил:

— Нет, слушать будете ВЫ, а не я.— Голос его звучал ровно.— Я хочу, чтобы вы знали, с чем мы сейчас имеем дело. Вы когда-нибудь слышали об убийце «Близнеце»?

— Что-что? — Тенч кипел злобой и никак не мог успокоиться.

— Я сказал убийца «Близнец»,— повторил Киндерман.

— Да, я о нем слышал, ну и что же? Его убили.

— А вы помните, как описывали его «фирменные знаки» на жертвах?

— Послушайте, на что вы намекаете?

— Так вы помните?

— Как он уродовал трупы?

— Да,— твердо произнес Киндерман. Он вплотную придвинулся к доктору.— Убийца всегда отрубал у жертвы средний палец на левой руке, а на спине вырезал знак Зодиака — знак Близнецов. Фамилия или имя каждой жертвы начиналось с буквы «К». Ну, теперь вспомнили, доктор Тенч? А теперь забудьте об этом. Вычеркните все из памяти, выкиньте из головы. На са-

мом деле он отрезал вот этот палец! — И следовательно выставил вперед указательный палец правой руки. — Не средний, доктор, а **УКАЗАТЕЛЬНЫЙ** палец! И не на левой руке, а на **ПРАВОЙ**! Да и знак Близначев он вырезал не на спине, а на левой ладони! Только сотрудники отдела по расследованию убийств в Сан-Франциско знали об этом, а больше никто. Но они специально подкинули прессе ложную информацию, чтобы потом к ним не являлся какой-нибудь очередной псих и не утверждал, будто он и есть настоящий убийца, тот самый «Блинец». Таким образом, они не тратили напрасно время на лишние допросы и расследования и сэкономили его на поиски истинного преступника, выйдя на его след. — Киндерман говорил теперь прямо в лицо доктору: — А в **ЭТОМ** конкретном случае, в этом и еще двух других, доктор, мы имеем дело как раз с настоящим убийцей, потому что все сходится! Абсолютно все.

Тенч остолбенел.

— Я не могу вам поверить, — выдавил он, наконец, из себя.

— Придется. И еще: когда «Блинец» писал свои послания в газету, он имел привычку иногда удваивать букву «р», наверное, для большего эффекта. Это вам ни о чем не говорит?

— Боже мой!

— Теперь вам все ясно? Все понятно?

— Но как же с фамилией? Ведь «Дайер» не начинается с буквы «К», — воскликнул пораженный Тенч.

— Его второе имя было «Кевин». А теперь позвольте нам заняться делом, чтобы мы имели возможность обеспечить вашу же безопасность.

Бледный, как полотно, доктор кивнул.

— Простите меня, — тихо пробормотал он и зашагал прочь.

Киндерман вздохнул и, устало посмотрев на Аткинса, огляделся вокруг. Одна из медсестер соседнего отделения стояла рядом. Сложив руки, она пристально наблюдала за следователем. Киндерман встретил ее взгляд и отметил про себя, что девушка странно возбуждена. Он повернулся к Аткинсу и, взяв его под руку, отвел от стола.

— Сделай все, о чем я только что говорил. И еще не забудь про Амфортаса. Ты ему так и не дозвонился?

— Нет.

— Продолжай звонить. Ну все. Теперь иди.— Киндерман легонько подтолкнул сержанта и молча проследил, как тот вошел в застекленный кабинет и снял телефонную трубку. И снова неимоверная тяжесть обрушилась на его душу, как только он направился в палату Дайера. Следователь старался не смотреть на полицейского, дежурившего у двери. Он медленно взялся за ручку и, открыв дверь, вошел внутрь.

Внезапно Киндерману показалось, будто он проник в другое измерение. Лейтенант прислонился к стене и взглянул на Стедмана. Патологоанатом сидел на стуле, уставившись в пустоту. За его спиной дождь барабанил в оконное стекло. Половину комнаты скрывала тень, а тусклый свет, струящийся сюда с улицы, серебристым сумраком окутывал палату.

— Во всей комнате ни капли крови,— еле слышно проговорил Стедман. Голос его звучал безжизненно.— Даже на бутылочных горлышках,— добавил он чуть погодя.

Киндерман кивнул. Он набрал в легкие побольше воздуха и посмотрел на тело, которое покоилось сейчас на кровати и было накрыто белой простыней. Рядом стояла тележка для развоза лекарств, и на ней ровными рядами выстроились двадцать две бутылочки для анализов. В них была разлита вся кровь отца Дайера. Взгляд следователя застыл на стене за кроватью, где убийца кровью отца Дайера вывел слова:

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА

Когда солнце уже почти скатилось к горизонту, стало ясно: тайна зашла так далеко, что не поддавалась никаким разумным объяснениям. В полицейском участке Райан докладывал Киндерману о результатах лабораторных исследований. Они провели сравнительный анализ отпечатков пальцев. Следователь недоумевал.

— Вы что же, хотите сказать, будто эти убийства совершил не один, а два человека? Два разных человека? — допытывался он.

Отпечатки пальцев в исповедальне и на бутылочках не совпадали.

Четверг, 17 марта

Глава одиннадцатая

Представим себе, что человек решил пошевелить рукой. Мозговые нейроны возбуждают следующую цепочку нейронов, порождая моторную реакцию. Но вот какой именно нейрон принимает необходимое решение? И если мысленно продлить эту цепь зажигания миллиардами нейронов головного мозга, то что же все-таки остается там, где эта цепь прерывается, что же такое, что побудило человека на движение рукой? Может ли нейрон принять подобное решение? Некий Первичный Нейрон, который сам возбуждению не поддается? Отдающий команды, но в свою очередь не подчиняющийся ни одной из них? А, может быть, весь мозг целиком принимает решение? Обладает ли целое чем-то таким, что отсутствует у его составных частей? И могут ли миллиарды нулей дать в итоге нечто большее, чем ноль? Так что же заставляет мозг отдавать команды?

Киндерман прислушался к надгробной речи.

— И пусть ангелы введут тебя в царство небесное, — произнес отец Райли. — Пусть хор ангелов приветствует тебя у врат рая. Вместе с Лазарем, который когда-то влачил свои дни в нищете, ты пребудешь в вечном покое.

С тяжелым сердцем Киндерман наблюдал, как отец Райли окропляет гроб святой водой. Церковная месса закончилась, и теперь все они находились в тенистой университетской долине. День только-только зарождался. На иезуитском кладбище вырыли свежую могилу. Сюда пришли священники из церкви Святой Троицы, а также несколько университетских иезуитов — остальные, в основном, занимались сейчас мирскими делами. От семьи погибшего никто не присутствовал — не успели сообщить. Похороны иезуитов скоротечны.

Киндерман разглядывал людей, облаченных в черные сутаны. Священники, съездившись на пронизывающем ветру, дрожали от холода. Может быть, они раздумывали о собственной смерти?

— Ослепительную молнию ниспошлет нам небо, и озарит она обитель теней и смерти.

Киндерман вдруг вспомнил свой сон про Макса.

— Я есмь воскрешение, и я есмь жизнь,— молился Райли. Киндерман обвел взглядом многочисленные красноватые здания, гигантским кольцом обступившие кладбище, и ему показалось, что люди на их фоне словно уменьшились в размерах, утратив свою значительность. Однако мир продолжал жить как ни в чем не бывало, а вместе с ним влачили свое существование и эти жалкие, никчемные людишки. Как же так случилось, что Дайера не стало? Любой человек, когда-либо ступавший по земле, стремился к совершенству или к счастью,— с горечью размышлял следователь.— Но каким образом можно быть счастливым, если знаешь, что когда-нибудь умрешь? Любая радость омрачается при мысли, что рано или поздно эта радость пройдет. Так что же, природа внушила нам желание, которое никогда не сможет исполниться? Нет, это невероятно. Опять теряется весь смысл. Любое другое желание, продиктованное природой, предполагает конкретный предмет, а вовсе не туманный призрак. Почему же тогда желание быть счастливым являет собой исключение? — терзался Киндерман.— Природа вызывает в нас чувство голода, когда это необходимо. И мы продолжаем жить. Мы прорываемся дальше и дальше. Так смерть утверждает жизнь.

Наступила тишина. Один за другим священники начали расходиться. На кладбище остался только отец Райли. Словно окаменев, не сводил он скорбного взгляда с могилы. И вдруг, еле слышно, Райли начал декламировать. Глаза его наполнились слезами:

Не возгордись, о Смерть,
Хоть и зовут тебя
Отчаянья и слез
Безмолвною сестрою;
Все те, кого, ты мнишь,
Настигла власть твоя,
По-прежнему живут
За гробовой доскою.

Так буду жить и я
В блаженстве вековом
Средь лучших из людей,
Ушедших за тобою,

Где отдыха и сна
Видений сладкий рой
Ты превзошла
Покою красотою.

Но ты — раба судьбы,
Пусть даже твой удел
В болезнях и войне
Нести нам злую кару;
От мака или чар
Мы крепче спим вдвойне,
Чем от твоих
Безжалостных ударов.

Не возгордись, о Смерть,
Хоть королей и слуг
Равняешь ты
Движением незримым;
Напрасен твой порыв
Сковать бессмертный дух
Забвением
И сном неодолимым.

Сей краткий сон пройдет,
И, вечность обрета,
Победу жизнь
Одержит над тобою;
И ты сама умрешь,
Как времени дитя,
Как все, что тленно
В мире под луною¹.

Замолчав, священник смахнул рукавом слезы. Киндерман подошел к нему поближе.

— Мне так жаль, — тихо пробормотал он.

Священник кивнул, не отрывая взгляда от могилы. Потом, наконец, поднял глаза на Киндермана. Боль и мука отразились в них.

— Найдите его, — мрачно произнес священник. — Найдите это чудовище и отрежьте ему яйца. — Повернувшись, Райли зашагал прочь. Киндерман долго смотрел ему вслед.

Люди жаждали справедливости.

¹ Джон Донне «Не возгордись, о Смерть...» Перевод В. Ю. Терещенко.

Когда иезуит скрылся из виду, следовательно подошел к надгробному камню неподалеку от могилы Дайера и прочитал:

ДЭМЬЕН КАРРАС, ОБЩЕСТВО ИИСУСА

1928—1971

Киндерман изумленно уставился на камень. Эта надпись будто пыталась о чем-то рассказать следователю. Но что так встревожило его? Может быть, год? Киндерман никак не мог сосредоточиться. Впрочем, теперь все вокруг теряло смысл. Логические рассуждения вмиг растаяли, как дым, когда пришли результаты дактилоскопического исследования. В этом закоулке гигантской Вселенной царил сейчас полный хаос. Что же теперь делать? Киндерман не знал. Он беспомощно взглянул на здание администрации университета.

По дороге Киндерман решил проведать Райли. Войдя в приемную, он снял шляпу. Секретарша Райли склонила набок головку и вежливо осведомилась:

— Могу вам чем-нибудь помочь?

— Скажите, отец Райли у себя? Можно мне с ним увидеться?

— Сомневаюсь, что он сейчас кого-нибудь примет,— вздохнула девушка.— Сам он во всяком случае никому не назначал встреч. Впрочем, как ваша фамилия?

Киндерман представился.

— Да-да, конечно.— Секретарша сняла трубку. Выслушав Райли, она кивнула Киндерману: — Он вас примет. Пожалуйста, проходите.— И указала на дверь.

— Спасибо, мисс.

Киндерман вошел в просторный кабинет. Здесь стояла старинная деревянная мебель в отличном состоянии, а на стенах висели литографии и портреты известных иезуитов Джорджтауна. С одного из них добрыми глазами взирал основатель общества иезуитов святой Игнатий из Лойолы. Его портрет, написанный маслом, был обрамлен массивным дубовым багетом.

— Что вас так беспокоило, лейтенант? Хотите выпить?

— Нет, спасибо, святой отец.

— Пожалуйста, присаживайтесь.— Райли жестом указал гостю на большой старинный стул, стоявший у стола.

— Спасибо, святой отец.— Киндерман устроился поудобней. От этой комнаты веяло спокойствием и безопасностью. И так здесь было всегда. А покой Киндерману был просто необходим.

Райли опрокинул рюмку виски и поставил ее на стол, обтянутый кожей.

— Бог велик и умеет хранить свои тайны. Что же произошло, лейтенант?

— Два священника и распятый мальчик,— откликнулся Киндерман — Мне кажется, здесь прослеживается религиозная связь. Но какая именно? Я сам не знаю, что ищу, святой отец, я двигаюсь на ощупь. Кроме того, что Бермингэм и Дайер были священниками, что еще между ними общего? Какая здесь кроется связь? Может быть, вы мне можете?

— Конечно,— отозвался Райли.— А разве вы сами не знаете?

— Нет. И что же это?

— Вы сами и есть эта связь. Сюда же можно включить мальчонку Кинтри. Вы знали всех троих. Неужели вам это ни разу не приходило в голову?

— В общем, да,— признался следователь.— Но ведь это, конечно же, простое совпадение. К тому же распятие Томаса Кинтри уж точно не имеет ко мне никакого отношения.— Киндерман развел руками.

— Да, вы правы,— согласился Райли. Он повернул голову и сейчас внимательно смотрел в окно. Урок закончился, и студенты переходили из корпуса в корпус на следующую лекцию.— Возможно, это связано с изгнанием дьявола.

— С каким изгнанием, святой отец? Я вас не понимаю.

Райли отвернулся от окна и посмотрел Киндерману прямо в глаза.

— Бросьте, лейтенант, кое-что об этом вы знаете.

— Ну, самую малость.

— Обманываете.

— Там участвовал и отец Каррас.

— Да, если смерть можно назвать участием,— возразил Райли. Он снова взглянул в окно.— Дэмьен яв-

лялся тогда одним из изгоняющих. Джо Дайер был знаком с семьей жертвы. А Кен Бирмингэм давал Дэмьену разрешение на расследование, а потом помог ему найти и главного изгоняющего. Я, конечно, не знаю, какие отсюда можно сделать выводы, но в какой-то степени это объясняет связь, вы не находите?

— Да, конечно,— согласился Киндерман.— Все это очень загадочно. Но все равно Кинтри выпадает из логической цепочки.

Райли повернулся к следователю.

— Неужели? Его мать преподает в институте лингвистики. Дэмьен приносил туда пленку, которую просил прослушать и дать заключение. Ему не терпелось узнать, что означала запись, сделанная на пленке,— был ли это какой-то неизвестный ему язык или же просто набор случайных звуков. Он стремился доказать, что жертва способна разговаривать на языке, который до толе не изучала.

— И получилось?

— Нет. Это оказался английский, но все слова произносились наоборот. А обнаружила это мать Кинтри.

Киндерман почувствовал, как спокойствие и безопасность покидают его. Эта тоненькая ниточка уводила его во мрак.

— Послушайте, святой отец, тот случай одержимости... вы в самом деле считаете, что он был настоящим?

— Я не могу позволить себе долгих размышлений о бесах,— усмехнулся Райли.— Вокруг столько несчастных. О них-то об одних думать мне не хватает времени.— Он приподнял рюмку и начал крутить ее в руках, рассматривая на свет.— Как же они это сделали, лейтенант? — еле слышно спросил он.

Киндерман молчал, раздумывая, стоит ли об этом говорить, а потом, наконец, так же тихо произнес:

— При помощи катетера.

Райли продолжал вертеть в руках рюмку.

— Может быть, и вам следует поискать дьявола? — пробормотал он вполголоса.

— Меня вполне устроит врач,— отрезал Киндерман.

Киндерман вышел из кабинета и поспешил на улицу. Покидая университетскую территорию, он надрывно дышал. Наконец лейтенант зашагал по 36-й улице.

Дождь только-только закончился, и кирпичная мостовая блестела от воды. На углу Киндерман свернул направо и уверенно двинулся в сторону небольшого каркасного дома, принадлежавшего Амфортасу. Еще издали лейтенант заметил, что все ставни были плотно закрыты. Он поднялся по ступенькам на крыльцо и позвонил. Медленно тянулись минуты. Лейтенант позвонил снова, но и на этот раз ему никто не открыл. Отчаяние охватило Киндермана. Повернувшись, он вновь поспешно отправился в больницу. Мысли его разбегались, но он шел очень быстро, словно надеялся, что эта стремительность поможет ему сосредоточиться и выработать определенный план действий.

Разыскать в больнице Аткинса тоже не удалось. Никто из полицейских так толком и не мог сказать, где тот сейчас находится. Тогда Киндерман заглянул в отделение невропатологии и, приблизившись к дежурному столику, за которым восседала медсестра Джейн Харгаден, спросил у нее об Амфортасе:

— Вы не подскажете, где можно его найти?

— Нет. Он больше у нас не работает,— объявила Харгаден.

— Да, я знаю, но он иногда заходит сюда. Вы его случайно не видели?

— Нет. Подождите, я позвоню ему в лабораторию,— вызвалась медсестра. Она сняла трубку и набрала номер. Но на другом конце провода никто не отвечал. Девушка повесила трубку и вздохнула: — Жаль, но там тоже никого.

— Может быть, он поехал куда-нибудь отдохнуть? — поинтересовался Киндерман.

— Я не могу вам ответить. У нас уже скопилось для него несколько писем. Я вам их сейчас покажу.— Девушка подошла к почтовым ячейкам и вынула из одной пачку писем. Она просмотрела их и вручила Киндерману.— Вот, взгляните сами.

— Спасибо,— Киндерман внимательно пролистал корреспонденцию. Одно письмо пришло из магазина медицинского оборудования. Они просили подтвердить заказ на лазерный зонд. Все же остальные письма — от некоего доктора Эдварда Коффи. Киндерман взял один конверт и протянул его медсестре.— Тут уйма одинаковых,— сказал он.— Можно мне это оставить себе?

— Конечно,— ответила девушка.

Киндерман сунул письмо в карман, а остальную корреспонденцию передал медсестре.

— Я вам очень признателен,— поблагодарил он.— Если вы увидите доктора Амфортаса,— добавил лейтенант,— или как-нибудь свяжетесь с ним, передайте, пожалуйста, чтобы он сразу же позвонил мне.— Он вручил медсестре свою визитку с рабочим телефоном.— Вот по этому номеру, хорошо?

— Конечно, сэр.

— Спасибо.

Киндерман повернулся и направился к лифтам. Он нажал кнопку «вниз». Лифт остановился, из него вышла медсестра, и следователь шагнул в кабинку. Медсестра вдруг вернулась в лифт, и Киндерман внезапно вспомнил ее. Это ее странный взгляд он поймал на себе сегодня утром.

— Лейтенант...— неуверенно обратилась к нему девушка. Она хмурилась. Очевидно, она не знала, с чего начать разговор. Сложив на груди руки, девушка нервно теребила белую кожаную сумочку.

Киндерман снял шляпу:

— Чем могу помочь?

Медсестра отвернулась. Она все еще колебалась:

— Я не знаю... Это ерунда какая-то... Прямо не знаю...

Они спустились в вестибюль.

— Пойдемте, отыщем где-нибудь укромный уголок и поболтаем,— предложил следователь.

— Я себя чувствую ужасно глупо. Видите ли, дело в том...— Девушка пожала плечами.— Ну, я просто не знаю...

Двери лифта разошлись. Лейтенант проводил медсестру за угол, где они расположились в удобных, обтянутых голубой искусственной кожей креслах.

— Все это, наверное, глупости...— начала сестра.

— Ничего под этой луной не может быть глупо,— возразил следователь, подбадривая ее.— Если бы мне сейчас кто-нибудь заявил, что «мир — это апельсин», я бы поинтересовался, какой именно сорт апельсина, а дальше будь что будет. В самом деле. Сейчас, по-моему, уже никто не может точно ответить, что есть что.— Киндерман мельком взглянул на табличку, прикреплен-

ную к халату медсестры: КРИСТИНА ЧАРЛЬЗ.— Так что вы хотели мне рассказать, мисс Чарльз?

Она тяжело вздохнула.

— Все в порядке,— успокоил ее следователь.— Ну, так что же?

Девушка подняла голову, и их взгляды встретились.

— Я работаю в психиатрическом отделении,— сообщила она.— А точнее, в отделении для буйных. У нас там есть один пациент.— Кристина снова пожала плечами.— Когда его доставили, я еще здесь не работала. Это было очень давно, много лет тому назад. Десять, а может быть, двенадцать. Я видела его историю болезни.— Она раскрыла сумочку, порылась в ней и достала пачку сигарет. Вытряхнула одну и, несколько раз чиркнув по коробку, зажгла спичку. Потом отвернулась и выпустила струйку серого дыма.— Простите,— тихо пробормотала она.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Ну так вот, про этого больного. Полицейские добрали его в районе М-стрит. Он бродил по улицам и ничего не помнил. Он не разговаривал, к тому же у него не обнаружили никаких документов. Ну, в конце концов, он так и остался в больнице.— Медсестра нервно затаилась сигаретой.— Ему поставили диагноз «кататония», хотя кто его знает, чем он на самом деле страдает. Я с вами буду откровенна. В общем, он так и не заговорил, и все эти годы его держали в обычной палате. До недавнего времени. Сейчас я об этом расскажу. Мы не знали, как его зовут, и сами придумали ему имя. Мы окрестили его Томми Подсолнух. В комнате для отдыха он весь день перебирался из кресла в кресло, чтобы сидеть на солнце. Он никогда не оставался в тени, и, если где-то появлялось солнце, Томми сразу же устремлялся туда.— Она еще раз пожала плечами.— Было в нем что-то милое и безобидное. Но потом неожиданно все изменилось, как я уже говорила. В начале года он как будто стал понемногу выходить из своего замкнутого состояния. И мало-помалу начал издавать нечленораздельные звуки, словно хотел что-то сказать. Возможно, разум его и прояснился, но он так долго не пользовался речевым аппаратом, что из его горла вырывались только стоны и мычание.— Медсестра потянулась к пе-

пельнице и потушила сигарету.— Боже мой, у меня из ничего прямо целая повесть получается.— Она виновато взглянула на следователя.— Короче, он вскоре заговорил, но у него начались приступы буйства, и мы поместили его в отдельную палату. Смирительная рубашка, стены, обитые войлоком, и все такое прочее. Он там находится с февраля. Так что не может иметь никакого отношения к этому делу. Но Томми утверждает, будто он и есть убийца «Близнец».

— Не понял?..

— Томми говорит, будто он и есть тот самый убийца «Близнец».

— Но вы же сами сказали, что его держат взаперти.

— Да, вот именно. Поэтому-то я и сомневалась, рассказывать ли вам про все это. Он ведь с такой же легкостью мог утверждать, будто он — Джек Потрошитель. Так что... Но вот только...— Она не договорила, и в глазах ее мелькнула тревога.— Видите ли, на прошлой неделе, когда я давала ему таблетки торазина, он произнес одно слово...

— Что именно?

— Он сказал — «священник».

Посреди большого зала при входе в отделение для буйных стояла круглая стеклянная будка дежурной медсестры. Девушка нажала на кнопку — металлические двери, отделяющие больных от внешнего мира, раздвинулись. Киндерман и Темпл шагнули внутрь, и створки дверей так же беззвучно сомкнулись за их спинами.

— Выбраться отсюда просто невозможно,— заявил Темпл. Находясь в раздражении, он вел себя бесцеремонно.— Сестра видит вас через стеклянную дверь и нажимает кнопку, чтобы выпустить наружу. Или вы должны набрать шифр — а это комбинация из четырех цифр, и к тому же она меняется каждую неделю. Вы все еще торопитесь увидеть его? — строго спросил он.

— Хуже от этого не будет.

Темпл, не поверив своим ушам, ошарашенно уставился на Киндермана.

— Но его палата заперта на ключ. Он в смирительной рубашке, и у него связаны ноги.

Следователь неопределенно пожал плечами.

— Я просто посмотрю.

— Это ваше право, лейтенант,— резко отрубил Темпл. Он стремительно зашагал вперед по тускло освещенному коридору, и Киндерман поспешил вслед за ним.— Не успеваем менять эти проклятые лампочки,— проворчал психиатр,— то и дело перегорают.

— Это не только у вас. Во всем мире так.

Темпл извлек из кармана огромное кольцо, на которое было нанизано множество разных ключей.

— Он вон там,— указал доктор.— Палата номер двенадцать.

Киндерман подошел к крошечному дверному оконцу и сквозь него принялся рассматривать обитую войлоком комнатку. Он заметил жесткий стул, раковину, унитаз и питьевой фонтанчик. В дальнем углу комнаты на кушетке сидел мужчина в смиренной рубашке. Лица его не было видно. Мужчина склонил голову на грудь, и его длинные черные волосы замасленными спутанными прядями свисали на лицо.

Темпл отпер дверь и распахнул ее, жестом приглашая лейтенанта войти.

— Будьте как дома,— съязвил он.— Когда закончите, нажмите кнопку у двери палаты. Сестра вам откроет. А я буду у себя. Эту дверь я оставляю незапертой.— Темпл с отвращением посмотрел на следователя и чуть ли не бегом устремился к выходу.

Киндерман вошел в палату и тщательно прикрыл за собой дверь. С потолка свисала голая лампочка. Она едва светилась, бросая зловещий красноватый отблеск на окружающие предметы. Киндерман взглянул на раковину. Кран подтекал, и стук разбивающихся капель отчетливо слышался в тишине. Киндерман подошел к кушетке и остановился.

— Что-то уж больно долго ты сюда добирался,— раздался внезапно низкий и приглушенный голос пациента. Этот человек явно издевался над следователем.

Киндерман вздрогнул. Голос показался ему знакомым. Интересно, где он мог его слышать?

— Мистер Подсолнух? — обратился Киндерман к больному.

Мужчина поднял голову и мельком взглянул на следователя.

Киндерман чуть не задохнулся.

— Боже мой! — прошептал он и, пошатнувшись, отступил назад. Сердце его бешено колотилось.

Пациент скривил рот в довольной ухмылке.

— Жизнь прекрасна, — объявил он, искоса посмотрев на Киндермана, и осклабился. — Ты не находишь?

Все поплыло у него перед глазами. Киндерман попятился к двери, споткнулся и с ходу нажал кнопку вызова дежурной сестры. Он выскочил из комнаты и, не помня себя, помчался в кабинет Фримэна Темпла.

— Эй, приятель, что у вас там стряслось? — нахмурился Темпл, когда Киндерман без стука влетел к нему. Он развалился за столом и листал свежий номер журнала по психиатрии. Взглянув на запыхавшегося и побледневшего следователя, Темпл предложил ему стул.

— Эй, ну-ка садитесь. Вы что-то неважно выглядите. Что случилось?

Киндерман буквально рухнул на стул. Он никак не мог прийти в себя. Психиатр озабоченно склонился над следователем, внимательно заглядывая тому в глаза.

— С вами все в порядке?

Киндерман прикрыл глаза и кивнул.

— Дайте мне воды, пожалуйста. — Он положил руку на грудь. Сердце не успокаивалось.

Темпл налил из графина ледяной воды в пластмассовый стаканчик и протянул его Киндерману.

— Вот, выпейте.

— Спасибо. Да-а... — Киндерман взял стаканчик. Он сделал глоток, потом еще один, ожидая, когда же пульс придет, наконец, в норму. — Ну вот, уже лучше, — вздохнул он. — Гораздо лучше. — Дыхание его выровнялось, и теперь следователь уже спокойно взглянул на сгорающего от нетерпения Темпла. — Подсолнух, — произнес он. — Я хочу посмотреть историю его болезни.

— Для чего?

— Мне это нужно! — внезапно взорвался следователь.

Психиатр вздрогнул и отпрянул.

— Хорошо-хорошо, приятель. Только не волнуйтесь. Я сейчас ее принесу.— Темпл выскочил из кабинета и чуть было не сбил с ног Аткинса.

— Лейтенант? — Аткинс вошел внутрь.

Киндерман обвел его отсутствующим взглядом.

— Где ты был? — осведомился, наконец, Киндерман.

— Выбирал обручальное кольцо, лейтенант.

— Это здорово. Это понятно. Хорошо, Аткинс. Никуда не уходи.

Киндерман перевел взгляд на стену. Аткинс не знал, как реагировать на слова лейтенанта. Нахмурившись, он прошел к дежурному столу и стал молча выжидать, что будет дальше. Никогда еще Аткинс не видел лейтенанта в таком состоянии.

В этот момент вернулся Темпл и вручил Киндерману историю болезни. Следовательно тут же углубился в чтение, а психиатр сидел рядом и наблюдал за ним. Он прикурил тонкую сигару и молча изучал лицо Киндермана. Затем Темпл перевел взгляд на руки, быстро перелистывающие страницы. Пальцы у лейтенанта дрожали.

Наконец Киндерман поднял глаза.

— Вы уже работали в больнице, когда доставили этого человека? — резко спросил он.

— Да.

— Тогда напрягите память, доктор Темпл. Во что он был одет?

— Боже мой, столько лет прошло!..

— Вы не помните?

— Нет.

— Имелись ли у него какие-нибудь следы повреждений? Синяки, раны, кровоподтеки?

— Это все должно быть отмечено в истории болезни.

— Но здесь ничего нет! Ничего нет! — Каждое «нет» сопровождал яростный удар папкой по столу.

— Эй, потише, пожалуйста.

Киндерман поднялся.

— Сообщали ли вы или кто-нибудь из ваших сестер пациенту из палаты номер двенадцать об убийстве отца Дайера?

— Лично я — нет. А с какой стати мы будем ему об этом рассказывать?

— Опросите сестер, — мрачно скомандовал Киндерман. — Узнайте у них. Ответ должен быть готов к утру.

Киндерман повернулся и торопливо покинул кабинет. Он сразу же отыскал Аткинса.

— Наведи справки в Джорджтаунском университете, — приказал лейтенант. — Там был священник, отец Дэмьен Каррас. Узнай, сохранилась ли его медицинская карта. И еще. Позвони отцу Райли. Я хочу, чтобы он немедленно пришел сюда.

Аткинс удивленно уставился на Киндермана. Словно прочитав его мысли, Киндерман отчеканил:

— Отец Каррас был моим другом. Он умер двенадцать лет назад. Каррас скатился с лестницы Хичкока до самого низу. Я сам присутствовал на его похоронах. И вот я только что видел его. Он здесь, в больнице. В одной из палат. В смиренной рубашке.

Глава двенадцатая

В одной из вашингтонских ночлежек Карл Веннамун разливал бесплатную похлебку. Он двигался вдоль длинного дощатого стола, за которым сидели нищие. Несчастные благодарили его, а он неизменно тихим и вкрадчивым голосом отвечал: «Благослави вас, Господь!». Следом за Карлом ступала хозяйка ночлежки, миссис Тремли. Она раздавала здоровенные ломти хлеба.

Пока бездомные, зажав в трясущихся руках ложки, торопливо вычерпывали суп, старый Веннамун забрался на невысокую кафедру и принялся читать им отрывки из Священного Писания. Затем последовала проповедь. Она пришлась как раз на то время, когда посетители дожевывали пирог, запивая его кофе. Глаза священника полыхали огнем благочестия. Голос его гремел, а ритм и паузы завораживали. Ближайшие к нему слушатели находились уже в полной его власти. Миссис Тремли обвела внимательным взглядом лица нищих. Кое-кто уже задремал, ощутив приятную тяжесть в желудке и прикорнув в теплом уголке. Однако большинство нищих внимали священнику, их лица светились. Один старичок даже прослезился.

После обеда миссис Тремли подсела к Веннамуну за опустевший стол. Она подула на горячий кофе в кружке, над которой клубился пар, и отхлебнула глоток. Сложив на столе руки, Веннамун задумчиво уставился на них.

— Карл, ваши проповеди восхитительны,— воскликнула миссис Тремли.— У вас настоящий дар.

Веннамун не ответил.

Миссис Тремли поставила кружку на стол.

— Подумайте, может быть, вам стоит возобновить публичные выступления,— продолжала она.— Уж сколько времени прошло. Все давно забыли о той трагедии. Вам надо снова выступать перед людьми.

Некоторое время старый Веннамун не шевелился. Наконец он поднял голову и, взглянув на миссис Тремли, тихо произнес:

— Я как раз об этом думал.

Пятница, 18 марта

Глава тринадцатая

Говорят, у каждого человека есть двойник, размышлял Киндерман, совершенно идентичный субъект с точки зрения физиологии. К тому же он реально существует на белом свете. Может быть, здесь и следует искать разгадку? Лейтенант посмотрел вниз на могильщиков, которые с мрачным видом выкапывали гроб Дэмьена Карраса.

У Карраса не оказалось близких родственников, которые могли бы пролить свет на невероятное сходство между ним и тем мужчиной из психиатрического отделения. Не сохранилась и медицинская карта иезуита, после гибели Карраса ее уничтожили.

Другого выхода не было, думал Киндерман. Это единственное, что Дэмьен мог сделать. И сейчас, стоя вместе с Аткинсом и Стедманом у края могилы, лейтенант молился про себя, чтобы тело в гробу оказалось останками Карраса. Но если вдруг случится иначе, то ужас, слепой и сводящий с ума своей безысходностью, вот-вот нависнет над Киндерманом. Нет. Не может быть, решил он. Невозможно. Однако ведь даже отец Райли принял Подсолнуха за Карраса.

— Вот вы говорите «свет»,— задумчиво произнес Киндерман.

Аткинс, застегивая воротник своей кожаной куртки, прислушался. Полдень был в разгаре, но холодный ветер свирепствовал всюду. Стедман не отрывал взгляда от могильщиков.

— Мы наблюдаем лишь часть спектра,— вслух размышлял Киндерман.— Крошечную щелочку в гамма-излучении, толику света.— Он прищурился и посмотрел на серебристый диск солнца, просвечивающий сквозь серое облако.— Когда Бог молвил: «Да будет свет»,— продолжал следовательно,— Он имел в виду «Да будет реальность».

Аткинс не знал, что и подумать.

— Они закончили,— объявил Стедман и уставился на Киндермана.— Ну что, открывать?

— Да, пусть откроют.

Стедман отдал распоряжение могильщикам, и они аккуратно отодвинули крышку гроба. Киндерман, Стедман и Аткинс молча смотрели на гроб. Ветер, трепавший их одежду, усилился.

— Выясните, кто это,— наконец выдавил из себя Киндерман.

Тело в гробу не принадлежало отцу Каррасу

Киндерман и Аткинс вошли в отделение для буйных.

— Мне необходимо видеть больного из палаты номер двенадцать,— потребовал Киндерман. Он двигался как во сне и не мог бы со всей очевидностью сказать, кто он такой и где сейчас находится. Его лишь удивлял тот простой факт, что он вообще еще до сих пор дышит.

Дежурная медсестра Спенсер проверила его документы. Когда она случайно взглянула на него, следовательно заметил, что она возбуждена и, очевидно, чем-то напугана. Впрочем, страх поселился теперь в сердцах всех сотрудников больницы. Зловещая тишина проникла в самые укромные уголки здания. Люди в белых халатах передвигались, словно привидения на корабле призраков.

— Хорошо,— коротко бросила медсестра и, достав из стола ключи, повела полицейского по коридору. Пока она отпирала палату, Киндерман посмотрел вверх на потолок и заметил, что еще одна лампочка перегорела.

— Заходите.

Киндерман взглянул на медсестру.

— За вами запереть? — спросила та.

— Не надо.

Девушка окинула его внимательным взглядом и удалилась. Туфли у нее были совсем новые, и подошвы, касаясь плит пола, громко скрипели. Киндерман проводил ее взглядом, а потом вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Подсолнух сидел на кровати и равнодушно смотрел на следователя. Кран продолжал подтекать, и каждая капля ритмично отдавалась ударом сердца. Заглянув в глаза Подсолнуха, следователь почувствовал в груди неприятный холодок. Он прошел к стулу у стены, отчетливо слыша каждый свой шаг. Подсолнух не сводил с него взгляда. Киндерман рассмотрел теперь и шрам

над его правым глазом. А равнодушные глаза пациента не давали ему покоя. До сих пор он никак не мог поверить в то, что видел теперь сам.

— Кто вы? — спросил Киндерман. В этой маленькой, обитой войлоком комнатенке голос его прозвучал до неестественности отчетливо. Ему вдруг показалось странным, что звук этот исходил от него самого.

Томми продолжал молча смотреть остановившимся взглядом на посетителя.

В углу с громким стуком падали из крана капли.

Следователь почувствовал, как где-то в глубине души поднимается противная и липкая волна страха.

— Кто вы? — повторил он.

— Я кое-кто.

Киндерман удивленно вытаращился на Томми и вздрогнул. Подсолнух злобно усмехнулся, в глазах его сверкнула ярость.

— Ну, разумеется, вы «кое-кто», — отозвался Киндерман, собирая в кулак всю свою волю и самообладание. — Но кто? Вы — Дэмьен Каррас?

— Нет.

— Тогда кто вы? Как вас зовут?

— Называй меня «легион», ибо нас множество.

Дрожь охватила Киндермана. Больше всего ему хотелось убраться сейчас из этой комнаты. Но он словно остолбенел. Неожиданно Подсолнух запрокинул голову и прокукарекал, а потом громко, по-лошадиному заржал. Звуки настолько походили на настоящие, что их невозможно было спутать. У Киндермана похолодело внутри.

Подсолнух залился смехом, начав хохотать на высоких нотах и закончив низким басом.

— Да, неплохо я подражаю животным, как ты считаешь? В конце концов у меня был потрясающий учитель, — промурлыкал он. — И еще уйма времени, чтобы оттачивать свое мастерство. Практика, постоянная практика! Вот в чем секрет. Поэтому-то я и усовершенствовался в убийствах, лейтенант.

— Почему вы называете меня «лейтенант»? — спросил Киндерман.

— Да не ломай тут комедию, — прорычал Подсолнух.

— Вы знаете, как меня зовут? — продолжал Киндерман.

- Да.
— Ну и как же?
— Не надо на меня наседать,— зашипел Подсолнух.— Я буду раскрывать свои силы постепенно.
— Какие силы?
— Ты мне надоел.
— Кто вы?
— Ты знаешь, кто я.
— Нет, не знаю.
— Знаешь.
— Тогда скажите мне.
— «Близнец».

Киндерман замолчал, прислушиваясь к падающим каплям, а потом попросил:

— Докажите это.

Подсолнух снова откинул назад голову, но на этот раз закричал как осел. Следовательно почувствовал, как по спине побежали мурашки. Подсолнух посмотрел на него и как бы между прочим заметил:

— Время от времени надо менять тему разговора, тебе не кажется? — Он вздохнул и перевел взгляд на пол.— Да, в жизни моей были и приятные моменты. Я успел неплохо поразвлечься.— Томми закрыл глаза, и лицо его приняло блаженное выражение, как будто он вдыхал тончайший аромат изысканных духов.— О, Карен,— нараспев произнес он.— Прелестная Карен. С милыми желтыми бантиками в волосах. Эти волосы так приятно пахли. Я как сейчас помню этот запах.

Киндерман приподнял брови. Кровь отхлынула от его лица. Подсолнух, взглянув на него, сразу уловил эту перемену.

— Да, я убил ее,— признался Подсолнух.— Ну, сам пойми, это ведь было неизбежно. Разумеется. Божественная сила определяет нашу кончину и так далее. Я нашел ее в Сосалито, а потом выбросил на городскую свалку. Ну, не всю, конечно, частично. Кое-какие ее кусочки я оставил себе на память. Я же такой сентиментальный! Конечно, это мой недостаток, а у кого их нет, лейтенант? Я отрезал ей грудь и некоторое время хранил ее в морозилке. А как мило она была одета! Такая хорошенькая деревенская кофточка с белыми и розовыми рюшечками. У меня до сих пор в ушах крик этой девчушки. Я-то считаю, что мертвые должны молчать.

Если им, конечно, нечего сказать живым.— Томми нахмурился, а потом вдруг затрубил как олень. Звук этот удивительно походил на настоящий крик оленя-самца. Так же внезапно он оборвался, и Томми снова посмотрел на Киндермана.— А над этим надо еще покорпеть,— недовольно сознался он. Помолчав несколько секунд, Подсолнух не мигая уставился на Киндермана, а потом заявил:

— Успокойся. Я слышу, как в тебе пульсирует страх. Будто у тебя часы изнутри тикают.

Киндерман нервно сглотнул и прислушался к монотонно падающим каплям, не в силах отвести от безумца взгляда.

— Черномазого парнишку на реке тоже убил я,— продолжал Подсолнух.— Уж как я повеселился! Впрочем, все они доставляли мне массу удовольствия. Кроме священников. Со священниками все было по-другому. Это не мой профиль. Я ведь убиваю просто так, наобум. Без всяких мотивов, в этом-то и заключается вся прелесть. Но вот священники — другое дело. Да, конечно, присутствие в их именах буквы «К» являлось неременным условием. В конце концов, это оказалось даже удобно. Хотя все равно, со священниками все получилось как-то не так. Это не мой стиль. Это уже не наобум. Я был обязан, понимаешь — просто обязан — свести кое-какие счета от имени... моего друга.— Томми замолчал, но продолжал выжидающе смотреть на следователя.

— Какого друга? — спросил, наконец, Киндерман.

— Сам знаешь, кого я имею в виду. С другой стороны.

— А вы сейчас с какой стороны?

Внезапно Подсолнух начал меняться прямо на глазах. Напыщенность и развязность как рукой сняло, во взгляде появилось выражение беспокойства и страха.

— Не надо завидовать, лейтенант,— промолвил Томми.— Знаешь, сколько там страданий. Это так тяжело. Да, тяжело. Они причиняют иногда жестокую боль. Чудовищную.

— Кто «они»?

— Неважно. Я не могу тебе сказать. Это запрещено.

Киндерман задумался. Наклонившись вперед, он поинтересовался:

— Вы знаете, как меня зовут?
— Тебя зовут Макс.
— Неправильно.
— Как сказать.
— А почему вы подумали, что «Макс»?
— Не знаю. Наверное, потому, что ты здорово смахиваешь на брата.

— Разве у вас есть брат по имени Макс?

— Не у меня.

Киндерман всмотрелся в остановившиеся глаза. Что это — очередная издевка? Вдруг Подсолнух опять затрубил как олень. Умолкнув, он самодовольно заметил: — По-моему, уже лучше. — И срыгнул.

— Как звали твоего брата? — спросил Киндерман.

— Мой брат здесь ни при чем, — прорычал Подсолнух. И вдруг с жаром заговорил: — А известно ли тебе, что ты беседуешь с истинным художником? Я иногда такое вытворяю со своими жертвами! Здесь необходима дьявольская изобретательность. Подобным искусством можно гордиться, но, естественно, оно требует определенных знаний. Тебе известно, например, что отрезанная голова может еще примерно секунд двадцать видеть? Так вот, если голова моей жертвы оставалась с открытыми глазами, я успевал показать ей тело. И это уже совершенно бесплатно — просто так, сувенирчик на память. Должен признаться, что при этом я каждый раз хохотал от души. С какой это стати все удовольствия получаю я один? Так нехорошо, надо и с другими поделиться. Да и прессе не слишком доверишься. Они про меня только самое плохое печатали. Разве это честно?

— ДЭМЬЕН! — резко выкрикнул Киндерман.

— Пожалуйста, не ори, — оборвал его Подсолнух. — Здесь вокруг больные люди. Соблюдай установленные правила, не то я тебя вышвырну отсюда. Кстати, кто такой Дэмьен, за которого ты меня принимаешь?

— А вы сами не знаете?

— Мне иногда становится интересно.

— Что интересно?

— Почем сейчас сыр и как поживает мой папуля. Там в газетах эти убийства называют делом рук «Близнеца»? Это очень важно, лейтенант. Обязательно должны называть. Надо, чтобы папочка об этом узнал.

В этом-то весь секрет. Это и есть моя цель. Я просто счастлив, что нам удалось так мило поболтать.

— «Близнец» умер,— вставил Киндерман.

Подсолнух бросил на него взгляд, полный ненависти.

— Я жив,— прошипел он.— И продолжаю существовать. Позаботься, чтобы и все остальные узнали об этом, иначе мне придется наказать тебя, толстяк.

— И как же вы накажете меня?

Неожиданно Подсолнух перешел на дружелюбный тон.

— Танцы — это такое наслаждение. Ты любишь танцевать?

— Если вы — «Близнец», докажите это,— потребовал Киндерман.

— Снова? Да я, черт побери, уже все доказательств тебе представил,— проскрипел Подсолнух и начал яростно вращать глазами.

— Не может быть, чтобы это вы убили священников и мальчика.

— Я.

— Как фамилия мальчика?

— Того черномазого ублюдка? Кинтри.

— Как же вам удалось выбраться отсюда, чтобы совершить убийства?

— Меня иногда выпускают,— признался Подсолнух.

— Что?

— Меня выпускают. С меня снимают смиренную рубашку, открывают дверь и выпускают побродить по улицам. И врачи, и сестры. Они со мной заодно. Иногда я приношу им пиццу или воскресный экземплярчик «Вашингтон Пост». В другой раз они просят меня попеть им немного. Я хорошо пою.— Томми запрокинул голову и затянул оперную арию высоким безупречным фальцетом. Когда он, наконец, закончил, Киндерман почувствовал, как страх вновь заползает в его душу.

Подсолнух довольно ухмыльнулся:

— Ну, понравилось? По-моему, совсем неплохо. Как ты считаешь? Мой талант так многогранен! Жизнь — это сплошное развлечение. Жизнь прекрасна, я бы сказал. Для некоторых. А вот бедняге Дайеру не повезло.

Киндерман застыл на месте.

— Ты же знаешь, что это я убил его,— спокойно

продолжал Подсолнух. — Довольно занятно и непросто, но все же у меня получилось. Сначала немного сукцинилохолина, чтобы не отвлекали никакие посторонние шумы, затем в вену вставляется трехфутовый катетер. Какую вену лучше выбрать — уже дело вкуса, правда? Потом трубочка должна подойти прямо к аорте. А еще надо поднять ему ноги, чтобы выкачать всю кровь из конечностей. Ювелирная работа! Конечно, в теле, возможно, и осталось чуточку крови, но это уже не так важно. Главное, что общий эффект потряс всех, а ведь именно это и ценится в конечном итоге, верно?

Киндерман не мог выговорить ни слова.

Подсолнух засмеялся.

— Ну конечно же. Это ведь своего рода шоу-бизнес, лейтенант. Самое главное — произвести впечатление. Сила эффекта. Не пролить ни одной капельки, а? Я бы сказал, это явилось моим шедевром. Но, естественно, этого-то никто не оценил. Правильно говорят, не мечите бисер перед...

Подсолнух не закончил фразу. Киндерман вскочил со стула и, метнувшись к кровати, что есть силы врезал безумцу по лицу тыльной стороной ладони. Лейтенант дрожал с ног до головы и угрожающе склонился над больным. Из носа и уголков рта Томми закапала кровь. Он злобно уставился на Киндермана и произнес:

— Ага, некоторые на галерке пытаются освистать меня. Понятно. Это прекрасно. Да-да, все в порядке. Я же понимаю. Я успел наскучить. Ну что ж, попробуем-ка тебя развеселить.

Киндерман ничего не мог понять. Слова Подсолнуха утратили смысл, веки вдруг сами собой начали слипаться, Голова его поникла, а губы еще продолжали что-то шептать. Киндерман нагнулся и прислушался, пытаясь разобрать, что же бормочет этот несчастный.

— Спокойной ночи, мышши... Маленькая мышшка Эми. Лапочка... Спокойной ночи...

И тут случилось невероятное. Губы Подсолнуха все еще шевелились, и вдруг из его горла вырвался другой голос, тоже мужской, но гораздо моложе и выше. Казалось, что человек, которому принадлежал этот голос, кричит откуда-то издалека:

— Ос-стан-новите его! — заикался в отчаянии голос. — Н-не д-дайте ему...

— Эми,— снова прошептал Подсолнух.

— Н-нет! — надрывался далекий голос.— Д-д-джеймс! Н-нет! Н-н-н...

Голос стих. Голова Подсолнуха упала на грудь, и он потерял сознание. Киндерман, охваченный ужасом, наблюдал, не понимая, что происходит.

— Подсолнух,— тихо позвал он. Но ответа не последовало.

Киндерман повернулся к двери. Он нажал кнопку вызова и покинул палату, ожидая, когда появится медсестра. Она тут же подбежала к следователю.

— Он потерял сознание,— сообщил Киндерман.

— Снова?

Киндерман задумался, а медсестра бросилась в палату. Когда она склонилась над Подсолнухом, лейтенант повернулся и быстро зашагал по коридору. У него защемило сердце, когда раздался громкий возглас медсестры:

— Боже мой, да у него нос сломан!

Киндерман поспешил к дежурному посту, где его поджидал Аткинс с какими-то бумагами, которые тот сразу же вручил лейтенанту.

— Стедман велел вам срочно передать,— пояснил сержант.

— Что это? — удивился Киндерман.

— Заключение патологоанатомов относительно трупа в гробу.

Киндерман сунул бумаги в карман.

— У палаты номер двенадцать должен неотлучно дежурить полицейский. Срочно. И передай ему, чтобы он не уходил вечером. Я хочу переговорить с ним. Далее. Найди отца этого «Близнеца». Его зовут Карл Веннаун. Постарайся получить доступ к национальному компьютеру. Мне нужен этот человек здесь. Аткинс, займись этим сразу же. Это очень важно.

— Слушаюсь, сэр,— коротко бросил Аткинс и то-ропливым шагом удалился прочь.

Киндерман устало облокотился о стол и вытащил бумаги. Он бегом просмотрел их, а затем, вернувшись назад, перечитал одну из страниц. Написанное поразило его. Через некоторое время знакомо зашкрипели подошвы. Киндерман поднял голову и увидел медсестру Спенсер. Девушка с укором смотрела на него.

— Вы его били? — спросила она.
— Можно мне поговорить с вами?
— Что у вас с рукой? — полюбопытствовала медсестра. — Смотрите-ка, она распухла.

— Ничего, пройдет, — заверил ее следователь. — Может быть, лучше поговорим у вас в кабинете?

— Заходите, — согласилась она. — А мне тут нужно кое-что достать. — Девушка направилась куда-то за угол. Киндерман вошел в маленький кабинет и сел за стол. Ожидая возвращения медсестры, он снова перечитал заключение. И без того потрясенный, теперь он находился в полном смятении.

— Ну-ка, давайте сюда свою руку. — Медсестра вернулась, захватив перевязочные материалы. Киндерман вытянул руку, и девушка, обложив ее марлевыми тампонами, туго забинтовала.

— Вы очень добры, — поблагодарил следователь.

— Ерунда.

— Когда я сообщил вам, что мистер Подсолнух потерял сознание, вы произнесли слово «снова»?

— Правда?

— Да

— Верно, это и раньше с ним случалось.

Следователь поморщился от боли в руке.

— Вот-вот, после драки может быть и больно, — назидательно проворчала сестра.

— А как часто с ним случаются такие приступы?

— Только на этой неделе. Если не ошибаюсь, первый раз это произошло в воскресенье.

— В воскресенье?

— По-моему, да, — задумалась Спенсер. — Потом на следующий же день. Если вам надо знать точное время, я могу заглянуть в историю болезни.

— Нет-нет, пока не надо. А дальше? — не унимался Киндерман.

— Ну... — Медсестра Спенсер выглядела смущенной. — В среду около четырех утра. То есть как раз перед тем, как обнаружили... — Девушка разволновалась и не смогла закончить фразу.

— Я вас понимаю, — подхватил Киндерман. — Вы очень чувствительны. И большое вам за это спасибо. Кстати, когда с ним это случалось, сон-то у него был нормальный?

— Наоборот,— возразила Спенсер, обрезая ножницами бинт и подклеивая кусочком пластыря его кончик.— Автономная система почти бездействовала: я имею в виду биение сердца, температуру и дыхание. Он как будто впадал в зимнюю спячку. И с мозгом творилось что-то невероятное. Мозг, наоборот, начинал лихорадочно работать.

Киндерман слушал, не перебивая.

— Это вам о чем-нибудь говорит? — поинтересовалась Спенсер.

— Вы не знаете, Подсолнуху никто не рассказывал о том, что случилось с отцом Дайером?

— Не знаю. Я-то, разумеется, не рассказывала.

— А доктор Темпл?

— Тоже не знаю.

— Он много времени тратит на лечение Подсолнуха?

— Кто? Темпл?

— Да, Темпл.

— Наверное. Он считает, что это исключительный случай.

— Он гипнотизирует его?

— Да.

— Часто?

— Не знаю. Я не могу сказать наверняка. Откуда мне знать?

— А когда вы видели, как доктор его гипнотизировал? Вы не помните?

— В среду утром.

— В котором часу?

— Около трех дня. Я подменяла подругу, она как раз ушла в отпуск. Пошевелите пальцами.

Киндерман повертел распухшей рукой.

— Ну как? — осведомилась Спенсер. — Не очень туго?

— Нет, все в порядке, мисс. Спасибо. И благодарю вас за беседу.— Он поднялся.— И еще кое-что,— добавил он.— Можно вас попросить, чтобы вы никому не рассказывали об этом разговоре?

— Разумеется. И про сломанный нос тоже — ни слова.

— Как он сейчас себя чувствует?

— Все в порядке. Ему сейчас делают ЭЭГ.

— Вы потом расскажете мне о результатах?

— Да. Лейтенант...

— Я вас слушаю.

— Все это так странно...— протянула сестра.

Киндерман встретил ее напряженный взгляд. Потом он еще раз поблагодарил девушку и вышел из кабинета. Лейтенант быстро миновал коридоры и вскоре очутился перед кабинетом Темпла. Дверь оказалась закрытой. Киндерман поднял было забинтованную руку, чтобы постучаться, но затем, вспомнив о своей травме, сделал это другой рукой.

— Войдите,— услышал он грубый голос Темпла и отворил дверь.

— А, это вы,— буркнул Темпл. Он сидел за столом, и его белый халат был сплошь осыпан пеплом. Темпл тут же достал новую сигару и послунывил ее кончик. Затем указал Киндерману на стул: — Присаживайтесь. Какие у вас проблемы? Эй, а с рукой-то что случилось?

— Пустяки. Царапина,— отмахнулся следователь и плюхнулся на стул.

— Большая, должно быть, царапина,— съязвил Темпл.— Чем могу служить в этот раз, лейтенант?

— У вас есть право не отвечать,— сообщил ему Киндерман ровным голосом, повторяя давно заученную фразу.— Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. Вы имеете право на помощь адвоката и можете требовать его присутствия во время допроса. Если вы хотите прибегнуть к услугам защитника, но не имеете средств, адвокат будет назначен вам бесплатно. Вам понятно?

Темпл был потрясен.

— О чем вы говорите, черт возьми?

— Я задал вам вопрос,— рявкнул Киндерман.— Отвечайте!

— Да.

— Вам понятны ваши права?

Психиатр не на шутку перепугался.

— Да, все понятно,— тихо пробормотал он.

— Вы занимались лечением мистера Подсолнуха из двенадцатой палаты в отделении для буйных больных?

— Да.

— Вы делали это в одиночестве?

— Да.

— И применяли гипноз?

— Да.

— Часто?

— Один или, может быть, два раза в неделю.

— В течение какого времени?

— Уже несколько лет подряд.

— Для чего?

— Просто, чтобы заставить его говорить, а потом выяснить его личность.

— И вам это удалось?

— Нет.

— Не удалось?

— Нет.

Киндерман замолчал. Наступила напряженная тишина. Психиатр ерзал на стуле.

— Ну, больной утверждает, будто он — убийца «Близнец», — выпалил Темпл. — Но это же безумие.

— Почему?

— Да потому что «Близнеца» убили.

— Доктор, а не могло ли так получиться, что под гипнозом вы сами внушили пациенту Подсолнуху мысль о том, будто он и является убийцей «Близнецом»?

Лицо психиатра побагровело. Он резко мотнул головой и коротко отрубил:

— Нет.

— Этого не могло случиться?

— Ни в коем случае.

— Вы рассказывали мистеру Подсолнуху, как именно убили отца Дайера?

— Нет.

— Вы называли ему мою фамилию и звание?

— Нет.

— Вы сами подделали пропуск на имя Мартины Ласло?

Темпл вспыхнул и, немного помолчав, решительно произнес:

— Нет.

— Вы в этом уверены?

— Да.

— Доктор Темпл, правда ли то, что в Сан-Франциско вы работали в полицейском участке консультантом как раз по делу «Близнеца»?

Темпл был поражен.

— Работали или нет? — повысил голос Киндерман.

— Да, я там работал, — упав духом, промямлил психиатр.

— Мистер Подсолнух обладает сведениями об убийстве женщины по имени Карен Джекобс, которое «Близнец» совершил в 1968 году. Эта информация была доступна только полицейским в участке. Вы рассказывали про убийство мистеру Подсолнуху?

— Нет.

— Не рассказывали?

— Нет, конечно, нет. Я клянусь вам.

— А могли вы путем гипноза внушить человеку из двенадцатой палаты, что он и есть убийца «Близнец»?

— Я же сказал — НЕТ!

— Вы не хотели бы сейчас изменить кое-что в своих показаниях?

— Да.

— Что именно?

— Насчет пропуска, — еле слышно выдавил из себя Темпл.

Следователь приставил руку к уху.

— Насчет пропуска, — уже громче повторил Темпл.

— Вы сами его подделали?

— Да.

— Чтобы доставить неприятности доктору Амфортасу?

— Да.

— Чтобы навлечь на него подозрение?

— Нет, не для этого.

— Тогда для чего же?

— Я его не люблю.

— Почему?

Темпл поколебался и, наконец, выложил:

— Из-за его поведения.

— Поведения?

— Он ставит себя выше других.

— И для этого вы подделали документы, доктор?

Темпл угрюмо молчал.

— Когда в среду я разговаривал с вами об отце Дайере, я упомянул о том, как действовал настоящий «Близнец». Вы оставили это без замечаний. Почему? Почему вы скрыли свое прошлое, доктор?

— Я ничего не скрывал.

— Почему вы сами ничего не рассказали?

— Я боялся.

— Вы боялись?

— Конечно, я перепугался. Ведь вы бы начали подозревать меня.

— Вы получили достаточную известность во время расследования дела «Близнеца», а потом исчезли из поля зрения. Может, вам теперь захотелось воскресить убийства «Близнеца»?

— Нет.

Киндерман сверлил психиатра немигающим, пронзительным взглядом. Он замолчал и не шевелился. Темпл побледнел как полотно, а потом неуверенно пробормотал:

— Вы ведь не арестуете меня, правда?

— Личная неприязнь,— чеканя слова, твердо заявил Киндерман,— к сожалению, не является поводом для ареста. Вы бесчестный, ужасный человек, доктор Темпл, но сейчас единственной мерой пресечения может явиться лишь изоляция вас от мистера Подсолнуха. Вы не будете ни лечить его, ни просто заходить к нему в палату до получения дальнейших инструкций. И лучше не попадайтесь мне на глаза,— добавил Киндерман. Он поднялся и, с треском хлопнув дверью, покинул кабинет.

Долгое время Киндерман бродил по коридорам, ожидая, когда же пациент из двенадцатой палаты придет, наконец, в себя. Но ждал он напрасно. Примерно в половине шестого Киндерман ушел из больницы. Мостовая блестела от воды. Лейтенант свернул с О-стрит на 36-ую улицу и направился к югу в сторону дома Амфортаса. Киндерман и звонил, и стучал в дверь, но ему никто не открыл. Тогда лейтенант поднялся по О-стрит и вскоре очутился перед университетом. Он сразу отправился в кабинет к отцу Райли. В приемной никого не оказалось — секретарша, видимо, отлучилась. Киндерман посмотрел на часы, и в этот момент из кабинета донесся знакомый мягкий голос:

— Я здесь, друг мой. Заходите.

Иезуит сидел за столом, сложив руки на затылке. Он выглядел очень усталым и измученным.

— Сядьте и расслабьтесь,— предложил Райли следовательно.

Киндерман кивнул и устроился в кресле рядом со столом.

— С вами все в порядке, святой отец?

— Да, спасибо. А как у вас?

Киндерман опустил глаза и кивнул, а потом вспомнил, что забыл снять шляпу.

— Простите,— пробормотал он.

— Чем могу помочь вам, лейтенант?

— Я бы хотел узнать кое-что об отце Каррасе,— откликнулся следователь.— С того момента, как его подобрала скорая помощь. Что было дальше, святой отец? Вы не помните? Мне надо знать буквально все до мелочей. Начиная с его смерти и кончая похоронами.

Райли рассказал все, что ему было известно. Когда он завершил свое повествование, оба погрузились в долгое молчание. Завывал ветер, и в здании напротив то и дело хлопали ставни. На город навалилась бесконечная зимняя ночь.

Иезуит достал бутылку виски. Наступившую тишину резанул короткий скрип отвинчиваемой пробки. Райли плеснул в стакан немного виски и, отхлебнув пару глотков, поморщился.

— Ничего не понимаю,— вздохнул он и уставился в окно, словно наслаждаясь видом ночного города.— Я больше ничего не могу понять.

Киндерман кивнул, будто соглашаясь, затем наклонился и, сцепив пальцы, сложил руки на коленях. Он пытался выстроить хоть мало-мальски разумную логическую цепочку.

— Итак, его похоронили уже на следующее утро,— подытожил он.— В закрытом гробу. В полном соответствии с вашими традициями. Но кто последним видел его, отец Райли? Вы не помните? Я имею в виду, когда он находился уже в гробу?

В задумчивости Райли поболтал стакан, наблюдая, как переливается в нем янтарная влага. Он собирался с мыслями. Наконец он промолвил:

— Фэйн. Брат Фэйн.— Райли на какое-то время заколебался, будто сомневаясь, правильно ли он называл фамилию. Затем кивнул и уверенно подтвердил: — Да, именно он. Ему поручили переодеть покойника и запечатать гроб. Но с тех пор его никто не видел.

— А что произошло?

— Я же говорю, его больше никто не видел.— Райли пожал плечами и покачал головой.— Грустная история.— Иезуит вздохнул.— Он всегда ворчал и жаловался, что Орден к нему несправедлив. У него была семья где-то в Кентукки, и он просил, чтобы его перевели поближе к семье. Поближе к концу...

— К концу? — перебил его Киндерман.

— Он был старенький. Ему было уже восемьдесят... нет, восемьдесят один. Он любил повторять, что позаботится о том, чтобы умереть дома. Мы подозревали, что он сбежит от нас, ибо старик чувствовал свою близкую кончину. С ним уже случались два инфаркта.

— Именно два?

— Два,— повторил Райли.

По телу Киндермана поползли мурашки.

— Помните останки мужчины в гробу Дэмьена,— глухо произнес Киндерман каким-то чужим голосом.— В одежде священника.

Райли кивнул.

Киндерман немного помолчал, а потом продолжил:

— Так вот, патологоанатомы утверждают, что этот человек был престарелым и перенес три инфаркта — два при жизни, а третий стал причиной смерти.

Они молча уставились друг на друга. Отец Райли ждал, понимая, что следовательно еще не все выложил. Киндерман выдержал взгляд священника и тихо добавил:

— Они уверены, что третий инфаркт наступил от испуга.

Мужчина из палаты номер двенадцать пришел в себя только на следующее утро часов в шесть. А через несколько минут в пустой палате невропатологического отделения было обнаружено тело медсестры Эми Китинг. Живот ее был вспорот, все внутренности вынуты, а брюшная полость набита электрическими выключателями. После этого убийца умудрился тщательно зашить рану.

Глава четырнадцатая

Амфортас сидел в комнате и слушал магнитофон. Когда-то эти кассеты доставляли им обоим такое наслаждение! А сейчас он находился совсем в другом измерении, где-то между ужасом и ожиданием. Он не понимал, что происходит нынче там, в реальном мире — ночь теперь или день. Тускло мерцали лампы, и все, что существовало на самом деле, навеки растворялось для него за пределами этой комнаты. Амфортас не знал, сколько просидел здесь. Может быть, пару минут, а может быть, и долгие часы. Реальность в какой-то фантазматической пляске клочьями кружилась перед ним. Амфортас смутно помнил, что последний раз удвоил дозу лекарства, и боль пульсировала теперь в голове. Но что делать, ведь это требовалось, чтобы разрушить мозг. Амфортас устался на диван и заметил вдруг, как тот прямо на глазах начал таять в размерах. Вот он уже уменьшился вдвое. Когда Амфортас увидел, что диван улыбнулся ему, он счастливо смежил веки и полностью отдался музыке. Звучала одна из его самых любимых песен:

Коснись меня И уходи.
Пусть лишь грезы остаются
О днях, связавших нас вдвоем ..

Песня обволакивала, полностью захватывала его воображение, она словно убаюкивала израненную душу Амфортасу захотелось сделать музыку погромче, он начал на ощупь искать рычажок и вдруг услышал, как кассета выпала из магнитофона на пол. Амфортас нагнулся за ней, и тут еще пара кассет соскользнули с его колен и шлепнулись рядом с первой. Амфортас открыл глаза и увидел прямо перед собой человека. Он сразу же понял, что человек этот — его собственный двойник.

Двойник, ссутулившись, сидел прямо в воздухе, находясь в той же самой позе, что и Амфортас. Одет он был в такие же джинсы и синий свитер. Он с недоумением таращился на настоящего Амфортаса.

Амфортас отпрянул, и то же сделал двойник. Амфортас прикрыл лицо рукой, аналогичное движение повторил и фантом. Амфортас сказал «привет» и тут же

услышал «привет». Он почувствовал, как колотится сердце. О двойниках частенько упоминали в случаях серьезного повреждения височной доли. Но, пристально взглядевшись в глаза напротив, он испытал самый настоящий страх. Амфортас зажмурился и постарался глубоко дышать. Постепенно сердце успокоилось. Если сейчас открыть глаза, увижу ли я двойника? — задумался Амфортас. Он приоткрыл глаза — двойник оставался на прежнем месте. Внезапно доктор испытал жгучий профессиональный интерес. Ведь ни один невропатолог наверняка не переживал ничего подобного. Вот поэтому-то все известные случаи с двойниками весьма поверхностны и противоречивы. Амфортас вытянул ноги. Двойник не преминул проделать то же. Тогда доктор принялся дергать ногами, стараясь не соблюдать определенного ритма. Он производил эти движения невпопад, однако двойник повторял их с безупречной точностью.

Амфортас прекратил свои попытки и задумался. Потом на ладони поднял магнитофон. Двойник скопировал и это движение, взметнув свою руку с воображаемым магнитофоном. Амфортас удивился: как могло случиться, что в галлюцинациях воспроизводится только сам человек без окружающих предметов, например, без того же магнитофона. Ведь доктор ясно различал на двойнике одежду, и в то же время тот сжимал сейчас в руке воздух. Амфортас так и не смог логически объяснить этот парадокс.

Он взглянул на ноги пришельца. Тот был обут в его же собственные бело-синие кроссовки фирмы «Найк». Амфортас перевел взгляд на свои кроссовки и начал осторожно сводить вместе носки, стараясь не смотреть, повторяет ли это движение двойник. Будет ли тот делать то же самое, если на него не смотреть в это время? Амфортас незаметно глянул на ноги двойника. Они находились в том же положении, что и его собственные.

Пока Амфортас раздумывал, что бы ему еще предпринять для дальнейших опытов, он вдруг заметил на шнурке левой кроссовки у двойника чернильное пятно. Доктор посмотрел на свою ногу и разглядел точно такое же пятно и тоже на шнурке. Это уже выходило из ряда вон. Он никак не мог вспомнить, было ли у него это пятно раньше. Так как же он смог увидеть его на

шнурке двойника? Наверное, мое подсознание запомнило это пятно,— решил Амфортас.

Доктор заглянул двойнику в глаза. Они сверкали. Он придвинулся к пришельцу, и тут ему показалось, что в глазах двойника отражается лампа. Как же это? — изумился Амфортас. Опять ему стало не по себе. Двойник внимательно наблюдал за ним. Амфортас отчетливо слышал веселые голоса студентов, доносящиеся с улицы, потом они внезапно смолкли, и теперь ему казалось, будто он так же ясно внимает и ударам своего сердца.

Внезапно двойник, застонав, схватился за виски. Амфортас не смог уследить за происходящим, ибо страшная боль словно тисками сжала вдруг его череп. Он зашатался, магнитофон и кассеты с грохотом посыпались на пол. Все поплыло у него перед глазами. Рванувшись к лестнице, Амфортас опрокинул настольную лампу и сильно ударился о край журнального столика. Застонав, он ввалился в спальню, рывком раскрыл саквояж и вытащил оттуда шприц и лекарство. Боль становилась невыносимой. Амфортас рухнул на кровать и дрожащими руками наполнил шприц. Он ничего не видел перед собой. Доктор с размаху всадил иглу прямо сквозь плотную джинсовую ткань и ввел двадцать миллиграммов гормона. Все это произошло в считанные секунды, поэтому укол в большей степени походил на удар молотком по мышце, однако очень скоро боль начала стихать, и разум, наконец, прояснился. Амфортас тяжело вздохнул и, расслабив пальцы, выпустил из руки шприц. Тот шлепнулся рядом с кроватью и, легонько звякнув, откатился по полу к стене.

Открыв глаза, Амфортас снова увидел двойника. Он висел в воздухе, терпеливо ожидая пробуждения доктора. Амфортас заметил, что двойник — а значит, и он сам — улыбается.

— Я чуть было не потерял тебя,— произнесли они одновременно.

У Амфортаса закружилась голова.

— Ты умеешь петь? — спросили они и тут же в один голос затянули адажио из Рахманиновской симфонии. Оборвав мелодию, они рассмеялись.— Чудненькая компания,— подытожили оба. Взгляд Амфортаса наткнулся на фарфоровую уточку, стоящую на тумбочке. Взяв ее в руки, он с нежностью принялся разглядывать стату-

этку. Воспоминания нахлынули на него.— Я подарил эту фигурку Анне, еще когда мы не были женаты,— говорил он вместе с двойником.— В нью-йоркском магазинчике «Матушка Леоне». Там находилась одна забегаловка, кормежка отворотная, но зато уточка превосходная. Анна была от нее просто без ума.— Амфортас посмотрел на двойника, и они ласково друг другу улыбнулись.— Она говорила, что это так романтично,— продолжали оба.— Как и те цветы, что я подарил ей в Бора-Бора. Она говорила, что все это навсегда останется в ее сердце.

Амфортас нахмурился, тут же посерьезнел и двойник. Раздвоение голоса начинало раздражать доктора. Ему вдруг показалось, что тело его стало таять. Да и связь с окружающей действительностью внезапно сошла на нет. Надвигалось что-то чудовищное.

— Убирайся! — рявкнул Амфортас на двойника, но тот даже не шелохнулся. Вместо этого он повторил приказание Амфортаса и изобразил на своем лице такое же гневное, как у доктора, выражение. Амфортас поднялся и, шатаясь, направился к лестнице. Краешком глаза он фиксировал, что двойник следует рядом, бок о бок, словно в зеркале.

Амфортас вошел в гостиную и присел на стул. Он и сам не помнил, как здесь очутился. В руках он все еще сжимал фарфоровую уточку. Сознание его вроде бы прояснилось, мысли текли спокойно, но ощущения как будто стерлись. От этого Амфортас чувствовал себя весьма неудобно. В голове по-прежнему стучало, однако боль исчезла. Амфортас с отвращением покосился на двойника. Тот завис в воздухе, презрительно уставившись на Амфортаса. Невропатолог смежил веки, чтобы не видеть его.

— Не возражаешь, если я закурю?

На этот раз голос не раздвоился. Амфортас удивленно распахнул глаза и остолбенел. Двойник развалился на диване, лениво закинув одну ногу на подушки. Он чиркнул спичкой и, прикурив, выдохнул дым.

— Боже мой, сколько раз пытался бросить,— засокрушался двойник. Он снисходительно сдвинул брови.— Ну, извини.— И пожал плечами.— Откровенно говоря, так расслабляться мне бы не следовало, да, Бог свидетель, я безумно устал. Вот и все. Надо передохнуть.

В нашем случае вреда от передышки никакого. Ты ведь знаешь, что я имею в виду.— Двойник умолк, будто ожидал от Амфортаса ответа, но тот словно воды в рот набрал.— Я тебя понимаю,— наконец вымолвил двойник.— Чтобы привыкнуть к этому, необходимо время. А вот я так и не научился проникать куда-либо постепенно. Видимо, все это надо было бы обстригать осторожно и поэтапно, в час по чайной ложке.— Он виновато пожал плечами и улыбнулся.— Экая промашка. Короче, я явился и приношу свои извинения. Я-то тебя уже многие годы знаю как облупленного, ну, а ты обо мне, разумеется, не имеешь ни малейшего представления. Скверно получается. Бывало, мне хотелось встряхнуть тебя, вернуть, так сказать, в рамки. Однако вряд ли это мне удалось бы, как не получится и сейчас! Ох уж эти дурацкие правила игры! Но потрепаться мы можем.— Внезапно двойник занервничал.— Тебе не полегчало? Нет? Вижу, что ты никак в себя не придешь. Язык проглотил. Ну, ничего. Я буду говорить, пока ты не оклемаешься и не привыкнешь ко мне.— Сигаретный пепел упал ему на свитер. Стряхнув его на пол, двойник пробормотал: — Экая небрежность!

Амфортас тихонько рассмеялся.

— А, так ты, оказывается, еще живехонек,— обрадовался двойник.— Прелестно! — Он замолчал и уставился на хохочущего Амфортаса.— Ты давай потише, дружок,— внезапно разозлился двойник.— Ты что, хочешь, чтобы я снова начал все повторять за тобой?

Амфортас отрицательно замотал головой, пытаясь подавить смех. А потом вдруг заметил, что стол, который он сдвинул, и лампа, упавшая с него,— все снова стоит на своих местах. Невропатолог удивленно покопался на двойника.

— Да, это я поставил их на место,— заверил его двойник.— Я существую на самом деле.

— Нет, ты только в моей голове,— возразил Амфортас.

— Ну вот, уже целую фразу выдал, надо же. Экий прогресс. Я, разумеется, имею в виду форму, а не содержание,— пояснил двойник.

— Ты — галлюцинация.

— А стол? А лампа?

— У меня случился провал памяти. Я их сам поднял, а потом забыл про это.

Двойник выпустил очередное облачко дыма.

— Земная душа,— укоризненно пробормотал он и покачал головой.— Может быть, ты убедишься, если я потрогаю тебя? Если ты сам ощутишь мое присутствие?

— Может быть,— согласился Амфортас.

— Да, но это невозможно,— огорчился двойник.— Даже думать забудь.

— Это из-за того, что у меня галлюцинации.

— Еще одно такое словечко, и меня вырвет наизнанку. Послушай, как ты думаешь, кто сейчас перед тобой?

— Я сам.

— Да, частично ты прав. Поздравляю. Я твоя вторая душа,— признался двойник.— Ну, крикни же теперь «рад познакомиться» или хоть что-нибудь в этом роде. Однако и манеры же у тебя! Да, я тут вспомнил один забавный случай по этому поводу. Насчет знакомств. Очень милая история.— Он загадочно улыбнулся.— Мне рассказал ее двойник Ноэля Кауарда, да и сам Кауард признает, что она действительно имела место в жизни. В общем, в одном королевстве давали бал, и Кауард оказался в числе приглашенных. Он очутился рядом с королевой, а по другую руку от него стоит Никол Уильямсон. И тут появляется некий чудак, Чак Коннорс. Американский актер. Знаешь его? Разумеется-разумеется. Ну, короче, протягивает он Ноэлю руку и смущенно бормочет: «Мистер Кауард, я — Чак Коннорс!» А Ноэль не растерялся и так, по-отечески, успокаивает его: «Конечно, мальчик мой, я в этом не сомневался». Ну как, по-моему — прелестно! — Двойник откинулся на спинку дивана.— Какой умница этот Кауард. Жалко, что он перебрался за границу. Ему, конечно, хорошо. А нам-то плохо.— Двойник многозначительно посмотрел на Амфортаса.— Хороший собеседник — большая редкость. Понимаешь, куда я клоню, или нет? — Он стряхнул сигаретный пепел прямо на пол и добавил: — Ну, не волнуйся. Не загорится.

Странное чувство испытывал сейчас Амфортас — нечто среднее между смятением и непонятым возбуждением. Ведь именно двойник обладал той настоящей, жизненной силой, которая полностью отсутствовала у Амфортаса.

— Почему ты не хочешь доказать, что не являешься галлюцинацией? — попытался он вывести двойника на чистую воду.

Тот удивился:

— Доказать?

— Да.

— Как?

— Сообщи мне что-нибудь такое, чего я не знаю.

— Я не смогу остаться здесь навсегда.

— Да нет, что-нибудь такое, что я потом смог бы проверить.

— Ты слышал эту забавную байку про Ноэля Каурда?

— Я мог сам сочинить ее. Это ведь не факт.

— Да, тебе трудно угодить, — разочарованно протянул двойник. — И ты думаешь, у тебя достанет ума сострять такую историю?

— Подсознательно — да, — кивнул Амфортас.

— И снова ты близок к истине, — подтвердил двойник. — Твое подсознание и есть твоя вторая душа. Но не в том смысле, как ты привык его понимать.

— Пожалуйста, объясни.

— Превентивно.

— Что?

— Это как раз то, чего ты не знаешь. Мне только что пришло в голову «Превентивно». Это словечко я позаимствовал у Ноэля. Ну, как? Теперь ты доволен?

— Нет, я не употребляю это слово, но его латинский корень мне известен.

— Слушай, от тебя можно сойти с ума. Ты просто невыносим, — удрученно заметил двойник. — Я сдаюсь. Ладно. У тебя галлюцинации. И теперь ты, разумеется, начнешь уверять меня, будто не убивал тех несчастных. Что ты ничегошеньки не знаешь.

У невропатолога вдруг похолодело внутри.

— Кого убивал? — едва ворочая языком, выдавил он из себя.

— Сам знаешь. Мальчонку и двух священников.

— Нет. — Амфортас покачал головой.

— Ну, не упрямясь. Я знаю, что сознание твое, конечно же, не участвовало в этом. Ну и что же? — Он пожал плечами. — Ты знал. Ты все равно знал.

— Я не имею никакого отношения к этим убийствам. Двойник расшвыривал и выпрямился на диване:

— Вот-вот, еще не хватает свалить теперь все на меня. Ну, у меня-то, к счастью, нет тела, так что я автоматически выпадаю из игры. И, кроме того, мы никак не пересекаемся. Понимаешь? Ты да твоя злоба — вот кто виновники убийств. Да и Анну ты потерял, потому что гневался на Бога. Придется взглянуть правде в глаза. Вот почему ты и решил умереть. Кстати, это очень даже глупая затея. Чистейшей воды трусость. Кроме того, подобная выходка преждевременна.

Амфортас посмотрел на керамическую фигурку. Крепко сжав ее в руках, он встряхнул головой.

— Я хочу быть с Анной,— произнес он.

— Но ее там нет.

Амфортас уставился на двойника.

— Я вижу, мне удалось, наконец, завладеть твоим вниманием,— обрадовался тот.— Так ты отправляешься в мир иной, чтобы встретиться с Анной. Я не собираюсь сейчас спорить с тобой. Ты слишком упрям. Это бессмысленно. Анна уже перешла в другое измерение. А теперь, когда руки твои обагрены кровью, я сомневаюсь, что тебе вообще удастся ее догнать. Мне ужасно неприятно сообщать все это, но ведь я здесь не для того, чтобы потворствовать твоим заблуждениям. Не могу себе этого позволить. У меня и без того хлопот хватает.

— Где Анна? — У невропатолога заколотилось сердце, боль снова начала подступать со всех сторон.

— Анну сейчас лечат,— сообщил двойник.— Как, впрочем, и всех остальных.— Он хитро прищурился.— Кстати, а ты знаешь, откуда я только что прибыл?

Амфортас скользнул безучастным взглядом по магнитофону, валявшемуся в углу комнаты, а потом вновь остановился на двойнике.

— Удивительно. Ты начинаешь поразительно быстро сообщать. Да, ты и раньше слышал мой голос в магнитной записи. Я как раз оттуда. Ты, наверное, хочешь об этом узнать поподробнее?

Амфортас кивнул, как заипнотизированный.

— Боюсь, что не смогу тебе рассказать,— объявил двойник.— Извини. Там свои правила и порядки. Назовем это просто перевалочным пунктом. Что же касается Анны, то, как я уже упоминал, она миновала этот ру-

беж. Сие сообщить я имею право. Ты должен узнать о ней все, равно как и о Темпле.

У невропатолога перехватило дыхание. В висках чудовищно застучало, боль становилась невыносимой.

Двойник лишь пожал плечами и отвернулся.

— Хочешь услышать неплохое определение ревности? Так вот, это чувство возникает тогда, когда кто-то, кого ты ненавидишь, чудненько проводит время без тебя. В этом есть доля истины. Подумай.

— Ты не настоящий, — задохнувшись, с трудом выдал из себя Амфортас. Перед глазами все поплыло. Тело двойника волнами растекалось по дивану.

— Боже мой, у меня кончились сигареты.

— Ты не настоящий. — Свет начал меркнуть.

Двойник превратился в сплошной звук, в голос, пронизывающий трепещущую реальность.

— Правда? Ты уверен? Да простит меня Господь, но я нарушу еще одно правило. Это точно. Моему терпению приходит конец. Сегодня вышла на работу новая медсестра. Ее зовут Сесилия Вудс. Скорее всего ты не знаешь этого. Сейчас она на дежурстве. Иди, позвони в отделение и выясни, прав я или нет. Ты же сам хотел, чтобы я сказал тебе нечто, чего ты не знаешь? Вот, пожалуйста. Теперь действуй. Позвони в отделение невропатологии и попроси к телефону сестру Вудс.

— Ты не настоящий.

— Позвони ей немедленно.

— **ТЫ НЕ НАСТОЯЩИЙ!** — во весь голос завопил Амфортас. С ног до головы охваченный дрожью, он вскочил, сжимая в руке керамическую утку. Боль разрывала его на части, выжимая стоны.

— Боже! О Боже мой! — Амфортас заковылял к дивану, спотыкаясь и ничего не разбирая перед собой. Он оступился и рухнул на пол. Падая, Амфортас ударился головой о край журнального столика. Кровь проступила на голове, и тело глухо стукнулось об пол. Раздался звон, напоминающий вопль отчаяния. Это на мелкие осколки разлетелась бело-зеленая фигурка. Спустя несколько секунд кровь залила разбитую статуэтку и пальцы, все еще сжимающие кусочек подставки, на которой виднелись слова «от меня без ума». Но скоро и они исчезли под струйками крови. Амфортас прошептал:

— Анна.

Суббота, 19 марта

Глава пятнадцатая

Тело Китинг обнаружили в палате номер 400, когда на дежурство в шесть утра заступила другая медсестра. В комнате кроме тела находился и пациент психиатрического отделения Перкинс. Он был без сознания. Палата располагалась за углом и не попадала в поле зрения полицейского, охранявшего на дежурном посту возле лестницы и лифтов покой больных. На руках Перкинса остались пятна крови.

— Вы будете мне отвечать? — допрашивал старика Киндерман.

Тот сидел на стуле и пустыми глазами смотрел на следователя.

— Мне нравится обед, — повторял он.

— Кроме этого он ничего не говорит, — объяснила Киндерману медсестра Лоренцо. Она дежурила в палатах для тихих больных. Медсестра из невропатологического отделения, которая нашла труп, стояла сейчас у окна и никак не могла оправиться после перенесенного кошмара. Она только-только поступила на работу. Это был ее второй день в больнице.

— Мне нравится обед, — с отсутствующим видом произнес старик, а потом причмокнул губами.

Киндерман повернулся к медсестре отделения невропатологии. По выражению ее лица он пытался определить, пришла ли она уже в себя. Взгляд Киндермана скользнул по табличке на ее халате.

— Спасибо вам, мисс Вудс, — поблагодарил он. — Вы можете идти.

Девушка поспешно вышла и закрыла за собой дверь. Киндерман повернулся к мисс Лоренцо.

— Вы не могли бы проводить этого старика в туалет?

Сестра Лоренцо на секунду замешкалась, а потом помогла старику подняться и довела его до двери туалета. Следователь не отставал от них и первым вошел внутрь. Медсестра и больной остановились у входа. Киндерман

указал на зеркало над раковиной, где виднелась кровавая надпись.

— Это вы писали? — резко спросил следователь. Рукой он повернул голову старика так, чтобы тому были видны красно-коричневые буквы. — Кто-нибудь заставлял вас написать это?

— Мне нравится обед, — как заведенный, бормотал старик.

Киндерман устало посмотрел на него, а потом, обратившись к сестре, отрешенно произнес:

— Уведите его в палату.

Сестра Лоренцо кивнула и вывела слабоумного старика в коридор. Киндерман слышал, как затихают их шаги. Он снова взглянул на зеркало и, нервно облизнув пересохшие губы, перечитал страшную надпись:

НАЗЫВАЙ МЕНЯ ЛЕГИОН, ИБО НАС МНОЖЕСТВО

Киндерман торопливо покинул туалет и направился к Аткинсу, поджидавшему его у дежурного поста.

— Пойдем-ка со мной, Немо, — на ходу бросил лейтенант, не замедляя шага.

Аткинс безропотно последовал за ним, и через некоторое время они уже стояли перед палатой номер двенадцать. Киндерман заглянул в окошечко. Мужчина в палате не спал. Он сидел на кровати в смиренной рубашке и, как будто зная, что Киндерман находится за дверью, ехидно ухмылялся. Его губы шевелились, словно он что-то пытался сказать следователю. Киндерман повернулся и обратился к полицейскому, дежурившему у двери.

— Сколько времени вы здесь стоите?

— С полуночи, — ответил тот.

— Кто-нибудь заходил в эту палату?

— Медсестра. Несколько раз.

— А доктор?

— Нет, только медсестра.

Киндерман задумался, а потом повернулся к Аткинсу:

— Скажи Райану, что мне нужны отпечатки пальцев всех сотрудников больницы. Начни с Темпла, потом проверь весь персонал невропатологического и психиатрического отделений. А там видно будет. Мобилизуй на это

дело еще пару человек, чтобы побыстрее провсрнуть его. Сравни отпечатки с теми, которые обнаружены на местах преступлений. Чем больше людей тебе удастся задействовать, тем лучше, ибо результаты нужны как можно раньше. Действуй, Аткинс. Поспеши. И передай медсестре, чтобы она пришла сюда с ключами.

Киндерман смотрел вслед быстро удаляющемуся помощнику. Когда тот скрылся за углом, лейтенант все еще прислушивался к его шагам, словно с этим звуком от следователя отдалялся весь реальный мир. Вот шаги затихли, и снова мрак просочился в душу Киндермана. Он посмотрел вверх на лампочки. Три из них не горели. Их еще не успели поменять, коридор был погружен в полумрак. Снова шаги. Это приближалась медсестра. Следователь ждал. Когда девушка подошла, он указал на дверь палаты номер двенадцать. Медсестра внимательно оглядела лейтенанта и отперла дверь. Следователь зашел внутрь. Нос у Подсолнуха был тщательно забинтован. Не мигая, следил пациент за каждым движением Киндермана. Следователь прошел в дальний угол и устроился на стуле. Тишина начала обволакивать его. Подсолнух сидел не шелохнувшись. Настоящий манекен с широко раскрытыми глазами, да и только. Киндерман посмотрел вверх на одиноко свисающую лампочку. Она вдруг начала мерцать, а потом так же внезапно перестала. И тут следователь услышал злорадный смехок.

— Да будет свет,— раздался голос Подсолнуха.

Киндерман перевел на него взгляд, но глаза больного были по-прежнему пусты.

— Вы получили мое послание, лейтенант? — спросил он. — Я передал его через Китинг. Прелестная девушка. Отзывчивое сердце. Да, кстати, я восхищаюсь вами. Вы правильно сделали, что позвали моего отца. Хотя тут надо еще кое-что уточнить. Вы не могли бы сделать мне маленькое одолжение? Звякните журналистам, пусть они снимут папашу вместе с Китинг, хорошо? Ведь, собственно, ради этого я и убиваю — чтобы обесчестить его, вы же прекрасно понимаете это. Так помогите мне. И смерть восторжествует. Ну, хотя бы на один денек. За это я вас не трону. Вы останетесь мною довольны. Кстати, я могу замолвить за вас словечко. Вас тут не больно-то жалуют. Только не спрашивайте, почему. Они мне все уши прожужжали, что ваша фамилия начинает-

ся с буквы «К», но я не обращаю на них внимания. Ведь правда, это очень благородно с моей стороны? И смело. Когда они выходят из себя, то бывают иногда так капризны и привередливы.— Казалось, Подсолнух вспомнил вдруг о чем-то неприятном, потому что внезапно передернулся.— Ну, неважно. Давайте их больше не касаться. Итак, я вам задал любопытную задачку, лейтенант? Конечно, если учитывать вашу уверенность в том, что я — «Близнец».— Лицо его исказила гримаса ненависти, голос угрожающе загремел: — Убедился ты, наконец, или нет?!

— Нет,— ответил Киндерман.

— И очень глупо,— злобно прорычал Подсолнух.— Похоже, ты явно напрашиваешься на танец.

— Я не понимаю, что вы хотите этим сказать,— откликнулся Киндерман.

— Я тоже,— равнодушно заметил Подсолнух. Лицо его разгладилось и являло собой в этот момент непроницаемую маску.— Я же сумасшедший.

Киндерман молчал, прислушиваясь к мерному стуку падающих в раковину капель. Наконец он заговорил:

— Если вы и есть тот самый «Близнец», то как же вам удастся выбираться отсюда?

— Вы любите оперу? — спросил вдруг Подсолнух. И сочным бархатным голосом затянул внезапно известнейшую арию. Потом неожиданно замолчал и взглянул на Киндермана.— А я больше уважаю пьесы. Моя любимая — «Тит Андроник». Такая милая.— Он тихо засмеялся.— Как поживает ваш друг Амфортас? Недавно его посещал прелюбопытнейший гость, насколько я понимаю.— Подсолнух закричал, как утка, потом снова замолчал. И отвернулся к стене.— Над этим тоже надо еще покорпеть,— недовольно пробормотал он глухим низким басом, а потом как ни в чем не бывало обратился к Киндерману: — Так вам интересно, как я отсюда выбираюсь?

— Да, расскажите мне.

— С помощью друзей. Закадычных друзей.

— Каких друзей?

— Да ну, это ужасно утомительно. Давайте побеседуем о чем-нибудь другом.

Киндерман ждал ответа.

— Зря вы меня тогда ударили,— ровным голосом

произнес Подсолнух.— Я ведь не могу отвечать за свои слова. Я же псих.

Киндерман снова прислушался к падающим каплям.

— А мисс Китинг на ужин съела тунца,— сообщил Подсолнух.— Я чувствовал его запах. Дерьмовая былинная кормежка! До чего же она гнусная!

— Как вам удастся выбираться отсюда? — настаивал Киндерман.

Подсолнух запрокинул голову и расхохотался, а потом горящим взглядом впился в Киндермана.

— Вариантов хоть отбавляй. Я все тщательно планирую. И оцениваю. Ты думаешь, так все и есть на самом деле? А вдруг я действительно твой приятель Дэмьен Каррас? Может быть, меня только объявили мертвым, а на самом деле я и не собирался на тот свет. Я оклемался в один миг — надо заметить, весьма необычно, ну, а потом начал шляться по улицам, окончательно сбрендив. Да я до сих пор, может быть, не знаю, кто я такой на самом деле. И не надо напоминать, что, помимо всего прочего, я безнадежно болен — свихнулся, так сказать. Мне частенько снится один и тот же сон, будто лечу я вниз с длиннющей лестницы. А это случилось на самом деле? Если да, то я скорее всего действительно здорово повредил черепушку. Было это на самом деле, лейтенант?

Киндерман не отвечал.

— А еще мне снится, что фамилия моя — Веннамун,— продолжал Подсолнух.— Эти сны мне нравятся куда больше. Там я убиваю людей. Так трудно отличать грезы от реальности. Я же безумен. И вы, кстати, мудро поступаете, не доверяя мне. Но тем не менее вы всего лишь расследуете убийства. Произошло уже несколько преступлений. Это ясно. Вы знаете, что я думаю по этому поводу? Все это — дело рук Темпла. Ведь он так успешно гипнотизирует пациентов, что может внушить им любые действия. Ну а я, очевидно, просто способный телепат или ясновидящий и поэтому на лету схватываю всю информацию о проделках «Близнеца». Неплохая мысль, а? Да, я вижу, вам она тоже приходила в голову. Это хорошо. Ну, пока хватит с вас и этого. А вот вам еще пища для размышлений.— Глаза Подсолнуха заблестели, и весь он подался вперед.— А что, если у «Близнеца» есть соучастник?

— Кто убил отца Бирмингэма?

— Это кто такой? — невинным голосом спросил Подсолнух. Брови его удивленно поползли вверх.

— Разве вы не знаете?

— Я не могу находиться одновременно в нескольких местах.

— Кто убил медсестру Китинг?

— «Гасите свет, гасите свет», — повторяла она.

— Кто убил медсестру Китинг?

— Ну какой же вы завистливый. — Подсолнух резко вскинул голову и затрубил, как олень, а потом торжественно посмотрел на Киндермана. — Вот теперь, по моему, почти то, что надо, — подытожил он. — Уже близко. Сообщите прессе, лейтенант, что я — «Близнец». Это мое последнее предупреждение. — Он злобно уставился на Киндермана. Наступила тишина. — Отец Дайер был недалеким человеком, — нарушил наконец молчание Подсолнух. — Очень глуп был, очень. Кстати, как ваша рука? Опухоль еще не спала?

— Кто убил медсестру Китинг?

— Хулиганы. Неустановленные личности. Грязная работенка.

— Если это сделали вы, где ее внутренние органы? — не унимался Киндерман. — Вы должны это знать. Что с ними? Расскажите мне.

— Мне нравится обед, — равнодушно произнес Подсолнух.

Киндерман заглянул в эти пустые глаза, и тут сердце его замерло. «Закадычные друзья»...

— Отец должен узнать об этом, — выговорил наконец Подсолнух. Он отвернулся и уставился в пустоту. — Я устал, — тихо добавил больной. — Похоже, я так и не закончу своего дела. Я устал. — Теперь он казался беспомощным и одиноким. Глаза его затуманились, голова склонилась на грудь. — Томми не понимает, — пробормотал Подсолнух. — Я сказал ему, чтобы дальше он делал все сам, а он не слушает. Он боится. Томми... Сердится на меня.

Киндерман встал и, подойдя ближе, нагнулся к Подсолнуху, чтобы разобрать его шепот.

— Маленький... Джек Корнер. Детская... игра.

Киндерман еще немного подождал, но больше ничего не услышал. Подсолнух потерял сознание.

Киндерман поспешил из палаты. Его мучило дурное предчувствие. На обратном пути он позвонил медсестре и, как только она появилась, сразу же направился в отделение невропатологии за Аткинсом. Сержант стоял у дежурного столика и разговаривал по телефону. Заметив следователя, он разнервничался и принялся тараторить в трубку.

В отделении появился новый пациент — шестилетний мальчик. Санитар только что подкатил инвалидное кресло с мальчуганом к дежурному столику.

— Вот вам симпатичный молодой человек,— представил он мальчика медсестре.

Та улынулась и ласково произнесла:

— Привет.

Киндерман внимательно смотрел на Аткинса.

— Как фамилия? — осведомилась медсестра.

— Корнер. Винсент П.,— сообщил санитар.

— Винсент Пол,— поправил мальчик.

— Я не расслышала, Корнер или Хорнер? Какая первая буква? — заколебалась медсестра.

Санитар передал ей документы. Первой буквой оказалась «К».

— Аткинс, побыстрее,— поторопил сержанта Киндерман.

Через несколько секунд тот закончил разговор и повесил трубку. Мальчика повезли в палату.

— Поставь человека у входа в отделение психиатрии,— приказал Киндерман.— Я хочу, чтобы там круглосуточно дежурил полицейский. Ни один больной не должен выходить оттуда, что бы ни случилось. Ты понял, что бы ни случилось!

Аткинс потянулся за трубкой, но Киндерман схватил его за руку.

— Потом позвонишь, а сейчас поставь кого угодно,— скомандовал он.

Аткинс окликнул полицейского, дежурившего у лифтов, и, когда тот подошел, Киндерман коротко бросил: — Пойдемте со мной,— а потом обратился к сержанту: —Аткинс, я тебя покидаю. Всего хорошего.

Киндерман с полицейским быстрыми шагами направились в психиатрическое отделение. Остановившись у входа, Киндерман отдал распоряжение:

— Ни один пациент не должен выходить отсюда. Пропускать только сотрудников. Понятно?

— Так точно, сэр.

— И пока не получите дальнейших инструкций, ни под каким видом не покидайте свой пост. Даже в туалет не отлучайтесь.

— Слушаюсь, сэр.

Киндерман оставил полицейского у входа, а сам пошел в отделение, в зал для отдыха. Там он остановился возле дежурного столика и принялся внимательно рассматривать лица больных. Чувство тревоги не оставляло его. И все же обстановка здесь была спокойной. В чем же дело? Внезапно он понял, отчего сегодня здесь гробовая тишина. Растерянно заморгав, Киндерман приблизился к группе больных, устроившихся у телевизора. Те внимательно всматривались в пустой экран. Телевизор был выключен.

Киндерман еще раз огляделся по сторонам и только сейчас заметил, что в холле не было ни санитаров, ни медсестры. Он прищурился, рассматривая застекленный кабинет. Но и там никого не оказалось. Пациенты вели себя на редкость спокойно. У Киндермана тревожно заколотилось сердце. Он обошел дежурный стол и открыл дверь в кабинет. Дыхание у него перехватило. Перед ним расprostертые на полу лежали медсестра и санитар. Из ран на головах сочилась кровь. Медсестра была совершенно голая. Одежды поблизости не оказалось.

«Детская игра! Винсент Корнер!»

Слова эти стремительно пронесли в голове следователя и заставили его похолодеть. Киндерман повернулся и выскочил из кабинета, но тут же, как пригвожденный, застыл на месте. Больные плотной стеной надвигались на него, и единственным звуком в этой жуткой тишине было злое шарканье их шлепанцев. Отовсюду доносились страшные голоса:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Рады видеть вас, дорогой.

Эти монотонные голоса сливались воедино, и тогда Киндерман громко и отчаянно крикнул, призывая на помощь.

Мальчику сделали укол, и он заснул. Жалюзи в палате опустили, и на стеклах замелькали блики, срывающиеся с телевизионного экрана, на котором резвились мультипликационные герои. Звук был выключен. Дверь бесшумно отворилась, и в палату зашла медсестра в белом халате. В руках она несла большой пакет. Девушка тихонько закрыла дверь и, поставив пакет на пол, вынула из него какой-то предмет. Она внимательно посмотрела на мальчика, а потом на цыпочках подошла к нему. Мальчик заворочался во сне. Он повернулся на спину и приоткрыл глаза. Медсестра склонилась над ним и медленно подняла руки.

— Посмотри-ка, что у меня для тебя есть,— нараспев произнесла она.

В это мгновение в палату ворвался Киндерман. Резко выкрикнув «Нет!», он стремительно набросился на медсестру, пытаясь задушить ее. Девушка начала кашлять и судорожно махать руками, мальчонка вскочил и заплакал от страха. Вслед за лейтенантом в палату вбежали Аткинс и дежурный полицейский.

— Вот она! — прохрипел Киндерман.— Свет! Дайте свет! Скорее!

— Мама! Мамочка!

Зажегся свет.

— Вы меня задушите! — пыталась выкрикнуть медсестра. Из ее рук выпал плюшевый медвежонок. Увидев игрушку, Киндерман застыл на месте, и постепенно руки его опустились. Медсестра вывернулась и начала растирать шею.

— Бог ты мой! — воскликнула она.— Что, черт возьми, на вас нашло? Вы что, с ума сошли?

— Я хочу к маме! — хныкал мальчик.

Медсестра нежно обняла его и прижала к себе.

— Вы мне чуть шею не сломали! — набросилась она на Киндермана.

Следовательно с трудом перевел дыхание.

— Простите,— хрипло вымолвил он,— простите меня, пожалуйста.— Он вытащил платок и приложил к щеке, где красовалась свежая царапина.— Приношу свои извинения.

Аткинс подошел к пакету и заглянул в него.

— Игрушки,— коротко доложил он.

— Какие игрушки? — заинтересовался мальчуган. Он сразу же успокоился и забыл про медсестру.

— Обыщи всю больницу! — приказал помощнику Киндерман. — Она кого-то выслеживает! Найди ее!

— Какие игрушки? — повторил мальчик.

Еще несколько полицейских вбежали в палату, но Аткинс остановил их и наскоро проинструктировал. Дежурный полицейский покинул палату и присоединился к ним. Медсестра подняла пакет с игрушками и протянула его мальчику.

— Я вам не верю, — заявила она Киндерману и одним движением вытряхнула содержимое пакета на кровать. — Вы и дома так же себя ведете? — строго спросила она.

— Дома? — Киндерман лихорадочно соображал, и вдруг на глаза ему попала табличка, приколотая к халату медсестры: **ДЖУЛИЯ ФАНТОЦЦИ**.

— «...ты любишь танцевать?»

— Джулия! Боже мой!

И он опрометью бросился вон из палаты.

Мэри Киндерман и ее мать готовили обед. Джулия пристроилась здесь же за столом и читала роман. Зазвонил телефон Джулия, хотя и находилась дальше всех, подошла к телефону и сняла трубку.

— Алло?.. А пап, привет... Конечно. А вот и мама. — Она протянула трубку матери. Мэри взяла ее, а Джулия вернулась к столу и снова погрузилась в чтение.

— Привет, дорогой. Ты обедать придешь? — Мэри молчала несколько секунд. — Правда? — спросила она. — А почему так? — Опять молчание. Наконец, она произнесла: — Конечно, любимый, как скажешь. Ну так как обедать придешь? — Она вновь выслушала что-то. — Хорошо, дорогой. Обед будет горячий. Только поторопись. Мы без тебя скучаем. — Мэри положила трубку и опять принялась хлопотать по хозяйству. Она выпекала сейчас хлеб по новому рецепту.

— Что там? — любопытствовала ее мать.

— Да так, — отозвалась Мэри. — Медсестра заглянет к нам и передаст какой-то пакет.

Снова зазвонил телефон.

— Ну вот, теперь он передумал,— недовольно проворчала мать Мэри.

Джулия вскочила из-за стола, но мать остановила ее.

— Не снимай трубку,— предупредила она.— Отец просил пока что не занимать телефон. Если это он сам, то даст сначала предупредительный звонок — два гудка.

Киндерман стоял у дежурного поста невропатологического отделения, судорожно вцепившись в трубку. С каждым гудком тревога его возрастала. «Ответьте! Ну хоть кто-нибудь, ответьте!» — как замороженный, повторял он про себя. Выждав еще минуту, следовательно швырнул трубку на рычаг и бросился к лестнице. Он больше не мог терять ни секунды и ринулся вниз по ступенькам, не дожидаясь лифта

Задыхаясь, Киндерман добрался, наконец, до вестибюля и, ничего не видя перед собой, рванулся на улицу. Заметив первую же полицейскую машину, он сел в нее и с треском захлопнул дверцу. За рулем сидел полицейский в каске.

— Фоксхол-роуд, двести семь-восемнадцать, и побыстрее! — выдохнул Киндерман.— Включите сирену! Жмите на полную! И быстрее Как можно быстрее!

Взвизгнули шины, и автомобиль сорвался с места, вспоров тишину оглушительным воем сирены. Они промчались по Резервуар-роуд к Фоксхол-роуд, туда, где находился дом Киндермана. Следовательно закрыл глаза и не переставая молился всю дорогу. Когда машина резко затормозила, он открыл глаза и увидел, что они стоят у подъезда.

— Обойдите дом и встаньте у черного хода,— приказал он полицейскому, который тут же выскочил из машины и бросился за дом, на ходу выдергивая из кобуры короткоствольный револьвер. Киндерман с трудом выбрался из машины и, достав ключи и пистолет, двинулся к парадной двери. Дрожащей рукой он хотел было вставить ключ в скважину, но тут дверь внезапно распахнулась.

Джулия в недоумении уставилась на пистолет, а затем, обернувшись назад, крикнула:

— Мам, это папа пришел!

Через секунду в дверях показалась Мэри. Она бросила недовольный взгляд на пистолет, а потом и на мужа:

— Карп уже видит седьмой сон. Что это ты еще задумал, ради всего святого? — воскликнула Мэри.

Киндерман опустил пистолет и, шагнув вперед, обнял Джулию.

— Слава Богу! — прошептал он.

Подошла мать Мэри.

— Там у черного хода торчит какой-то штурмовик, — пожаловалась она. — Ну вот, начинается. Что ему сказать?

— Билл, я требую объяснений, — настаивала Мэри.

Следователь чмокнул дочь в щеку и спрятал пистолет в карман.

— Я просто сошел с ума. Вот вам и все объяснения.

— Ну, тогда мы все меняем фамилию на «Феррэ», — недовольно пробурчала мать Мэри и отправилась в дом. Зазвонил телефон, и Джулия побежала в гостиную снимать трубку.

Киндерман двинулся к черному ходу, как бы между прочим обронив:

— Я сам разберусь с полицейским.

— Что значит «разберусь»? — удивилась Мэри, сменя на кухню вслед за Киндерманом. — Билл, что происходит? Может быть, ты все-таки расскажешь мне?

Киндерман остановился, не дойдя до двери. В коридоре возле кухни он увидел большой сверток, который кто-то прислонил к стене. Следователь бросился к нему, и тут из кухни раздался незнакомый женский голос:

— Здравствуйте.

Киндерман машинально выхватил пистолет и, ворвавшись в кухню, направил его на сидевшую за столом пожилую женщину, облаченную в халат медицинской сестры. Женщина уставилась на следователя пустыми глазами.

— Билл! — взвизгнула Мэри.

— Милый мой, я так устала, — произнесла женщина.

Мэри изо всех сил вцепилась в руку Билла и опустила ее вниз.

— В своем доме я ничего не хочу знать ни о каких пистолетах, понятно?

В этот миг на кухню с черного хода вбежал полицейский, держа наготове свой револьвер.

— Опустите пистолет! — закричала Мэри.

— Опустите его! — донесся из гостиной сердитый голос Джулии. — Я же разговариваю по телефону.

— Нееврей! — пробормотала мать Мэри, продолжая размешивать на плите соус.

Полицейский ждал дальнейших указаний и то и дело бросал на лейтенанта многозначительные взгляды.

Следователь не сводил глаз с женщины. Та же виновато и смущенно разглядывала всех присутствующих.

— Опустите, Фрэнк, — приказал, наконец, Киндерман. — Все в порядке. Возвращайтесь назад в больницу.

— Слушаюсь, сэр. — Полицейский спрятал пистолет в кобуру и удалился.

— Так сколько же нас будет за столом? — подала голос мать Мэри. — Мне необходимо знать это.

— Как все это понимать? — строго спросила Мэри, указывая на старушку. — Что это за сестричку ты мне прислал? Я открываю дверь, а она тут же теряет сознание. Вернее, сначала она запрокидывает голову, бормочет всякую ерунду, а потом валится без чувств. Боже мой, да в таком возрасте противопоказано работать медсестрой. Она ведь...

Киндерман жестом остановил ее и подошел к старушке. Та окинула его невинным взглядом, а потом спросила:

— Уже пора спать?

Следователь тяжело опустился на стул, снял шляпу и, положив ее рядом, повернулся к пожилой женщине.

— Да, скоро пора спать, — тихо подтвердил он.

— Я так устала.

Киндерман еще раз взглянул в эти добрые милые глаза. Мэри в смятении застыла рядом.

— Ты говоришь, она успела тебе что-то сказать? — переспросил Киндерман.

— Что? — нахмурилась Мэри.

— Ты говорила, будто она что-то бормотала. А что именно?

— Не помню. Но объясни же, наконец, в чем дело.

— Пожалуйста, постарайся вспомнить, что она говорила.

— «Конец»,— проворчала мать Мэри, не отходя от плиты.

— Да-да, именно,— подхватила Мэри.— Теперь я вспомнила. Она закричала «Ему конец», а потом упала.

— «Ему конец» или просто «конец»? — не отступал Киндерман.— Что именно?

— «Ему конец»,— уверенно заявила Мэри.— Боже мой, у нее был такой странный голос, как у оборотня. Что случилось с этой женщиной? Кто она такая?

Но Киндерман уже не слушал ее.

— «Ему конец»,— тихо повторил он.

В кухню заглянула Джулия.

— Что у вас тут происходит? — поинтересовалась она.— В чем дело?

Снова зазвонил телефон, и Мэри тут же схватила трубку.

— Алло?

— Меня? — спросила Джулия.

Мэри протянула трубку Киндерману.

— Это тебя,— объявила она.— Я думаю, надо налить бедняге тарелку супа.

Следователь взял трубку и громко произнес:

— Киндерман слушает.

Звонил Аткинс.

— Лейтенант, он требует вас,— сообщил сержант.

— Кто?

— Подсолнух. Орет как резаный. И без конца повторяет только ваше имя.

— Хорошо, сейчас приеду,— коротко бросил Киндерман и повесил трубку.

— Билл, а это что такое? — услышал он за спиной голос Мэри.— Я нашла эту штуковину у нее в пакете. Именно это ты и хотел мне передать?

Киндерман обернулся, и сердце его чуть не выпрыгнуло из груди. Мэри держала в руках огромные хирургические ножницы.

— Разве нам это нужно? — удивилась Мэри.

— Конечно, нет.

Киндерман вызвал полицейскую машину и вместе со старушкой отправился в больницу, где несчастную сразу же опознали. Она оказалась пациенткой психиатриче-

ского отделения, и ее тут же перевели в палату для буйных, чтобы понаблюдать и обследовать больную. Киндерману доложили, что медсестра и санитар не получили серьезных повреждений и смогут выйти на работу уже на следующей неделе. Удовлетворенный таким ходом событий, Киндерман направился в отделение для буйных, где в коридоре его уже поджидал Аткинс. Сложив руки и прислонившись к стене, сержант стоял у открытой двери в палату номер двенадцать. На Аткинсе лица не было. Подойдя к сержанту, Киндерман с тревогой оглядел молодого человека.

— Что с вами стряслось? — забеспокоилсяследователь. — Что-то случилось?

Аткинс покачал головой.

— Просто он утверждал, будто вы уже приехали, — безучастным тоном произнес помощник.

— Когда?

— Минуту назад.

Из палаты вышла медсестра Спенсер.

— Вы пойдете к нему? — спросила она следователя.

Киндерман кивнул и сразу же исчез за дверью, плотно прикрыв ее за собой. Опустившись на стул, он увидел, что Подсолнух не сводит с него пылающего взгляда. «Что же изменилось в нем?» — удивился следователь.

— Мне позарез надо было увидеть вас, — произнес Подсолнух. — Вы мне приносите удачу. Я вам многим обязан, лейтенант. И так как это уже произошло, я хочу, чтобы вся эта история закончилась.

— Что же произошло? — заинтересовался Киндерман.

— Джулия легко отделалась, вы не находите?

Киндерман молчал, прислушиваясь к знакомому стуку падающих капель.

Подсолнух закинул назад голову и рассмеялся, а потом снова уставился на Киндермана горящими глазами.

— А вы сами не догадались, лейтенант? Конечно, догадались. В конце концов вы поняли, как действуют мои драгоценные заместители, мои чудесные, славные, дряхленькие рыдванчики. Между прочим, они — рачительные хозяева. Самих-то их здесь, конечно, нет. Их личности разрушены, и поэтому я могу спокойно забираться в их тела. Но, разумеется, только на определенное время. Не надолго.

Киндерман молча смотрел на Подсолнуха и не шевелился.

— Ах, ну да. Насчет вот этого тела. Это ведь ваш дружок, лейтенант? — Подсолнух громко расхохотался и постепенно безумный смех перешел в ослиный крик. Киндермана охватил ужас, он почувствовал, как волосы у него на голове встают дыбом. Подсолнух внезапно замолчал и уставился на лейтенанта пустыми глазами. — Ну вот. Я оказался тогда абсолютно мертвым, и мне это ужасно не понравилось. А вам бы понравилось? Меня это чрезвычайно расстроило. Понимаете — я как будто плыл по течению. Тела никакого, а ведь я не успел проверить самое главное дельце. Это нечестно. И вот на моем пути появился... ну, назовем его «приятель». Вы понимаете. Один из НИХ. Он считал, что я должен продолжить свою работу. Но только в этом вот теле. Именно в этом.

Следователь слушал его, как загипнотизированный, а потом произнес:

— Но почему?

Подсолнух пожал плечами:

— Наверное, вы здорово его разозлили. Он решил отомстить. Вернее, пошутить. Ваш друг Каррас участвовал в изгнании бесов, и ему удалось выдворить из тела ребенка, так сказать, кое-какие составные части. Так вот, другие, некоторым образом... части... были, мягко говоря, этим не очень довольны. Даже наоборот. — На секунду взгляд Подсолнуха остекленел, будто он вспомнил что-то страшное. Подсолнух передернулся, но быстро справился с собой. — И тогда он подумал, что благодаря своей выходке сможет вернуться назад. Надо было использовать это набожное героическое тело в качестве инструмента, чтобы... — Подсолнух неопределенно пожал плечами. — Ну, вы сами понимаете. Чтобы закончить мое дельце. Этот мой приятель прекрасно осознавал, что все это мне очень важно, он-то и привел меня к нашему общему знакомому отцу Каррасу. Может быть, это оказалось не совсем кстати. Ведь голубчик Каррас в это время как раз загибался. Как вы говорите, «умирал». Так вот, в тот самый миг, когда он выскальзывал из своего тела, мой приятель и подсобил мне нырнуть в этот героический сосуд. Мы пронесли мимо друг друга как два корабля в ночи, вот и все. Да, конечно, произошла ма-

ленькая неприятность, когда врач скорой помощи еще тогда, около лестницы, объявил Карраса мертвым. Разумеется, на самом деле он действительно умер. В известном смысле этого слова. А вы как думаете! Там ведь не мозги оставались, а сплошное желе. И кислорода не хватало. Просто несчастье какое-то. До чего же трудно быть мертвым. Но неважно. Я-то выжил. Пришлось приложить максимум усилий, чтобы выбраться из гроба. Но зато я от души повеселился, наблюдая, какой эффект произвело мое появление из гроба на брата Фэйна. Это даже немного прибавило мне сил. Да, шуточки частенько помогают нам удержаться на плаву. Особенно, когда все происходит неожиданно. И кроме того, пришлось уйти в подполье. Ни много ни мало — на двенадцать лет. Слишком серьезными оказались повреждения мозговых клеток. Многие вообще погибли. Но мозг обладает удивительной силой, лейтенант. Можете спросить об этом у своего дружка, доктора Амфортаса. Хотя, постойте. Теперь, видимо, мне самому придется поинтересоваться у него.

Подсолнух на какое-то время умолк, а потом продолжал:

— Что-то галерка не аплодирует. Вы что, не верите мне, лейтенант?

— Нет.

Ехидная ухмылка сползла с лица Подсолнуха, и он посерьезнел. Киндерман вдруг увидел перед собой беспомощного, затравленного старика.

— Не верите? — Голос его дрожал.

— Нет.

Старик поднял на следователя умоляющий взгляд.

— Томми говорил, что не простит меня до тех пор, пока я не расскажу вам всю правду.

— Какую правду?

Подсолнух отвернулся и мрачно произнес:

— Они меня за это накажут. — И снова в глазах его замелькал неподдельный ужас.

— Какую правду? — повторил вопрос следователь.

Подсолнух задрожал, на лице его застыла мольба.

— Я не Каррас, — хрипло прошептал он. — Томми хочет, чтобы вы знали это. Я НЕ КАРРАС! Пожалуйста, поверьте мне. Если вы не поверите, Томми говорит, что он не уйдет. Он останется здесь. А я не могу оста-

вить брата одного. Прошу вас, помогите мне. Я НЕ МОГУ УЙТИ БЕЗ БРАТА!

Киндерман удивленно поднял брови и наклонил голову:

— Куда уйти?

— Я устал. Я хочу и дальше существовать. Необходимость оставаться здесь уже отпала. Я хочу идти дальше. Ваш друг Каррас не имеет никакого отношения к этим убийствам.—Подсолнух подался вперед. Киндерман внезапно отпрянул. Никогда раньше не наблюдал он в этих глазах такого отчаяния и страха.— Скажите Томми, что вы верите в это! **СКАЖИТЕ ЖЕ!**

Киндерман затаил дыхание. Он ощущал, сейчас должно произойти что-то очень важное. Но что? И откуда взялось это смутное предчувствие? Может быть, он поверил, наконец, словам Подсолнуха? Впрочем, сейчас это неважно, решил следователь. Только одно имело значение в этот момент.

— Я вам верю,— твердо и громко произнес он.

Подсолнух откинулся назад, сильно ударившись об стенку, глаза его закатились, а из горла донесся все тот же заикающийся странный голос:

— Я л-л-люблю т-тебя, Д-д-джимми!

Голова Подсолнуха бессильно упала на грудь, он закрыл глаза.

Киндерман вскочил со стула. Встревоженный, он бросился к Подсолнуху и склонился над ним. Но Подсолнух не издал больше ни звука. Лейтенант нажал кнопку вызова и торопливо вышел в коридор.

— Опять начинается,— на ходу бросил он Аткинсу.

Не теряя времени, Киндерман ринулся к дежурному телефону и позвонил домой. Трубку подняла жена.

— Дорогая, никуда не выходи из дома,— предупредил Киндерман.— И никого не пускай! Закрой двери, окна и никому не открывай, пока я не приеду!

Мэри пыталась было что-то возразить, но он перебил ее, повторил указания и, не дожидаясь ответа, повесил трубку. Потом вернулся к Аткинсу.

— Немедленно пошли людей к моему дому,— приказал Киндерман.

В этот момент из палаты вышла медсестра Спенсер и объявила:

— Он умер.

Киндерман уставился на нее непонимающим взглядом.

— Что?

— Он умер,— повторила медсестра.— У него только что остановилось сердце.

Киндерман заглянул в палату. Подсолнух навзничь лежал на своей кровати.

— Аткинс, подожди здесь,— пробормотал следовательно.— Никуда пока не звони. Подожди немного.

Киндерман медленно вошел в палату. Он слышал, как вслед за ним поспешила и медсестра Спенсер. Девушка остановилась, а лейтенант подошел к самой кровати и посмотрел на Подсолнуха. Смирительная рубашка и ремни с ног были сняты. Подсолнух был мертв, и смерть смягчила суровые черты его лица; теперь он казался спокойным и безмятежным, будто обрел, наконец, долгожданный покой. Киндерман вдруг вспомнил, что однажды уже наблюдал подобное выражение лица. Он попытался сообразить, когда же именно, а потом заговорил, не поворачивая головы:

— Он раньше просил о встрече со мной?

— Да,— кивнула медсестра Спенсер.

— И больше ничего?

— Я вас не совсем поняла,— отозвалась медсестра и подошла к следователю.

Киндерман повернулся к ней.

— Он больше ничего не говорил?

Девушка сложила руки и неуверенно произнесла:

— Ну, не совсем.

— Что значит «не совсем»? Выражайтесь яснее.

В полумраке глаза ее казались совсем черными.

— Я слышала какой-то странный заикающийся голос. Ну, это иногда с ним случалось. Он начинал заикаться.

— Это были членораздельные звуки? Слова?

— Точно не знаю.— Медсестра пожала плечами.— Я не уверена. Это произошло как раз перед тем, как он начал требовать вас. Я подумала, что он еще не пришел в себя и подошла, чтобы пощупать пульс. И вот тогда я услышала этот заикающийся голос. Он произнес что-то похожее на... ну, я точно не могу поручиться... что-то вроде слова «отец».

— «Отец»?

Девушка снова пожала плечами.

— По крайней мере мне так показалось.

— И он в это время находился без сознания?

— Да. А потом он вроде бы пришел в себя и... Ну да, конечно, теперь я вспомнила. Он прокричал: «Ему конец».

Заморгав, Киндерман близоруко прищурился.

— «Ему конец»?

— Да, а потом начал выкрикивать ваше имя.

Киндерман молча смотрел на девушку, а затем повернулся к телу.

— «Ему конец», — пробормотал он.

— И вот что удивительно, — спохватилась медсестра Спенсер. — В последние минуты мне показалось, что он обрел покой. Он неожиданно открыл глаза, и на меня взглянул как будто другой человек — такой счастливый, как ребенок. — В голосе девушки послышалась печаль. — И мне его стало по-настоящему жалко. Да, он страшный человек, неважно, болен он или нет, но в эти минуты в нем появилось нечто такое, отчего мне потом стало его жаль.

— Он — часть ангела, — тихо произнес Киндерман. Он не мог отвести от Подсолнуха взгляд.

— Простите, я не разобрала.

Киндерман слушал, как продолжают мерно падать капли, ударяясь о раковину.

— Вы можете идти, мисс Спенсер, — произнес следователь. — Спасибо.

Девушка вышла, и, когда ее шаги в коридоре стихли, он с нежностью дотронулся до лица Подсолнуха. Следователь немного задержал руку на его щеке, а потом, повернувшись, покинул палату. Что-то изменилось вокруг. Но что?

— Что тебя так беспокоит, Аткинс? — спросил он. — Выкладывай.

Сержант не знал, куда глаза девать.

— Как вам сказать... — неуверенно начал он и пожал плечами. — У меня есть для вас сообщение, лейтенант. Отец «Близнеца»... Короче, мы нашли его.

— Нашли?

Аткинс кивнул.

— И где же он? — осведомился Киндерман.

Сейчас, — или это только показалось Киндерману, —

глаза Аткинса словно зажали своей собственной жизнью, растекаясь ярко-зелеными пятнами вокруг темных зрачков.

— Он мертв,— констатировал сержант.— Он скончался от удара.

— Когда?

— Сегодня утром.

Киндерман молчал.

— Что за чертовщина творится здесь, лейтенант? — воскликнул Аткинс.

Только теперь Киндерман осознал, что же вокруг изменилось. Он посмотрел на потолок. Все лампочки ярко горели.

— Думаю, что кошмар закончился,— тихо пробормотав, кивнул лейтенант: — Да. Я так думаю.— Он взглянул на Аткинса и уже более решительно добавил: — Все кончено.— Киндерман еще немного помолчал.— Я поверил ему.

А в следующее мгновение ужас и горечь потери, облегчение и новая боль опять заполнили его душу. Киндерман сморщился от этой боли. Прислонившись к стене, беспомощный и одинокий, он заплакал. Аткинс никак не ожидал этого, он растерялся, не зная, что делать, а потом шагнул вперед и обнял следователя.

— Все в порядке, сэр,— снова и снова повторял он, но лейтенант никак не мог успокоиться. Аткинс уже отчаялся, когда рыдания наконец стихли. Аткинс продолжал удерживать следователя в своих объятиях.

— Я просто устал,— прошептал Киндерман.— Прости меня. Больше ничего. Абсолютно ничего. Я просто устал.

Аткинс проводил его домой.

Воскресенье, 20 марта

Глава шестнадцатая

Какой же из этих миров настоящий? — размышлял Киндерман. Тот, что находится за пределами человеческого понимания, или же наш, в котором мы живем? Эти миры пересекаются порой. Безмолвные солнца обоих миров иногда сталкиваются.

— Для вас это, наверное, явилось настоящим ударом, — пробормотал Райли.

Священник и следователь одиноко застыли у гроба на кладбище. В этом гробу покоилось тело того, кто мог быть Каррасом. Молитвы были прочитаны, и мужчины стояли теперь молча, погруженные в свои думы и печали. Поднималось солнце, кругом царила тишина.

Киндерман посмотрел на Райли. Священник находился совсем близко.

— Почему?

— Вы потеряли его дважды.

Киндерман помолчал и перевел взгляд на гроб.

— Это был не он, — тихо возразил лейтенант, покачивая головой. — Это был совсем не он.

Райли покосился на Киндермана и предложил:

— Давайте выпьем!

— Хуже не будет.

ЭПИЛОГ

Киндерман застыл на тротуаре перед входом в кинотеатр «Биограф» и поджидал сержанта Аткинса. Он вспотел и, засунув руки в карманы плаща, то и дело бросал нетерпеливые взгляды на М-стрит. Стоял воскресный полдень, двенадцатого июня.

Двадцать третьего марта было точно установлено, что отпечатки пальцев на местах преступлений соответ-

ствовали отпечаткам разных больных из психиатрического отделения. Всех этих пациентов перевели в палаты для буйных, чтобы тщательно обследовать.

Рано утром двадцать пятого марта Киндерман отправился в дом Амфортаса вместе с доктором Эдвардом Коффи, другом Амфортаса. Коффи также работал невропатологом. К нему поступили результаты томографии, которую заказывал Амфортас. Эти результаты отчетливо указывали на то, что в мозгу доктора произошли роковые изменения.

Коффи настоял на том, чтобы снять замок с входной двери. И тут они обнаружили мертвое тело Амфортаса. Позднее специалисты установили, что смерть наступила в результате несчастного случая. Доктор скончался от кровоизлияния в мозг, вызванного сильным ушибом головы во время падения, но Коффи заверил Киндермана, что в любом случае жить Амфортасу оставалось не более двух недель: у него обнаружили неизлечимую опухоль. Киндерман поинтересовался, почему Амфортас ничего не предпринимал, чтобы попытаться вылечиться, на что Коффи ответил: «Я считаю, что это связано с его любовью». В спальном шкафу Амфортаса обнаружили и черный свитер с капюшоном.

Третьего апреля еще один подозреваемый — Фримэн Темпл — перенес удар и сам попал в психиатрическое отделение.

В течение последующих трех недель в больнице продолжали дежурить полицейские, но потом мало-помалу напряжение сошло на нет. В Джорджтауне больше не происходило подобных преступлений, и одиннадцатого июня дело передали в архив, хотя эти убийства так и не были раскрыты.

— Мне, наверное, все это снится, — проворчал Киндерман. — Что это с тобой? — Аткинс предстал перед ним в полосатом костюме и при галстукке. — Это что, твоя очередная шуточка?

Аткинс окинул его загадочным взглядом.

— Ну, я теперь человек женатый, — сообщил сержант. Он только-только вернулся из свадебного путешествия.

Киндерман никак не мог прийти в себя.

— Я этого не вынесу, Аткинс, — признался он.

Это так странно. И неестественно. Сжался надо мной. Сними галстук.

— Меня могут увидеть,— хладнокровно произнес Аткинс, глядя преданными глазами на лейтенанта. Киндерман скорчил гримасу.

— Тебя могут увидеть? — передразнил он. — Кто?

— Люди.

Киндерман окинул помощника недоуменным взглядом, а затем воскликнул:

— Все, Аткинс. Сдаюсь. Добровольно. Я твой пленник. Передай моей семье, что здесь со мной прекрасно обращаются. Как только у меня перестанут трястись руки, я им сразу же черкну пару строчек. Это случится примерно месяца через два. — Следовательно немного помолчал. — А кто это тебе подбирал галстук? — вдруг спросил он. Галстук являл собой какие-то необычайно яркие гавайские пейзажи.

— Я сам, — смутился Аткинс.

— Так я и думал.

— Ну, я ведь тоже могу придраться к вашей шляпе, — обиделся Аткинс.

— Лучше не надо. — Киндерман вплотную приблизился к помощнику. — Был у меня в школе один приятель, позже он подался в монахи, стал траппистом¹. Одиннадцать лет тому назад. Он стряпал домашний сыр, собирал виноград, но главным его занятием оставались молитвы. Он молился за людей, которые носят галстуки и костюмы. А потом он вдруг ушел из монастыря. И знаешь, что он тут же прикупил? Самое первое? Пару ботинок за двести долларов. Мягкие кожаные мокасины с кисточками, такие чудненькие, прямо с витрины. Что, тебя уже тошнит? погоди, это еще не все. Они были свекольного цвета, Аткинс. Лилово-бордовые. Это тебе о чем-нибудь говорит, или я, как всегда, обращаюсь к дереву?

— Говорит, — солгал Аткинс. По его тону можно было понять, что красноречие Киндермана на него не действовало.

— Лучше возвращайся на флот.

¹ Трапписты — монашеская община ордена цистерцианцев, известная крайним аскетизмом и обетом молчания.

— Мы прозеваем начало фильма.

— Ну да, нас могут увидеть,— мрачно добавил Киндерман.

Они вошли в зал и уселись на свои места. Сначала пошел фильм «Гунга Дин», а после него — «Третий человек». В конце первой ленты была трогательная сцена — Дин стоял на вершине храма и из последних сил дул в рожок, после того как его настигли три пули бандитов. И как раз в этот момент женщина, сидевшая сзади Киндермана, начала смеяться. Лейтенант обернулся и осуждающе посмотрел на нее. Но этот взгляд не возымел успеха. Тогда лейтенант решил предложить Аткинсу пересесть. Он уже открыл было рот, но тут заметил, что сержант плачет. Киндерман так и остался на своем месте, довольный сержантом, и даже сам всплакнул за компанию, когда на тризне по случаю погребения Дина зазвучала мелодия песни «Забыть ли старую любовь».

— Вот это картина,— выдохнул следовательно.— Я обожаю ее.

Когда закончился последний фильм, мужчины вышли на охваченную зноем улицу и остановились недалеко от кинотеатра.

— Ну, а теперь самое время перекусить,— нетерпеливо заметил Киндерман. У обоих этот день оказался выходным.— Я сгораю от любопытства, Аткинс. Жажду услышать рассказы о медовом месяце и подробное описание вашего гардероба. Мне, видимо, придется к нему какое-то время привыкать. Ну, куда двинем? В «Могилку»? Хотя нет, погоди. Я кое-что придумал.— Он вспомнил о Дайере и, взяв сержанта под руку, повел вперед.— Пойдем-ка. Я знаю чудное местечко.

Через несколько минут они уже сидели в «Белой башне». Вдыхая аромат свежих гамбургеров, они обсуждали только что просмотренные фильмы. Кроме них в кафе никого не было. Бармен стоял у гриля спиной к ним. Крепкий и высокий, он казался несколько грубоватым. Его белый фартук и шапочка были забрызганы жиром.

— Видишь ли, мы привыкли говорить о зле, и о том, откуда оно берется,— рассуждал Киндерман.— А как объяснить добро, если мы просто являем собой набор молекул, как привыкли считать? Так откуда же берутся

такие люди, как Гунга Дин, способные жертвовать жизнью во имя других? И кроме того, ведь всегда находится и Гарри Лайм,— возбужденно продолжал он.— Гарри Лайм, полная противоположность Дина, это олицетворение зла. Помнишь, что он говорит в той сцене на чертовом колесе? — Киндерман переключился на фильм «Третий человек». — Там, где он рассуждает о швейцарцах. После того как они несколько веков прожили в мире, самое большое их достижение — заявляет он — часы с кукушкой. И это на самом деле так, Аткинс. Да. Возможно, миру нужна иногда серьезная встряска для того, чтобы не окоchureлся прогресс. Кстати, сейчас я расследую убийство и кражу со взломом на П-стрит. Преступление совершено на прошлой неделе. И завтра ты ко мне подключаешься.

Бармен бросил на них недовольный взгляд, а потом, отойдя в сторону, ровными рядами начал раскладывать ломтики мяса на квадратные булочки. Киндерман следил за тем, как он аккуратно кладет кусочек маринованного огурца на будущий гамбургер. Ему вдруг стало грустно.

— Послушайте, а, может быть, лучше класть побольше огурчиков? — обратился он к бармену.

— Нет, так можно их испортить,— буркнул бармен. Голос его походил на окрики командира, муштрующего солдат,— низкий и грубый. Бармен начал накрывать бутерброды булочками.— Если вам нужны всякие соусы да разносолы, идите в «Бью Риваж».

Киндерман опустил глаза.

— Я бы заплатил за лишний огурчик.

Бармен с каменным лицом поставил перед каждым из них по картонной тарелочке с шестью гамбургерами.

— Что будете пить? — грубо спросил он.

— Что-нибудь наркотическое,— улыбнулся Киндерман.

— Уже все вылакали, приятель,— безразличным голосом произнес бармен.— Только не надо мне тут мозги пудрить. У меня и так спина разламывается. Так что пить-то будем?

— Эспresso,— с серьезным видом заказал Аткинс. Бармен перевел на него взгляд.

— Вы что-то сказали, профессор?

— Две пепси,— быстро вставил Киндерман и многозначительно посмотрел на помощника.

Бармен выдохнул с такой силой, что из ноздрей его вылетел волосок. Яростно сверкнув глазами, он отправился за бутылками.

— Все хитрожопые так и прут сюда со всего проспекта,— недовольно проворчал он, удаляясь.

В кафе ввалилась многочисленная группа студентов, и вскоре маленький зал наполнился смехом и веселым щебетанием молодых людей. Киндерман расплатился с барменом и со словами: «Засиделись мы здесь»,— поднялся из-за стола и направился к выходу. Аткинс послушно двинулся следом. Они перенесли гамбургеры на стойку у противоположной стены. Киндерман откусил кусочек.

— А Гарри Лайм в чем-то прав. Вот видишь, немного волнений и тревог — зато какой шедевр получился в образе гамбургера.

Аткинс кивнул в знак согласия — он с удовольствием жевал.

— Это все часть моей теории,— сообщил Киндерман

— Лейтенант...— Аткинс поднял вверх указательный палец и, прожевав большой кусок, проглотил его. Он вынул из пластмассового стаканчика белую бумажную салфетку, вытер уголки рта и пододвинулся поближе к Киндерману. В зале становилось слишком шумно.— Вы не могли бы сделать мне одолжение, лейтенант?

— Я здесь для того, чтобы исполнять все, что ты прикажешь. Я ем и поэтому еще более великодушен. Ну, подавай же свою петицию. Все печати на месте?

— Пожалуйста, расскажите о вашей теории.

— Невозможно, Аткинс. Ты же меня сразу посадишь под домашний арест.

— Почему?

— Нет, это исключено.— Киндерман откусил гамбургер, запил его пепси, а потом вновь повернулся к сержанту.

— Ну, если ты настаиваешь. А ты правда настаиваешь?

— Да.

— Я так и понял, но сначаланими галстук.

Аткинс улыбнулся. Он развязал галстук и снял его.

— Вот это хорошо,— одобрительно произнес Киндерман.— Я не могу излагать свою теорию какому-то незнакомому человеку. Она слишком умопомрачительная. И сложная. Ты читал «Братьев Карамазовых»? — спросил он.

— Нет,— опять солгал Аткинс. Он хотел, чтобы следователь был сегодня доволен буквально всем.

— Три брата,— начал Киндерман,— Дмитрий, Иван и Алеша. Дмитрий представляет собой как бы тело человека, Иван — его ум, а Алеша — сердце. В конце — в самом конце книги — Алеша приводит маленьких мальчиков на могилу их школьного товарища Илюши. Они плохо обращались с этим Илюшей, потому что... ну, он отличался странностями. А когда он умер, мальчики поняли, почему он так себя вел, и что на самом деле Илюша был храбрым и добрым мальчиком. И вот Алеша,— он, кстати, монах,— разговорился с мальчиками у могилы. И сказал он мальчикам о том, что когда они вырастут и встретятся с настоящим злом, пусть вспомнят этот день, вспомнят те чувства, испытанные у могилы Илюшечки, Аткинс. Пусть всю жизнь помнят добро, которое и есть основа человека. И это добро ничем не вытравить из его души. Воспоминание о добре, живущем в сердцах этих мальчиков, говорит он, может спасти их веру в добро общечеловеческое. Улавливаешь? Как там... — Он закатил глаза к потолку, и указательным пальцем дотронулся до губ, которые уже начали растягиваться в улыбку. Киндерман посмотрел на Аткинса.— Вот! Вспомнил: «Может быть, именно это воспоминание одно его от великого зла удержит, и он одумается и скажет: «Да, я был тогда добр, смел и честен». А потом Алеша произносит очень-очень важные слова: «Будем, во-первых и прежде всего, добры»,— говорит он. И мальчики — а все они любят его — они все кричат: «Ура Карамазову!» — Киндерман почувствовал, как в горле поднимается комок.— Когда я вспоминаю это, я всегда плачу. Это так прекрасно, Аткинс. И так трогательно.

Студенты прихватили с собой гамбургеры, и Киндерман проводил взглядом веселую стайку молодых людей.

— Может быть, именно это и имел в виду Христос, — размышлял он, — прежде чем войти в царствие небесное, мы должны стать маленькими детьми. Не знаю. Но похоже на правду. — Лейтенант наблюдал за барменом. Тот слепил еще несколько булочек, поджигая, возможно, очередной наплыв посетителей, а потом, плюхнувшись на стул, принялся читать газету. Киндерман повернулся к Аткинсу. — Не знаю, как это выразить. Я имею в виду самую невероятную часть теории. Но иначе ничего объяснить нельзя, все остальное — бессмыслица, Аткинс. Иначе никак. Я в этом уверен. Но вернемся к Карамазовым. Так вот самое главное — это когда Алешка говорит: «Будем добры». И пока это не произойдет, никакая эволюция нам не поможет. Мы туда не попадем, — сказал Киндерман.

— Не попадем куда? — удивился Аткинс.

В «Белой Башне» снова воцарилась тишина. В гриле капал расплавленный жир, да время от времени шелестели переворачиваемые страницы газеты.

— Многие физики уверены, — продолжал Киндерман, — что все известные процессы, которые происходят сейчас в природе, являлись когда-то частью единой силы. — Киндерман помолчал и заговорил уже более спокойно. — Я верю, что силой этой была некая личность, которая много веков тому назад взорвала себя на кусочки, ибо стремилась сформировать свое собственное бытие. И это явилось Падением, — проговорил он. — Это легло в основу времени и дало начало существованию материальной Вселенной, когда один превратился во множество — в легион. Вот потому-то Бог и не может вмешиваться: эволюция — процесс, в результате которого эта личность снова должна воссоединиться.

Сержант сморщил лоб, сиюсь понять Киндермана.

— Так кто же она такая — эта личность?

— А ты не можешь сам догадаться? — в глазах Киндермана плясали веселые искорки. — Я уж столько наподсказывал тебе.

Аткинс покачал головой и замер в ожидании ответа.

— Мы — это Падший Ангел, — сдался наконец Киндерман. — Мы — Несущий Свет. Мы — Люцифер.

Киндерман и Аткинс уставились друг на друга. Колокольчик над входом звякнул, и они одновременно взглянули на дверь. Порог кафе робко переступил ни-

щий. Его выдавшая виды одежда была вся в грязи и клочьями свисала с тщедушного тела. Бродяга смущенно приблизился к бармену и умоляюще посмотрел на него. Бармен поверх газеты метнул на него злобный взгляд, слепил несколько гамбургеров и, сунув их в пакет, протянул бездомному. Тот тут же покинул кафе, шаркая истертыми подошвами.

— Ура Карамазову! — пробормотал Киндерман.

РОБЕРТ БЛОХ

Психопат

Он услышал шум, и страх, словно разряд тока, пронесся по телу.

Глухой звук, как будто кто-то стучал по стеклу окна. Норман Бейтс судорожно поднял голову, привстал, и книга выскользнула из рук, ударившись о тучные ляжки. Затем он осознал, что это просто вечерний дождь. Просто дождевые капли, стучащие по окну гостиной.

Норман не заметил, как начался дождь, когда наступили сумерки. Однако в комнате стало довольно темно, и он потянулся к лампе, прежде чем продолжить чтение.

Это была старая настольная лампа, принадлежащая к распространенному когда-то типу, с разрисованным стеклянным абажуром и бисерной бахромой. Она сгояла в гостиной с незапамятных времен, и Мама наотрез отказалась избавиться от нее. Да Норман на самом деле и не хотел этого: он прожил здесь все свои сорок лет, и в старых, привычных вещах, окружавших его с детства, было что-то приятное, успокаивающее. Здесь, внутри дома, жизнь текла по установленному некогда порядку; все перемены происходили там, за окном. И по большей части в этих переменах для него таилось что-то угрожающее. Например, представим себе, что он решил бы выйти на улицу. Сейчас он, возможно, стоял бы посередине пустынной дороги или даже в болоте, где его застал бы дождь, и что тогда? Он бы промок до костей, пришлось бы пробираться домой в полной темноте. От этого можно простудиться и умереть, да и кто уходит из дому, когда уже стемнело? Насколько приятнее сидеть здесь, при свете лампы, с хорошей книгой, чтобы скоротать время.

Свет падал на его жирные щеки, отражался в стеклах очков, свет заставлял блестеть розовую кожу под реде-

ющими прядями волос песочного цвета, когда он склонился над книгой, чтобы продолжить чтение.

Такая увлекательная книга, неудивительно, что время пролетело незаметно. «Королевство инков», сочинение Виктора В. фон Хагена; никогда раньше Норману не приходилось встречать такое обилие интереснейших фактов. Например, вот это: описание «качуа», победного танца воинов, они образовывали огромный круг, извиваясь и двигаясь словно змеи. Он углубился в чтение: «Ритм для этого танца отбивали на том, что некогда было телом вражеского воина, — с него сдиралась кожа, живот надувался, так что он превращался в барабан, а все тело играло роль резонатора, причем звуки исходили из открытого рта: необычный, но вполне эффективный метод».

Норман улыбнулся, потом позволил себе расслабиться и поежился, словно зритель, созерцающий страшную сцену в фильме. Необычный, но вполне эффективный метод, да, так оно наверняка и было! Только представьте себе: содрать с человека, возможно еще живого, кожу, а потом надуть живот и бить по нему, словно в барабан! Интересно, как именно они это делали, как обрабатывали и сохраняли плоть мертвеца, чтобы предотвратить разложение? И еще, каким складом мышления надо обладать, чтобы вообще дойти до такой идеи?

Не самая аппетитная тема, но стоило только Норману прикрыть глаза, эта сцена возникала перед ним так ясно, как будто он ее видел: ритмичное движение обнаженных, раскрашенных тел воинов, извивающихся, раскачивающихся в такт под безжалостным, словно выжженным небом, и старуха, скорчившаяся перед ними, отбивающая бесконечный ритм на раздутом, выпяченном животе трупа. Искривленный в гримасе рот широко распахнут, очевидно, с помощью костяных распорок; звуки доносятся оттуда. Мерный гул от ударов по раздутой плоти, идущей из сморщенных внутренностей, пробивающий себе путь по горлу и вырывающийся, словно глухие стоны, из глотки мертвеца.

На какое-то мгновение Норману даже показалось, что он слышит эти звуки. Потом он вспомнил, что шум дождя тоже образует ритм. А также шаги...

Он, конечно, почувствовал, что она здесь, даже не слыша ее шагов: привычка так обострила его чувства, что он просто знал, когда Мама появлялась в комнате. Даже не видя ее, он знал, что она стоит рядом.

Сейчас Норман и в самом деле не видел ее; не поднимая головы, он сделал вид, будто продолжает чтение. Мама спала у себя в комнате, и он прекрасно знал, какой раздражительной она бывает, когда только проснется. Так что лучше всего сидеть тихонько и надеяться, что сегодня на нее «не найдет».

— Норман, ты знаешь, который час?

Он вздохнул и захлопнул книгу. Теперь ясно, что с ней придется трудно: сам вопрос был предлогом для начала придираков. В холле стояли дедушкины часы, так что по пути сюда Мама легко могла узнать время.

И все же спорить из-за этого не стоит. Норман бросил взгляд на ручные часы, затем улыбнулся.

— Пять с минутами,— произнес он.— Говоря по правде, я не думал, что сейчас так поздно. Я читал...

— Ты думаешь, я слепая? Я вижу, что ты делал.— Теперь она стояла у окна, следя за тем, как стучат по стеклу дождевые капли.— Я вижу и то, что ты сделал. Почему ты не зажег нашу вывеску, когда стемнело? И почему ты здесь, а не там, где следует,—не в конторе?

— Ну, понимаешь, начался такой жуткий ливень, и я подумал, что вряд ли кто-то здесь появится...

— Чепуха! Как раз в такое время можно заработать. Многие не боятся водить машину в дождливую погоду.

— Но вряд ли кто-нибудь заедет к нам. Все пользуются новым шоссе.— Норман осознал, что в голосе его появились горькие нотки, почувствовал, как горечь подкатывает к горлу, так что теперь он словно ощущал ее терпкий вкус и сделал попытку сдержать себя. Слишком поздно: он должен извергнуть наружу все, что накопилось в душе.— Я говорил тебе, что нам грозит, когда нас заранее предупредили об этом шоссе. Ты бы спокойно успела продать до официального объявления насчет строительства новой дороги. Мы могли купить там любой участок за гроши, да к тому же и ближе к Фервелу. Сейчас у нас был бы новый мотель, новый дом, возможность заработать. Но ты меня не послушала. Ты никогда не слушаешь, что я говорю, правда? Только одно: «я хочу», «я думаю»! Противно смотреть на тебя!

— Вот как, мой мальчик? — Голос Мама был обманчиво мягким, но Норман знал, что за этим кроется. Потому что она произнесла слово «мальчик». Ему уже сорок лет, а она называет его «мальчиком»; хуже того, она и ведет себя с ним, как с маленьким мальчиком. Если бы только можно было не слушать! Но он слушал, он знал, что должен; каждый раз он должен был выслушивать, что говорила Мама.

— Вот как, мальчик? — повторила Мама еще более мягким, вкрадчивым голосом. — Противно смотреть на меня, да? А вот я так не думаю. Нет, мальчик, дело не во мне. Тебе противно смотреть на себя. Вот она, подлинная причина, вот почему ты до сих пор сидишь здесь, на обочине никуда не ведущей дороги! Я ведь права, Норман? Все дело в том, что у тебя не хватает духу нормально жить. ВСЕГДА не хватало духу, не так ли, мальчик? Не хватало духу оставить дом. Не хватало духу подыскать себе работу или уйти в армию, или даже найти подходящую девушку...

— Ты бы мне не позволила!

— Правильно, Норман. Я бы тебе не позволила. Но будь ты мужчиной хотя бы наполовину, ты поступил бы по-своему.

Как ему хотелось крикнуть ей прямо в лицо, что это не так. Но он не мог. Потому что все, что Мама сейчас говорила, он повторял сам себе снова и снова, год за годом. Потому что это была правда. Мама всегда устанавливала для него правила, но он вовсе не должен был вечно им подчиняться. Иногда матери считают детей своей собственностью, но не каждый позволяет им такое. Сколько в мире еще вдов и единственных сыновей; не все же они намертво связаны отношениями такого рода. Да, он виноват не меньше ее. Потому что у него никогда не хватало духу.

— Знаешь, ты ведь мог тогда настоять на своем, — говорила Мама. — Скажем, выбрался бы из дому, нашел для нас новое место, а потом объявил о продаже этого жилища. Но нет, ты только скулил. И я знаю причину. Дело в том, что тебе на самом деле не хотелось никуда переезжать. Ты не хотел уходить отсюда, а теперь ты уже не уйдешь, ты вечно будешь сидеть здесь. Ты не можешь покинуть дом, правда, Норман? Так же, как не можешь стать взрослым.

Он не мог смотреть на Маму. Когда она начинала так говорить, Норман просто не мог на нее смотреть, вот и все. И куда бы он ни бросил взгляд, легче не становилось. Лампа с бисерной бахромой, старая неуклюжая мебель, из-за которой здесь было тесно,— все эти знакомые вещи, все вокруг внезапно стало ненавистным просто потому, что он изучил комнату наизусть: как узник свою камеру. Он уперся взглядом в окно, но и это не помогало — за стеклом были дождь, и ветер, и темнота. Норман знал, что там, за стенами дома, для него тоже не будет спасения. Нигде не будет спасения, ничто не поможет скрыться от голоса, что пульсировало в голове, бил в уши, словно этот труп в книге: мерный рокот мертвеца.

Он вцепился в книгу, попытался сосредоточиться на чтении. Может быть, если он не будет обращать внимания, притворится спокойным...

Нет, ничего не вышло.

— Посмотри на себя,— говорил ее голос (а барабан все бил: бум, бум, бум, звуки вибрировали, вырываясь из распыленной глотки).— Я знаю, почему ты не удосужился зажечь вывеску. И почему ты этим вечером даже не подошел к конторе, чтобы открыть ее. На самом деле ты не забыл. Ты просто не хочешь, чтобы кто-нибудь пришел; надеешься, что посетителей не будет.

— Ну хорошо,— пробормотал Норман.— Это верно. Я ненавижу обслуживать посетителей, всегда ненавидел.

— Но это не все, мальчик. (Вот оно, снова: «мальчик-мальчик-мальчик!» — бьет барабан, стонет мертвая плоть). Ты ненавидишь людей. Потому что на самом деле ты их боишься, верно? Так всегда было, еще с самого детства. Лишь бы прилипнуть к стулу поближе к лампе и читать. Что тридцать лет назад, что сейчас. Укрыться от всего, загородившись книжкой.

— Но есть вещи и похуже! Ты сама постоянно твердила это! По крайней мере я не мотался по разным местам и не нажил неприятностей. Разве так уж плохо заниматься саморазвитием?

— Саморазвитием? Ха! — Теперь она стояла за его спиной, возвышалась над ним, смотрела на него сверху.— Вот это, значит, называется саморазвитием! Не пытайся меня одурачить, мальчик. Раньше не удавалось, и теперь не удастся. Ладно бы изучал Библию или хотя

бы пытался получить образование. Я прекрасно знаю, что ты там читаешь. Мусор. Даже хуже.

— Между прочим, это история цивилизации инков...

— Ну да, а как же. И конечно, тут полным-полно омерзительных подробностей о занятиях этих грязных дикарей. Как в той, про острова южных морей. Ага, ты думал про эту я не знала, да? Прятал ее у себя в комнате, как и все остальные непристойные мерзости, которыми ты тайком упивался...

— Психология — не непристойная мерзость, Мама!

— Ах, он называет это психологией! Много ты знаешь о психологии! Никогда не забуду, как грязно ты говорил со мной в тот день, никогда! Подумать только, чтобы сын мог прийти и сказать такое собственной матери!

— Но я ведь только хотел объяснить тебе одну вещь. Про нас, наши отношения: это называется Эдипов комплекс, и я подумал, что, если мы попробуем спокойно обсудить нашу проблему, попытаемся разобраться, наша жизнь может измениться к лучшему.

— Измениться, мальчик? Ничего у нас не изменится. Прочитай хоть все книги в мире, каким ты был, таким всегда и останешься. Мне не надо выслушивать эту грязную, непристойную ерунду, чтобы понять, что ты за человек. Господи, восьмилетний мальчишка, и тот поймет. Да они и понимали все, твои детские приятели по играм, они знали, кто ты есть. **МАМЕНЬКИН СЫНОК** Так тебя тогда называли, так оно и было. Было, есть и будет — всегда. Выросший из детских штанишек, большой, толстый маменькин сынок!

Звуки били по ушам, оглушали: барабанная дробь слов, барабанный бой в его груди. Во рту пересохло, и он судорожно закашлялся. Еще немного, и он заплачет. Норман потряс головой. Подумать только, неужели она до сих пор способна довести его до такого! Да, способна, она сейчас и доводит его, и будет повторять это снова и снова, если только он не...

— Если только ты... и что дальше?

Господи, неужели она способна читать его мысли?

— Я знаю, о чем ты думаешь, Норман. Я все о тебе знаю, мальчик. Больше, чем ты думаешь. Но я знаю и об этом, — что ты думаешь, о чем мечтаешь. «Я хочу убить ее», — вот что ты сейчас думаешь, Норман. Но ты

не можешь. Потому что у тебя не хватает духу. Из нас двоих жизненной энергией обладаю я. Так было, и так будет. Этой силы хватит на нас двоих. Вот почему тебе от меня никогда не избавиться, даже если ты действительно когда-нибудь захочешь. Но, конечно, в глубине души ты не хочешь этого. Я нужна тебе, мальчик. Вот она, правда, верно?

Он все еще боялся, что не выдержит, и не смел повернуть голову и взглянуть на нее, только не сейчас, немного попозже. Во-первых, успокоиться, повторять он себе. Быть предельно спокойным. Не думать о том, что она говорит. Попытайся взглянуть на вещи трезво, попытайся вспомнить. Это пожилая женщина, и с головой у нее не все в порядке. Если будешь дальше слушать ее вот так, у тебя самого в конце концов будет с головой не все в порядке. Скажи, чтобы она возвратилась к себе в комнату и ложилась спать. Там ее место.

И пусть поторапливается, потому что если она не послушается, на этот раз он придушит ее, придушит собственной серебряной цепочкой...

Он стал поворачиваться, уже готовый произнести эти слова, губы беззвучно шевелились. В этот момент раздался звонок.

Звонок был сигналом, он означал, что кто-то приехал и вызывает хозяина.

Даже не посмотрев, что делается за его спиной, Норман направился в холл, снял с вешалки плащ, открыл дверь и шагнул в темноту.

2

Дождь продолжался уже несколько минут, прежде чем она заметила это и включила дворники. А задние фары; как-то неожиданно стало темно, и дорога впереди превратилась в трудноразличимую серую полосу между нависающей с обеих сторон черной массой деревьев.

Деревья? Когда она проезжала по шоссе в последний раз, здесь как будто не было полосы деревьев. Это, конечно, было давно — прошлым летом, и она добралась до Фервела ясным солнечным днем, бодрая и отдохнув-

шая. Теперь она измотана после восемнадцати часов непрерывной езды, но все-таки способна вспомнить дорогу и ощутить, что здесь что-то не так.

Вспомнить,— это слово словно разорвало пелену, застилавшую мозг. Теперь Мери могла смутно припомнить, как примерно полчаса назад она несколько мгновений колебалась, доехав до развилки дороги. Так и есть — она повернула не в ту сторону. И вот теперь она едет неизвестно куда, льет этот жуткий дождь, вокруг крошечная тьма...

Ну-ка, держи себя в руках! Сейчас никак нельзя впадать в истерику. Худшее уже позади.

Это верно, сказала она себе. Худшее уже произошло. Вчера, во второй половине дня, когда она украла эти деньги.

Она стояла в кабинете мистера Ловери и видела, как Томми Кэссиди извлек увесистую пачку зеленых банкнот и опустил ее на стол. Тридцать шесть денежных единиц с изображением тучного мужчины, похожего на торговца, еще восемь, на которых отпечатано лицо человека, походившего на владельца похоронного бюро. Но этот «торговец» на самом деле был Гровером Кливлендом, а «гробовых дел мастер» — Вильямом Маккинли. Тридцать шесть тысячных купюр плюс восемь пятисот-долларовых банкнот — ровно сорок тысяч.

Томми Кэссиди опустил их на стол, словно это были просто раскрашенные бумажки, и, небрежно укладывая их веером, объявил, что решил заключить сделку и купить дом как свадебный подарок дочери.

Мистер Ловери старался изобразить такое же равнодушное, подписывая документы, завершающие сделку. Но как только старый Том Кэссиди вышел за дверь, мистер Ловери сразу оживился. Он собрал деньги, опустил их в большой коричневый конверт и запечатал его. Мери заметила, как дрожали при этом его руки.

— Вот, мисс Крейн,— сказал он, подавая ей конверт.— Занесите это в банк. Сейчас почти четыре, но я уверен, что Гилберт разрешит вам положить деньги.— Он остановился, внимательно посмотрел на нее.— Что с вами, мисс Крейн? Вам нехорошо?

Наверное, он заметил, как стали дрожать ее руки, как только конверт перешел к ней. Неважно. Она в точ-

ности знала, что сейчас скажет, хотя, когда ее губы произносили эти слова, слушала сама себя с удивлением.

— Кажется, снова разболелась голова, мистер Ловери. Я как раз собиралась попросить разрешения уйти пораньше. Мы сейчас разбираемся с почтой и не сможем подготовить оставшиеся документы по сделке до понедельника.

Мистер Ловери улыбнулся. У него было хорошее настроение: ну еще бы! Пять процентов от сорока тысяч составляют две тысячи долларов. Он мог себе позволить небольшой акт филантропии.

— Ну конечно, мисс Крейн. Только зайдите в банк, а потом отправляйтесь домой. Хотите, чтобы я подвез вас?

— Нет, спасибо. Доберусь сама. Немного отдохну...

— Да, это главное. Что ж, тогда до понедельника. Самое важное — здоровье и покой, я всегда утверждал это.

Как же, черта с два: Ловери мог загнать себя до полусмерти из-за лишнего доллара и всегда готов пожертвовать жизнью любого из своих служащих за добавочные пятьдесят центов.

Но Мери Крейн лучезарно улыбнулась ему и покинула шефа и свою работу — навсегда. Прихватив с собой сорок тысяч долларов.

Не каждый день представляется такая возможность. Если откровенно, бывают люди, которым судьба не представляет вообще никаких возможностей.

Мери Крейн ждала своей возможности начать новую жизнь двадцать семь лет.

Возможность поступить в колледж исчезла, когда отец попал под машину, ей было семнадцать лет. Вместо этого Мери в течение года посещала курсы для секретарш, потом надо было содержать мать и Лилу, младшую сестру.

Возможность выйти замуж пропала после того, как Дейла Белтера забрали в армию; ей было двадцать два. Его сразу отправили на Гавайи, вскоре в своих письмах он начал упоминать имя некоей девушки, а потом письма перестали приходить. Когда она получила открытку с объявлением о его свадьбе, Мери уже было все равно.

Кроме всего прочего, в это время уже была серьезно больна мама. Так продолжалось три года; она умерла,

когда Лила была в школе. Мери хотела, чтобы сестра обязательно поступила в колледж, а там будь что будет, но теперь забота о них двоих лежала целиком на ее плечах. Весь день — работа в агентстве Ловери, полночи она проводила у постели матери. Ни на что другое времени не оставалось.

Некогда было даже замечать, как проходят годы. Но очередной приступ доконал маму, она должна была устраивать похороны, потом Лила вернулась из школы и пыталась найти работу. Как-то раз она посмотрела в зеркало и словно проснулась: вот это изможденное, осунувшееся лицо, глядящее на нее оттуда, — это была она, Мери Крейн. Она чем-то ударила по стеклу, зеркало разбилось, но ей казалось, что она сама, ее жизнь рассыпается, превращаясь в тысячи сверкающих осколков.

Лила тогда вела себя просто замечательно, и даже мистер Ловери помог, устроив так, что их дом сразу же купили. Когда все было окончательно оформлено, у них на руках оказалось наличными примерно две тысячи долларов. Лила нашла работу в магазине, торгующем грампластинками в нижней части города, и они сняли маленькую комнатку на двоих.

— Послушай, что я тебе скажу, ты должна отдохнуть, — заявила Лила. — У тебя будет настоящий, полноценный отпуск. Нет, не надо спорить! Девять лет ты нас содержала, самое время стряхнуть с себя заботы, расслабиться. Ты должна куда-нибудь поехать. Вот, например, круиз на морском лайнере.

Так она оказалась на борту «Каледонии», и уже через неделю плавания по Карибскому морю изможденное, осунувшееся лицо прежней Мери больше не возникало перед ее глазами, когда она подходила к зеркалу в своей каюте. Она снова стала молодой (по крайней мере выглядела никак не старше двадцати двух, говорила она себе); но самое главное, она была влюблена.

Нет, это была не та безрассудная, неудержимая страсть, которую она испытала когда-то с Дейлом Белтером. Не было и романтических поцелуев при лунном свете, серебрящем волны, всех этих голливудских сцен, сразу же встающих перед глазами, как только речь заходит о круизе по водам тропиков.

Сэм Лумис был на добрых десять лет старше, чем в свое время Дейл Белтер, и не очень-то ловко умел уха-

живать, но Мери любила его. Казалось, вот она, первая настоящая возможность устроить свою жизнь, которую представила ей судьба. Так ей казалось до тех пор, пока Сэм не решил объяснить ей свое положение.

— Понимаешь,— сказал он ей,— я сейчас вроде как красуюсь в чужой одежде. Видишь ли, этот вот магазин...

И он рассказал ей свою историю.

На севере, в маленьком городке Фервел, есть магазин, торгующий всем, что нужно в фермерском хозяйстве. Сэм работал там, помогал отцу; подразумевалось, что это дело потом перейдет к нему по наследству. Год назад отец умер, и тогда Сэму сообщили плохие новости.

Да, конечно, магазин переходит к нему. Плюс около двадцати тысяч отцовского долга. Дом, товары, даже страховка,— все уходило в счет долга. Отец никогда не говорил Сэму, что частенько вкладывал деньги в другой вид бизнеса — игру на тотализаторе. Но, так или иначе, дело обстояло именно так. У Сэма теперь оставалось только два варианта: объявить себя банкротом или попытаться выплатить долги.

Сэм выбрал второе.

— Это дело приносит прибыль,— объяснил он.— Я, конечно, не стану богачом, но если управлять магазином как следует, можно получать стабильную выручку в девять-десять тысяч в год. А если я смогу выставить приличный выбор разных машин для фермерского хозяйства, может даже больше. Я выплатил уже четыре тысячи с лишним долга. Думаю, еще пару лет, и я расплачусь со всеми полностью.

— Но я не понимаю, если ты столько должен, тогда как ты можешь позволить себе этот круиз?

Сэм широко улыбнулся:

— Я выиграл соревнование. Ну да,— кто больше всех получит выручки от продажи сельскохозяйственной техники; спонсором было отделение фирмы, которая ее производит. Я вовсе и не пытался выиграть эту поездку, просто вертелся как мог, чтобы быстрее заплатить долги. Но они меня уведомили, что я взял первый приз в своем округе.

Я пытался получить деньгами, но они ни в какую. Или круиз, или ничего. Что ж, этот месяц не будет напряженным, своему помощнику я доверяю. Я подумал,

что отдохнуть за чужой счет тоже не так уж плохо. Вот так я оказался здесь. И встретил тебя.— Он невольно улыбнулся и вздохнул.— Да, если бы это был наш медовый месяц...

— Сэм, но что нам мешает? Я хочу сказать, мы можем...

Однако он снова тяжело вздохнул и покачал головой:

— Придется подождать с этим. Может, два-три года, пока я не расплачусь со всеми долгами.

— Я не хочу ждать! И наплевать мне на деньги. Я могла бы уйти из своего агентства, работать в магазине...

— И спать в нем тоже, как приходится делать мне? — Он выдал из себя улыбку, но лицо оставалось таким же безрадостным.— Да, я не шучу! Устроил себе гнездышко в задней комнате. Питаюсь в основном бобовыми консервами. У нас говорят, что я так трясусь над каждой копейкой, что переплюнул даже нашего банкира

— Но к чему все это? — спросила она.— Я хочу сказать, если ты не будешь так себя ограничивать, то выплатишь долг на год-два позже, и все. А до тех пор...

— До тех пор я должен жить в Фервеле. Неплохой городишко. Но маленький. Там все всё друг о друге знают. Пока я вот так веду себя, я вызываю сочувствие и уважение. Они часто покупают мой товар, просто чтобы поддержать меня,— все знают мои проблемы, и всем нравится, что я стараюсь изо всех сил, чтобы решить их. Отец, несмотря на то, как у нас все повернулось, пользовался хорошей репутацией. Важно, чтобы эта репутация сохранилась. Для меня и моего бизнеса. И для нас, в будущем. Теперь-то это стало еще важнее, чем раньше. Разве ты не понимаешь?

— В будущем,— Мери вздохнула.— Два-три года, как ты сказал.

— Ничего не поделаешь. Понимаешь, когда мы поженимся, я хочу, чтобы у нас был приличный дом, хорошая обстановка. Для этого нужны деньги. По крайней мере возможность взять в кредит. Сейчас-то я постоянно оттягиваю расчеты с поставщиками — они это терпят, пока уверены, что все, что я зарабатываю, пойдет им как уплата за долги. Тяжело и не очень приятно. Но я знаю, чего хочу добиться, и на меньшее не со-

гласен. Так что тебе просто придется немного подождать, дорогая.

Она терпеливо ждала и больше не спорила с ним. Но только после того, как ей стало ясно, что ни уговоры, ни другие способы убеждения не заставят его поступить иначе.

Так у них обстояли дела, когда круиз завершился. Прошел год с лишним. За все это время абсолютно ничего не изменилось. Прошлым летом Мери приезжала к нему; посмотрела на город, магазин, увидела, что в расчетной книжке появились новые записи: Сэм вернул еще пять тысяч долларов.

— Осталось всего-то одиннадцать тысяч,— гордо объявил он.— Справлюсь за два года, а может, и раньше.

Два года. Через два года ей будет двадцать девять. Но она уже не могла себе позволить устроить сцену, закатить истерику и гордо покинуть его, как какая-нибудь двадцатилетняя девица. Мери отлично понимала, что особого выбора у нее нет: вряд ли когда-нибудь она встретит еще одного Сэма Лумиса. Поэтому она улыбнулась, понимающе кивнула и отправилась домой корпеть над бумагами в агентстве Ловери.

И опять каждый день, приходя на работу, она видела, как старина Ловери получает свои пять процентов за посредничество. Видела, как он скупал ненадежные накладные и добивался, чтобы прежних владельцев лишили права выкупа, как, ловко выбрав подходящий момент, предлагал немислимо низкие цены людям, отчаянно нуждающимся в наличных, а потом зарабатывал хорошие деньги, легко и быстро сбывая их имущество. Люди продают и покупают каждый день, а Ловери просто стоял в середине и получал с обеих сторон свои пять процентов только за то, что сводил покупателя и продавца. Это все, что он делал полезного в жизни. И тем не менее он был богат. Ему-то не пришлось бы ломать спину два года, чтобы выплатить одиннадцатитысячный долг. Ловери иногда зарабатывал столько за два месяца.

Мери ненавидела его, как ненавидела многих продавцов и покупателей, приходящих в ее агентство, потому что они тоже были богатыми. Этот Томми Кэссиди, пожалуй, хуже всех,— крупный делец, купавшийся в деньгах, которые ему выплачивали за аренду нефтеносных

участков. Он ни в чем не нуждался, но постоянно лез в сделки с недвижимостью, выискивал, нет ли поблизости охваченных страхом, несчастных людей, чтобы можно было воспользоваться их бедой. Дешево купить — дорого продать... Он мог запросто выложить сорок тысяч наличными за свадебный подарок дочери.

И так же запросто положить на стол Мери Крейн стодолларовую бумажку, — это произошло где-то полгода назад, — и предложить «проехаться с ним в Даллас» на уик-энд.

Это было проделано так быстро, с такой спокойной, непринужденной наглостью, что она просто не успела как следует рассердиться. Затем вошел мистер Ловери, и инцидент был исчерпан. Она ни разу, — ни при людях, ни с глазу на глаз, — не высказывала Кэссиди, что думает насчет его предложения, а он ни разу не повторил его. Но она ничего не забыла. При всем желании Мери не могла бы забыть этой слюнявой плотоядной улыбки на жирном лице старика.

Она также никогда не забывала, что мир принадлежит таким вот Томам Кэссиди. Они владели всем, они назначали цены. Сорок тысяч за свадебный подарок; сто долларов, небрежно брошенных перед ней, — за право трехдневного владения телом Мери Крейн.

Вот я и взяла сорок тысяч долларов...

Так говорится в старом анекдоте, но то, что произошло, никак не было шуткой. Она на самом деле взяла деньги, и подсознательно Мери грезил о такой возможности очень давно. Ибо сейчас все как бы встало на свои места, словно она осуществила первую часть давно разработанного плана.

Сегодня пятница, вечер последнего дня недели. Банки завтра будут закрыты, значит, Ловери начнет выяснять, куда делись деньги, только в понедельник, когда она не явится на работу в его агентство.

К тому же сестры дома не будет, — рано утром она уехала в Даллас: теперь Лила ведала закупкой новых пластинок для своего магазина. Она тоже не появится до понедельника.

Мери отправилась прямо домой и собрала свои вещи: только лучшие платья, — их она уложила в чемодан, — и смену белья. У них с Лилой в пустой банке из-под

крема было спрятано триста шестьдесят долларов, но Мери не тронула этих денег. Они понадобятся Лиле, когда ей придется одной обо всем заботиться. Мери очень хотела оставить сестре какую-нибудь весточку, но это было слишком рискованно. Лиле придется пережить несколько тяжелых дней, но Мери ничем не могла ей помочь. Может быть, в будущем она что-нибудь придумает.

Мери покинула квартиру примерно в семь; час спустя она остановила машину в окрестностях города и поужинала, затем доехала до помещения с вывеской **ПОДЕРЖАННЫЕ МАШИНЫ — В ОТЛИЧНОМ СОСТОЯНИИ** и обменяла свой седан, сильно потеряв при этом. Она потеряла еще больше на следующее утро, когда проделала ту же операцию в городке за четыреста миль к северу оттуда. Примерно в полдень, после третьего обмена, она сидела за рулем старой развалины с помятым левым передним крылом и с тридцатью долларами в кармане. Но это ее не расстраивало. Главное — замести следы, как можно чаще менять машины и в конце концов стать обладателем любой развалюхи, лишь бы она способна была дотянуть до Фервела. А оттуда она могла отправиться куда-нибудь еще дальше, на север, возможно, доехать до Спрингфилда и продать эту последнюю машину, подписавшись своим настоящим именем: как сможет тамошняя полиция узнать местопребывание некой миссис Сэм Лумис, если она живет в городке за сотню миль оттуда?

Да, она хочет стать миссис Сэм Лумис, и как можно быстрее. Она придет к Сэму с тривиальной историей о внезапно полученном наследстве. Сорок тысяч долларов — слишком большая сумма, слишком много придется выдумывать, скажем, ей досталось пятнадцать тысяч по завещанию. И еще она скажет, что Лила получила столько же, немедленно бросила работу и уехала в Европу. Тогда не придется объяснять, почему не стоит приглашать сестру на свадьбу.

Возможно, сначала Сэм не захочет взять деньги; и конечно, будет много каверзных вопросов, но Мери ка-нибуть добьется своего. И они сразу же поженятся: вот что самое главное. Ее будут называть миссис Сэм Лумис. Миссис Лумис, супруга владельца магазина в городке за восемь тысяч миль от агентства Ловери.

На работе никто даже не слышал о существовании Сэма. Конечно, они отправятся к Лиле, а она наверняка сразу же догадается, где сестра. Но ничего им не скажет, пока не найдет способ связаться с Мери.

Когда это случится, Мери должна будет так обработать сестру, чтобы та не проболталась Сэму и полиции. Вряд ли здесь возникнут какие-то трудности: Лила слишком многим обязана ей за возможность закончить школу. Может быть, она даже передаст сестре какую-то часть из оставшихся двадцати пяти тысяч. Лила, наверное, откажется взять эти деньги. Но она что-нибудь придумает; Мери не загадывала так далеко — когда надо будет, она найдет выход.

Все в свое время; сейчас главное — доехать до Фервела. На карте расстояние равнялось каким-то несчастным десяти сантиметрам. Красная десятисантиметровая линия между двумя точками. Прошло целых восемнадцать часов, а она еще в пути. Восемнадцать часов бесконечной тряски; восемнадцать часов не отводить взгляда от дороги, так что в глазах рябило от солнца и ослепительного света фар. Восемнадцать часов не отрывать от руля, хотя все тело ныло от неудобной позы, восемнадцать часов борьбы с дорогой, и с машиной, и с неумолимо накатывающей волной страшной усталости.

А теперь она пропустила нужный поворот, вокруг льет дождь; опустилась ночь, и она едет по незнакомой дороге неизвестно куда.

Мери бросила взгляд на зеркало, там ясно вырисовывалось ее отражение. Темные волосы, правильные черты — все оставалось по-прежнему, но исчезла улыбка, полные губы плотно сжаты, образуя тонкую бледную линию. Где-то она раньше видела это изможденное, осунувшееся лицо...

В зеркале на стене твоей комнаты после смерти мамы, когда ты почувствовала, что жизнь разбита на мелкие осколки...

А она все это время считала себя такой спокойной, хладнокровной, собранной. Не было ощущения страха, сожаления или вины. Но зеркала не лгут. И сейчас зеркало показало ей правду.

Отражение беззвучно сказала ей: остановись. Ты не можешь заявиться к Сэму в та-

ком виде, посреди ночи, в помятом платье, с усталым, напряженным лицом, — явные следы панического бегства. Конечно, ты скажешь, что хотела сразу же сообщить о неожиданном подарке судьбы, но тогда надо выглядеть так, словно тебя настолько обрадовали новости, что ты стремглав примчалась к нему.

Вот что надо сделать: переночевать где-нибудь, хорошенько отдохнуть. А утром, посвежевшая и бодрая, она придет в Фервел.

Если сейчас повернуть и доехать до того места, где она неправильно выбрала путь, она снова окажется на шоссе. И сможет найти мотель.

Мери кивнула, борясь с желанием расслабиться, закрыть глаза; неожиданно она резко выпрямилась, вглядываясь в прорисовывающиеся сквозь завесу пронизанного дождем мрака контуры у края дороги.

Она увидела вывеску рядом с подъездной дорожкой, ведущей к небольшому строению.

МОТЕЛЬ — свободные места

Вывеска не светилась, но, может быть, хозяева просто забыли включить ее, так же как она забыла включить фары, когда неожиданно опустилась ночь.

Мери подъехала к зданию, отметив, что мотель был полностью погружен в темноту. Свет не горел даже в небольшом застекленном помещении в конце здания, наверняка служившем конторой. Может быть, мотель закрыт? Она замедлила ход, вглядываясь в темноту, затем почувствовала, как колеса машины проехали по электрическим приспособлениям, подающим сигнал владельцам. Теперь она могла видеть дом на склоне холма за мотелем; окна на фасаде были освещены, возможно, хозяин там. Он сейчас спустится к ней.

Мери остановила машину и расслабилась. Теперь, в наступившей тишине, она могла различить звуки окружавшей ее ночи: мерный ритм дождя, прерывистые вздохи ветра. Эти звуки врезались ей в память; вот так же шел дождь в похороны мамы, в час, когда они опустили ее навсегда в узкую яму, словно наполненную вяз-

кой темнотой. Сейчас эта темнота обступила Мери со всех сторон; она словно муха, погружалась в нее, одинокая и заброшенная. Деньги здесь не помогут, и Сэм не поможет, потому что тогда, на развилке, она выбрала этот путь, и сейчас стоит на дороге, ведущей в неизвестность. Теперь уже ничего не поделаешь — она сама вырыла себе могилу, остается лишь опуститься в нее.

Почему ей пришли в голову такие мысли? Ее ждет теплая постель, а не могильный холод.

Она все еще пыталась понять, откуда это ощущение безнадежности, когда из мрака вынырнула большая черная тень и чья-то рука открыла дверцу машины.

3

— Вам нужна комната?

Как только она увидела перед собой эту толстую физиономию, очки, услышала мягкий, неуверенный голос, Мери сразу же приняла решение. Здесь с ней ничего не случится.

Она кивнула, выбралась из машины и, чувствуя тупую боль в икрах, последовала за хозяином мотеля к конторе. Он отпер дверь, шагнул внутрь и зажег свет.

— Извините, что заставил вас ждать. Я был дома — мать не очень хорошо себя чувствует.

Обычное помещение, но здесь было тепло, светло и сухо. Мери блаженно поежилась и улыбнулась толстяку. Он согнулся над книгой регистрации на стойке.

— Номер у нас стоит семь долларов. Хотите сначала взглянуть?

— Нет, нет, все в порядке.— Она быстро открыла кошелек, извлекла одну пятидолларовую и две долларовые купюры, положила их на стойку, а он подвинул к ней книгу и протянул ручку.

Какое-то мгновение она колебалась, потом написала «свое» имя: «Джейн Вилсон» и адрес: «Сан-Антонио, Техас».

— Я позабочусь о ваших вещах,— произнес он и отошел от стойки. Она снова последовала за ним наружу. Деньги были в машине, все в том же большом конверте, стянутом полосой толстой резины. Наверное, лучше всего оставить их здесь; она запрет машину, и никто их не тронет.

Он отнес чемодан к дверям комнаты, расположенной возле конторы. Он выбрал самую близкую, но Мери было все равно, главное — укрыться от дождя.

— Ужасная погода, — сказал он, пропуская ее вперед. — Долго были в пути?

— Весь день.

Он щелкнул выключателем, и настольная лампа, словно цветок, распустилась желтыми лепестками света. Комната была обставлена просто, но вполне сносно; в ванной она заметила душ. Правда, она предпочла бы настоящую ванну, но сойдет и так.

— Устраивает?

Она быстро кивнула, затем вспомнила о еде:

— Не подскажете, где здесь можно перекусить?

— Так, надо подумать. За три мили отсюда когда-то была забегаловка, где торговали гамбургерами и пивом, но сейчас-то ее, наверное, закрыли, ну, когда проложили новое шоссе. Нет, лучше всего вам добраться до Фервела.

— А далеко это?

— Где-то семнадцать-восемнадцать миль. Езжайте прямо вперед, когда доберетесь до местной дороги, сверните направо, и снова окажетесь на шоссе. А дальше — десять миль до города. Странно, почему вы сразу не поехали той дорогой, раз направляетесь на север.

— Я заблудилась.

Толстяк кивнул головой и вздохнул:

— Я так и подумал. С тех пор, как построили новую дорогу, у нас здесь редко кто-нибудь останавливается.

Она рассеянно улыбнулась. Он продолжал стоять возле двери, надув губы. Мери подняла голову и встретила его взгляд; он быстро опустил глаза и смущенно откашлялся.

— Э, мисс... я вот тут думал... Вам, может, не очень-то хочется ездить в Фервел и обратно в такой дождь. То есть я хочу сказать, я как раз собирался поужинать. Буду очень рад, если вы составите мне компанию.

— Ну что вы, неудобно.

— Почему? Вы нас нисколько не беспокоите. Мама опять легла, и ей не придется ничего готовить: я собирался просто соорудить холодную закуску и сварить кофе, если, конечно, вам такое подходит.

— Ну...

— Слушайте, я сейчас сбегая к себе и все готовлю.

— Я вам так благодарна, мистер...

— Бейтс. Норман Бейтс.— Он попятился, стукнувшись о дверь плечом.— Слушайте, я оставляю фонарик, чтобы вы могли подняться ко мне. Сейчас вам, наверное, хочется снять с себя мокрую одежду.

Он отвернулся, но Мери успела заметить, что толстяк покраснел. Боже мой, он смутился как подросток!

Впервые за весь день Мери смогла улыбнуться. Она подождала, пока он закрыл за собой дверь, и сбросила жакет. Потом положила сумку на кровать, достала оттуда набивное платье и расправила его. Может быть, оно разомнется, пока она будет в ванной. Сейчас времени осталось только на то, чтобы немного освежиться, но когда она вернется, ее ждет настоящий горячий душ, обещала себе Мери. Вот что ей нужно: смыть с себя усталость и, конечно, выспаться. Но сначала — ужин. Так, посмотрим; вся косметика — в сумочке, надеть можно голубой плащ — он в чемодане...

Пятнадцать минут спустя она стучалась в дверь большого дома на склоне холма.

Из окна гостиной, не задернутого шторами, виднелся свет единственной лампы, но второй этаж был ярко освещен. Если его мать больна, она, должно быть, находится там.

Мери терпеливо дожидалась ответа, но к двери никто не подходил. Может быть, хозяин наверху. Она постучала снова.

Пока она так стояла, Мери украдкой заглянула в окно. И с трудом поверила своим глазам: неужели такие места все еще существуют?

Обычно, даже когда здание старое, внутри его стараются хоть немного приспособить к новым временам, что-то переделать, изменить. Но гостиная, в окно которой она заглянула, никогда не подвергалась «перестройкам»; старомодные обои с цветочным рисунком, тяжеловесная резная мебель красного дерева, стулья и диваны с высокими спинками, стоящие вплотную друг к другу, ярко-красный ковер и панели, окаймляющие камин, — все словно возвращало в беззаботную атмосферу начала века. Ничто не нарушало цельности картины, не было даже телевизора, но она заметила старинный грамма-

фон с ручным заводом на заднем столе. Теперь Мери могла различить тихий шелест голосов, ей даже показалось, что они доносятся из раструба граммофона. Потом Мери поняла, откуда эти звуки: они шли сверху, из ярко освещенной комнаты.

Мери постучала снова, задней стороной фонарика. На этот раз ее услышали, потому что голоса внезапно умолкли, раздались чьи-то мягкие шаги. Через несколько секунд она увидела, как к ней спускается мистер Бейтс. Он подошел к двери и открыл ее, жестом пригласив Мери войти.

— Извините,— произнес он.— Я тут укладывал маму на ночь. С ней иногда приходится трудно.

— Вы сказали, что она больна. Мне бы не хотелось тревожить...

— Да нет, вы никого не тревожите. Она наверняка заснет сном младенца.— Мистер Бейтс повернул голову, бросил быстрый взгляд на лестницу и продолжал приглушенным голосом: — Она ведь здорова, ф и з и ч е с к и здорова, понимаете? Но иногда на нее находит...

Он порывисто кивнул, затем улыбнулся:

— Давайте-ка ваш плащ, сейчас мы его повесим. Вот так. А теперь сюда, пожалуйста...

Она последовала за ним по проходу под лестницей.

— Надеюсь, вы не будете против поужинать на кухне,— прошептал он.— Я там для нас двоих все приготовил как надо. Ну вот, садитесь, я сейчас налью вам кофе.

Кухня была украшением этого дома — застекленные шкафчики от пола до потолка, окаймляющие старомодную раковину с раковиной. В углу раскорячилась большая печь. Но от нее шло благодатное тепло, а длинный деревянный стол радовал взгляд обилием закусок — колбасы, сыра, огурцов домашнего засола в стеклянных тарелках, расставленных на скатерти в красную и белую клетку. Мери сейчас не казалось смешной причудливая обстановка, и даже это неизменное, вышитое гладью изречение на стене не вызывало раздражения.

Господи, благослови сей Дом.

Что ж, ладно. Это намного лучше, чем сидеть в одиночестве в какой-нибудь убогой забегаловке провинциального городка.

Мистер Бейтс поставил перед ней полную тарелку.

— Ну вот, кушайте, не стесняйтесь! Вы, должно быть, проголодались.

Проголодалась — ну еще бы! Она не заставила себя просить дважды и набросилась на еду, не обратив внимания, как мало ест он сам. Заметив это, Мери ощутила легкое смущение.

— Но вы сами ни до чего не дотронулись! Вы наверняка поужинали раньше.

— Нет. Мне сейчас просто есть не хочется. — Он снова наполнил ее чашку. — Видите ли, Мама иногда меня здорово выводит из себя. — Он опять понизил голос, опять прозвучали эти извиняющиеся нотки. — Тут, наверное, я сам виноват. Я не очень-то хорошо ухаживаю за ней.

— Вы здесь живете совсем одни? Только вы и мать?

— Да. Больше никого. Так было всегда.

— Должно быть, вам тяжело приходится.

— Я не жалеюсь. Не поймите меня превратно. — Он поправил очки. — Отец ушел от нас, когда я был еще маленьким. Мама одна обо мне заботилась. Как я понимаю, у нее оставалось достаточно средств, чтобы как-то содержать нас, пока я не вырасту. Потом она заложила дом, продала участок и построила этот мотель. Мы здесь работали вместе, и дела наши шли неплохо, пока новое шоссе не отрезало нас от мира. На самом деле она начала сдавать задолго до этого. Пришла пора мне о ней заботиться, как она когда-то заботилась обо мне. Но иногда приходится непросто.

— А других родственников нет?

— Никого.

— И вы ни разу не женились?

Он сразу покраснел и опустил глаза на клетчатую скатерть.

Мери прикусила губу.

— Извините, я не хотела лезть в чужие дела.

— Ничего, все в порядке. — Его голос был едва слышен. — У меня никогда не было жены. Мама... у нее были смешные представления... об этом. Я, я даже никогда раньше не сидел за одним столом с такой девушкой, как вы.

— Но...

— Звучит как-то странно, правда, сейчас, в наше время? Я это знаю. Но ничего не поделаешь. Я каждый

раз повторяю себе, что без меня она будет беспомощной, но, может быть, на самом деле я сам буду еще более беспомощным без нее.

Мери допила свой кофе, достала из сумочки сигареты и протянула пачку Бейтсу.

— Спасибо, я не курю.

— Вы не против, если я закурю?

— Нет, нет. Пожалуйста.— Он замялся.— Я бы предложил вам что-нибудь выпить, но, видите ли, Мама не терпит спиртного в своем доме.

Мери откинулась на стуле, глубоко затынулась. Она вдруг почувствовала прилив сил, уверенность в себе. Удивительно, что могут сделать с человеком немного тепла, покоя и вкусной еды. Час назад она была одинокой, жалкой, заброшенной, испуганной и неуверенной. Сейчас все изменилось. Может быть, ее настроение изменилось, когда она слушала Бейтса. На самом деле, это он был одиноким, заброшенным и испуганным. Она чувствовала себя выше его на две головы. Именно это заставило ее заговорить.

— Вам запрещено курить. Вам запрещено пить. Вам запрещено встречаться с девушками. Что же вы делаете, кроме того, что управляете мотелем и ухаживаете за своей матерью?

Очевидно, он не заметил ее тона.

— О, мне есть, чем заняться, правда. Я очень много читаю. И у меня есть другие хобби.— Он поглядел вверх на полку, и Мери перехватила его взгляд. Оттуда посверкивала глазами-бусинками белка. Чучело белки.

— Охота?

— Да нет. Просто набиваю чучело. Джордж Блунт дал мне эту белку. Он застрелил ее. Мама не хочет, чтобы я вертел в руках всякое оружие.

— Мистер Бейтс, простите, что говорю об этом, но сколько еще вы собираетесь продолжать такую жизнь? Вы — взрослый мужчина. И, конечно, понимаете, что нельзя вести себя как маленький мальчик до конца дней. Простите за грубость, но...

— Я все понимаю и сознаю, какая у нас создалась ситуация. Я ведь уже говорил вам, я много читал. И знаю, что говорит о подобных вещах психиатрия. Но я должен исполнить свой долг в отношении Мама.

— Но, может быть, мистер Бейтс, вы исполните

этот долг перед ней и перед самим собой, если устроите так, чтобы ее поместили в... лечебное заведение?

— Она не полоумная!

Извиняющийся, тихий и мягкий голос исчез; эти слова он выкрикнул визгливым тоном. Теперь толстяк стоял перед ней, его руки смахнули чашку со стола. Она со звоном разбилась, но Мери даже не повернула голову; она не могла оторвать взгляда от искаженного до неузнаваемости лица.

— Она не полоумная,— повторял он.— Чтобы вы ни думали, чтобы все они ни думали. Неважно, что говорится в книгах, или что там доктора скажут в психбольнице. Я знаю, как это делается. Они быстренько запишут ее в сумасшедшие и запрут у себя, только дай им возможность,— мне стоит лишь вызвать их, и все. Но я не сделаю этого, потому что я ее знаю. Неужели так трудно понять? Я знаю, а они нет. Они не знают, как она заботилась обо мне долгие годы, когда всем вокруг было все равно, как она работала ради меня, чем она пожертвовала. Сейчас у нее, конечно, есть странности, но это моя вина, я виноват. В тот раз, когда она пришла ко мне и сказала, что хочет снова выйти замуж, я заставил ее отказаться от этого. Да, я заставил ее, я виноват! И не надо объяснять мне насчет ревности, самодурства — я тогда вел себя хуже, чем сейчас она. Если уж говорить о том, кто полоумный, я тогда был в десять раз хуже ее. Если бы они, эти доктора, знали, что я говорил и что делал в тот день, как вел себя, они моментально посадили бы в психдом меня. Ну что ж, в конце концов я смог преодолеть себя. А она не смогла. Но кто дал вам право определять, кого нужно изолировать, а кого нет? Мне кажется, временами каждый из нас бывает чуточку полоумным.

Он остановился, не потому, что не хватало слов, просто, чтобы перевести дыхание. Его лицо было очень красным, а толстые губы начали дрожать.

Мери поднялась:

— Я... пожалуйста, простите меня,— тихо произнесла она.— Честное слово, я не хотела. Прошу вас извинить меня. Я не имела никакого права говорить такое.

— Да, я знаю. Неважно. Просто я как-то не привык говорить с кем-нибудь об этих вещах. Когда живешь вот так, в полном одиночестве, в тебе все копится, пока не

вырвется, как пробка из бутылки. Как будто тебя превратили в бутылку, или в чучело, вроде этой белки вон там.

Его лицо прояснилось, он попытался выдавить из себя улыбку.

— Забавный малыш, правда? Мне часто хотелось иметь такого; я бы приручил его, мы бы жили вместе. Мери взяла сумочку.

— Ну, я пойду. Уже поздно.

— Пожалуйста, не уходите. Простите меня за эту дурацкую сцену.

— Вы тут не при чем. Я действительно очень устала.

— Но, может быть, мы еще побеседуем? Я хотел рассказать вам о своих увлечениях. Я устроил что-то вроде мастерской у себя в подвале...

— Нет, с удовольствием бы вас послушала, но мне действительно необходим отдых.

— Ну что ж, хорошо. Я провожу вас. Мне надо закрыть контору. Не думаю, что сегодня ночью сюда еще кто-нибудь заедет.

Они прошли через холл, он помог ей надеть плащ. Бейтс был очень неловок, и она почувствовала растущее раздражение, но потом Мери осознала, в чем дело, и подавила это чувство. Он старался не дотронуться до нее. Бедняжка и в самом деле боялся женщин!

Он держал фонарик, и Мери вслед за ним покинула дом, пошла по тропинке, ведущей к посыпанной гравием подъездной дорожке, опоясывающей мотель. Дождь прекратился, но вокруг царил непроглядный мрак, ночь была беззвездной. Обогнув дом, она оглянулась. Второй этаж все еще был ярко освещен; интересно, легла ли уже его мать, подумала Мери. Может быть, она не спала, слышала их разговор, визгливый монолог сына, завершивший его?

Мистер Бейтс остановился перед дверью ее комнаты, подождал, пока она вставила в замок ключ, и открыл ее.

— Спокойной ночи,— произнес он.— Приятных сновидений.

— Спасибо вам. Благодарю за гостеприимство.

Он открыл рот, затем отвернулся. И снова, в третий раз за вечер, она увидела, как его лицо залила краска.

Мери захлопнула дверь и повернула ключ в замке.

В коридоре слышались шаги, затем раздался щелчок, означавший, что он зашел в контору рядом с ее комнатой.

Она не услышала, как он вышел оттуда; надо было разложить вещи, и она целиком погрузилась в эту работу. Вытащила пижаму, шлепанцы, баночку с ночным кремом, зубную щетку и пасту. Потом перебрала одежду в чемодане в поисках платья, которое она наденет завтра, когда ее увидит Сэм. Надо повесить его на вешалку сейчас, чтобы за ночь оно отвиселось. Завтра все должно быть идеально.

Завтра все должно быть...

И как-то сразу уверенность в себе, ощущение превосходства, охватившее ее при разговоре с толстяком, куда-то исчезли. Но разве эта перемена настроения произошла так уж неожиданно? Разве она не началась там, в доме, когда мистер Бейтс вдруг ударился в истерику? Что он там сказал, что-то такое, сразу резанувшее ее слух?

Временами каждый из нас бывает чуточку полоумным.

Мери Крейн расчистила себе место среди разбросанных платьев и опустилась на постель.

— Да. Это правда. Временами каждый из нас бывает чуточку полоумным. Вот, например, она, вчера вечером она пережила небольшой приступ безумия, увидев деньги на столе у шефа.

С тех пор она действовала как полоумная; должно быть, она и была полоумной, потому что только тронутая может вообразить, что ей удастся сделать все, как она задумала. Происшедшее казалось сном, мечтой, ставшей явью. Это и был сон. Бредовый сон. И теперь она отчетливо осознала это. Возможно, ей удастся сбить со следа полицию. Но Сэм начнет задавать разные вопросы. Как звали покойного родственника, который оставил ей наследство? Где он жил? Почему она раньше не упоминала о нем? Как это она привезла с собой наличные? Неужели мистер Ловери спокойно воспринял то, что она так неожиданно оставила работу?

И потом еще Лила. Представим себе, что она повела бы себя так, как ожидала от нее Мери,— приехала к ней, ничего не сказав полиции, и даже поклялась бы хранить молчание в будущем просто из чувства благо-

дарности к сестре. Факт оставался фактом — все равно она бы знала об всем. Все равно были бы осложнения.

Рано или поздно Сэм захочет навестить Лилу, или пригласить к себе. Так что ничего не получится. Она никогда не сможет поддерживать с ней отношения, не сможет объяснить внятно Сэму, почему нельзя этого делать, почему ей нельзя возвращаться в Техас, даже для того, чтобы встретиться с родной сестрой.

Нет, все ее планы были чистым бредом.

Но сейчас уже слишком поздно, ничего изменить нельзя.

А может быть, нет?

Может быть, так: она сейчас выпится — долгие десяти часов отдыха. Завтра воскресенье; если она покинет мотель примерно в девять утра и поедет прямо домой, то возвратится в город в понедельник, ранним утром. Еще до того, как вернется из Далласа Лила, до того, как откроется банк. Она положит деньги в банк и сразу же отправится на работу.

Конечно, она страшно устанет. Но это не смертельно, и никто никогда ни о чем не узнает.

Оставалась еще проблема с машиной. Тут придется придумать какое-то объяснение для Лилы. Она может сказать ей, что поехала в Фервел, решила нанести неожиданный визит Сэму и провести с ним уик-энд. Машина сломалась, она была вынуждена отбуксировать ее; ей сказали, что потребуется новый двигатель, поэтому Мери решила обменять ее на эту старую развалину и вернуться домой.

Да, звучит правдоподобно.

Конечно, когда она подсчитает убытки, вся поездка обойдется ей где-то в семьсот долларов. Столько стоил ее «седан».

Но эту цену стоит заплатить. Семьсот долларов — не так уж много за то, чтобы снова обрести рассудок. Рассудок, нормальную жизнь и надежду на счастливое будущее.

Мери поднялась на ноги.

Так она и сделает.

Она тут же почувствовала себя высокой и сильной, снова вернулась уверенность. Все оказалось очень просто.

Если бы Мери была набожной, она бы произнесла про себя молитву. Но в тот момент ее охватило странное ощущение, будто все, что произошло, было предопределено, так, кажется, это называется? Будто все события сегодняшнего дня просто должны были случиться. То, что она выбрала неправильную дорогу, приехала сюда, встретила этого несчастного толстяка, стала свидетелем его странной речи, последняя фраза которой словно отрезвила ее.

Ей даже захотелось подойти к нему и расцеловать, но потом она, засмеявшись, представила себе, как он воспримет такое проявление благодарности. Несчастный куда скорее всего хлопнется в обморок!

Она опять хихикнула. Приятно снова чувствовать себя высокой и сильной, ну-ка посмотрим, сможет она теперь уместиться под душем? Именно это она сейчас и сделает — примет настоящий горячий душ. Станет под струящуюся воду и будет стоять, пока не смоет всю грязь с себя, а потом очистит от грязи душу. Очиститься, Мери. Стать белой, как снег...

Она вошла в ванную, сбросила туфли, пригнувшись, стянула чулки. Потом подняла руки, сняла через голову платье, швырнула его в комнату. Платье упало на пол: наплевать. Медленно расстегнула бюстгальтер, взмахнула рукой, так что он описал красивую дугу в воздухе, и разжала пальцы. А теперь трусики...

Она постояла немного перед зеркалом, внимательно изучая себя. Что ж, по лицу можно дать двадцать семь, но тело у нее двадцатилетней девушки. Хорошая фигура. Чертовски хорошая фигура. Сэму понравится. Хорошо бы он сейчас стоял рядом и любовался этим телом. Пережить еще два года ожидания будет трудно, страшно трудно. Но она потом сумеет наверстать потерянное время. Считается, что женщина полностью достигает половой зрелости лишь к тридцати годам. Надо будет проверить.

При этой мысли Мери снова захихикала, как девчонка; нанесла воображаемый удар противнику и отскочила, послала отражению воздушный поцелуй и получила такой же ответ. Потом встала под душ. Вода была очень горячей, пришлось подкрутить кран с холодной водой. В конце концов она полностью открыла оба крана, так что теплая волна словно затопила все вокруг.

Вода лилась с оглушительным шумом, комнату начали заволакивать клубы пара.

Из-за этого она не слышала, как открылась дверь, как по полу прошелестели чьи-то шаги. И когда занавеска, закрывавшая душевую, раздвинулась, клубы пара сначала скрыли лицо.

Потом она заметила его — просто лицо, глядевшее на нее сквозь ткань, словно маска, парящая в воздухе. Шарфик закрывал волосы, и глаза, бессмысленно пялящиеся на нее, казалось, сделаны из стекла, но это была не маска. Кожа, покрытая толстым слоем пудры, была мертвенно-белой, два пятна лихорадочно-бурого цвета горели на щеках. Это была не маска. Это было лицо по-лоумной, обезумевшей старухи.

Мери начала кричать, но тут занавеска раздвинулась шире, из клубов пара возникла рука, держащая огромный мясницкий тесак. Это тесак мгновение спустя оборвал ее крик.

И отрубил голову.

4

Как только Норман вошел в контору, его начало трясти. Это была реакция, конечно. Слишком много всего произошло, и слишком быстро. Он больше не мог держать это в себе, как в бутылке.

Бутылка. Вот что ему сейчас нужно — выпить. Он, конечно, наврал той девушке. Действительно, Мама не разрешала держать спиртное в доме, но он все равно выпивал. Он прятал бутылку здесь, в конторе. Иногда нельзя не выпить, даже если знаешь, что плохо переносишь спиртное, даже если ничтожного количества достаточно, чтобы все вокруг стало как в тумане, чтобы отключиться. Бывали времена, когда очень хотелось отключиться.

Норман вовремя вспомнил, что надо сделать, — опустил шторы, выключил придорожную вывеску. Вот и все. Закрыто на ночь. Теперь, когда шторы опущены, снаружи никто не сможет различить слабый свет настольной лампы. Никто сюда не заглянет, никто не увидит, как он открыл ящик в столе и вытащил бутылку дрожащими, как у нашкодившего мальчика, руками. Маленький мальчик хочет свою бутылочку.

Он поднял кружку и сделал глоток, закрыв глаза. Виски обожгло все внутри, это хорошо. Пусть выжжет всю горечь и боль. Огненная влага прошла по горлу, воспламенила желудок. Еще один глоток — может быть, он выжжет привкус страха.

Он сделал ошибку, пригласив девушку в дом. Норман понял это уже в тот момент, когда произнес роковые слова, но девушка была такой хорошенькой, казалась такой усталой и одинокой, словно ей не к кому было обратиться, не у кого искать понимания. Он ведь хотел только поговорить с ней немного, так оно и вышло, больше ничего не было. Кроме того, это ведь его дом, разве не так? Он такой же хозяин, как и Мама. Она не имеет права устанавливать здесь свои порядки.

Но все равно это была ошибка. На самом деле, он бы никогда не осмелился, просто сегодня он был очень сердит на Маму. Он решил поступить наперекор ей. Это было плохо.

Но после того, как он пригласил ее, он сделал кое-что похуже. Он вернулся в дом и сказал Маме, что сегодня у него будет гостя. Он ворвался к ней, прямо к постели, и объявил об этом, — все равно что сказать «Ну-ка, попробуй теперь сделать что-нибудь!»

Он совершил дурной поступок. Она и так была на взводе, а когда он сказал ей, что сюда придет девушка, у нее началась самая настоящая истерика. Да, истерический припадок, вот как называется ее поведение, с этими криками: «Если ты приведешь ее сюда, я убью ее! Убью эту шлюху!»

Ш л ю х а. Мама не употребляла таких слов. Но тогда она именно так и сказала. Она больна, очень больна. Может быть, девушка была права. Может быть, Маму и вправду надо поместить куда-нибудь. Кажется, он сам не может ничего с ней сделать. И с самим собой тоже. Что там Мама говорила про тех, что делают что-то там сами с собой? Это грех. Они будут гореть в аду за это.

Внутри все горело от виски. Уже третий глоток, но он нуждался в нем. Он во многом еще нуждается. И насчет этого девушка тоже была права. Так жить нельзя. Он больше не может так жить.

Даже этот ужин, и тот превратился в пытку. Он все время боялся, что Мама что-нибудь устроит. С тех пор,

как он оставил ее комнату и закрыл дверь на ключ, он все время боялся, что она начнет стучать в стену и кричать. Но все было тихо, пожалуй, даже слишком тихо, словно Мама внимательно слушала их беседу. Наверное, так оно и было. Можно запереть Маму, но заткнуть ей уши нельзя.

Норман надеялся, что сейчас она уже заснула. А завтра, Бог даст, все забудет. Такое иногда случалось. Но бывало и по-другому: он был уверен, что она забыла о том или ином инциденте, а много месяцев спустя, вдруг, как гром среди ясного неба. Мама вспоминала о нем.

Среди ясного неба... Он хмыкнул. Придет же в голову такое. Он теперь и не видит этого ясного неба. Только облака и густая тьма, вот как сегодня.

Он услышал какой-то звук и быстро повернулся на стуле. Неужели Мама? Нет, такого не может быть, ты же запер ее, помнишь? Это, наверное, девушка, в соседней комнате. Ну конечно, теперь он ясно слышал,— судя по всему, она открыла чемодан и раскладывает вещи, готовится ко сну.

Норман отпил еще глоток. Чтобы успокоить нервы. На этот раз виски помогло. Рука больше не дрожала. Он не испытывал страха. Если он думал о девушке, страшно не было.

Смешно: когда он по-настоящему разглядел ее, Нормана потрясло жуткое ощущение,— как же это называется? Что-то на «им». Импозантный? Нет, не то. Он не чувствовал себя импозантным, когда был рядом с женщиной Имбецил? Опять не то. Слово вертелось на языке, он сотни раз встречал его в книгах, в определенных книгах, о существовании которых Мама и не подозревала.

Ну, не важно. Когда он стоял рядом с девушкой, он чувствовал себя плохо, но не сейчас. Сейчас он был сильным: он мог сделать все что угодно.

А с девушкой, вроде этой, он бы многое хотел сделать. Молоденькая, хорошенькая, к тому же неглупая. Он показал себя дураком, отвечая на ее слова насчет Мама; теперь он должен признать, что она была права. Она знает, она способна понять. Если бы только тогда она осталась, если бы только они продолжили разговор...

А теперь он, наверное, больше ее не увидит. Завтра она уйдет. Уйдет навсегда. Джейн Вилсон, Сан-Антонио, Техас. Интересно, кто она, куда направляется, какая она на самом деле? В такую девушку можно влюбиться. Да, влюбиться, увидев один-единственный раз. И не над чем здесь смеяться. Но она-то, наверное, будет смеяться. Таковы уж они, девушки, они всегда смеются над тобой. Потому что все они шлюхи.

Мама была права. Все они шлюхи. Но попробуй, держи себя в руках, когда шлюха такая красивая, и ты знаешь, что больше никогда не увидишь ее. Ты просто должен снова увидеть ее. Будь ты мужчиной хотя бы наполовину, ты так и сказал бы ей, когда был в ее комнате. И принес бы бутылку, предложил ей выпить, и сам выпил вместе с ней, а потом взял бы ее на руки и отнес в постель, и тогда...

Тогда ничего бы не произошло. Потому что ты не смог бы ничего сделать. Потому что ты бессильный. Ты импотент.

Ты ведь это слово не мог вспомнить, правда? Импотент. Это слово использовалось в книгах, это слово употребляла Мама, это слово значит, что ты больше никогда не увидишь ее, потому что не сможешь ничего сделать. Это слово знали шлюхи, наверняка знали, вот почему они всегда смеялись над ним.

Норман снова отпил из кружки, совсем маленький глоточек. Почувствовал, как что-то мокрое потекло по подбородку... Кажется, он опьянел. Да, он пьяный, ну и что? Лишь бы не знала Мама. Лишь бы не знала эта девушка. Это секрет, бо-ольшой секрет. Так он импотент? Но это не значит, что он больше никогда ее не увидит.

Он увидит ее, прямо сейчас.

Норман перегнулся через стол, голова почти уперлась в стену. Опять звуки. По опыту он знал, что означают эти звуки. Девушка скинула туфли. Значит, теперь она идет в ванную.

Он протянул руку. Пальцы снова дрожали, но теперь уже не от страха. От нетерпеливого ожидания, от предвкушения предстоящего зрелища. Сейчас он сделает то, что делал много раз до этого. Отодвинет застекленную лицензию, висящую над столом; тогда можно будет подглядывать в маленькую дырочку, которую он дав-

ным-давно просверлил в стене. Никто на свете не знал про эту маленькую дырочку, даже Мама. Главное, Мама ничего не знала. Это был его секрет.

С той стороны дырочка казалась просто трещиной в пластике, но ему все было видно. Видна ванная, если там горел свет. Иногда удавалось поймать момент, когда они стояли прямо перед дырочкой. Иногда он мог видеть их отражение в зеркале на двери позади них. Но главное — он мог их видеть. Все их секреты. Пускай себе шлюхи смеются. Он знает о них больше, чем они думают.

Трудно было сосредоточиться, все расплывалось перед глазами. Он чувствовал головокружение и жар. Головокружение и жар. Отчасти из-за виски, отчасти от возбуждения. Но главное — из-за нее.

Да, она была в ванной, стояла лицом к стене. Но она не заметит его дырочку. Никто из них никогда ничего не замечал. Она улыбнулась, распуская волосы. Изогнулась, спустила чулочки. А когда выпрямилась, да, да, она сейчас сделает это, она снимает платье через голову, ткань скользит все выше и выше, он видит ее лифчик, он видит ее трусики, — только не останавливайся, только не отворачивайся!

Но она все-таки отвернулась, и Норман чуть было не крикнул тогда: «Стой, шлюха, не уходи!», но вовремя опомнился; и тут он заметил, что она расстегивает лифчик, стоя перед зеркалом на двери, и ему все видно! Только вот в зеркале мелькали волнистые, искривленные линии, и слепящие огоньки, из-за которых кружилась голова, так что трудно было что-нибудь разглядеть, пока она не отошла немного в сторону. Теперь он видел все...

Она хочет их снять, да, сейчас она снимет их, она снимает трусики, и ему все видно; она стояла прямо перед зеркалом и делала знаки!

Неужели она знает? Неужели она все знала с самого начала, знала про его дырочку в стене, знала, что он подсматривает? Неужели она хотела, чтобы он на нее смотрел, нарочно смущала его, шлюха? Она изгибалась из стороны в сторону, взад и вперед, а теперь поверхность зеркала снова стала волнистой, стала расплываться, и она тоже стала расплываться, он не может вынести этого, он сейчас начнет стучать кулаком по сте-

не, он закричит, чтобы она прекратила, потому что она предается сейчас скверне, пороку, и должна прекратить это, пока он тоже не стал порочным и скверным, как она. Вот чем страшны шлюхи, они сделали тебя порочным, она была шлюха, все женщины шлюхи и Мама тоже...

Неожиданно девушка куда-то исчезла, уши заполнил странный рокот. Он звучал все громче и громче, сотрясая стену, растворяя в себе слова и мысли. Рокот шел изнутри, из головы, и он оторвался от стены, снова опустился на стул. Я пьян, сказал он себе. Я сейчас отключусь.

Но дело было не только в этом. Рокот не утихал, и в нем он мог услышать еще какой-то звук. Дверь конторы открывается. Но это невозможно. Он ведь закрыл ее, верно? И ключ все еще был у него. Как только он откроет глаза, Норман найдет его. Но он не может открыть глаза. Он боится. Потому что теперь он все понял.

У Мама тоже был ключ.

У нее был ключ от своей комнаты. У нее был ключ от дома. У нее был ключ от конторы.

Вот она стоит рядом, смотрит на него сверху вниз. Может быть, подумает, что он просто заснул. Зачем она вообще пришла сюда? Услышала, как он пошел провожать девушку, спустилась, чтобы шпионить за ним?

Норман откинулся на стуле, боясь пошевелиться, не желая шевелиться. С каждой секундой двигаться становилось все труднее и труднее, даже если бы он и захотел. Рокот немного улегся, мерный шум убаюкивал, словно качая его на волнах. Приятно. Мальчика качают, пока он не уснет, над ним стоит Мама...

Но она ушла. Не сказав ни слова, повернулась и вышла. Больше бояться нечего. Она пришла, чтобы защитить своего мальчика от злых шлюх. Да, так и есть. Она пришла к нему на помощь. Каждый раз, когда он нуждался в помощи, появлялась Мама. Теперь можешь спокойно уснуть. Это очень просто. Нужно только погрузиться в рокот и проплыть дальше. Здесь царил тишина и спокойствие. Сон, спокойный сон.

Норман внезапно пришел в себя, резко откинувшись назад. Господи, как голова раскалывается! Он отключился прямо здесь, сидя на стуле, по-настоящему потерял сознание. Неудивительно, что в ушах теперь разда-

вался мерный гул, какой-то рокот. Рокот. Он ведь уже слышал этот звук. Только когда — час, два назад?

Теперь он понял, откуда шум. За стеной текла вода, кто-то включил душ. Вот в чем дело. Девушка принимает душ. Но это началось очень давно. Не может она до сих пор быть в ванной, верно?

Он нагнулся вперед, отодвинул висящую на стене лицензию. Прищурясь, Норман стал глядеть на ярко освещенную ванную комнату. Никого нет. Сбоку находился душ, но он не мог разглядеть, есть ли там кто-нибудь. Занавески задернуты, ничего не было видно.

Может быть, она забыла про душ и заснула, не включив воду. Странно, как она может спать при таком грохоте, но ведь ему этот грохот не помешал заснуть только что, возможно, усталость валит с ног не хуже виски.

Так или иначе, здесь как будто все в порядке. В ванной ничего необычного не было. Норман снова внимательно оглядел комнату, и тут он увидел, что случилось с полом.

Из-под душевой на кафель пола натекла вода. Немного, крошечный ручеек, струящийся по белому кафелю. Ручеек воды.

Воды? Но ручеек был розового цвета. И в воде нет крошечных прожилок красного, прожилок, похожих на вены. Она, наверное, поскользнулась, упала и расшиблась, решил Норман. Его начала охватывать паника, но Норман знал, что надо сделать. Он схватил со стола ключи и выбежал из конторы. Быстро выбрал нужный ключ и открыл дверь. В спальне никого не было, но на кровати лежал раскрытый чемодан. Значит, она все еще здесь; Норман правильно догадался, девушка расшиблась, когда была под душем. Придется зайти в ванную.

Только когда он ступил на кафельный пол, Норман вспомнил об этом. Слишком поздно. Панический страх прорвался наружу, но что теперь сделаешь? Все равно он теперь вспомнил...

У Мамаы есть ключи и от комнат мотеля.

Когда он отвернул занавеску и увидел изрубленный, скорчившийся на полу кусок кровавого мяса, он понял, что Мама использовала эти ключи.

Норман запер за собой дверь и пошел к дому. Одежда висела на нем, словно тряпка. Мокрая, и, конечно, запачкана кровью, а потом его вырвало так, что он забрызгал весь кафель.

Но одежда — не самое главное. Есть вещи поважнее. Сначала надо их привести в порядок.

На этот раз он разберется с проблемой раз и навсегда. Он отдаст Маму туда, где она давно уже должна находиться. Другого выхода нет.

Панический страх, ужас, отвращение и тошнота, — все прошло, уступив место опьяняющей решимости. То, что случилось, было трагедией, невыразимо страшным событием, но больше такого не произойдет. Он чувствовал себя новым человеком, — словно только теперь обрел право быть самим собой.

Норман торопливо взобрался на крыльцо дома и нажал ручку двери. Она была не заперта. В гостиной еще горел свет, но там никого не было. Он быстро огляделся по сторонам, затем поспешил по лестнице на второй этаж.

Дверь в Мамину комнату была распахнута, свет настольной лампы проникал в холл. Он вошел, даже не подумав постучать. Все — больше нет смысла играть в эту игру. Теперь ей не уйти от ответа.

Не уйти...

Но ведь она ушла!

Спальня была пуста.

Он заметил примятые простыни на том месте, где она недавно лежала, откинутое одеяло, раздвинутые занавески на старинной кровати с пологом, ощутил едва различимый терпкий запах, еще витавший в воздухе. В углу все так же примостилось кресло-качалка, а на туалетном столике в неизменном порядке стоят безделушки. Все было как всегда; в Маминой комнате никогда ничего не менялось. Но Мама исчезла.

Он подошел к шкафу, перебрал одежду на вешалках. Здесь острый запах пронизывал все, так что Норман чуть не задохнулся, но к нему еще примешивался какой-то другой. Только когда нога его ступила на что-то скользкое и липкое, Норман посмотрел вниз и понял, откуда этот незнакомый запах. На полу, скомканное,

лежало одно из платьев Мамы, вместе с ее шарфом. Он нагнулся, чтобы поднять их, и содрогнулся от омерзения, заметив темно-красные пятна засохшей крови.

Значит, она все-таки потом вернулась сюда; вернулась, переделалась в чистое и снова ушла.

Он не может вызвать полицию.

Это важно помнить всегда. Нельзя вызывать полицию. Даже сейчас, когда он знает, что она ушла, нельзя вызывать полицию. Потому что она не отвечает за свои действия. Она больна.

Одно дело — осознанное, хладнокровно задуманное убийство, но болезнь — совсем другое. Если у человека поврежден рассудок, он не считается настоящим убийцей. Это все знают. Только вот иногда суд не верит этому. Норман читал о таких делах. Но даже если они поверят, что она больна, ее все равно заберут отсюда. Не в лечебницу, нет, в одно из этих страшных заведений. В Госпиталь штата для душевнобольных преступников.

Норман обвел взглядом чистенькую старомодную комнату, на обоях которой переплетались выющиеся розы. Он не может отнять у Мамы все это, он не может допустить, чтобы ее заперли в убогой камере. Сейчас ему ничего не угрожает — ведь полиция не знала о существовании Мамы. Она не выходила за пределы дома, так что никто не знал... Той девушке можно было сказать про Маму, потому что она уедет и никогда не увидит больше их дом. Но полиция не должна ничего знать о Маме и ее повадках. Они запрут ее, так что Мама сгниет там заживо. Что бы она ни сделала, такого Мама не заслужила.

И ее никогда не схватят, потому что никто не знает, что она совершила.

Теперь он четко сознавал, что сможет скрыть это от всех. Сейчас нужно просто обдумать то, что случилось, обдумать все события, начиная с сегодняшнего вечера, обдумать хорошенько.

Девушка приехала сюда одна, сказала, что была за рулем весь день. Значит, она никуда не заезжала. К тому же, она, кажется, не знала, где находится Фервел, а в разговоре ни разу не упомянула другие города поблизости, так что скорее всего не собиралась навестить там кого-нибудь. Тот, кто ждал ее приезда, — если ее вообще ждали, — живет, очевидно, где-то дальше на севере.

Конечно, все это просто рассуждения, но получается вполне логично. Что ж, придется рискнуть и предположить, что он сейчас прав.

Да, она расписалась в книге регистрации, но это ничего не значит. Если кто-нибудь начнет расспрашивать, он скажет, что девушка провела в мотеле ночь и уехала.

Надо избавиться от тела и машины, а после постараться убрать следы,— вот и все, что от него требуется.

Ну, вторая часть работы будет нетрудной; он уже знал, как это сделать. Приятного мало, конечно, но и особых трудностей не предвидится.

И он избавится от необходимости сообщать в полицию. А Мама будет избавлена от страшной расплаты.

О нет, он не собирается отступать от своего решения; теперь от этого не уйти, и он обязательно разберется с Мамой, но только после.

Серьезная проблема — как уничтожить улики. «Корпус деликти».

Мамино платье и шарф придется сжечь, одежду, которая сейчас на нем,— тоже. Нет, лучше сделать это после того, как он избавится от тела.

Норман скатал окровавленную ткань и отнес ее вниз. Сдернул с вешалки в коридоре старую куртку и комбинезон, скинул свою одежду на кухне и натянул их. Сейчас нет смысла умываться — все это подождет, пока Норман не закончит грязную работу.

Но Мама-то не забыла умыться, когда вернулась. Здесь, в кухонном умывальнике, были ясно видны розовые пятна и следы румян и пудры.

Когда он вернется, надо не забыть все тщательно вымыть, отметил он про себя. Потом Норман сел и переложил в карманы комбинезона все, что было внутри превратившейся в тряпки одежды. Жаль выбрасывать хорошие вещи, вроде этих, но ничего не поделаешь. Если хочешь что-то сделать для спасения Мамы...

Норман спустился в подвал и открыл дверь старой кладовой, где хранились фрукты. Он нашел, что искал,— негодная корзина для белья с закрывающейся на пружину крышкой. Она достаточно большая и прекрасно подойдет сейчас.

П р е к р а с н о п о д о й д е т,— господи, как можно думать такое о вещах, которые ты собираешься сделать?

Он передернулся, представив себе, что ему предсто-

ит, потом с шумом втянул в себя воздух. Сейчас нет времени на самоанализ или самобичевание. Надо думать только о деле, собраться. Надо быть очень собранным, очень внимательным и хладнокровным.

Норман хладнокровно запихал перепачканную одежду в корзину. Хладнокровно взял со стола рядом со ступеньками, ведущими в подвал, кусок клеенки. Хладнокровно и спокойно вернулся наверх, включил в кухне свет, выключил свет в коридоре и шагнул в темноту, неся с собой корзину, прикрытую клеенкой.

Здесь, в темноте, труднее оставаться хладнокровным. Труднее заставить себя не думать о сотне вещей, из-за которых может все рухнуть.

Мама ушла из дома — куда? Может быть, она бредет по шоссе, чтобы ее увез с собой любой, кто проедет мимо? Может быть, она все еще в шоке от происшедшего, и истерика заставила ее выболтать правду первому встречному? Она вправду убежала или просто пошла куда глаза глядят, словно во сне, не соображая, что делает? Может быть, она прошла к лесу позади их дома, по узкой десятиакровой полоске принадлежащей им земли, протянувшейся до болот? Может быть, ему лучше сначала поискать ее?

Норман вздохнул и покачал головой. Он не может рисковать. Особенно сейчас, когда в мотеле, в ванной, скорчившись лежит истерзанный кусок мяса. Оставлять все так гораздо опаснее.

У него хватило сообразительности, чтобы выключить свет и в конторе, и в ее номере, прежде чем уйти. Но все равно, кто может знать, не придет ли в голову какому-нибудь полуночнику заявиться сюда и совать нос всюду в поисках хозяина? Сейчас такое бывало редко, но все-таки время от времени сигнал отмечал появление очередного постояльца; иногда это случалось в час-два ночи. И по крайней мере один раз каждую ночь мимо проезжала полицейская патрульная машина. Они почти никогда здесь не останавливались, но все может случиться.

Он, спотыкаясь, бред сквозь непроглядную мглу безлунной ночи. Дорожка была посыпана гравием, и ее не размыло, но земля за домом наверняка стала мягкой от дождя. Останутся следы. Вот еще одна проблема. Он оставит следы, которых даже не сможет заметить! Если

бы только сейчас стало светло! И как-то сразу эта мысль заслонила все другие — скорее уйти от темноты...

Норман почувствовал огромное облегчение, когда в конце концов добрался до цели, открыл дверь в комнату девушки и занес туда корзину; потом опустил ее на пол и включил свет. Мягкое сияние на мгновение заставляло его расслабиться, но потом Норман вспомнил, что позволит ему увидеть этот свет, когда он войдет в ванную.

Он стоял в центре спальни, он начал дрожать.

Нет, я не смогу сделать это. Я не смогу глядеть на нее. Я не зайду туда! Нет!

Но ты должен. Другого выхода нет. И перестань говорить сам с собой!

Это было важнее всего. Он должен перестать. Он должен снова стать хладнокровным и спокойным, как раньше. Он должен взглянуть в лицо реальной жизни.

Но что такое реальная жизнь?

Труп девушки. Девушки, которую убила его мать. Страшное зрелище, страшная реальность.

Если он убежит, это не вернет девушке жизнь. И если выдать Маму полиции, она тоже не воскреснет. Лучшее, что можно сделать, единственное, что можно сделать,— избавиться от улики. И не из-за чего чувствовать себя виноватым.

Но он не смог сдержать тошноты, головокружения, спазмов, сжимавших желудок, когда пришлось войти в ванную и сделать то, что надо было сделать. Нож он увидел почти сразу, он лежал под телом. Норман немедленно опустил его в корзину. В карманах комбинезона он нашел пару перчаток; пришлось надеть их, прежде чем Норман смог заставить себя прикоснуться к остальному. Страшнее всего было с головой. Больше ничего отрублено не было, только глубокие порезы, и ему пришлось сначала подогнуть ноги и сложить руки обезглавленного трупа, а потом завернуть в клеенку и запихнуть в корзину поверх скомканной одежды. Когда все было сделано, он плотно захлопнул крышку.

Оставалось еще вычистить ванную и душевую, но это он делает, когда вернется.

Теперь надо вытащить корзинку в спальню, оставить ее там, найти сумочку девушки и взять оттуда ключи от машины. Норман осторожно приоткрыл дверь,

всматриваясь в дорогу, ища глазами огни машин. Ничего — никто не проезжал здесь в течение нескольких часов. Можно только надеяться, что никто и дальше не появится.

Он весь покрылся потом еще до того, как с трудом открыл багажник машины и запихнул туда корзину; вспотел не от усилий — от страха. Но он все сделал как надо, а потом, в комнате, принялся запихивать разбросанные платья в сумку и большой чемодан, лежащий на кровати. Он собрал туфли, чулки, лифчик, трусики. Хуже всего было, когда пришлось взять в руки лифчик, трусики. Если бы желудок не был пустым, его бы стошнило. Но в желудке было пусто, он словно высох от страха, и страх покрыл каплями пота кожу.

Что теперь? Платки, шпильки — мелочи, которые женщины оставляют в разных местах комнаты. Да и еще кошелек. Там было немного денег, Норман даже не заглянул внутрь. Зачем ему деньги? Он просто хотел избавиться от всего этого — и быстро, пока еще ему сопутствовала удача.

Он положил вещи в машину, на переднее сиденье. Потом запер дверь комнаты на ключ. Снова осмотрел шоссе. Никого.

Норман включил зажигание и передние фары. Здесь таилась опасность. Но без зажженных фар он не сможет добраться до цели, особенно когда поедет через лес. Он ехал медленно, вверх по дорожке позади мотеля, по гравию, устлавшему путь к дому. Гравием была посыпана и дорога, ведущая к задней стороне здания, заканчивающаяся у старого сарая, приспособленного под гараж для машины Нормана.

Он переключил скорость, и колеса зашуршали по траве. Теперь он вел машину по полю, то и дело подскакивая на сиденье. Через поле тянулась полоса изрытой колесами земли, — он нашел ее. Время от времени Норман ездил по этому пути на своей машине с прицепом в лес, окаймлявший болота, чтобы собрать дрова для кухонной печи.

Это он и сделает завтра, решил Норман. Сразу, как встанет, отправится как всегда на машине с прицепами к тому месту. Тогда следы от колес его машины покроют сегодняшние. А если возле болот останутся следы ног, завтрашняя поездка объяснит и их.

Может, и не придется ничего объяснять. Остается только надеяться, что удача не покинет его.

Удача сопутствовала ему, когда он достиг края трясины; она помогла Норману сделать все, что нужно было сделать. Он отключил фары и продолжил работу в темноте. Это было нелегко и заняло много времени, но он все-таки смог сделать всё как надо. Включив зажигание, дал задний ход, выскочил из машины и смотрел, как она медленно катится вниз по склону в мутную трясину. На склоне тоже останутся следы шин, надо не забыть потом разровнять там землю. Но сейчас это было неважно. Главное, чтобы затонула машина. Теперь он мог видеть, как жидкая грязь пузырится и булькает, медленно всасывая колеса. О господи, она должна затонуть! Если сейчас ничего не получится, он не сможет вытянуть ее оттуда и повторить все снова. Она должна затонуть! Мутная жижа медленно, очень медленно наползала на крылья. Сколько уже он стоит здесь? Кажется, прошли многие часы, а машина все еще не скрылась в болоте. Но вот жижа достигла ручки дверцы; под ней скрывается лобовое стекло, боковые стекла. Стояла мертвая тишина; болото медленно и беспощадно заглатывало машину, сантиметр за сантиметром. Теперь был виден только ее верх. Неожиданно раздался странный шум, словно великан громко тянул в себя воду, отвратительный чавкающий звук: хлоп! И машина исчезла. Она скрылась под поверхностью болота.

Норман не знал, какая здесь глубина. Он мог только надеяться, что машина продолжит свой путь, пока не достигнет дна, откуда никто ее не достанет.

Он отвернулся, поморщившись. Ну что ж, эта часть работы сделана. Машина затонула в болоте. Корзина заперта в багажнике. Тело лежит внутри корзины. Скорченное туловище и окровавленная голова...

Но он не может думать об этом. Он не должен думать об этом. Еще не вся работа выполнена.

И он выполнил эту работу, двигаясь словно автомат. В конторе нашел мыло и моющий порошок, щетку и ведро. Сантиметр за сантиметром, он выскреб ванную; потом настал черед душевой. Когда он сосредоточивал все внимание на том, чтобы ничего не пропустить, было не так тяжело, хотя запах заставлял желудок сжиматься.

После Норман снова внимательно осмотрел спальню. Удача все еще не покинула его: под кроватью он нашел сережку. Тогда, вечером, он не заметил в ее ушах сережек; но, наверное, она все же носила их. Может быть, серьга выпала, когда девушка распускала волосы. Если же нет, где-то здесь должна быть вторая. У Нормана глаза слипались от утомления, но он продолжил поиски. В комнате ничего не было: значит, серьга лежит где-то среди ее вещей, или осталась в ухе. Так или иначе, сейчас это не имеет никакого значения. Просто надо избавиться от находки. Завтра он бросит серьгу в болото.

Теперь остался только дом. Осталось вычистить умывальник в кухне.

Когда он вошел в холл, дедушкины часы показывали почти два часа. Глаза все время слипались, но он заставлял себя смывать пятна с верхнего края раковины. Потом стянул покрытые высохшей грязью башмаки, комбинезон, сорвал с себя куртку и носки и помылся. Вода была ледяной, но это не взбодрило его. Тело словно потеряло чувствительность.

Завтра утром он вернется на своей машине к тому месту, на нем будет та же одежда; неважно, что она залепана грязью и тиной. Главное, нигде не останется пятен крови. На его одежде, на его теле, на руках.

Ну вот. Он опять стал чистым. Его руки чисты. Он способен двигать онемевшими ногами, заставляя их нести онемевшее тело вверх по лестнице, в спальню; теперь юркнуть в постель и заснуть. Заснуть с чистыми руками...

Уже в спальне, натягивая пижаму, он вспомнил, что осталась еще одна проблема.

Мама не вернулась домой.

Она все еще бродила где-то, Бог знает где, посреди ночи. Он должен снова одеться и выйти из дома, он должен найти ее.

Должен? А почему?

Мысль прокралась в голову, когда оцепенение уже мягко, незаметно обволакивало сознание, волю и кутало их в шелковое покрывало тишины.

Почему он должен думать о Маме после всего, что она натворила? Возможно, ее уже забрали, или скоро заберут. Возможно, она даже выболтает все, что произошло. Но кто ей поверит? Нет доказательств, теперь

уже нет. Ему просто надо все отрицать. Может быть, не придется делать даже этого, каждый, кто увидит маму, услышит ее дикие признания, поймет, что она полоумная. И тогда они запрут ее, запрут в комнате, от которой у нее не будет ключа, из которой она не сможет выбраться, как выбралась сегодня; и все кончится.

Раньше, вечером, такое не приходило ему в голову, он чувствовал себя по-другому, вспомнил Норман. Но все это было до того, как пришлось вновь зайти в ванную, до того, как пришлось откинуть занавески душевой и увидеть... страшное.

Это Мама во всем виновата, из-за нее он страдает. Из-за нее пострадала несчастная беззащитная девушка. Она взяла мясницкий тесак; этим тесаком Мама рубила и резала живую плоть — только маньяк способен на такое дикое зверство. Надо смотреть правде в лицо. Она и есть маньяк. Она заслуживает того, чтобы ее изолировали, ее необходимо изолировать не только ради безопасности других, но и для ее собственного блага.

Если кто-нибудь подберет ее на дороге, он позаботится, чтобы все так и произошло.

Но на самом деле она вряд ли пойдет к шоссе. Скорее всего, Мама прячется где-то рядом с домом или во дворе. Может быть, она даже прокралась вслед за ним к болотам; следила за ним все это время. Да, если она действительно сошла с ума, все может случиться. Если Мама и вправду пошла за ним туда, возможно, она поскользнулась. Вполне возможно, там было совсем темно. Перед глазами встала картина: машина погружается в темную пучину, как в зыбучие пески.

Его мысли путались; он с трудом сознавал, что лежит в постели, уже давно лежит в постели, под одеялом. Но теперь он не размышлял, что делать дальше, и не думал о Маме, о том, где она сейчас. Теперь он видел ее. Да, он ясно видел ее, и в то же время чувствовал, что веки сомкнуты, и понимал, что лежит с закрытыми глазами.

Он смотрел на Маму; она была в трясине. Вот где она была, в трясине, свалилась в темноте со склона, и теперь ей не выбраться. Жидкая грязь пузырилась вокруг колен, она пыталась дотронуться до ветки, до чего-нибудь, чтобы вытянуть себя из болота; бесполезно. В трясину ушли бедра, платье задралось и облепило те-

ло, собравшись складками между ног. Бесстыжий мальчишка, нельзя смотреть.

Но ему хотелось смотреть на нее, ему хотелось смотреть, как она погружается в мягкую, обволакивающе-скользкую, влажную темноту. Она заслужила это, она заслужила смерть в трясине, она уйдет в трясину вместе с несчастной, ни в чем не повинной девушкой. Так ей и надо. Еще немного, и он навеки избавится от той, и от другой — от жертвы и от убийцы, от Мама, от ведьмы, шлюхи-Мама, она будет там в грязной липкой жиже, пусть так будет, пусть она утонет в отвратительной грязи...

Теперь жижа поднялась выше ее груди, нельзя думать о таких вещах, он никогда не позволял себе думать о Маминой груди, он не должен, и хорошо, что они исчезают, навсегда погружаются в темноту, так что никогда не надо будет думать о таких вещах. Но теперь она задыхалась, словно рыба, ловила ртом воздух; из-за этого он тоже задыхался; он чувствовал, что задыхается вместе с Мамой, и тогда (но это сон, это должен быть просто сон!) вдруг все стало наоборот: Мама стояла на твердой земле, на краю болота, а тонул он, Норман. Он погрузился в жижу по самую шею, и некому прийти на помощь, неоткуда ждать спасения, не за что уцепиться, разве что Мама протянет руку. Она может спасти его, только она! Норман не хочет утонуть, он не хочет задохнуться в болоте, он не хочет уйти на дно, как ушла на дно девушка-шлюха. Теперь он вспомнил, почему шлюха здесь; она здесь, потому что ее убили. Ее убили, потому что она была грешницей. Она обнажила себя перед ним, нарочно дразнила его, соблазняла скверной своего тела. Ведь он и сам хотел убить ее, когда она начала искушать его, потому что Мама все рассказала ему о грехе и пороке, о том, как Дьявол принимает личины и сеет порок, и о том, что «не должно оставлять ведьму-шлюху в живых»...

Мама сделала это, чтобы защитить его. Нельзя просто смотреть, как она умирает, она была права. Он нуждался в ней сейчас, а она — в нем, даже если она полоумная, она не даст ему уйти на дно. Она не может.

Мерзкая жижа обхватывала горло, ласкала губы; когда он откроет рот, она проникнет внутрь, но пришлось сделать это, чтобы закричать. Он кричал: «Мама, Мама, спаси меня!»

Потом болото вокруг него исчезло, он снова был в своей кровати, среди родных стен, и тело было мокрым от пота, а не от липкой, влажной мерзости. Теперь он понял, что это был сон, даже еще не слыша ее голоса, голоса Мамы, сидящей возле кровати.

— Все хорошо, сынок. Я с тобой. Все хорошо. Все в порядке.— Он чувствовал тяжесть ее руки на лбу, рука была прохладной, как высохший пот. Он хотел открыть глаза, но Мама сказала: — Спокойно, сынок. Тебе надо снова заснуть.

— Но я должен объяснить тебе...

— Я знаю. Я все видела. Ты ведь не думал, что я уйду и оставляю тебя одного, правда? Ты все сделал правильно, Норман. И сейчас все хорошо, все в порядке.

Да. Все было правильно, как и должно было быть. Она здесь, чтобы защитить его. Он — чтобы защитить ее. Уже погружаясь в сон, Норман окончательно принял решение. Они не будут упоминать о том, что произошло сегодня ночью,— ни сейчас, ни завтра. Никогда. И он больше не будет думать о том, чтобы отдать ее куда-нибудь. Что бы она ни сделала, ее место здесь, рядом с ним. Может быть, она полоумная, может быть, она убийца, но больше у него никого не было. И больше никого не нужно. Ему нужно одно — знать, что она рядом с ним, когда он засыпает в своей постели.

Норман вздрогнул, повернулся; наконец темная пучина, глубже и страшнее любого болота, неудержимо стянула его на самое дно.

6

Ровно в шесть вечера, в пятницу, произошло небольшое чудо.

В маленькой задней комнате единственного в Фервеле магазина, торгующего всем, что может пригодиться в фермерском хозяйстве, появился сам Отторино Респиги со своими знаменитыми «Бразильскими мотивами».

Отторино Респиги уже давно скончался, а оркестр исполнял его бессмертное творение за много сотен миль отсюда.

Но стоило только Сэму Лумису протянуть руку и включить крошечный радиоприемник, как музыка наполнила комнатку, бросая вызов пространству, времени и даже смерти.

Сэм считал это самым настоящим чудом.

На мгновение он пожалел, что рядом никого нет. Чудо нужно встречать вместе с друзьями. Музыку нужно слушать в компании. Но в этом городе никто не сможет оценить ни музыку, ни простое чудо ее появления здесь. Жители Фервела старались трезво смотреть на вещи. Брось пятнадцатипентовую монетку в музыкальный автомат в баре, или включи телевизор — будет тебе музыка. В основном, рок-н-ролл, но, время от времени, — что-нибудь «культурное», вроде мелодии из «Вильгельма Телля», которую постоянно используют в вестернах. Ну что такого особенного в этом — в Отторине, как его там?

Сэм Лумис передернул плечами и улыбнулся. Нет, ему жаловаться не на что. Может, жители этого городишки ни черта не понимают в настоящей музыке, но по крайней мере они никак не мешают ему насладиться ею. А он — не пытается никому навязать свои вкусы. Все честно.

Сэм извлек из свет массивную книгу учета и положил на кухонный стол. Здесь будет его письменный стол. А он сам будет своим же бухгалтером.

Один из минусов жизни — в задней комнатке магазина. Тут не было свободного места, и каждый предмет выполнял множество функций. Но Сэм не роптал. Судя по тому, как сейчас шли дела, ему недолго осталось терпеть.

Быстрый взгляд на цифры, казалось, подтверждал его оптимизм. Надо будет еще проверить список товаров, которые необходимо заказать, кажется, в этом месяце он сможет вернуть тысячу долларов. Значит, за полгода он отдал три тысячи. А ведь сейчас не сезон. С приходом осени дела еще больше оживятся.

Сэм быстро сделал расчеты на клочке бумаги. Да, вроде бы удастся. Чертовски приятная новость. Мери тоже будет приятно узнать это.

В последнее время она была настроена довольно-таки мрачно. По крайней мере, судя по письмам, приходящим время от времени. Если вообще что-нибудь приходило. Кстати, от Мери давненько не было никаких известий. Он снова написал ей в прошлую пятницу, а ответа так и не получил. Может, заболела? Нет, если дело в этом, он получил бы весточку от ее сестренки, Лилы, или как

там ее. Вполне может быть, что Мери просто во всем разочаровалась, что у нее приступ черной меланхолии. Да и неудивительно. Сколько ей пришлось пережить.

Ему, конечно, тоже не сладко приходится. Не очень-то просто жить вот так. Но другого выхода нет. Мери все понимала и согласилась немного подождать.

Может, бросить все на несколько дней, оставить Саммерфилда за старшего и проехать к Мери? Свалиться как снег на голову и поднять ей настроение хоть немного? А что, это идея. Сейчас никакой особой работы не было. Боб вполне сможет один управиться.

Сэм вздохнул. Музыка, наполнявшая комнату, теперь переходила в минорные тона. Здесь начинается тема сада змей. Да, точно, он узнает эти скользящие звуки скрипок, мерный ритм барабана, на который, словно извиваясь, наползает дразнящая мелодия флейты. Змеи. Мери не любит змей. И музыку вроде этой, должно быть, тоже не любит.

Иногда ему закрадывалась в голову такая мысль: может, они все-таки поторопились со своими планами? Действительно, ведь они совсем не знают друг друга. Не считая времени, проведенного вместе на лайнере, и еще двух дней, когда Мери приезжала к нему прошлым летом, они никогда не были вместе. Письма... они только усугубляли положение. Потому что, читая их, Сэм начал понемножку узнавать совсем другую, незнакомую ему Мери — капризную, раздражительную, способную сразу определить человека как «плохого» или «хорошего», что граничило с предубеждением.

Он пожал плечами. Что это на него нашло? Может, во всем виновата мрачная музыка? Сэм почувствовал, как напряглись мускулы шеи. Он прислушался, пытаясь определить, в чем дело. Что-то не так, он чувствовал это, что-то резануло его слух.

Он встал, отодвинув стул.

Сейчас он ясно слышал этот звук. Едва слышное щелканье у входа. Теперь все понятно: кто-то дергал за ручку двери.

Магазин закрыт на ночь, на окнах шторы; может, какой-нибудь турист? Да, скорее всего; здешние жители знали, когда он закрывает свою лавочку, знали, что он живет в задней комнате. Если соседям понадобилось что-нибудь от него в такое время, они бы сначала позвонили.

Что ж, бизнес есть бизнес, с кем бы ни пришлось иметь дело. Сэм направился в магазин, быстро шагая по плохо освещенному проходу. Стекло двери было задернуто шторой, но теперь до него ясно доносился шум: дверь дергали так, что на прилавке, где была расставлена всякая мелочь, позвякивали горшки и кастрюли.

Должно быть, тут и в самом деле что-то неотложное: скажем, нужно срочно сменить лампочку в игрушечном фонарике сынишки.

Сэм пошарил в кармане, вытащил ключ.

— Хорошо, хорошо,— громко сказал он.— Сейчас открою.— И тут же распахнул дверь, даже не вытащив ключ из замка.

Она стояла на пороге; ее силуэт ясно вырисовывался на фоне яркого света уличного фонаря на обочине. На мгновение Сэм застыл от неожиданности, потом шагнул к ней и крепко обнял.

— Мери! — пробормотал он и жадно прильнул к губам любимой, испытывая одновременно благодарность и облегчение. Но ее тело застыло и напряглось, она попыталась вырваться и замолотила по его груди кулаками. В чем дело?

— Я не Мери! — выдохнула девушка.— Я Лила.

— Лила? — Сэм отпрянул от нее.— Сестрен... то есть, я хотел сказать, младшая сестра Мери?

Девушка кивнула, и он смог разглядеть ее лицо, повернутое в профиль; свет фонаря заставил сверкать и переливаться волосы. Она была светлой шатенкой, намного светлее, чем Мери. Теперь он заметил другие различия: иная форма чуть вздернутого носика, скулы немного шире. К тому же девушка была не такой высокой, как Мери, плечи и бедра — уже.

— Извините,— пробормотал он.— Все из-за этой проклятой темени.

— Ничего страшного,— голос тоже был совсем другой: более низкий и мягкий.

— Заходите, пожалуйста.

— Вообще-то...— она замялась, бросила быстрый взгляд себе под ноги; Сэм заметил небольшой чемодан.

— Давайте-ка я вам помогу.— Он поднял чемодан; проходя мимо Лилы, включил свет.— Идите за мной,— сказал он ей.— Я живу в комнате за магазином.

Она неслышно следовала за ним. Но полной тишины

не было, потому что музыкальная фантазия Респиги все еще доносилась из комнаты. Когда они вошли в его неуютное жилище, Сэм потянулся, чтобы выключить радио, но Лила протестующе подняла руку.

— Не надо,— попросила она.— Я пытаюсь определить, кто автор. Вилле-Лобос?

— Респиги. Бразильские мотивы. По-моему, записи выпускает «Урания».

— А, понятно. Такие мы не заказывали.— Теперь он вспомнил: Лила работает в магазине грампластинок.

— Хотите, чтобы я оставил музыку или выключил радио? — спросил Сэм.

— Выключите. Нам надо поговорить.

Он кивнул, протянул руку к транзистору, потом повернулся к ней.

— Садитесь. И снимайте пальто.

— Спасибо. Я ненадолго. Надо будет найти, где остановиться.

— Решили навестить меня? Надолго сюда?

— Только на ночь. Утром, скорее всего, уже уеду. На самом деле, я не навестить вас приехала. Я разыскиваю Мери.

— Разыскиваете...— Сэм в изумлении уставился на нее.— Но для чего бы ей приезжать сюда?

— Я надеялась, что вы мне об этом расскажете.

— Да откуда я знаю? Ее здесь нет.

— А раньше? Я хочу сказать, она не появлялась в начале недели?

— Ну конечно, нет. Я не видел ее с прошлого лета.— Сэм опустился на кресло-кровать.— Что случилось, Лила? В чем дело?

— Хотела бы я знать.

Она отвела взгляд, сидела, уставясь на свои руки. Руки лежали на коленях, пальцы беспокойно двигались, комкали ткань юбки, словно змеи. Теперь, при ярком свете, Сэм заметил, что ее волосы были очень светлыми, почти золотистыми. Она несколько не походила на Мери. Совсем другая девушка. Измотанная, несчастная.

— Пожалуйста, Лила,— произнес он.— Расскажите мне все.

Неожиданно Лила подняла голову; ее широко расставленные карие глаза внимательно всматривались в лицо Сэма.

— Вы не обманывали меня, когда сказали, что Мери здесь не появлялась?

— Нет, это правда. Последние пару недель от нее и писем не было. Я уже начал беспокоиться. И тут вдруг врывается вы, и...— его голос сорвался.— Скажите, что случилось!

— Ну хорошо. Я вам верю. Но рассказывать особенно не о чем.— Она сделала глубокий вздох и снова заговорила; руки непрерывно двигались, теребя юбку.— В последний раз я видела Мери неделю назад, ночью. Той же ночью я уехала в Даллас, чтобы там встретиться с поставщиками: теперь я заказываю товар для магазина. Ну, неважно; я провела там весь уик-энд и в воскресенье, поздно ночью, отправилась домой на поезде. Приехала я в понедельник рано утром. Мери дома не было. Сначала я ни о чем не беспокоилась: может, она ушла в свое агентство немного пораньше. Но обычно Мери звонит мне с работы, и в полдень, так и не дождавшись ее звонка, я решила сама связаться с агентством. Трубку взял мистер Ловери. Он сказал, что уже собирался звонить нам и выяснить, что случилось. Этим утром Мери не явилась на работу. Он ничего о ней не слышал и не видел сестру с пятницы.

— Подождите-ка минутку,— медленно произнес Сэм.— Я вот что хочу вычислить. Если я правильно понял, Мери исчезла неделю назад?

— Да, боюсь, что так

— Тогда почему со мной не связались раньше? — Он встал, чувствуя, как вновь напряглись мускулы шеи, как напряжение сдавливает горло, мешает говорить.— Почему вы ничего не сообщили мне, не позвонили? А в полицию обращались?

— Сэм, я...

— Вместо этого вы прождали целую неделю, а теперь приехали ко мне и спрашиваете, не видел ли я вашу сестру! Непонятно!

— В этом деле все непонятно, Сэм. Понимаете, полиция ничего не знает. И мистер Ловери не знает о вашем существовании. После того, что он мне рассказал, я согласилась не звонить в полицию. Но я так беспокоилась, мне было так страшно, и я подумала, что просто должна узнать точно. Вот почему сегодня я решила приехать и выяснить все сама. Мне казалось, что вы могли спланировать это вместе.

— Что спланировать? — выкрикнул Сэм.

— Вст на этот вопрос я тоже очень хотел бы услышать ответ,— голос был мягким, но черты лица человека, стоявшего на пороге комнаты, никак нельзя было назвать мягкими. Высокий, худой, с почти коричневой от загара кожей; серая широкополая шляпа-стетсон затеняла лоб, но глаза ясно видны. Голубые, как лед, холодные, как лед, глаза.

— Вы кто? — пробормотал Сэм.— Как попали сюда?

— Дверь в магазин была не заперта; я просто вошел внутрь. Мне хотелось кое-что узнать от вас, Лумис, но я вижу, мисс Крейн уже успела задать этот вопрос. Может, потрудитесь ответить нам?

— Ответить?

— Точно.— Высокий мужчина придвинулся ближе к Сэму, его пальцы скользнули в карман серого пиджака. Сэм инстинктивно поднял руки, но расслабился, увидев, что неизвестный извлек из кармана кожаный бумажник и раскрыл его.— Я Арбогаст, Милтон Арбогаст. Мне официально предоставлено право проводить расследование; представляю интересы компании Пэрити Мьючиал. Мы застраховали агентство Ловери, на которое работала твоя подружка. Вот почему я здесь. Я хочу знать, куда вы двое девали сорок тысяч долларов.

7

Серый стетсон Арбогаста лежал на столе, а пиджак висел на спинке одного из стульев Сэма. Арбогаст смял в пепельнице третий окуроч и немедленно закурил новую сигарету.

— Ну хорошо,— произнес он.— Значит, ты в течение прошлой недели ни разу не выезжал из Фервела. Тут я могу тебе поверить, Лумис. Не такой ты дурак, чтобы так глупо врать: уж больно просто мне будет проверить твои слова: поговорить с местными.— Сыщик медленно втянул в себя дым.— Конечно, это еще не доказывает, что Мери Крейн не встречалась с тобой здесь. Может быть, она пробралась в один прекрасный вечер к своему парню, когда магазин уже закрылся, вот как сегодня ночью ее сестра.

Сэм тяжело вздохнул.

— Но она-то ничего такого не сделала. Вы ведь

слышали, что только что сказала Лила. Я несколько недель не получал от Мери весточки. В тот самый день, когда она вроде бы исчезла, в прошлую пятницу, я послал ей письмо. Зачем мне было делать это, если я знал, что она сюда приедет?

— Чтобы обеспечить себе алиби, конечно. Неплохой ход.— Арбогаст яростно затынулся.

Сэм почесал в затылке.

— У меня бы мозгов не хватило до такого додуматься. Не такой уж я умный. Я ничего не знал насчет денег. Судя по тому, что вы нам рассказали, даже сам мистер Ловери не знал заранее, что в пятницу вечером кто-то принесет ему сорок тысяч наличными. И уж, конечно, Мери не могла знать. Как мы с ней смогли бы заранее договориться о чем-нибудь?

— Она могла позвонить тебе после того, как взяла деньги, ночью, и посоветовать написать это письмо.

— Проверьте на телефонной станции, звонил мне кто-нибудь или нет,— устало отозвался Сэм.— Они вам скажут, что за этот месяц у меня не было ни одного междугороднего разговора.

— Хорошо, значит, она тебе не звонила. Она просто приехала, рассказала обо всем, что случилось, и вы условились, что встретитесь позже, когда суматоха уляжется.

Лила прикусила губу.

— Моя сестра — не уголовница. Вы не имеете никакого права так говорить о ней.— Как вы докажете, что именно она взяла деньги? Может, мистер Ловери сам их украл. И выдумал всю эту историю, чтобы прикрыть...

— Простите,— пробормотал Арбогаст.— Понимаю ваши чувства, но Ловери тут ни при чем. Пока вора не поймают, пока не состоится суд и его не признают виновным, наша компания не выплатит страховку, и Ловери потеряет сорок тысяч. Так что он ничего не приобретет от такого дела. Вдобавок, вы забываете об очевидных фактах. Мери Крейн пропала. С того самого вечера, как получила деньги, она бесследно исчезла. Ваша сестра не отнесла их в банк. Она не спрятала их в вашей квартире. И все же деньги исчезли. Машина Мери тоже исчезла. Вместе с ней самой.— Очередная сигарета потухла, и окурочек отправился в пепельницу.— Все сходится: один к одному.

Лила тихо заплакала.

— Нет, не сходится! Почему вы не послушали меня, когда я хотела позвонить в полицию? Зачем только я позволила вам с мистером Ловери уговорить меня не делать шума: «если мы немного подождем, возможно, Мери решит возвратить деньги». Вы мне не поверили, но теперь я знаю, что была права. Мери не брала тех денег. Кто-то ее похитил. Кто-нибудь, кто знал о том, что деньги у нее...

Арбогаст пожал плечами, затем устало поднялся и подошел к девушке. Он похлопал Лилу по плечу.

— Слушайте, мисс Крейн, у вас ведь уже был разговор об этом, помните? Никто больше не знал о деньгах. Никто не похищал вашу сестру. Она отправилась домой, сама упаковала свои вещи, уехала на собственной машине, она была одна. Ведь владелица дома видела, как она уезжала. Так что давайте рассуждать логично.

— Я рассуждаю логично! Это вы ведете себя нелогично! Шпионить за мной, проследить до квартиры мистера Лумиса...

Сыщик покачал головой.

— Откуда вы взяли, что я приехал по вашим следам? — спокойно спросил он.

— Почему же вы появились здесь сегодня? Вы не знали, что Мери и Сэм Лумис решили пожениться. Никто не знал, кроме меня. Да вы даже не подозревали о его существовании!

Арбогаст снова качнул головой.

— Я знал. Помните, в вашей квартире, когда я просматривал ее стол? Я нашел вот этот конверт. — Он вынул его.

— Да, он адресован мне, — пробормотал Сэм и встал, чтобы взять бумагу.

Арбогаст отвел его руку.

— Тебе он ни к чему, — сказал он. — Внутри письма нет, — просто конверт. Но мне он пригодится, потому что адрес написан ее рукой. — Он помолчал. — Говоря честно, мне он уже пригодился, я работал с ним до среды; в среду утром я отправился сюда.

— Вы отправились сюда — в среду? — Лила промакнула глаза платочком.

— Точно. Я не следил за вами. Наоборот, я вас опередил. Адрес на конверте навел меня на след. Плюс фо-

тография Лумиса в рамке, над кроватью вашей сестры. «С любовью — Сэм». Конверт с адресом и портрет на стене: выводы напрашивались сами собой. И я решил представить себе, что бы я сделал на ее месте. Я только что позаимствовал сорок тысяч наличными. Мне нужно убраться из города — как можно быстрее. Куда? Канада, Мексика, Карибские острова? Слишком рискованно. К тому же, я не успел как следует спланировать свои действия. Моей первой мыслью, естественно, было бы укрыться под крылышком своего милого — приехать прямо сюда.

Сэм с такой силой ударил по столу, что окурки, подпрыгнув, рассыпались по его поверхности.

— Ну все, хватит! — произнес он. — Вам никто не давал права официально обвинять кого-нибудь вот так. Пока что вы нам не предъявили ни единого доказательства, подтверждающего ваши слова.

Арбогаст потянулся за новой сигаретой.

— Значит, нужны доказательства? А чем же, по-вашему, я занимался по дороге сюда с самой среды? Тогда, в среду утром, я нашел ее машину.

— Нашли машину Мери! — Лила вскочила на ноги.

— Точно. Я как чувствовал: первое, что ваша сестра сделает, — попытается избавиться от нее. Так что я опросил всех, имеющих отношение к торговле и обмену машинами, дал ее описание и назвал номерной знак. И не зря — я нашел то место, где она совершила обмен. Показал парню свое удостоверение; он сразу все рассказал. И без всяких увиливаний, подумал, наверное, что машина угнана. Что ж, я его не стал разубеждать, как вы понимаете. Выяснилось, что вечером в пятницу, накануне закрытия, Мери Крейн обменяла у него свою машину. И здорово потеряла при этом. Но я получил четкое описание развалюхи, в которой она уехала от него. Уехала на север. Я тоже отправился на север. Но быстро двигаться не мог. Я исходил из предположения: раз она направляется сюда, то поедет по шоссе. И наверное, в ту ночь она гнала машину, не останавливаясь. Так что я тоже нигде не останавливался первые восемь часов пути. Потом довольно долго болтался вокруг Оклахомы, проверяя все мотели рядом с шоссе и места, торгующие подержанными машинами. Мне казалось, что она могла снова поменять машину, просто для перестраховки. Ну-

левой результат. В четверг я уже добрался до Тулса. Проделал там то же самое, с тем же результатом. Только сегодняшним утром я как бы нашел свою иголочку в стоге сена. К северу отсюда. Она снова поменяла машину в ночь с пятницы на субботу на прошлой неделе, — опять потеряла уйму денег, — и отправилась дальше на голубом «плимуте», модель 1953 года, с поврежденным левым передним крылом. — Он вытащил из кармана записную книжку. — Тут все записано, черным по белому, — марка, серийный номер мотора, в общем, все. Оба торговца сейчас готовят копии документов и пришлют их в мою контору. Но теперь это уже неважно. Важно то, что Мери Крейн на прошлой неделе, в ночь с пятницы на субботу, выехала из Тулса и направилась на север по главному шоссе, после того, как в течение шестнадцати часов дважды обменяла машину. И, насколько я могу судить, этот город был ее конечной целью. Так что, если только не произошло что-нибудь непредвиденное, — сломалась машина или, скажем, несчастный случай, — она должна была появиться здесь в прошлую субботу, поздним вечером.

— Но она не появилась, — сказал Сэм. — Я ее не видел. Слушайте, если вам надо, я могу доказать это. На прошлой неделе, в субботу вечером, я был в клубе, играл в карты. Сколько угодно свидетелей. Утром, в воскресенье, пошел в церковь. Днем обедал в...

Арбогаст с усталой гримасой поднял руку.

— О'кей, я все понял. Ты ее не видел. Стало быть, что-то случилось по дороге сюда. Я начну все проверять по второму разу.

— А как насчет полиции? — спросила Лила. — Я все-таки думаю, что надо обратиться в полицию. — Она нервно облизала губы. — Вдруг действительно произошел несчастный случай. Вы ведь не сможете осмотреть все госпитали между Тулсой и этим городом? Кто знает, может, сейчас Мери лежит где-нибудь без сознания. Или даже...

На этот раз Сэм успокаивающе похлопал ее по плечу.

— Ерунда, — вполголоса произнес он. — Если бы случилось что-нибудь вроде этого, вас бы давно уведомили. С Мери все в порядке. — Он обжег взглядом сыщика. — Вы один не сможете проделать всю работу как

надо, Лила дело говорит. Почему бы не подключить полицию? Скажем, что она пропала; пусть попробуют выяснить, где она.

Арбогаст поднял со стола свой серый стетсон.

— Что ж, до сих пор мы пытались все сделать сами. Это правда. Если нам удастся найти ее, не втягивая в дело полицию, мы спасем репутацию компании и нашего клиента. Кстати говоря, Мери Крейн мы тоже можем спасти от крупных неприятностей, если сами разыщем ее и вернем деньги. Возможно, ей даже не предъявят обвинения в воровстве. Согласитесь, ради этого стоило поработать.

— Но если вы правы, и Мери действительно почти что добралась до Фервела, почему мы не встретились? Вот что я хотел бы узнать,— сказал Сэм.— И больше ждать не желаю.

— Сутки ты сможешь подождать? — произнес Арбогаст.

— Что вы задумали?

— Как я уже сказал, проверить еще раз.— Он поднял руку, предупреждая возражения.— Не на всей дороге отсюда до Тулсы, конечно; должен признать, это невозможно. Но я хочу попытаться разнюхать что-нибудь в здешних местах: посетить придорожные рестораны, заправочные станции, поговорить с теми, кто торгует машинами, с хозяевами мотелей. Возможно, кто-то видел ее. Дело в том, что я до сих пор убежден, что интуиция меня не обманывает. Она собиралась приехать сюда. Кто знает, может быть, добравшись до Фервела, Мери передумала и продолжила путь. Но я хочу знать точно.

— И если вы ничего не выясните в течение двадцати четырех часов...

— Тогда я говорю: «все, хватит», и мы звоним в полицию, втягиваемся во всю эту рутину с объявлением о пропаже без вести и так далее. Ну что, договорились?

Сэм бросил взгляд на Лилу.

— Как ты думаешь? — спросил он, незаметно для себя переходя на «ты».

— Я не знаю. Так волнуюсь сейчас, что ничего не соображаю.— Она вздохнула.— Решай ты, Сэм.

Он кивнул Арбогасту.

— Хорошо. Договорились. Но я хочу предупредить тебя сразу. Если завтра у тебя ничего не выйдет, и ты не сообщишь в полицию, это сделаю я.

Арбогаст надел пиджак.

— Пойду-ка сниму себе номер в гостинице. А вы как, мисс Крейн?

Лила посмотрела на Сэма.

— Я провожу ее туда попозже,— сказал Сэм.— Я планировал сходить пообедать с Лилой и позабочусь о номере для нее. А утром мы оба будем здесь. Ожидая твоего звонка.

В первый раз за весь вечер губы Арбогаста растянулись в улыбке. Он явно не годился в соперники Моны Лизы, но все же это была улыбка.

— Я вам верю,— произнес он.— Извините, что вначале так навалился на вас, но я должен был убедить-ся.— Он кивнул Лиле.— Не волнуйся, девочка. Мы разыщем твою сестру.

С этими словами он вышел из комнаты. Прежде чем дверь успела закрыться, Лила уже всхлипывала на плече Сэма. Ее голос звучал словно приглушенный стон.

— Сэм, я страшно боюсь; что-то случилось с Мери. Я знаю, я чувствую!

— Ну, ну, все в порядке,— сказал он, удивляясь про себя, куда пропадают в нужный момент подходящие слова, почему никогда не удается найти слов, способных прогнать страх, горе, одиночество.— Все в полном порядке, поверь мне.

Неожиданно она оторвалась от него, отступила назад, заплаканные глаза расширились. Когда она заговорила, ее голос звучал тихо, но спокойно:

— Почему я должна тебе верить, Сэм? — еле слышно спросила она.— Ты можешь назвать причину? Причину, о которой ты умалчал, говоря с этим сыщиком? Сэм, скажи правду, Мери была у тебя? Ты знал все об этом, о деньгах?

Он покачал головой:

— Нет, ничего не знал. Тебе придется поверить мне на слово, как я верю тебе.

Она отвернулась к стене.

— Должно быть, ты прав,— произнесла Лила.— Мери могла за прошлую неделю встретиться со мной или с тобой, так ведь? Но ничего такого не было. Я до-

веряю тебе, Сэм. Просто уж очень трудно во что-нибудь поверить после того, как твоя родная сестра оказалась...

— Успокойся,— оборвал ее Сэм.— Сейчас тебе нужно немного перекусить и хорошенько отдохнуть. Завтра все перестанет казаться таким уж безнадежным.

— Ты правда так думаешь, Сэм?

— Да, правда.

До этого он ни разу не лгал женщине.

8

Когда он проснулся, наступило это самое «завтра». Обычный субботний день превратился в бесконечную пытку ожидания.

Примерно в десять он позвонил Лиле из магазина. Она уже встала и позавтракала. Арбогаста в номере не оказалось: он уже приступил к работе. Но сыщик оставил записку для Лилы, в которой обещал связаться с ней в течение дня.

— Ты не хочешь прийти ко мне? — предложил по телефону Сэм.— Какой смысл сидеть весь день одной. Мы могли бы перекусить вместе, а потом связаться с гостиницей и узнать, звонил ли Арбогаст. Нет, лучше так: я попрошу, чтобы разговор перевели прямо ко мне.

Лила согласилась, и Сэм почувствовал облегчение. Ему не хотелось сегодня оставлять ее одну. Лила опять начнет волноваться и переживать. Сам-то он всю ночь не мог глаз сомкнуть. Он изо всех сил пытался изгнать из головы эту мысль, но все-таки надо честно признать: теория Арбогаста вполне логична. Мери скорее всего планировала приехать к нему, после того, как взяла деньги. Если, конечно, она их взяла.

Вот что самое страшное: смириться с тем, что Мери — воровка. Нет, Мери не такая, все, что он знал о ней, говорило против этого.

И все же, все ли он знал о Мери? Еще прошлой ночью он отметил про себя, с каким трудом понимает свою невесту. Он настолько мало ее знал, что в полумраке умудрился спутать Мери с другой девушкой!

Странно, сказал себе Сэм, как мы убеждены, что знаем человека, только потому, что часто встречаемся или близки с ним. Да тут, в Фервеле, сколько хочешь можно найти примеров такого. Вот, скажем, старина

Томкинс, долгие годы работавший инспектором школ, уважаемый в Ротари-клубе человек, покинул жену, семью и сбежал с шестнадцатилетней девочкой. Кто мог подумать, что он способен на такое? Кто мог подумать, что Майк Фишер, страстный игрок и первый гуляка в этом крае, перед смертью завещает все свое состояние Пресвитерианскому Приюту для Сирот? Или Боб Саммерфилд, служащий у Сэма приказчиком. Целый год он работал с ним бок о бок, не подозревая, что Боб попал под восьмой пункт, когда служил в армии, после того, как пытался выбить мозги из головы своего полкового священника рукояткой пистолета. Теперь, конечно, он был в полном порядке: скромный, тихий, симпатичный парень, второго такого и за сто лет не найти. Но ведь таким он был и в армии, пока что-то не заставило его взорваться. Почтенные пожилые дамы ни с того, ни с сего покидают мужей после двадцати лет счастливой совместной жизни, трясущиеся за свое место ничтожные банковские служащие оказываются способными на крупную растрату — все может случиться.

Так что Мери могла украсть эти деньги. Может быть, она устала ждать, когда он наконец расплатится с долгами, и не устояла перед искушением. Может, она собиралась привезти деньги сюда, придумать какую-нибудь небылицу, заставить поверить ей и принять их. Может, надеялась, что они убегут вдвоем. Надо быть честным, возможно, даже вероятно, все так и было.

Раз он признает это, встает другой вопрос. Почему она не приехала? Куда еще могла направиться Мери, покинув окрестности Тулсы?

Как только начинаешь гадать вот так, как только признаешь, что нельзя узнать, что происходит в голове у другого человека, ты должен признать и главное, что отсюда вытекает — все возможно. Дикое решение испытать судьбу в Лас-Вегасе, внезапное желание полностью отрешиться от всего и начать новую жизнь, взяв себе другую фамилию, разрушающее психику чувство вины приводящее к амнезии...

Ну вот, теперь он делает из того, что случилось, целую философскую проблему, — мрачно подумал Сэм. — Или проблему для психиатра. Если заходить так далеко в своих предположениях, возникнет сразу тысяча и один вариант развития событий. Например, она попала в ава-

рию, чего так боялась Лила, или согласилась подвезти человека, а он оказался...

Сэм с трудом отогнал эту мысль. Дальше так нельзя. Мало того, что ему приходилось держать под контролем себя, теперь он должен еще отвлекать от таких размышлений Лилу. Сегодня ему предстоит тяжелая работа: попытаться поднять настроение Лилы. Все-таки есть шанс, что Арбогаст нападет на след. Если ничего не выйдет, он обратится к властям. Тогда только он разрешит себе думать о худшем, что могло произойти.

Что ж тут рассуждать о том, можно ли разобраться в мыслях другого человека, если честно, он и в себе не может разобраться как следует! Он и не предполагал, что способен так думать о своей невесте. Как быстро он принял на веру все обвинения в ее адрес! Непорядочно так поступать. И чтобы хоть как-то искупить свой грех, он должен скрывать свои подозрения от ее сестры.

Если, конечно, она сама не думает то же самое...

Но Лила сегодня, кажется, не в таком мрачном настроении. Она переделалась в легкий костюм, а когда вошла в магазин, походка была уверенной.

Сэм представил ей Боба Саммерфилда, потом они вместе отправились перекусить. Естественно, Лила сразу же начала строить предположения насчет Мери и о том, что может сделать Арбогаст. Сэм отвечал ей коротко, стараясь, чтобы его голос, реплики звучали так, словно они ведут обычную светскую беседу. После легкого завтрака он зашел в гостиницу и договорился насчет возможных звонков.

Потом они вернулись в магазин. Для субботы покупателей было немного, и большую часть времени Сэм мог оставаться в задней комнатке и говорить с девушкой. Посетителей взял на себя Боб, и ему довольно редко приходилось отрываться от беседы и помогать своему приказчику.

Лила выглядела спокойной. Она включила радио, поймала программу симфонической музыки и, казалось, отключилась от всего остального. Так она сидела, когда Сэм вернулся после очередного визита в магазин.

— «Концерт для оркестра» Бартока, правильно? — спросил он.

Она, улыбаясь, подняла голову.

— Верно. Странно, ты так хорошо разбираешься в музыке.

— А что тут странного? Сейчас эпоха электроники, радиопроигрывателей, верно? Если человек живет в маленьком провинциальном городке, это не значит, что он не может увлекаться чтением, музыкой, искусством. И у меня пропасть свободного времени.

Лила поправила воротничок блузки.

— Тогда, наверное, все наоборот. Странно не то, что ты всем этим увлекаешься, а то, что ты еще и владелец магазина, обслуживающего фермеров. Такие вещи как-то плохо сочетаются.

— По-моему, нет ничего плохого в том, чтобы обслуживать фермеров.

— Я не хотела сказать ничего такого. Просто это... как бы слишком обыденно, что ли.

Сэм сел за стол. Неожиданно он нагнулся и поднял что-то с пола. Что-то маленькое, острое, блестящее.

— Обыденно,— повторил он.— Что ж, может, и так. А может, все зависит от точки зрения. Например, что это у меня в руке?

— По-моему, гвоздь.

— Точно. Простой гвоздь. Я продаю их фунтами. Сотни фунтов в год. Отец тоже торговал ими. Да с тех пор, как открылся наш магазин, мы, наверное, продали не меньше десяти тонн гвоздей. Любой длины, размера, простые, обычные гвозди. Но ничего обыденного ни в одном из них нет. Если хорошенько подумать. Потому что каждый гвоздь служит определенной цели. Постоянной, важной цели. Ты знаешь, что не меньше половины деревянных домов в Фервеле держатся на гвоздях, которые мы продали в свое время? Наверное, это глупо, но часто, когда я прохожу мимо них, мне кажется, будто я помог построить эти дома. Купленные в моем магазине инструменты обтесали доски, придали им нужную форму. Краска, которой покрыты стены, кисти, укрепленные от ветра двери и ставни — тоже мои, и стекло для окон...— Он виновато улыбнулся и помолчал.— «Слушайте Великого и Несравненного Знатока», так у меня сейчас получается? Нет, я верю в то, что говорю. В моем деле каждая мелочь имеет свое назначение. Потому что она служит жизненным потребностям людей. Один-единственный гвоздь, вроде этого, выполняет свою определенную функцию. Вобьешь его в нужном месте, и можешь быть уверен, что все в порядке, он бу-

дет служить и через сотню лет. После того, как нас уже не станет,— тебя и меня.

Он сразу же пожалел, что произнес эти слова. Но было уже поздно. Улыбка словно стерлась с ее лица.

— Сэм, я очень волнуюсь. Сейчас почти четыре, а Арбогаст все еще не позвонил...

— Позвонит. Еще уйма времени, потерпи немного.

— Я не могу успокоиться! Ты сказал: если он ничего не найдет за двадцать четыре часа, я иду в полицию.

— Так и будет. Но у него еще есть время до девяти. К тому же, может, нам все-таки не придется никуда обращаться. Может, Арбогаст прав.

— Может быть, может быть! Сэм, я хочу знать точно! — Все еще хмурясь, она поправила воротник блузки. — Не пытайся отвлечь меня своими душещипательными речами насчет гвоздей. Все равно видно, что ты так же дергаешься, как и я. Ну скажи, разве я не права?

— Да. Конечно, права. — Он вскочил, взмахнул руками. — Никак не пойму, почему он до сих пор не позвонил? Не так уж много в здешних краях всяких мест, которые нужно проверять. Даже если бы он решил заглянуть в каждый мотель или закусочную, стоящие возле шоссе, во всем округе! Если к обеду он так и не даст о себе знать, я сам пойду к Джуду Чамберсу!

— К кому?

— Джуд Чамберс. Он у нас шериф. Фервел — центр округа.

— Сэм, я...

В магазине раздался звонок. Сэм сорвался с места, не дожидаясь, пока она закончит говорить. Боб Саммерфилд уже поднял трубку.

— Это тебя, — сказал он Сэму.

Сэм взял у него трубку и бросил взгляд через плечо. Лила вышла из комнаты вслед за ним.

— Алло, слушает Лумис.

— Это Арбогаст. Наверное, уже начали беспокоиться?

— Еще бы! Лила и я сидим здесь и ждем твоего звонка. Как успехи?

Короткая, почти незаметная пауза. Потом: «Пока никак».

— Пока? Где же ты был весь день?

— Легче сказать, где я не был. Я прочесал здешние места. В настоящий момент нахожусь в Парнассе.

— Но это на самой границе округа, верно? А как насчет шоссе?

— Я проехал его из конца в конец. Но, по-моему, возвратиться можно и по другой дороге, так ведь?

— Да, точно. Старое шоссе — теперь это местная дорога. Но там абсолютно ничего нет. Даже заправочной станции.

— А вот парень в ресторанчике, откуда я звоню, говорит, что там до сих пор стоит мотель.

— Ох, а ведь точно, есть такой. Старый мотель Бейтса. Я и не знал, что он до сих пор открыт. Навряд ли ты найдешь там что-нибудь.

— Что ж, остаются еще другие места. Так или иначе, я возвращаюсь этим путем, загляну туда на всякий случай. Как там у вас?

— Нормально.

— А девушка?

Сэм понизил голос:

— Она хочет, чтобы я немедленно сообщил в полицию. И по-моему, она права. После того, что ты сказал мне, я уверен в этом.

— Подождешь моего приезда?

— Как долго это займет?

— Возможно, час. Если только не найду что-нибудь в мотеле. — Арбогаст замялся. — Слушай, мы ведь договорились. И я своего слова не нарушу. От вас требуется только одно: подождите, пока я не приеду в город. И мы вместе отправимся в полицию. Со мной вам намного легче будет добиться, чтобы они взялись за дело как следует. Знаешь, как это бывает с провинциальными служителями закона? Как только ты скажешь, что нужно объявить розыск, начнется паника.

— Мы даем тебе час, — произнес Сэм. — Найдешь нас здесь, в магазине.

Он повесил трубку и повернулся к девушке.

— Что он сказал? — спросила Лила. — Никаких следов, да?

— В общем, да, но он не закончил. Есть еще одно место...

— Всего одно место?

— Только не говори это таким тоном, Лила. Может быть, там он услышит что-нибудь важное. А если нет, он придет сюда через час. И мы все вместе пойдем к шерифу. Ты ведь слышала, что я сказал ему.

— Хорошо, подождем. Еще час, как ты сказал.

Казалось, этот час никогда не кончится. Сэм был почти рад, когда магазин, как это обычно бывает по субботним вечерам, наполнила толпа, и у него появился предлог, чтобы уйти из комнаты и помочь справиться с потоком покупателей. Он больше не мог заставлять себя вести светскую беседу, не мог притворяться спокойным и веселым. Перед ней, и перед самим собой.

Потому что теперь он сам начал испытывать это чувство.

Что-то случилось.

Что-то случилось с Мери.

Что-то...

— Сэм!

Выбив чек, он оторвался от кассового автомата, это был голос Лилы. Она вышла из комнаты и стояла перед ним, указывая на свои ручные часы.

— Сэм, час прошел!

— Я знаю. Дадим ему еще пару минут, хорошо? Все равно я должен буду сначала закрыть магазин.

— Ладно. Еще несколько минут, но не больше. Ну пожалуйста, Сэм! Если бы ты знал, что я чувствую сейчас...

— Знаю. Уж поверь.— Он сдвинул ее руку, выдавил из себя улыбку.— Не волнуйся, он появится с минуты на минуту.

Но Арбогаст не появился.

Сэм вместе с Саммерфилдом проводили последнего покупателя в пять тридцать. Сэм проверил книгу учета. Боб укрыл товары от пыли.

Арбогаста все еще не было.

Саммерфилд выключил свет, собрался уходить. Сэм вытащил ключ.

Арбогаста нет.

— Ну все,— сказала Лила.— Идем. Если ты не пойдешь прямо сейчас, я са...

— Слышишь? — произнес Сэм.— Это телефон.

А через несколько секунд: «Алло?»

— Это Арбогаст.

— Ну где же ты? Обещал...

— Неважно, что я обещал,— голос сыщика звучал приглушенно, он явно спешил.— Я в том мотеле, у меня всего минута. Хотел объяснить, почему не приехал. Слушай, я попал на след. Твоя подружка была здесь, это точно. Ночью, в прошлую субботу.

— Мери? Ты уверен?

— Да, абсолютно. Я просмотрел книгу регистрации, сравнил почерк. Конечно, она подписалась чужим именем — Джейн Вилсон, и придумала адрес. Мне потребуется судебное решение, чтобы снять копию, если нужны будут доказательства.

— Что ты еще там нашел?

— Совпадают описания машины, да и самой девушки. Владелец мотеля все мне выложил.

— Как ты ухитрился столько узнать?

— Предъявил удостоверение, напел что-то насчет угнанной машины. Он так и задергался. Этот парень здорово похож на чокнутого. Норман Бейтс, так его зовут. Знаешь его?

— Нет, боюсь, что нет.

— Говорит, что девушка подъехала к мотелю в субботу, около шести. Заплатила вперед. Ночь была пасмурная, дождь, кроме нее никто не заехал. Уверяет, что она уехала ранним утром, прежде чем он вышел из дому, чтобы начать работу. Живет вдвоем с матерью за мотелем.

— Как думаешь, он правду говорит?

— Пока не знаю.

— Что это значит?

— Ну, я его немного прижал, когда допытывался насчет машины и так далее. А он проговорился, что пригласил девушку к себе на ужин домой. Уверяет, что больше ничего не было, и мать может подтвердить его слова.

— Ты разговаривал с ней?

— Еще нет, но обязательно сделаю. Она в доме, в своей комнате. Парень начал заливать мне, будто она так больна, что никого не может видеть, но я, когда въезжал к ним, заметил старушку в окне спальни, и она «одарила» меня своим взглядом. Так что я сказал ему, что собираюсь немного поболтать с пожилой леди, нравится это ему или нет.

— Но у тебя нет права...

— Слушай, ты хочешь, чтобы я все выяснил насчет твоей подружки, или нет? А этот парень, кажется, и не слышал ничего про ордер на обыск и прочие формальности. Он, пытаясь, помчался к дому сказать мамаше, чтобы она оделась. А я решил быстренько позвонить вам, пока его нет. Так что подождите немного, пока я здесь не закончу. Ага, вот он возвращается. Ладно, увидимся позже.

Щелчок, потом раздались гудки. Сэм повесил трубку. Повернулся к Лиле и изложил содержание разговора.

— Теперь стало полегче?

— Да. Вот если бы только знать...

— Узнаем, и очень скоро. Сейчас нам остается одно — терпеливо ждать.

9

В субботу вечером Норман брился. Он брился раз в неделю, всегда по субботам.

Норман не любил бриться — из-за зеркала. В зеркале постоянно извивались волнистые линии. Почему-то в каждом зеркале были эти странные линии, от которых болели глаза.

А может быть, все дело в том, что у него плохие глаза. Да, точно; он ведь помнил, как любил смотреть в зеркало, когда был маленьким. Любил стоять перед зеркалом без одежды. Однажды его поймала за этим Мама и ударила по виску головной щеткой с серебряной ручкой. Ударила больно, очень больно. Мама сказала, что так делать нельзя, нельзя смотреть на себя, когда ты голый.

Он до сих пор не забыл, как было больно, как потом болела голова. С этого дня голова начинала болеть каждый раз, как он смотрел в зеркало. В конце концов Мама повела его к доктору, и доктор сказал, что Норман нуждается в очках. Они действительно помогли, но все равно, когда он смотрел в зеркало, начинал плохо видеть. Поэтому он обычно просто старался не делать этого без особой надобности. Но ведь Мама была права. Нельзя, противно смотреть на себя обнаженного, беззащитного, словно черепаха без панциря; рассматривать

складки рыхлого жира, короткие безволосые руки, нависший живот, и под ним...

Когда так рассматриваешь себя, хочется стать кем-нибудь другим. Стройным, высоким и красивым, вроде Дяди Джо Консидайна. «Посмотри-ка на нашего дядю Джо: вот видный мужчина!» — постоянно твердила Мама.

Что ж, это была правда, и никуда тут не денешься. Пускай он был видным мужчиной; Норман все равно ненавидел Дядю Джо Консидайна. Как ему хотелось, чтобы Мама не заставляла называть его «дядя Джо». Потому что никаким он дядей не был, просто друг, то и дело навешавший Маму. Он надоумил ее построить мотель, когда Мама продала ферму с землей.

Странно. Мама всегда ругала мужчин, и, конечно, «твоего-папу-который-сбежал-от-меня», а вот Дядя Джо Консидайн просто сводил ее с ума. Дядя Джо мог заставить ее сделать все, что угодно. Хорошо бы уметь вот так, хорошо бы стать таким же видным мужчиной.

Нет, ничего хорошего! Потому что Дядя Джо был мертвецом.

Осторожно водя бритвой по коже, Норман растерянно моргнул, и отражение в зеркале тоже моргнуло. Странно, как же он мог забыть? Да с тех пор уже, наверное, двадцать лет прошло. Конечно, время — понятие относительное. Так сказал Эйнштейн, но до него это знали еще древние мыслители, а в нынешнее время — многие мистики, вроде Элистера Кроули и Успенского. Норман читал их книжки, а некоторые даже имелись в его библиотеке. Мама не одобряла этого, утверждала, что они выступают против религии, но дело было в другом. Просто когда он читал книжки, он уже не был ее маленьким мальчиком. Он становился взрослым мужчиной, человеком, который познавал загадки пространства и времени и овладевал таинствами бытия и разных измерений.

Он словно одновременно был двумя разными людьми: ребенком и взрослым. Стоило подумать о Маме, и Норман становился маленьким мальчиком, говорил и думал как ребенок, по-детски реагировал на все. Но когда он оставался сам с собой, — ну, не совсем так, когда он держал в руках книгу, он превращался во взрослого мужчину с развитым интеллектом. Достаточно раз-

витым, чтобы осознать, что он может страдать легкой формой шизофрении, а скорее всего, каким-то видом невроза.

Разумеется, не очень-то нормальное положение. Быть маминым маленьким мальчиком не очень-то просто. С другой стороны, до тех пор пока он сознает существующую опасность, он может справляться с собой. А также с Мамой. Ей просто повезло, что он знает, когда нужно снова стать взрослым, и, что бы она не говорила, разбирается не только в психологии, но и в парапсихологии.

Да, ей просто повезло; повезло, когда умер Дядя Джо Консидайн, и снова, на прошлой неделе, когда появилась эта девушка. Если бы он не вел себя как взрослый мужчина, сейчас бы Маму ожидали серьезные неприятности.

Норман потрогал бритву. Острое лезвие, очень острое. Надо быть осторожным, чтобы не порезаться. Правильно, и еще надо не забыть спрятать ее, когда он побреется, запереть в месте, куда не сможет проникнуть Мама. Опасно оставлять на виду у Мама такие острые предметы. Вот почему готовил в основном он, Норман, и тарелки тоже мыл он. Мама до сих пор любила убираться в доме,— ее собственная комната всегда была идеально чистая,— но на кухне всегда управлялся Норман. Нет, открыто Норман ничего ей не сказал, просто взял на себя новую работу.

Мама тоже ни разу не заговаривала об этом, и слава Богу. С тех пор, как приехала девушка, с прошлой субботы, минула целая неделя, и они ни разу даже не заикнулись о том, что произошло тогда. Такой разговор только расстроил и растревожил бы их. Мама наверняка чувствовала это: кажется, она намеренно избегала его, большую часть времени просто отдыхала у себя в комнате и почти не общалась с ним. Может быть, Маму мучила совесть.

Так оно и должно быть. Мама — чудовище. Пусть даже ты не вполне нормальный, это ясно. Мама должна страдать, страдать по-настоящему.

Возможно, ей помог бы катарсис, но Норман просто был рад, что она не заговаривала с ним. Потому что он тоже страдал. Но не от угрызений совести — от страха.

Всю неделю он боялся, что все раскроется. Каждый

раз, когда к ним въезжала машина, у него едва не разрывалось сердце. Даже когда мимо дома по старому шоссе просто кто-то проезжал, по телу пробегала нервная дрожь.

Конечно, в прошлую субботу он хорошенько все убрал там, на краю трясины. Он приехал на своей машине, нагрузил прицеп дровами; когда он закончил работу, в этом месте не оставалось ничего, что могло бы вызывать подозрения. Сережка тоже отправилась в трясину. Вторая так и не нашлась. Можно было чувствовать себя в безопасности.

Но в среду ночью, когда на шоссе показалась патрульная машина и остановилась возле дома, он едва не потерял сознание. Полицейский просто хотел позвонить от них. Потом Норман сам признал, что выглядел потешно, но в тот момент ему было не до смеха.

Мама сидела возле окна в своей спальне; полицейский не заметил ее. За прошлую неделю она что-то часто подходила к окну. Может быть, тоже боялась. Норман пробовал говорить, что лучше ей не показываться людям, но не смог заставить себя объяснить, почему. По той же причине он не мог растолковать Маме, почему ей нельзя заходить в мотель и помогать ему. Норман просто следил, чтобы она этого не делала. Ее место — в доме; нельзя пускать Маму к незнакомым людям, теперь уж никак нельзя. К тому же, чем меньше они знали о ней, тем лучше. Как только он мог рассказать этой девушке...

Норман закончил бриться и снова тщательно вымыл руки. Он обратил внимание на то, что испытывает возросшее чувство брезгливости, особенно в течение прошлой недели. Ощущение вины. Прямо леди Макбет! Шекспир хорошо разбирался в психологии. Интересно, разбирался ли он еще кое в чем, подумал Норман. Например, призрак отца Гамлета; может быть, и он был посвящен...

Теперь не время думать об этом. Надо спуститься к мотелю и открыть его.

В течение прошлой недели было некоторое оживление. За ночь, как правило, снимали три-четыре номера, не больше; это хорошо. Потому что Норману не пришлось пускать посетителей в комнату шесть. Комната шесть, где остановилась девушка. Надеюсь, никто никогда больше не войдет в ту комнату. Норман навсегда покон-

чил с постыдными занятиями: подглядыванием и тому подобными извращениями. Они и привели к трагедии. Если бы он тогда не начал подглядывать, если бы он не напился...

Ладно, что ж тут горевать над пролитым молоком. Прошлого не переделаешь. Даже если пролилось не молоко, а...

Норман вытер руки, быстро отвернулся от зеркала. Забыть о том, что было; не надо тревожить мертвецов. Сейчас все хорошо. Мама ведет себя как надо, он ведет себя как надо; они вместе, как и раньше. Целая неделя прошла без каких-либо неприятностей; так будет и дальше. Особенно если он не отступит от своей твердой решимости вести себя как взрослый, а не как ребенок, не как МАМЕНЬКИН СЫНОК. А в этом он не отступит ни на шаг, так он обещал себе раз и навсегда.

Норман затянул узел галстука и вышел из спальни. Мама была в своей комнате, снова сидела возле окна. Сказать ей, или не стоит? Нет, лучше не надо. Может начаться спор, а он пока не готов к этому. Пусть сидит и смотрит, если ей так нравится. Бедная больная пожилая леди, прикованная к своей комнате. Пусть видит мир хотя бы из окна.

Сейчас, конечно, он думал как ребенок. Но Норман был готов на такой компромисс; главное, чтобы он продолжал вести себя как здравомыслящий мужчина. И не забывал запирать все двери, когда покидал дом.

Всю прошлую неделю он запирали их, и это дало ему новое ощущение защищенности от любых неприятностей. Он отобрал у Мамы ключи: от дома, от мотеля. Покидая дом, он знал, что она никак не сможет выбраться из своей комнаты. Она могла ничего не бояться, сидя в доме, а он работал в мотеле. Пока он соблюдает все предосторожности, повторения того, что случилось на прошлой неделе, не будет. Он ведь делает это для ее же блага. Лучше сидеть взаперти дома, чем в психбольнице.

Норман пошел вниз по дорожке, зашел за угол и добрался до своей конторы как раз в тот момент, когда подъехал грузовик, раз в неделю развозящий чистое белье. Он уже все приготовил. Принял свежую смену и отдал на стирку грязное белье. Теперь они брали не только полотенца, но и простыни с наволочками. Очень удобно. В нынешние времена содержать мотель стало проще простого.

Когда грузовик уехал, Норман принялся за уборку четвертого номера, — какой-то коммивояжер из Иллинойса заехал рано утром. Оставил после себя беспорядок, как обычно. Окурки на краю раковины, журнал на полу возле унитаза. Одно из этих научно-фантастических изданий. Норман, хихикая, подобрал его. Научная фантастика! Если бы они только знали...

Но, конечно, никто не знал. И никогда не узнают, нельзя, чтобы узнали. Надо соблюдать все предосторожности насчет Мамы, и никакого риска не будет. Он должен охранять ее от людей, а людей — от нее. То, что случилось на прошлой неделе, подтвердило это. Теперь он всегда будет очень внимательным и осторожным. Так будет лучше для всех.

Норман направился в контору, оставил там лишнее белье. В каждом номере он уже все сменил. Все готово к приему гостей, если таковые появятся.

Но до четырех часов никто не появился. Он сидел за столом и смотрел на дорогу, так что под конец весь извертелся от скуки. Чуть было не решился немножко выпить, но потом вспомнил, что твердо обещал себе после того дня — ни капли спиртного. Он не мог себе позволить выпить, даже совсем капельку. Спиртное убило Дядю Джо Консидайна. Спиртное привело — косвенно — к гибели девушки. Поэтому с того самого дня он стал трезвенником. Все-таки выпить сейчас совсем не помешало бы. Всего одну...

Норман еще колебался, когда по дорожке прошуршали шины. Номерной знак Алабамы. Супружеская пара средних лет. Они вышли из машины, подошли к конторе. Мужчина был лысым, носил толстые очки в темной оправе. Женщина — очень полная, вся покрыта потом. Норман показал им номер первый, в противоположном конце здания; десять долларов за двоих. Женщина визгливым жеманным голосом пожаловалась на духоту, но, кажется, успокоилась, когда Норман включил вентилятор. Мужчина притащил чемоданы и расписался в книге регистрации. Мистер и миссис Герман Притцлер, Бирмингем, Алабама. Это были обычные туристы, с ними не будет никаких проблем.

Норман снова сел, машинально листая страницы подобранный в номере научно-фантастического журнала. Был полумрак, теперь уже, наверное, около пяти. Он включил лампу.

На дорожке показалась еще одна машина, кроме сидящего за рулем, в ней никого не было. Наверное, еще один коммивояжер. Зеленый бьюик, техасский номерной знак.

Техасский номерной знак! Та девушка, Джейн Вилсон, тоже приехала из Техаса!

Норман резко встал и подошел к стойке. Он увидел, как человек вышел из машины, услышал, как шуршит гравий под его ногами; ритм приближающихся шагов эхом отдавался в сердце.

Просто совпадение, сказал он себе. Каждый день к нам приезжают из Техаса Алабама ведь еще дальше отсюда.

Мужчина вошел в мотель. Высокий, тощий, на голове серая шляпа-стетсон с широкими краями, закрывающими верхнюю часть лица. Несмотря на густую щетину, видно, что лицо покрыто загаром.

— Добрый вечер,— произнес он, почти не растягивая слов на техасский манер.

— Добрый вечер,— Норман, наполовину скрытый стойкой, в замешательстве переступил с ноги на ногу.

— Вы хозяин?

— Да, я. Хотите снять комнату?

— В общем, нет. Мне надо выяснить кое-что.

— Буду рад помочь, если смогу. Что вы хотите знать?

— Я пытаюсь разыскать девушку.

Норман конвульсивно сжал пальцы. Он не чувствовал их, они онемели. Он весь онемел, с ног до головы. Биение сердца больше не отдавалось в ушах, кажется, оно вообще перестало биться. Стало очень тихо. Если он закричит, все пропало.

— Ее зовут Крейн,— продолжал мужчина.— Мери Крейн. Из Техаса, Форт Ворс. Я хотел бы знать, не зарегистрировалась ли она у вас.

Норману больше не хотелось кричать. Ему хотелось громко смеяться. Он почувствовал, как снова забилось сердце. Отвечать было легко.

— Нет,— сказал он.— У нас никто с таким именем не останавливался.

— Уверены в этом?

— Конечно. В нынешние времена дела идут не очень-то бойко, мало народа. У меня хорошая память на постояльцев.

— Эта девушка могла появиться здесь примерно неделю назад. Скажем, в прошлую субботу, ночью, или в воскресенье.

— За прошлый уик-энд никто не останавливался. У нас тут погода была пасмурной.

— Вы уверены? Эта девушка,— или, точнее, женщина — примерно двадцати семи лет. Рост — метр семьдесят, вес — около шестидесяти, темные волосы, голубые глаза. У нее был «плимут» модель 1953 года, голубой, со смятым левым передним крылом. Номер машины...

Норман уже не слушал. Зачем он сказал, что в субботу никого не было? Этот человек описывал ту самую девушку, он все о ней знал. Ну и что? Как он докажет, что девушка была здесь, если Норман отрицает это? Теперь уж не остается ничего другого, как все отрицать.

— Нет, боюсь, что ничем не смогу вам помочь.

— Неужели это описание не подходит ни к одной из женщин, остановившихся в мотеле в течение прошлой недели? Вполне возможно, что она зарегистрировалась под чужим именем. Может быть, если вы разрешите мне на минуту заглянуть в книгу записи...

Норман опустил руку на тяжелый том и покачал головой.— Мне очень жаль, мистер,— произнес он.— Я не могу разрешить вам такого.

— Может быть, это заставит вас передумать.

Мужчина засунул руку во внутренний карман пальто, и Норман успел подумать: «Интересно, предложит он мне сейчас деньги?» Мужчина извлек бумажник, но не стал вытаскивать оттуда банкноты. Вместо этого он раскрыл его и положил на стойку так, чтобы Норман мог прочитать, что написано на карточке.

— Милтон Арбогаст,— произнес мужчина.— Занимаюсь проведением расследований для компании Пэрти Мьючиал.

— Вы детектив?

Мужчина коротко кивнул.

— И сюда пришел по важному делу, мистер...

— Норман Бейтс.

— Мистер Бейтс. Компании нужно, чтобы я узнал местопребывание этой девушки, и мне очень хотелось бы надеяться на вашу помощь. Конечно, если вы откажетесь разрешить мне просмотреть вашу книгу, я должен

буду обратиться к местным представителям власти. Да вы, наверное, сами знаете, как это делается.

Норман не знал, как это делается, но одно он знал твердо. Нельзя допускать, чтобы местные представители власти совали сюда нос. Он помешкал, рука все еще покоилась на книге.— А в чем дело? — спросил он.— Что сделала девушка?

— Угнала машину,— объяснил ему мистер Арбогаст.

— А, понятно.— Норман немного расслабился. Он уже решил, что там было что-то серьезное, что она разыскивалась как пропавшая без вести, или за совершение настоящего преступления. В таком случае, расследование проводилось бы по всей форме. Но угнанная машина, тем более такая старая развалина...

— Ну хорошо,— произнес он.— Пожалуйста, смотрите на здоровье. Я только хотел убедиться, что у вас все законно.

— Еще бы, конечно, законно.— Но мистер Арбогаст не спешил раскрывать книгу. Он вытащил из кармана какой-то конверт и положил его на стойку. Потом схватил книгу, повернул ее к себе и начал листать страницы, водя пальцем по столбцу фамилий.

Норман следил за движением этого пальца. Неожиданно палец остановился, уверенно ткнув в одну из записей.

— По-моему, вы говорили, что в прошлую субботу или воскресенье не было ни одного посетителя?

— Ну, я не помню, чтобы кто-нибудь появлялся. То есть, если и были посетители, то один-два человека, не больше. Настоящей работы не было.

— Как насчет вот этой? Джейн Вилсон, из Сан-Антонио? Она зарегистрировалась в субботу вечером.

— Ох, теперь припоминаю, да, верно.— Сердце снова, словно барабан, стучало в груди. Норман осознал, что сделал ошибку, когда притворился, что не узнал ее по описанию, но было поздно. Как теперь объяснить все, чтобы не вызвать подозрений? Что скажет детектив?

Пока что он ничего не говорил. Он поднял конверт со стойки и положил его на раскрытую книгу, чтобы сравнить почерк. Вот зачем он вытащил конверт, там был образец ее почерка! Теперь он все узнает. Он уже знает!

Норман понял это, когда детектив поднял голову и пристально поглядел на него. Теперь, когда его лицо было так близко, он мог разглядеть глаза. Холодные, безжалостные, знаящие глаза.

— Да, это та самая девушка. Один и тот же почерк.

— В самом деле? Вы уверены?

— Уверен настолько, что собираюсь снять копию, даже если для этого потребуется судебное решение. Но я еще и не такое могу сделать, если вы не начнете говорить, и говорить правду. Почему солгали, будто никогда не видели девушки?

— Я не солгал. Просто забыл, и все.

— Вы говорили, что хорошо запоминаете постоянные.

— Да, верно, почти всегда так и есть. Только...

— Докажите.— Мистер Арбогаст закурил сигарету.— К вашему сведению, кража машины — федеральное преступление. Вы ведь не хотите, чтобы вас привлекли за соучастие а?

— Соучастие? Как я могу быть соучастником? Девушка приезжает сюда, снимает номер, проводит в нем ночь и снова уезжает. За что же тут можно обвинить в соучастии?

— За сокрытие информации,— мистер Арбогаст глубоко затянулся.— Ну давайте, выкладывайте все на чистоту. Вы видели девушку. Как она выглядела?

— Точно так, как вы ее описали, по-моему. Когда она появилась, был сильный дождь. Я был занят. Не очень-то ее разглядывал. Дал ей расписаться в книге, вручил ключи, вот и все.

— Она сказала что-нибудь? О чем вы говорили?

— Наверное, о погоде. Не помню.

— Она в чем-то проявляла нервность, чувствовала себя не в своей тарелке? Что-нибудь в ее поведении вызвало подозрение?

— Нет. Ничего. Просто еще одна туристка, так мне показалось.

— Что ж, хорошо.— Мистер Арбогаст сунул окурочку в пепельницу.— Не произвела на вас абсолютно никакого впечатления, да? С одной стороны, с чего вам было подозревать ее в чем-нибудь? А с другой, девушка особой симпатии не возбудила. То есть, никаких чувств вы к ней не испытывали.

— Ну конечно, нет.

Мистер Арбогаст, словно был старым другом, наклонился к нему.— Тогда почему вы пытались прикрыть ее, притворившись, что напрочь забыли, как она приехала?

— Я не пытался! Я просто забыл, честное слово,— Норман понимал, что попался в ловушку, но больше детектив из него ничего не вытянет.— Чего вы пытаетесь достичь своими инсинуациями? Хотите обвинить в том, что я помог ей украсть машину?

— Вас никто ни в чем не обвиняет, мистер Бейтс. Мне просто-напросто нужна вся информация об этом деле, больше ничего. Так вы говорите, она приехала одна?

— Приехала одна, сняла комнату, уехала на следующее утро. Сейчас уже, наверное, за тысячу миль отсюда...

— Наверное.— Мистер Арбогаст улыбнулся.— Но давайте-ка чуточку помедленнее, вы не против? Может быть, все-таки вспомните что-нибудь. Она уехала одна, говорите? Когда примерно это было?

— Я не знаю. В воскресенье утром я спал у себя дома.

— Тогда, значит, вы не можете точно знать, что она была одна, когда уезжала?

— Я не смогу доказать, если вы это имеете в виду.

— А той ночью? Были у нее какие-нибудь посетители?

— Нет.

— Точно?

— Абсолютно точно!

— С кем-нибудь могла встречаться этой ночью?

— Она была единственным постояльцем.

— Вы работали здесь один?

— Точно.

— Она не выходила из комнаты?

— Нет.

— Всю ночь? Даже не звонила по телефону?

— Конечно, нет.

— Значит, кроме вас, никто не знал, что она здесь?

— Я уже сказал вам.

— А пожилая леди, она ее видела?

— Какая леди?

— Там, в доме позади мотеля.

Норман чувствовал, как сильно бьется сердце; сейчас оно пробьется наружу из груди. Он начал: «Никакой пожилой леди...», но мистер Арбогаст еще не закончил.

— Когда я подъезжал сюда, заметил, как она смотрит из окна. Кто это?

— Моя мать.— Никуда не денешься, он должен был признаться. Никуда не денешься. Он сейчас все объяснит.— Она уже дряхлая, уже не может спускаться из своей комнаты.

— Тогда она не видела девушку?

— Нет. Она больна. Она оставалась у себя, когда мы ужи...

Непонятно, как это случилось, просто вырвалось, и все. Потому что мистер Арбогаст слишком быстро задавал свои вопросы, он нарочно делал это, нарочно, чтобы запутать его, а когда упомянул Маму, застал Нормана врасплох. Он мог думать только об одном: защитить ее, а теперь...

Мистер Арбогаст больше не казался дружелюбным.

— Вы ужинали вместе с Мери Крейн в своем доме?

— Просто кофе и бутерброды. Я... мне казалось, я уже сказал вам. Ничего такого не было. Понимаете, она спросила, где можно перекусить, и я сказал, в Фервеле, но это почти двадцать миль пути, и был такой ливень, так что я пригласил ее зайти в дом. Больше ничего не было.

— О чем вы говорили?

— Да ни о чем особенном. Я же сказал вам, моя Мама больна, и я не хотел ее беспокоить. Она всю неделю была больна. Наверное, из-за этого я и был сам не свой, из-за этого начал забывать всякое. Например, забыл про эту девушку и про ужин. Просто вылетело из головы.

— Может быть, что-нибудь еще потом вылетело из головы? Ну, скажем, вы с той девушкой потом вернулись сюда и немного отпраздновали...

— Нет! Ни в коем случае! Как вы можете говорить такое, какое право вы имеете говорить такое? Да я... я больше даже говорить с вами не буду. Я уже рассказал все, что вам надо. А теперь уходите отсюда!

— Хорошо.— Мистер Арбогаст надвинул на лоб свой стетсон.— Уйду отсюда. Но сначала хотелось бы

переговорить с вашей матерью. Может, она заметила что-нибудь, что вы забыли.

— Говорю вам, она даже не видела этой девушки! — Норман торопливо вышел из конторы. — И потом, вам нельзя с ней говорить. Она очень больна. — В уши словно бил барабан, приходилось кричать, чтобы пересилить шум. — Я вам запрещаю заходить к ней.

— Тогда вернусь с ордером на обыск.

Теперь Норман видел, что он блефовал.

— Что за бред! Никто вам его не выдаст. Кто поверит, что я решил украсть старую машину?

Мистер Арбогаст зажег новую сигарету и бросил спичку в пепельницу.

— Боюсь, вы не все понимаете, — произнес он, почти с ненавистью. — На самом деле, машина здесь ни при чем. Хотите знать, что произошло на самом деле? Эта девушка — Мери Крейн — украла сорок тысяч долларов наличными у фирмы по продаже недвижимости в Форт Ворс.

— Сорок тысяч?

— Именно. Исчезла из города с деньгами. Сами видите, дело серьезное. Поэтому каждая деталь может быть важной. Поэтому я должен поговорить с вашей матерью, разрешите вы мне это или нет.

— Но я же сказал вам: мама ничего не знает. Чувствует себя плохо, очень плохо.

— Даю слово, что не сделаю ничего, что могло бы ее расстроить. — Мистер Арбогаст сделал паузу. — Конечно, если вы хотите, чтобы я вернулся сюда в сопровождении шерифа, с ордером...

— Нет. — Норман торопливо помотал головой. — Вы не должны так поступать. — Он лихорадочно пытался придумать какой-нибудь выход, но разве не ясно, что теперь уже выхода нет. Сорок тысяч долларов. Неудивительно, что он так подробно все выспрашивал. Конечно, ему дадут ордер на обыск, бессмысленно устраивать истерику. Да еще эта парочка из Алабамы. Да, деваться некуда, деваться некуда.

— Хорошо, — произнес Норман. — Можете поговорить с ней. Но разрешите мне сначала сказать маме, что

вы придете. Нельзя врываться к больной без предупреждения, волновать ее.— Он направился к двери.— Вы подождите здесь, на случай, если кто-нибудь придет, хорошо?

— О'кей, — кивнул Арбогаст, и Норман заспешил к дому.

Дорожка, ведущая к их жилищу, не была особенно крутой, но ему показалось, что он никогда не доберется до двери. Сердце стучало, в ушах стоял звон, словно вернулась та ночь, и теперь он понимал, что сейчас все стало в точности как в ту ночь, как будто она тянулась вечно. Ничего не изменилось. Что бы ты ни делал, от этого никуда не уйти. Можешь быть хорошим мальчиком, можешь быть взрослым: и то, и другое одинаково бесполезно. Ничего не поможет, потому, что ты — это ты, от себя никуда не уйдешь, и он, Норман, не может справиться с этим. Не может спасти себя, и не может спасти Маму. Если кто-нибудь способен что-то сделать, так только Мама.

Он открывает входную дверь, спешит вверх по лестнице, заходит к ней; он хотел все рассказать спокойно, но когда Норман увидел ее, мирно сидящую у окна, он не смог сдержаться. Он начал дрожать, из горла вырвался всхлип еще один, ужасные всхлипывающие звуки, и он прижался головой к Маминой юбке и все рассказал.

— Ну хорошо,— произнесла Мама. Она почему-то ничуть не удивилась.— Я позабочусь обо всем. Оставь это мне.

— Мама... если ты быстро поговоришь с ним, не больше минуты, скажешь, что не знаешь ничего, он уйдет.

— Но ведь он вернется. Сорок тысяч долларов — уйма денег. Почему ты ничего мне не сказал об этом?

— Я не знал. Честное слово, ничего не знал!

— Я тебе верю. Только ведь он не поверит, ни тебе, ни мне. Он, должно быть, думает, что мы сговорились с ней. Или как-нибудь избавились от девушки, чтобы получить деньги. Разве ты сам не понимаешь?

— Мама... — он закрыл глаза, не мог смотреть на нее.— Что ты хочешь сделать?

— Я хочу одеться. Нам надо подготовиться к при-

ходу гостя, так ведь? Я соберу свои вещи и буду в ванной. Возвращайся и скажи этому мистеру Арбогасту, чтобы приходил.

— Нет, я не могу. Я не приведу его сюда, если ты собираешься...

И он действительно не мог, не мог теперь даже шевельнуться. Он хотел бы отключиться, но ведь и это не поможет, не остановит того, что должно произойти.

Еще несколько минут, и мистер Арбогаст устанет ждать. Он сам поднимется к дому, потом постучит в дверь, распахнет ее и войдет. И как только он ступит внутрь...

— Мама, ну, пожалуйста, послушай, что я скажу!

Но она не слышала. Она была в ванной, одевалась, наводила красоту, готовилась к приходу гостя. Гото- в и л а с ь.

И вот неожиданно дверь распахнулась, она плавной походкой словно выплыла наружу. На ней было нарядное платье с оборками. Лицо покрыто свежим слоем пудры и румян; она была красивая, как картина. Улыбаясь, Мама зашагала вниз по лестнице. Она успела пройти половину пути, когда раздался стук.

Все это взаправду происходит, мистер Арбогаст уже здесь. Норман хотел крикнуть ему, предупредить, но что-то словно застряло в горле. Он мог только слушать. Бодрый голос Мамы: «Сейчас иду! Сейчас иду! Секундочку!»

Все действительно произошло за несколько секунд.

Мама открыла дверь, и мистер Арбогаст зашел внутрь. Взглянул на нее и открыл рот, готовясь что-то произнести. В эту секунду он поднял голову; вот чего ждала Мама. Она взмахнула рукой, и что-то яркое, блестящее, сверкая, мелькнуло в воздухе: раз-два, раз-два..

Глазам было больно смотреть, Норман не хотел смотреть. Зачем, он и так уже знал, что случилось.

Мама нашла его бритву...

Норман улыбнулся пожилому мужчине и про- изнес:

— Вот ваш ключ. Десять долларов за номер на двоих, пожалуйста.

Его супруга щелкнула замком сумочки.

— Деньги у меня, Гомер.— Она положила банкноту на стойку, кивнув Норману. Потом ее голова резко выпрямилась, глаза сощурились, стали разглядывать его.— Что с вами, вам нехорошо?

— Я... просто немного устал, наверное. Ничего, пройдет. Я уже закрываюсь.

— Так рано? Я думала, мотели работают круглосуточно. Особенно по субботам.

— У нас сейчас не очень-то много посетителей. Кроме того, сейчас почти десять.

Почти десять. Без малого четыре часа. О, Господи!

— Понятно. Что ж, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Они уходили, теперь можно отойти от стойки, можно выключить вывеску и запереть контору. Но сначала он выпьет, хорошенько выпьет, потому что нуждается в этом. И неважно, будет он пьяным или нет. Сейчас все неважно, все это осталось позади. Осталось позади, а может быть, только начинается.

Норман уже порядочно выпил. В первый раз он сделал это, когда вернулся в мотель, около шести, а потом принимал свою порцию каждый час. Если бы не спиртное, он бы просто не выдержал, не смог бы стоять здесь, зная, что спрятано в доме под ковром в холле. Да, он оставил там все как было, не пытаясь ничего трогать, просто поднял ковер по краям и накрыл это. Довольно много крови натекло, но она не просочится сквозь ткань. Тогда он больше ничего не мог сделать. Потому что был день.

Теперь, конечно, придется идти туда. Он строго-настрого запретил Маме что-нибудь трогать и знал, что она подчинится. Странно, как она вернулась в свое прежнее состояние апатии. Тогда казалось, что Маму ничто не остановит,— маниакальная стадия, так это, кажется, называется,— но как только все было кончено, она просто завяла, и дальше пришлось ему взяться за дело. Он велел ей вернуться в свою комнату и больше не показываться возле окна, лечь и лежать, пока он не вернется. И еще он запер дверь.

Теперь придется ее отпереть.

Норман закрыл контору и вышел из мотеля. Неподалеку стоял «бьюик», «бьюик» мистера Арбогаста, так и стоял с тех пор, как детектив остановил здесь машину.

Вот замечательно, если бы можно было просто сесть за руль и уехать! Умчаться подальше отсюда, оставить все позади и больше никогда не возвращаться, никогда! Подальше от мотеля, и от Мама, подальше от того, что лежит под ковром в холле!

На мгновение это желание, словно волна, захлестнуло его, но лишь на мгновение. Потом все улеглось, и Норман пожал плечами. Ничего не выйдет, уже это он знал точно. Никогда ему не умчаться так далеко, чтобы быть в безопасности. И потом, его ждет э т о, завернутое в ковер. Ждет его...

Поэтому он сначала внимательно оглядел шоссе, потом посмотрел, задернуты ли шторы на окнах номера первого и номера третьего, и наконец залез в машину мистера Арбогаста и вынул ключи, которые нашел в кармане детектива. Очень медленно он подъехал к дому.

Весь свет был потушен. Мама спала в своей комнате, а может, только притворялась, что спит, сейчас это Нормана не волновало. Главное — пусть не путается под ногами, пока он делает свое дело. Не хочется, чтобы Мама была поблизости; он почувствует себя маленьким мальчиком. Ему предстояла мужская работа. Работа для взрослого мужчины.

Кто, кроме мужчины, смог бы связать края ковра и поднять то, что было внутри. Он пронес эту ношу по ступенькам, а потом положил на заднее сиденье машины. Он был прав — сквозь плотную ткань не просочилось ни капли. Эти старые ковры с грубым ворсом не пропускают влагу.

Когда он миновал лес и добрался до болот, Норман проехал по самому краю, пока не нашел открытого места. Нельзя пытаться утопить эту машину там же, где первую. Но это место новое, кажется, подойдет. Он использовал тот же метод. На самом-то деле, все было очень просто. У м е н и е п р и х о д и т с о п ы т о м.

Только смеяться тут было нечего; тем более, когда он сидел на пеньке у трясины и ждал, пока болото не поглотит машину. На этот раз было еще хуже. Казалось бы, «бьюик» тяжелее и затонуть должен был быстрее.

Но пока он ждал, прошло миллион лет, не меньше. Наконец — х л о п! И все.

Ну вот. Он исчез навсегда. Как эта девушка со своими сорока тысячами. Где они были спрятаны? Конечно же, не в сумочке, и не в чемодане. Может быть, в сумке, где она держала смену белья, или в самой машине? Надо было все осмотреть, вот что он должен был сделать. Но ведь тогда он был не в состоянии это сделать, даже если узнал про деньги. А если бы нашел, кто знает, что бы случилось? Скорее всего, он бы выдал себя, когда появился детектив. Всегда чем-то выдаешь себя, если тебя гнетет чувство вины. Слава Богу, по крайней мере за это он должен быть благодарен, — не он совершил убийство. Да, он знал, что считается соучастником, с другой стороны, он должен был спасти Маму. Конечно, этим он спасал и себя тоже, но все, что он делал, он делал в первую очередь ради нее.

Норман медленно бред по полю. Завтра он должен будет приехать туда на своей машине с прицепом, снова проделать то же самое. Но это — чепуха по сравнению с тем, что предстоит в доме.

Как и всегда, его цель — охранять Маму.

Он все тщательно продумал, придется просто посмотреть в лицо фактам.

Кто-нибудь обязательно придет и начнет выяснять насчет детектива.

Обычная логика. Компания, — что-то там Мьючиал, — на которую он работал, не примирится с исчезновением до тех пор, пока не будет проведено расследование. Очевидно, он держал с ними связь, может быть, регулярно звонил, или как-нибудь еще, на протяжении всей недели. И конечно, в результатах заинтересована фирма по продаже недвижимости. Как тут не заинтересоваться, если речь идет о сорока тысячах долларов.

Поэтому, рано или поздно, придется ответить на разные вопросы. И кто бы там ни появился, его рассказ будет четким и ясным. Он выучит свою историю наизусть, будет репетировать, чтобы потом ничего не сорвалось с языка, как сегодня. Никому не удастся разволновать, запугать его, ведь он будет заранее знать, что его ожидает. Уже сейчас он прикидывает, что надо сказать, когда настанет урочный час.

Да, девушка останавливалась в мотеле. В этом надо признаться сразу, но он, конечно, ничего не подозревал, пока не появился мистер Арбогаст, это было через неделю после прихода девушки. Девушка провела в своем номере ночь и уехала. Ни слова о каких-нибудь разговорах, тем более, о том, что они вместе ужинали.

А вот что он скажет: «Все это я сообщил мистеру Арбогасту, но, кажется, его внимание привлекло лишь то, что девушка спрашивала, далеко ли отсюда до Чикаго, и сможет ли она добраться туда за день?»

Вот что заинтересовало мистера Арбогаста. Он сердечно поблагодарил Нормана, забрался в свою машину и уехал. Все. Нет, Норман не имеет представления, куда он направился. Мистер Арбогаст ничего ему не сказал. Просто уехал и все. Когда это было? В субботу, примерно после обеда».

Вот так лучше всего, просто краткое изложение фактов. Никаких деталей, ничего такого, что могло бы вызвать подозрения. Преступница, скрывающаяся от правосудия, ненадолго остановилась здесь и отправилась своим путем. Неделию спустя детектив пришел по ее следам, получил ответы на все вопросы, затем уехал. Извините, мистер, больше ничем помочь не могу.

Норман осознал, что сможет изложить все вот так, спокойно и четко, потому что на этот раз не придется беспокоиться за Маму.

Она больше не будет выглядывать из окна. Ее вообще не будет в доме. Пусть даже приходят со своими ордерами на обыск,— Маму им не найти.

Таким образом, он выполнит свой долг лучше всего. Это нужно не только для его собственной безопасности, в первую очередь, он хочет защитить ее. Он все продумал и твердо решил поступить таким образом, он добьется, чтобы его решение было выполнено. Нет смысла даже откладывать на завтра.

Странно, теперь, когда в принципе все позади. Норман продолжал чувствовать уверенность в собственных силах. Совсем не так, как было в прошлый раз, когда он полностью сломался, когда главным было знать, что Мама здесь, рядом. Теперь главное — знать, что ее здесь нет. И сейчас, в первый раз в жизни, у него хватит духу объявить ей свое решение.

Он твердым шагом поднялся наверх и в темноте дошел до ее комнаты. Зажег свет. Она была в постели, конечно, но не спала: не сомкнула глаз все это время, просто играла в свои игры.

— Норман, господи, где ты пропадал до сих пор? Я так волновалась...

— Ты же знаешь, где я был, Мама. Не притворяйся.

— Все в порядке?

— Конечно.— Он набрал побольше воздуха в легкие.— Мама, я хочу попросить тебя неделю-две спать в другом месте.

— Что такое?

— Я сказал, что вынужден просить тебя не спать в этой комнате несколько недель.

— Ты в своем уме? Это моя комната.

— Я знаю. И не прошу тебя уйти отсюда навсегда. Только ненадолго.

— Но я не понимаю, для чего...

— Пожалуйста, Мама, выслушай внимательно и попробуй понять. Сегодня к нам сюда приходил человек.

— Может быть, не стоит говорить об этом?

— Я должен. Потому что рано или поздно кто-нибудь появится здесь и начнет выяснять насчет него. А я скажу, что он приехал и убрался отсюда, и все.

— Ну, конечно, ты это скажешь, сыночек. И мы сможем наконец забыть обо всем.

— Возможно. Надеюсь, так оно и будет. Но я не могу рисковать. Может быть, они захотят обыскать дом.

— Пусть. Его ведь здесь не будет.

— И тебя тоже не будет.— Он нервно втянул в себя воздух и быстро заговорил.— Я серьезно, Мама. Это нужно для твоей же безопасности. Я не могу позволить кому-нибудь увидеть тебя, как сегодня увидел этот детектив. Не хочу, чтобы кто-нибудь начал задавать разные вопросы тебе — и ты знаешь не хуже меня, почему. Такого нельзя допустить. Значит, для нашей общей безопасности надо сделать так, чтобы тебя просто не было здесь.

— Что же ты собираешься сделать? Спрятать меня в трясине?

— Мама...

Она начала смеяться. Это больше походило на омерзительное кудахтанье, и он знал, что теперь, раз она начала, уже не остановится. Единственный способ заставить ее прекратить это — попробовать перекрычать. Еще неделю назад Норман ни за что бы не осмелился. Но то время прошло, и сегодня он был другим, и все вокруг изменилось. Все изменилось, и он мог смотреть правде в лицо. Мама была не просто нездорова. Она была психопаткой, опасной психопаткой. Он должен держать ее в узде, и он сделает это.

— Заткнись,— громко произнес он, и кудахтанье смолкло.— Прости меня,— мягко продолжил Норман.— Но ты должна меня выслушать. Я все продумал. Я отведу тебя в подвал, в кладовую для фруктов.

— Кладовую? Но не могу же я...

— Можешь. И сделаешь это. У тебя нет выбора. Я позабочусь о тебе, там есть свет, и я принесу раскладушку, и...

— Не будет этого!

— Я не прошу тебя, Мама. Я объясняю, как ты должна поступить. Ты останешься там до тех пор, пока я не сочту, что опасность прошла и ты можешь снова жить здесь. И я повешу наше старое индийское покрывало на стену, так что оно закроет дверь. Никто ничего не заметит, даже если они не поленятся спуститься в подвал. Только так мы оба можем быть уверены, что с тобой ничего не случится.

— Норман, я отказываюсь даже говорить об этом! Я с места не сдвинусь!

— Тогда придется тебя отнести на руках.

— Норман, ты не посмеешь...

Но он посмел. В конце концов именно это он и сделал. Поднял Маму прямо с кровати и понес ее, и она была легкой как перышко по сравнению с мистером Арбогастом, и пахло от нее духами, а не застарелой сигаретной вонью, как от него. Она была слишком ошеломлена его поведением, чтобы сопротивляться, только немного повсхлипывала, и все. Норман сам был ошарашен тем, насколько легко это оказалось, стоило ему только решиться на такой шаг. Господи, Мама просто больная пожилая леди, хрупкое, невесомое создание! И нечего ее бояться, сейчас Мама боялась его. Да, в

самом деле. Потому что ни разу за все это время не назвала его «мальчиком».

— Сейчас налажу раскладушку,— сказал он ей.— И ночной горшок тоже надо...

— Норман, неужели нельзя не говорить с матерью на такие темы? — На мгновение ее глаза вспыхнули прежним блеском, потом она увяла.

Он суетился вокруг нее, бегал за бельем, поправил шторы на маленьком окошке, чтобы обеспечить приток воздуха. Она снова принялась всхлипывать, нет, скорее, бормотать вполголоса.

— Точь-в-точь тюремная камера, вот что это такое, ты хочешь посадить меня в тюрьму. Ты больше нелюбишь меня, Норман, иначе так бы со мной не обращался.

— Если бы я не любил тебя, знаешь, где ты была бы сегодня? — Он не хотел говорить это ей, но иначе не мог.— В Госпитале штата для душевнобольных преступников. Вот где ты была бы.

Он выключил свет, не зная, услышала ли она эти слова, и если да, дошел ли до нее смысл сказанного.

Теперь ясно, что она все поняла. Потому что, когда он уже закрывал за собой дверь, раздался ее голос. Он был обманчиво мягким в наступившей темноте, но почему-то слова резанули Нормана, резанули по самому сердцу, словно острое лезвие, что тогда резануло по горлу мистера Арбогаста.

— Да, Норман, очевидно, ты прав. Наверное, там я и буду. Но я буду там не одна.

Норман захлопнул дверь, запер ее и отвернулся. Он не мог сказать точно, но, кажется, торопясь вверх по ступенькам, все еще слышал, как Мама тихонько хихикает в темноте подвала.

11

Сэм и Лила сидели в задней комнатке магазина и ждали, когда появится Арбогаст. Но с улицы долетал лишь обычный шум субботнего вечера.

— В городке вроде этого сразу можно определить, что сегодня субботний вечер,— заметил Сэм.— По звукам, доносящимся с улицы. Взять, к примеру, шум машин. Сегодня их больше, и двигаются они быстрее, чем

обычно. Потому что в субботний вечер за руль садятся подростки.

А все это дребезжание, скрип тормозов? Останавливаются десятки машин. Фермеры всей округи с семьями в своих древних развалюхах приезжают в город повеселиться. Работники наперегонки спешат занять место в ближайшем баре.

Слышишь, как шагают люди? И это звучит сегодня как-то особенно, по-субботному. А топот бегущих ног? Дети резвятся на улице. В субботу вечером можно играть допоздна. Не надо думать о домашних заданиях.— Он пожал плечами.— Конечно, в Форт Ворсе гораздо больше шума в любой вечер недели.

— Да, наверное,— сказала Лила.— Сэм, где же он? Сейчас уже почти девять.

— Ты, должно быть, проголодалась.

— Да нет, при чем тут это. Почему его все нет и нет?

— Может быть, задержался, нашел что-нибудь важное.

— По крайней мере мог бы позвонить. Ведь знает же, как мы здесь волнуемся.

— Ну подожди еще немного...

— Я больше не могу! — Лила встала, оттолкнув стул. Она принялась ходить взад и вперед по узкому пространству маленькой комнатки.— Мне с самого начала не надо было соглашаться. Надо было пойти прямо в полицию. Целую неделю только и слышно — подожди, подожди, подожди! Сначала этот мистер Ловери, потом Арбогаст, а теперь еще ты. Потому что вы думаете о деньгах, а не о моей сестре. Никого не волнует ее судьба, никого, кроме меня!

— Неправда, ты же знаешь мои к ней чувства.

— Тогда как ты можешь это терпеть? Сделай что-нибудь! Что ж ты за мужчина, если в такое время сидишь и пристаешь со своей деревенской философией?

Она схватила сумочку и бросилась из комнаты, едва не задев его.

— Куда ты? — спросил Сэм.

— К этому вашему шерифу.

— Да ведь проще будет позвонить ему. Нам надо быть на месте, когда приедет Арбогаст.

— Если он вообще придет. Может быть, если он что-то нашел, вообще здесь больше не появится. Ему-то зачем это надо? — В голосе Лилы проскальзывали истерические нотки.

Сэм взял ее под руку.

— Сядь, — сказал он. — Я сейчас позвоню шерифу.

Она не сдвинулась с места, когда он вышел из комнаты в магазин. Сэм подошел к задним полкам, туда, где стоял кассовый автомат, и поднял трубку телефона.

— Девушка, пожалуйста, один-шесть-два. Алло, это кабинет шерифа? Говорит Сэм Лумис, из магазина скобяных товаров. Я хотел бы поговорить с шерифом Чамберсом... Где, где? Нет, ничего не слышал насчет этого. Где вы говорите — Фултон? Как думаете, когда он вернется? Понятно. Да нет, ничего у нас не случилось. Слушайте, если он вдруг вернется до полуночи, скажете, чтобы позвонил мне сюда, в магазин? Буду тут всю ночь. Да. Спасибо вам большое.

Сэм повесил трубку и вернулся к себе.

— Что он сказал?

— Его не было. — Сэм пересказал свой разговор, наблюдая, как постепенно меняется ее лицо. — Кажется, кто-то ограбил банк в Фултоне, сегодня вечером, где-то после ужина. Чамберс и вся команда дорожной патрульной службы штата блокируют дороги. Вот из-за чего эта суматоха. Я говорил со стариком Петерсоном; его одного оставили в офисе. Еще есть пара полицейских, обходящих город, но от них никакого толка нам не будет.

— Что же нам делать?

— Как что, ждать, конечно. Может случиться, нам не удастся поговорить с шерифом до завтрашнего утра.

— Но разве ты хоть немного не беспокоишься о том, что за это время...

— Конечно, беспокоюсь. — Он резко, нарочито резко оборвал ее. — Тебе станет легче, если я позвоню в мотель и выясню, что там задержало Арбогаста?

Она кивнула.

Он возвратился в магазин. На этот раз она вышла вслед за ним и терпеливо ждала, пока он выяснял номер у оператора. В конце концов она нашла фамилию —

Норман Бейтс — и нужный номер. Сэм застыл в ожидании, пока она пыталась соединиться с мотелем.

— Странно,— сказал он, вешая трубку.— Никто не подходит.

— Тогда я поеду туда.

— Нет.— Сэм опустил ей руку на плечо.— Я поеду. Подожди здесь, на случай, если Арбогаст все-таки придет.

— Сэм, как ты думаешь, что случилось?

— Скажу, когда вернусь. Теперь расслабься, не паникуй. Минут через сорок, не больше, вернусь.

Он сдержал слово — Сэм гнал машину. Ровно через сорок две минуты он отпер входную дверь, снова очутился в магазине. Лила ждала его.

— Ну как?

— Очень все странно. Там все закрыто. В конторе свет не горит. И в доме за мотелем ни огонька. Я подошел к нему и барабанил в дверь не меньше пяти минут: ничего. Гараж рядом со зданием открыт, внутри пусто. Кажется, Бейтс решил провести где-нибудь нынешний вечер.

— А мистер Арбогаст?

— Машина его там не стояла. Только две припаркованы, я проверил по номерам — Алабама и Иллинойс.

— Но куда же он мог...

— Мне кажется,— произнес Сэм,— Арбогаст и вправду что-то выяснил. Возможно, что-то важное. Может, они с Бейтсом уехали вдвоем. Вот почему он с нами не связался.

— Сэм, я больше не выдержу! Я должна знать точно!

— Кроме того, ты должна поесть.— Он извлек массивный бумажный пакет.— На обратном пути остановился у придорожного кафе, здесь немного гамбургеров и кофе. Давай-ка отнесем все в заднюю комнату.

Когда они кончили ужинать, было уже больше одиннадцати.

— Слушай,— сказал Сэм.— Ты не хочешь отправиться в гостиницу и поспать немного? Если кто-нибудь позвонит или появится, я дам знать. Какой смысл нам двоим сидеть вот так круглые сутки.

— Но я...

— Да брось. Что толку переживать зря? Вполне может быть, что я все угадал верно, Арбогаст нашел Мери, так что утром жди новостей. Хороших новостей.

Но наутро хорошие новости их не ожидали.

В девять часов Лила уже стучала в дверь магазина.

— Ничего нового? — спросила она. А когда Сэм отрицательно покачал головой, нахмурилась. — Я кое-что узнала. Арбогаст вчера утром выписался из гостиницы, — еще до того, как начал свои поиски.

Сэм не произнес ни слова. Он взял шляпу и молча вышел вместе с ней из магазина.

В воскресное утро на улицах Фервела было пустынно. В конце парка на Главной улице окаймленное газоном стояло здание суда. Рядом с одной из стен возвышалась статуя Ветерана Гражданской Войны — такие тысячами изготавливались в начале века, чтобы потом красоваться рядом с официальными зданиями по всей провинции. Кроме этого, вокруг дома в хронологическом порядке были расставлены: с одной стороны — мортира эпохи испано-американской войны, с другой — пушка времен первой мировой войны, с третьей — гранитный обелиск с именами четырнадцати уроженцев Фервела, павших во время второй мировой войны. Вдоль дорожек парка — уютные скамейки, но в этот час все они были свободны.

Само помещение суда было закрыто, но офис шерифа располагался в пристройке — хотя ее воздвигли в 1946 году, жители Фервела до сих пор называли ее «новой». Дверь была открыта. Они вошли, взобрались по ступенькам, прошли по холлу к двери офиса.

Старик Петерсон в гордом одиночестве нес за столом службу, выполняя роль секретарши.

— Привет, Сэм!

— Доброе утро, мистер Петерсон. Шерифа тут поблизости нет?

— Не-а. Слышал об этих грабителях-то? Прорвались-таки сквозь дорожные посты возле Парнасса! Теперь уж за них взялось ФБР. Разослало объявления о...

— А где он?

— Ну слушай, он ведь здорово поздно пришел домой вчера, — точнее будет сказать, сегодня утром.

— Вы ему передали, что я просил?

Старик немного смутился.

— Да я... вроде как забыл. Тут такое было вчера! — Он провел ладонью по губам. — Но я, уж конечно, собирался передать ему все сегодня, сразу как появится.

— А когда это будет?

— Да прямо после ленча, наверное. Воскресным утром он всегда посещает церковь.

— Какую?

— Первую Баптистскую.

— Спасибо.

— погоди, ты ведь не можешь вытащить его посреди...

Сэм повернулся, оставив его слова без ответа. За ним по паркету холла застучали каблучки Лилы.

— Да что тут за город такой, — прошептала она. — Ограбили банк, а шериф — в церкви. Что он там делает, возносит молитву, чтобы кто-нибудь за него поймал этих бандитов?

Сэм не ответил. Когда они вышли из здания, она снова повернулась к нему:

— Куда мы теперь направляемся?

— Ну, в Первую Баптистскую церковь, конечно.

Но, к счастью, им не пришлось отвлекать шерифа Чамберса от его религиозных обязанностей. Как только они завернули за угол, стало ясно, что служба подошла к концу: из увенчанного шпилем здания уже выходили люди.

— Вот он, — пробормотал Сэм. — Идем.

Он подвел ее к мужчине и женщине, стоявшим у самого края тротуара. Женщина — коротконогая, седоволосая, с абсолютно невыразительным лицом в набивном платье, мужчина — высокий, широкоплечий, с выпирающим животом. На нем был голубой костюм из саржи. Он то и дело вертел головой, словно пытаясь освободиться от плотно обхватившего багрово-красную морщинистую шею накрахмаленного белого воротника. У шерифа были волнистые, уже тронутые сединой волосы и густые черные брови.

— Подождите минутку, шериф, — сказал Сэм. — Я хотел бы с вами поговорить.

— Сэм Лумис! Как поживаешь, сынок? — Шериф протянул ему могучую багрово-красную руку. — Мать, ты ведь знаешь Сэма.

— Познакомьтесь — Ли́ла Кре́йн. Ми́сс Кре́йн приехала повидать меня из Форт Ворса.

— Рад познакомиться. Ох, да вы, должно быть, та самая, о которой старина Сэм всем тут уши прожужжал, верно? Ни разу, правда, не сказал, какая вы хорошенькая...

— Вы, наверное, путаете меня с сестрой, — ответила Ли́ла. — Из-за нее нам и нужно с вами поговорить.

— Не могли бы мы сейчас на минутку зайти в ваш офис? — вмешался Сэм. — Там бы все и объяснили.

— Ну, конечно, почему бы и нет? — Шериф повернулся к жене. — Ма́ть, возьми машину и поезжай домой одна, хорошо? Я скоро приду, вот только разберусь тут с ребятами.

Но быстрого разбора не получилось. В кабинете шерифа Сэм, не мешкая, изложил свое дело. Даже если бы его не перебивали, это заняло бы добрых двадцать минут. А шериф перебивал Сэма довольно часто.

— Я хочу точно знать вот что, — сказал он наконец. — Этот парень, что приходил к тебе, Арбогаст. Почему он не зашел ко мне?

— Я уже объяснил. Он надеялся избежать уведомления властей. Планировал разыскать Мери Кре́йн и вернуть деньги так, чтобы не было никаких нежелательных последствий для агентства Ловери.

— Ты говоришь, он тебе показал удостоверение?

— Да, — Ли́ла кивнула. — Он имел право проводить расследование для страховой компании. И ухитрился проследить путь сестры до самого мотеля. Вот почему мы так беспокоились, — он не вернулся, хотя обещал.

— Но когда ты подъехал к мотелю, его там не было? — Этот вопрос был адресован Сэму. Он ответил:

— Там тогда вообще никого не было, шериф.

— Это вот странно. Чертовски странно. Я знаю парня, который им управляет, Бейтс его фамилия. Он всегда там сидит. Даже на час оставить дом, чтобы приехать сюда, для него проблема. Утром не пробовали ему дозвониться? Ну теперь уж предоставьте это мне. Должно быть, когда ты туда приехал ночью, он просто спал как убитый, вот и все дела.

Могучая рука плотно сжала трубку.

— Не говорите ему ничего насчет денег, — сказал Сэм. — Просто спросите, не видел ли Арбогаста, посмотрим, что он скажет.

Шериф кивнул.

— Предоставьте это мне,— шепнул он.— Я знаю, как с ним говорить.

Он назвал телефонистке номер, подождал.

— Алло... это ты, Бейтс? Говорит шериф Чамберс. Да, точно. Мне тут нужно кое-что выяснить. У нас здесь одни ребята пытаются разыскать парня по имени Арбогаст. Милтон Арбогаст, из Форт Ворса. Он специалист по расследованиям или что-то вроде этого, работает для компании под названием «Перити Мьючиэл».

Что — что он? А, значит, приезжал? Когда это было? Понятно. Что он там говорил? Да, все в порядке, мне можно сказать, я ведь шериф. Я уже все знаю об этом деле. Так-так...

Повтори-ка еще раз. Ага. Ага. А потом уехал, так? Не сказал, куда направляется? Ты так думаешь? А как же. Нет, мне больше ничего не нужно.

Нет, все в порядке, можешь не беспокоиться. Просто подумал, что он мог бы заглянуть сюда. Слушай-ка, пока не забыл, как думаешь, он не мог снова заехать к тебе вечером, а? Когда ты обычно ложишься спать? А, понятно. Что ж, вроде бы все, больше вопросов не имею. Спасибо за помощь, Бейтс.

Он повесил трубку и крутанулся на стуле.

— Судя по всему, ваш человек поехал в Чикаго,— произнес он.

— Чикаго?

Шериф кивнул.

— Ну да, конечно. Девушка ведь сказала, что едет туда. Ваш дружок Арбогаст, я чувствую, свое дело знает.

— Что это значит? Что вам сейчас сказал этот Бейтс? — Лила наклонилась вперед.

— Да то же, что вам сказал вчерашним вечером Арбогаст, когда позвонил оттуда. Ваша сестра остановилась в прошлую субботу в мотеле, но зарегистрировалась под чужим именем. Назвала себя Джейн Вилсон, написала, что живет в Сан-Антонио. Проговорилась, что держит путь в Чикаго.

— Тогда это была не Мери. Да она никого не знает в Чикаго, никогда в жизни не была там!

— Бейтс говорит, что Арбогаст был уверен — она именно та, кого он искал. Даже сверил почерк. Описа-

ние внешности, машины: все совпадало. Вдобавок, по словам Бейтса, как только он услышал про Чикаго, парень вылетел оттуда, как ракета.

— Но ведь это бред! У нее была целая неделя! Если, конечно, она действительно направлялась в Чикаго. Он никогда не найдет там Мери.

— Может, он знает, где искать. Может, вам-то он не рассказал все до конца, все, что смог выяснить насчет ее планов.

— Что еще он мог выяснить такое особенное о моей сестре, чего я не знаю?

— С такими вот ловкачами надо держать ухо востро, кто знает, что там у него в голове? Может, он как-нибудь узнал, что хочет делать дальше ваша сестра. Если он сумеет добраться до нее и наложить руки на де-нежки, кто знает, может, ему и расхочется вообще показываться в своей компании.

— Вы хотите сказать, что мистер Арбогаст — нечестный человек?

— Я одно хочу сказать, леди. Сорок тысяч наличными — довольно-таки много денег. И если этот Арбогаст так и не появился здесь, значит, он что-то задумал. — Шериф кивнул сам себе. — Я так думаю, он с самого начала продумывал разные варианты. Иначе почему он по крайней мере не заглянул сюда и не поинтересовался, могу ли я чем-нибудь помочь? Вы говорите, вчера он уже выписался из гостиницы. Ну вот!

— Подождите-ка, шериф, — произнес Сэм. — По моему, сейчас рано делать выводы. Вы основываетесь только на том, что слышали по телефону от этого Бейтса. А может, он лжет?

— Да зачем ему врать-то? Он выложил все без всяких. Сказал, что видел девушку, сказал, что видел Арбогаста.

— Тогда где же он был прошлой ночью, когда я приехал?

— В постели, спал сном младенца, как я и думал, — ответил шериф. — Послушай-ка, я знаю этого парня, Бейтса. Он вроде как странный немного, не очень-то хорошо соображает, по крайней мере так мне всегда казалось. Но уж что точно, то точно: он не из тех, кто может ловчить, придумывать всякие хитрости. Почему

я ему должен не верить? Тем более когда я знаю, что твой дружок Арбогаст вам соврал.

— Соврал? Насчет чего он соврал?

— Ты сказал мне, о чем вы говорили прошлой ночью, когда он звонил из мотеля. Ну вот, это вранье чистой воды. Должно быть, он уже разнюхал про Чикаго и хотел задержать вас подольше, чтобы успеть туда, пока никто не узнал. Вот почему он солгал.

— Я не понимаю, шериф. О чем именно он солгал?

— Помнишь, когда он сказал, что хочет встретиться с матерью Нормана Бейтса? У него, у Бейтса, нет матери.

— Нет матери?

— Ну, по крайней мере последние двадцать лет уж точно нет.— Шериф удовлетворенно кивнул.— Эта история гремела по всей округе,— странно, что ты ничего не помнишь, но тогда-то ты еще бегал в коротких штанишках. Она построила этот мотель вместе с парнем по имени Консидайн. Джо Консидайн. Понимаешь, она-то была вдовой, ходили разговоры, что Консидайн и она...— Шериф бросил взгляд на Лилу и неопределенно помахал в воздухе рукой.— Ну уж как бы там ни было, они так и не поженились. Что у них случилось, не знаю: может, с ней что-то неладное, может, Консидайн оставил жену в своих родных краях, но в одну прекрасную ночь оба приняли стрихнин. Соединились в смерти, можно сказать. Ее сын, этот вот Норман Бейтс, и нашел их лежащими рядышком. Должно быть, пережил тогда страшное потрясение. Потом месяц-два отлеживался в госпитале, так я понимаю. Даже не присутствовал на похоронах. Но я-то был там, вот почему я уверен, что его мать мертва. Посудите сами: я ведь сам нес ее гроб!

12

Сэм и Лила обедали в гостинице.

Это был невеселый обед.

— Я все-таки не верю, что мистер Арбогаст уехал бы, не переговорив предварительно с нами,— сказала Лила, опуская чашку с кофе.— И насчет того, что Мери решила отправиться в Чикаго, тоже не верю.

— Что ж, зато шериф Чамберс верит.— Сэм вздохнул.— Но ведь Арбогаст действительно солгал насчет матери Бейтса, этого ты не можешь отрицать.

— Да, я знаю. Но тут нет никакого смысла. С другой стороны, в истории с Чикаго тоже смысла нет. Мистер Арбогаст не мог знать о Мери больше того, что мы ему рассказали.

Сэм положил ложечку рядом с бокалом шербета.

— Я начинаю сомневаться, так ли уж мы хорошо знали Мери,— сказал он.— Я с ней помолвлен, ты прожила рядом с ней всю жизнь. Мы оба не можем поверить, что она украла деньги. И все же именно так все и было. Она взяла их.

— Да.— Голос Лилы был едва слышен.— Теперь я понимаю, она взяла деньги. Но не для себя, это точно. Может быть, Мери думала помочь тебе, мечтала отдать их тебе, чтобы ты смог выплатить все долги.

— Почему тогда она сюда не приехала? Я-то ничего такого от нее бы не принял, даже если бы не знал, что деньги краденые. Но если она думала, что сможет как-нибудь всучить их мне, почему не отправилась прямо сюда?

— Так она и сделала. По крайней мере добралась до того мотеля.— Лила смяла салфетку, сжав ее в кулачке.— Вот что я пытаюсь объяснить вашему шерифу. Мы знаем, что она добралась до мотеля. Если солгал Арбогаст, это не значит, что Норман Бейтс тоже не лжет нам. Почему шериф не хочет по крайней мере подъехать туда и сам все осмотреть вместо того, чтобы слушать его рассказы по телефону?

— Я не виню Чамберса за то, что он нам отказал,— сказал ей Сэм.— Как он может продолжать расследование? Разве у него есть для этого какие-то основания, улики? Что именно он должен искать? Не будет же он вламываться к людям просто так, без ясного объяснения. Кроме всего прочего, в маленьком городке так не поступают. Здесь все друг друга знают, никто не захочет поднимать скандал или напрасно обидеть соседа. Ты слышала, что он сказал. Подозревать Бейтса нет никаких оснований. Он ведь знал его с самого детства.

— Да, я тоже знала Мери с самого детства. Но даже я не думала, что она способна на такое. Шериф признал, что тот человек был со странностями.

— Нет, такого он не утверждал. Говорил, что Бейтс — что-то вроде отшельника. Что ж, можно понять; представь себе, какой это был шок для него, когда мать умерла.

— Мать... — нахмурилась Лила. — Вот чего я никак не могу понять. Если Арбогаст хотел наврать нам, то почему именно об этой несуществующей матери?

— Ну, я не знаю. Возможно, это было первое, что пришло ему в голову...

— Послушай, если он сразу задумал такой план, зачем вообще было звонить оттуда? Разве не проще было просто уехать, так что мы даже не знали бы о том, что он останавливался в том мотеле? — Она отбросила салфетку и ошеломленно уставилась на него. — Я... я, кажется, начинаю понимать...

— Что там такое?

— Сэм, что именно сказал Арбогаст, когда в последний раз говорил с тобой? Когда он упомянул, что видел мать Нормана?

— Он сказал, что заметил, как она сидела у окна спальни, когда въезжал к ним.

— Может быть, он говорил правду.

— Но это невозможно! Миссис Бейтс умерла, ты же слышала рассказ шерифа.

— Может быть, солгал не он, а Бейтс. Возможно, Арбогаст автоматически предположил, что женщина в окне — мать Бейтса, и когда он упомянул о ней, Бейтс подтвердил это. Бейтс сказал, что она больна, что ее нельзя видеть, но Арбогаст настаивал. Разве не так он тебе все описал по телефону?

— Точно. Но я не вижу тут...

— Правильно, не видишь. А Арбогаст увидел. Главное, он увидел женщину в окне дома, когда въезжал во двор. И этой женщиной могла быть... Мери.

— Лила, ты же не думаешь, что...

— Я не знаю, что и думать. Но почему ты считаешь такое невозможным? След Мери обрывается в мотеле. Здесь же пропадает еще один человек. Разве этого недостаточно? Недостаточно для того, чтобы я, как родная сестра пропавшей, пошла к шерифу и потребовала провести тщательное расследование?

— Вставай, — сказал Сэм. — Идем к шерифу.

Они застали Чамберса в своем доме, когда он заканчивал обед. Жую зубочистку, он выслушал Лилу.

— Не знаю, не знаю,— произнес он наконец.— Вам придется подписать заявление...

— Я подпишу любую бумажку, если только это убедит вас пойти туда и все осмотреть.

— Давайте-ка лучше отложим до завтрашнего утра, а? Я тут ожидаю новостей насчет грабителей банка, ну и вообще...

— Подождите-ка минутку, шериф,— вмешался Сэм.— Тут дело серьезное. Сестра этой девушки пропала уже неделю назад. Речь теперь идет не только о деньгах. Кто знает, может, ее жизни угрожает опасность? Возможно, она уже...

— Ну ладно, ладно! Не надо меня учить моей работе, Сэм. Давайте-ка в мой кабинет, там подпишете заявление. Но попомните мои слова: все это напрасная трата времени. Норман Бейтс никакой не убийца.

Слово было произнесено небрежно и бесследно исчезло, словно растворилось в воздухе, но эхо его еще долго тревожило Сэма и Лилу. Оно звенело у них в ушах, пока они в сопровождении шерифа добирались до пристройки, где был офис Чамберса. Оно оставалось с ними, когда Чамберс отправился в мотель. Шериф наотрез отказался взять с собой кого-нибудь из них, велел дожидаться его. Поэтому они сидели и ждали его приезда — только он и она, больше никого в кабинете не было. Не считая этого слова.

Когда он вернулся, день был уже на исходе. Он пришел один и обдал их взглядом, в котором в одинаковой пропорции смешались негодование и облегчение.

— Точь-в-точь как я говорил вам,— объявил шериф.— Ложный вызов.

— Что вы там...

— Придержите своих лошадей, юная леди. Разрешите сперва присесть, и я все расскажу по порядку. Завился прямо к нему, и никаких трудностей ни в чем не встретил. Бейтс-то был в лесу, за домом, добывал себе дрова. Мне даже не пришлось показывать никаких ордеров,— он был кроток, как ягненок. Сказал, чтобы я сам все осмотрел, даже дал ключи от мотеля.

— И вы осмотрели?

— Ну а как же, конечно. Заглянул в каждый уголок

мотеля, обшарил дом этого малого сверху донизу. Ни души там не нашел. Вообще ничего не нашел. Потому что искать было некого. Никого там не было, кроме Бейтса. Все эти годы он жил один-одинешенек.

— А спальня?

— Спальня у него действительно на втором этаже, там раньше была комната матери, когда она была живой-то. Тут все верно. Знаете, он даже не трогал ничего в этой спальне, ничего не менял. Сказал, что, в общем, не пользуется ею, дом-то большой, ему других комнат хватает. Он, конечно, со странностями, этот вот Бейтс, но попробуйте-ка сами прожить в одиночестве столько лет, и вы таким станете.

— Вы его спрашивали о том, что мне говорил Арбогаст? — вполголоса произнес Сэм. — Насчет того, что он видел его мать, когда приехал, и все такое?

— А как же, сразу и спросил. Говорит, это ложь, — Арбогаст даже не заикался, что кого-то видел. Я сначала его немного прижал, нарочно: посмотреть, не скрывает ли чего-нибудь, но у Бейтса все сходится. Кстати, задал вопрос о Чикаго. По-моему, я был прав: там и нужно искать.

— Не могу в это поверить, — сказала Лила. — Зачем было мистеру Арбогасту выдумывать такое странное объяснение своей задержки, — необходимость увидеться с матерью Бейтса?

— Это вы у него спросите, когда встретите снова, — объяснил ей шериф Чамберс. — Может, он увидел ее привидение, сидящее у окна.

— Вы уверены, что его мать мертва?

— Я ведь говорил уже — я сам присутствовал на похоронах. И видел записку, которую она оставила Бейтсу, перед тем как убила себя вместе с этим вот Консидайном. Что вам еще нужно? Чтобы я выкопал ее тело и предъявил вам? — Чамберс вздохнул. — Простите меня, мисс, не хотел вас обидеть, просто сорвалось с языка. Но я сделал все, что мог. Обыскал дом. Вашей сестры там нет, этого Арбогаста тоже. Никаких следов их машин не нашел. По-моему, ответ напрашивается сам собой. Так или иначе, больше ничем помочь не могу.

— Что вы мне посоветуете делать теперь?

— Ну как же, связаться с компанией этого парня,

Арбогаста, узнать, не слышали ли они чего-нибудь. Может, у них есть сведения насчет Чикаго. Только думаю, вряд ли вы сможете связаться с кем бы там ни было до завтрашнего дня.

— Наверное, вы правы,— Лила поднялась на ноги.— Что ж, спасибо за все, что вы сделали. Извините, что не давала вам покоя все это время.

— Для того я и поставлен здесь. Верно, Сэм?

— Верно.

Шериф Чамберс встал.

— Я знаю, что вы сейчас чувствуете, мисс,— произнес он.— Хотел бы помочь вам как следует. Но у меня нет серьезных оснований продолжать расследование. Если бы только у вас было что-то, какие-то реальные факты, улики, тогда другое дело...

— Мы все понимаем,— сказал Сэм.— И ценим ваше внимание.— Он повернулся к Лиле.— Ну что, идем?

— Выясните как следует насчет Чикаго,— крикнул вслед шериф.— Ну, всего доброго.

Они шли по дорожке рядом с домом. Лучи заходящего солнца заставляли все вокруг отбрасывать причудливые тени. Они встали возле статуи, и черный кончик штыка Ветерана Гражданской Войны едва на задел горло Лилы.

— Хочешь, вернемся ко мне? — предложил Сэм.

Девушка отрицательно покачала головой.

— Тогда в гостиницу?

— Нет.

— Куда же еще?

— Не знаю, как ты,— произнесла Лила,— а я еду в тот мотель.

Она с непреклонным видом подняла голову, и острая тень от штыка легла на шею. Казалось, в это мгновение кто-то подкрался сзади и отрубил Лиле голову.

13

Норман знал, что кто-то появится, еще до того, как увидел приближающуюся машину.

Он не знал, кто именно приедет, как они выглядят, не знал даже, сколько их будет. Но он твердо знал, что они приедут.

Он понял это еще прошлой ночью, лежа в постели и прислушиваясь, как неизвестный барабанит в дверь дома. Он лежал очень тихо, даже не встал, чтобы украдкой посмотреть в окно на втором этаже. Он просто спрятал голову под одеялом и ждал, когда незнакомец уйдет. В конце концов все стихло, он ушел. Слава Богу, что Мама заперта в кладовой. Повезло и ему, и ей, и этому незнакомцу.

Но в тот момент он осознал, что неприятности еще не кончились. Так и случилось. Сегодня во второй половине дня, когда он был в лесу, у болот, уничтожая там следы, приехал шериф Чамберс.

Нормана это здорово потрясло,— снова увидеть шерифа, после стольких лет. Он помнил его очень отчетливо с тех самых пор, когда начался кошмар. Так Норман всегда думал об отравлении, Дяде Джо Консидаине и всем остальном, что случилось тогда,— долгий, бесконечно долгий кошмар, что начался с того момента, когда он позвонил шерифу, и тянулся многие месяцы, пока его наконец не выпустили из больницы и разрешили поселиться в доме.

Увидев шерифа Чамберса, он словно вновь погрузился в этот кошмар, но ведь так бывает, людей часто преследует один и тот же кошмар. Важно только помнить, что Норману удалось перехитрить шерифа в тот раз, хотя тогда это было намного труднее. Сейчас будет гораздо проще, если только он сохранит спокойствие и хладнокровие. Так должно произойти, так и произошло.

Он ответил на все вопросы, отдал шерифу все ключи, разрешил одному обшарить весь дом. В какой-то степени это было даже забавно,— дать ему возможность искать следы в доме, пока он, Норман, уничтожает их рядом с трясинной. Смешно, просто смешно, только бы Мама сидела тихо. Если ей придет в голову, что это Норман спустился в подвал, она может закричать или как-нибудь еще привлечь внимание шерифа, тогда будут настоящие неприятности. Но она не сделает ничего такого, Норман ее предупредил, да и потом, шериф ведь вовсе не искал Маму. Он думал, что она давно лежит в могиле.

Ах, как замечательно он перехитрил шерифа в тот раз! И сейчас так же легко обманул его, потому что

Чамберс уехал, так ничего и не обнаружив. Он еще немного поспрашивал насчет девушки и Арбогаста, и как она обмолвилась, что поедет в Чикаго. Норман захотел добавить подробности — например, сказать, что девушка упомянула название гостиницы, где собиралась остановиться, но, подумав, решил, что это будет ошибкой. Лучше все время повторять одну и ту же историю. Шериф в нее поверил. Он чуть ли не извинялся, когда уходил.

Все, эта неприятность была позади, но Норман знал, что приближаются новые беды. Шериф Чамберс приехал сюда не по своей собственной воле. Он не вел расследование, — такого не могло быть, он ничего не знал. Его вчерашний звонок был как бы сигналом. Значит, кто-то еще знал насчет Арбогаста и девушки. Они заставили Чамберса позвонить Норману. Прошлой ночью они послали незнакомца шарить вокруг дома. Днем они прислали сюда шерифа. Теперь они должны приехать сами. Это было неизбежно. Неизбежно.

Когда Норман думал вот так, сердце в груди снова бешено колотилось, а в голову лезли всякие сумасшедшие мысли. Хотелось убежать отсюда, спуститься в кладовую, зарыться в мамину юбку, подняться на второй этаж и укрыться с головой. Но все это никак не поможет справиться с бедой. Он не может убежать и оставить Маму, а теперь, когда она в таком состоянии, нельзя брать ее с собой, слишком рискованно. Он даже не может прийти к ней за утешением и советом. До прошлой недели именно так он и поступил бы, но сейчас Норман больше не доверял ей, не мог доверять, после всего что произошло. А если укроешься с головой, спрячешься в постели, беда все равно не уйдет.

Когда они приедут, он должен встретиться с ними лицом к лицу. Другого выхода нет. Посмотри им в глаза, повтори ту же историю, и беда отступит.

А до этого надо придумать что-нибудь, чтобы сердце не колотилось так сильно, не мешало ему быть спокойным и хладнокровным.

Он сидел в конторе, вокруг ни души. Люди из Алабамы уехали ранним утром, а после ленча — те, из Иллинойса. Новых посетителей не было. Небо снова затягивали тучи. Если будет буря, этим вечером придется сидеть без дела. Так что один глоточек спиртного

не повредит. Тем более если это заставит сердце снова работать нормально.

Норман нашел бутылку в потайном месте под стойкой. Вторая бутылка из трех, которые он поставил туда месяц с лишним назад. Не так уж плохо: всего-то вторая бутылка. Из-за того, что он выпил первую, произошли все неприятности, но больше такого не случится. Теперь, когда он твердо знал, что Мама сидит взаперти, ничего дурного не случится. Попозже, когда стемнеет, он отнесет ей обед. Может быть, сегодня ночью они смогут немного поговорить. Но в эту минуту ему нужен глоточек спиртного. Несколько маленьких глотков. Первый не очень помог, но после второго все стало хорошо. Теперь он расслабился. Полностью расслабился. Если захочется, можно будет даже разрешить себе еще один глоточек.

Через мгновение ему действительно захотелось, очень захотелось сделать этот глоточек, потому что он заметил приближающуюся машину.

В ней не было ничего примечательного, ни номера другого штата, ничего. Но Норман все же понял, что это приехали они. Тот, кто обладает развитым экстрасенсорным восприятием, способен чувствовать вибрации. И еще ты чувствуешь, как колотится сердце, судорожно глотаешь очередную порцию виски и беспомощно смотришь, как они выходят из машины. Мужчина выглядел довольно обыкновенно, и на мгновение Норман подумал, не ошибся ли он. Потом увидел девушку.

Увидел ее и сразу запрокинул бутылку,— чтобы сделать еще один торопливый глоток и в то же время заслонить ее лицо. Потому что это была она.

Она вернулась, вышла из болота, поднялась со дна трясин!

Нет. Такого не бывает. Ты ошибся, такого не может быть. Посмотри еще раз. Вот сейчас, когда на лицо падает свет.

Волосы были совсем другого цвета, она почти блондинка. И более худощавая, чем та девушка. Но очень похожа, настолько, что могла бы сойти за ее сестру.

Да, конечно же! Это и есть ее сестра. Теперь все понятно. Джейн Вилсон, или как там ее настоящее имя,

украли деньги и сбежала. По ее следу сюда пришел детектив. А теперь явилась сестра. Вот и вся разгадка.

Он знал, как поступила бы в подобном случае Мама. Но, слава Богу, больше не придется так рисковать. Сейчас требуется одно: не сбиваясь, выложить свою историю, и они уйдут. И помни: никто ничего не найдет, никто ничего не докажет. И беспокоиться теперь, когда он заранее знал об их цели, не о чем.

Спиртное помогло. Помогло встать и терпеливо дожидаться у стойки, как они войдут. Он видел, как они о чем-то переговаривались по пути к конторе, но это его не волновало. Он видел, как с запада на небо наползают темные грозовые облака, это тоже не волновало его. Он увидел, как вдруг потемнел солнечный диск, словно ненастье смыло весь блеск с его лица. Смыло весь блеск с его лица. О, да это чистая поэзия; оказывается, он поэт. Норман улыбнулся. Ведь он не просто поэт—у него много разных удивительных способностей. Если бы только они знали...

Но они не знали и никогда не узнают, а сейчас он просто-напросто обычный толстый, среднего возраста хозяин мотеля, который, растерянн моргая при виде нежданных посетителей, наконец произнес:

— Чем могу служить?

Мужчина подошел к стойке. Норман сжался, приготовившись к первому вопросу, затем снова моргнул в смущении: мужчина не задал никакого вопроса. Вместо этого он произнес:

— Можно у вас снять комнату?

Норман кивнул, потому что не мог говорить. Неужели он ошибся? Но нет, вот подходит девушка, конечно, это ее сестра, без всякого сомнения.

— Да. Не желаете...

— Нет, не беспокойтесь. Нам не терпится переодеться в чистое.

Это была ложь. Их одежда была совершенно чистой. Но Норман улыбнулся.

— Хорошо. Десять долларов за номер на двоих. Только, пожалуйста, распишитесь здесь и заплатите мне...

Он придвинул к ним книгу регистрации. Мужчина помедлил, затем зашуршал ручкой по бумаге. Норман уже давно научился читать имена, когда они повернуты

к нему вверх ногами. Мистер и миссис Сэм Райт, Индепенданс, Монтана.

Еще одна ложь. Это не его фамилия. Грязные, ничтожные люди! Думают, что они такие умные, приехали сюда, пытаются с ним проделывать свои штучки. Они еще увидят!

Девушка молча смотрела на раскрытую книгу регистрации. Не туда, где расписался мужчина, а на самый верх страницы, туда, где было имя ее сестры. Джейн Вилсон, или как ее там.

Она думала, что Норман не заметил, как она сжала руку мужчины, но он все заметил, все!

— Я поселю вас в номере первом,— сказал Норман.

— Где это? — спросила девушка.

— На другом конце.

— А шестой номер?

Шестой номер. Теперь Норман вспомнил. Он всегда ставил номер комнаты рядом с подписью постояльцев. В номере шесть, конечно, он поселил туда ее сестру. Она заметила эту запись.

— Номер шесть рядом с конторой,— сказал он.— Но он вам не подойдет. Там сломан вентилятор.

— Ну, он нам не понадобится. Приближается буря, скоро воздух станет прохладным.

Лгунья.

— И вообще, шесть — наше счастливое число. Мы поженились шестого числа этого месяца.

Грязная, мерзкая лгунья.

Норман пожал плечами:

— Что ж, хорошо.

И действительно, все было хорошо. Если подумать, это было даже лучше, чем просто «хорошо». Потому что раз лжецы решили сыграть с ним такую игру, не задавать никаких вопросов, а просто обшарить мотель, значит, номер шесть был идеальным вариантом! Можно не беспокоиться: там они ничего не найдут. И он сможет присматривать за ними. Присматривать... Идеально!

Он выбрал ключи и проводил их к двери рядом с конторой, двери номера шесть. Всего несколько шагов, но за стеной уже поднимался ветер, и он почувствовал озноб, стоя в сумеречном помещении. Норман отпер дверь, а тем временем мужчина принес чемоданчик. Один-единственный паршивенький чемоданчик, это на

дорогу от самого Индепенданса! Дрянные, испорченные лгуны!

Он распахнул дверь, и они вошли.

— Что-нибудь еще? — спросил Норман.

— Нет, все в порядке, спасибо.

Норман закрыл дверь. Возвратился в контору и отпил еще один глоток из бутылки. За свое здоровье. Справиться с ними будет легче легкого. Он даже представить себе не мог, насколько легко это будет делать.

Затем он отодвинул застекленную лицензию и стал смотреть в свою дырочку. Смотреть в ванную номера шесть.

Сейчас их, конечно, там не было, лжецы что-то делали в спальне. Он слышал, как они переходили с места на место, время от времени до него долетали даже отдельные фразы из их разговора. Эти двое что-то искали. Только вот что именно, непонятно. Судя по тому, что он сумел подслушать, лжецы и сами не знали точно.

— ...помогло, если бы мы знали, что именно искать.

Голос мужчины.

А теперь говорила девушка.

— ...что бы ни случилось, что-нибудь он упустил из виду. Я уверена в этом. Если ты читал про криминалистические лаборатории... всегда остаются незамеченные преступником улики.

Снова мужской голос.

— Но мы-то не детективы. Я все-таки думаю... лучше поговорить с ним... неожиданно, сразу напугать его, чтобы вырвать признание...

Норман улыбнулся. Они его не напугают, ничего из него не вырвут. И ничего не найдут. Он отчистил комнату до блеска, прошелся с мылом и щеткой по самым укромным уголкам. Никаких следов не осталось: ни самого что ни на есть крошечного пятнышка крови, ни волоска.

Ее голос все ближе и ближе.

— ...Понимаешь? Если удастся хоть что-нибудь найти, мы сможем ошеломить его так, что он заговорит.

Она идет в ванную, мужчина за ней.

— С уликами в руках мы могли бы заставить шерифа серьезно отнестись к этому делу. У полиции штата есть возможности провести лабораторные анализы, правда, Сэм?

Он стоял у двери в ванную и наблюдал, как девушка **ОСМАТРИВАЕТ** раковину.

— Посмотри, как здесь все вычищено! Послушай меня, лучше поговорить с хозяином. Это наш единственный шанс.

Теперь она исчезла из поля зрения Нормана. Она разглядывает душевую; он слышал шелест раздвигаемой занавески. Ах, маленькая шлюха, точная копия своей сестры, не может не залезть под душ. Что ж, пускай. Пускай лезет, куда хочет, проклятая шлюха!

— ...никаких следов...

Норману хотелось смеяться, громко смеяться. Конечно, там не было никаких следов! Он ждал, что снова увидит ее, что она уйдет из душевой, но этого не произошло. Он услышал какой-то стук.

— Что ты там делаешь?

Вопрос задал мужчина, но Норман тоже произнес эти слова про себя. Что она там делает?

— Просто пытаюсь дотянуться до того места, за решеткой. Вдруг там... Сэм! Посмотри-ка! Я что-то нашла!

Она снова стояла напротив зеркала, зажав что-то в руке. Что там нашла эта маленькая шлюха, что?

— Сэм, это серьга. Одна из сережек Мери!

— Ты точно знаешь?

Нет, такого не может быть. Не может быть!

— Ну конечно. Кому же, как не мне. Я сама подарила ей эти серьги на день рождения, в прошлом году. В Далласе есть маленькая лавочка, где работает модный ювелир. Он специализируется на индивидуальных заказах — знаешь, чтобы ни у кого похожей вещицы не было. Я заказала их для Мери. Она решила, что это было чистым безумием с моей стороны, но сережки ей страшно понравились.

Мужчина поднес сережку к свету, внимательно разглядывал ее.

Голос девушки.

— Должно быть, выпала, когда она принимала душ,

и закатилась за решетку. Если, конечно, не произошло ни... Сэм, что там?

— Боюсь, Лила, с ней действительно что-то произошло. Видишь вот это? Похоже на запекшуюся кровь.

— О Господи, не может быть!

— Может, Лила, ты была права.

Шлюха, проклятая шлюха, все они шлюхи. Послушай-ка, что она говорит.

— Сэм, мы должны осмотреть дом. Должны, понимаешь?

— Это работа шерифа.

— Он нам не поверит, даже если увидит сережку. Скажет, что она упала, стукнулась головой, когда была в душевой, что-то вроде этого.

— Может, так оно и было.

— Ты веришь в это, Сэм? Действительно, думаешь, что так все было?

— Нет.— Он вздохнул.— Не верю. Но все-таки сережка не доказательство, что Бейтс имеет какое-то отношение к... к тому, что здесь случилось. Только шериф имеет право вести дальнейшие поиски.

— Но он и пальцем не пошевелит, я знаю! Мы должны найти что-нибудь, что заставило бы его поверить, какую-нибудь улику, оставленную в доме. Я знаю, мы обязательно найдем там что-нибудь.

— Нет. Слишком опасно.

— Тогда идем разыщем Бейтса, покажем ему сережку. Может, это развяжет ему язык.

— Ну да, а может быть, нет. Если он действительно замешан в чем-то, неужели ты думаешь, что он сразу сломается и решит признаться во всем? Самое разумное,— отправиться к шерифу прямо сейчас.

— А если Бейтс что-то подозревает? Если увидит, что мы сразу уехали, возьмет и убежит.

— Он ни о чем не подозревает, Лила. Но если тебя это волнует, можешь просто позвонить.

— Телефон в конторе. Он все услышит.— Лила помедлила.— Слушай, Сэм. Давай я поеду к шерифу. Ты оставайся и поговори с Бейтсом.

— Сразу уличить его?

— Ну, конечно, нет! Просто войди в контору и займи его разговорами, а я тем временем уеду. Скажи, что я отправилась в городскую аптеку, скажи что угодно,

лишь бы он не встревожился и остался здесь. Тогда можно не бояться, что Бейтс улизнет.

— Ну что ж...

— Дай мне сережку, Сэм.

Голоса стихли, потому что они идут обратно в дру- гую комнату. Голоса утихли, но слова оставались в па- мяти. Мужчина останется здесь, пока девушка съездит за шерифом. Так они задумали. И он никак не сможет остановить ее. Если бы рядом была Мама, она бы смогла. Но Мамы нет. Она заперта в кладовой для фруктов.

Да, если шлюха покажет шерифу окровавленную серьгу, он придет сюда и начнет искать Маму. Даже если в подвале он не найдет ее, шериф может понять, в чем дело. Целых двадцать лет он ни о чем и не подозре- вал, но теперь до него может дойти, как все обстоит в действительности. Он может сделать то, чего все это время боялся Норман. Он может выяснить, что на са- мом деле произошло в ту ночь, когда умер Дядя Джо Консидайн.

Из комнаты снова доносился шум. Норман торопли- во опустил на место лицензию в рамку, опять протянул руку за бутылкой. Но времени не оставалось даже на маленький глоточек. Потому что он услышал хлопанье двери, это они выходили из комнаты, она шла к машине, а мужчина — в контору, к нему.

Он повернулся, чтобы встретить его лицом к лицу, интересно, что мужчина сейчас скажет?

Но гораздо больше, чем это, Нормана интересовало другое,— что предпримет шериф. Шериф отпра- вится напрямик на городское кладбище и разроет могилу Мамы. Когда он сделает это, когда увидит, что гроб пуст, он узнает главную тайну.

Он будет знать, что Мама жива.

Барабан стучал в груди Нормана, бил в уши, но когда дверь конторы открылась и мужчина вошел внутрь, все остальные звуки заглушили первые раскаты грома.

На мгновение у Сэма мелькнула надежда, что нео- жиданно начавшаяся гроза заглушит шум отъезжающей

машины. Потом он заметил, что Бейтс стоит у самого края стойки. Оттуда он мог наблюдать всю подъездную дорожку плюс добрых четверть мили шоссе. Так что смысла скрывать отъезд Лилы не было.

— Ничего, если я зайду на пару минут? — спросил Сэм. — Жена вот решила съездить в город. Сигареты кончились.

— Когда-то у нас здесь стоял автомат, — отозвался Бейтс. — Но им мало кто пользовался, так что компания убрала его. — Он прищурил глаза, вглядываясь в сумрак за окном. Сэм знал, что сейчас Бейтс следит, как машина выруливает на шоссе. — Жаль, конечно, что ей приходится проделывать такой путь из-за сигарет. Судя по всему, через несколько минут начнется настоящий ливень.

— И часто у вас здесь дожди? — Сэм опустился на валик старенького дивана.

— Довольно-таки часто. — Бейтс рассеянно кивнул. — И дожди, и много других интересных вещей.

Что он хотел этим сказать? Сэм старательно вглядывался в расплывшееся в полумраке лицо. Глаза толстяка, спрятанные за стеклами очков, казались какими-то пустыми, остекленевшими. Неожиданно Сэм уловил запах виски и сразу же заметил бутылку на краю стойки: это все объясняло. Бейтс был просто немного навеселе. Виски превратило его лицо в невыразительную маску, но не повлияло на способность владеть собой. Бейтс поймал взгляд Сэма.

— Не хотите присоединиться? — спросил он. — Как раз собирался хлебнуть, а тут вы вошли.

Сэм застыл в неуверенности.

— Ну...

— Сейчас найдем куда налить. Где-то под этой штукой должно быть что-нибудь. — Он нагнулся и вынырнул из-под стойки, держа маленькую рюмочку. — Сам-то я обычно обхожусь без них. И еще, — обычно не пью на работе. Но когда надвигается вся эта сырость, вот как сегодня, небольшой глоточек помогает неплохо, особенно когда у тебя ревматизм.

Он наполнил рюмку, подтолкнул, так что она пресеклась по стойке. Сэм поднялся и подошел к нему.

— Да, кстати говоря, в такой дождь больше никто не появится. Смотрите-ка, как барабанит по окну!

Сэм повернул голову. Действительно, льет как из ведра: дождевая завеса скрывала почти всю дорогу. И с каждой минутой становилась все темнее и темнее, но Бейтс не зажигал свет.

— Ну давайте, берите свое виски и присаживайтесь,— сказал он.— Не обращайтесь на меня внимания. Я люблю стоять здесь, за стойкой.

Сэм возвратился к дивану. Бросил взгляд на часы. С тех пор, как Лила уехала, прошло восемь минут. Даже в такой дождь ей понадобится не больше двадцати минут, чтобы добраться до города, плюс еще десять, чтобы найти шерифа, ну, для пушей верности, скажем, пятнадцать, и еще двадцать минут на обратную дорогу. Все вместе получается никак не больше сорока пяти минут. Довольно-таки долго ему придется провести в компании этого Бейтса. О чем же с ним говорить?

Сэм поднял рюмку, Бейтс запрокинул бутылку. Он громко глотнул.

— Тут, наверное, временами бывает здорово одиноко,— произнес Сэм.

— Это верно.— Бутылка с шумом опустилась на стойку.— Здорово одиноко.

— Но и любопытно ведь тоже, с другой стороны. Кто сюда только не приезжает, наверное.

— Приезжают, уезжают, я не очень-то их рассматриваю. Со временем перестаешь обращать внимание на посетителей.

— Давно связались с этим делом?

— Содержу мотель уже больше двадцати лет. Всегда жил здесь, всю свою жизнь.

— И всем занимаетесь сами?

— Точно.— Бейтс обошел стойку, держа в руках бутылку.— Давайте-ка налью вам еще.

— Да мне вообще-то не надо бы...

— Ничего, не повредит. Обещаю ничего не говорить вашей жене.— Бейтс хмыкнул.— Кроме того, не люблю пить один.

Он наполнил рюмку Сэма, и снова встал с противоположной стороны стойки.

Сэм откинулся на спинку дивана. Сгущающийся мрак превращал лицо собеседника в едва различимое серое пятно. Снова раздались раскаты грома, но молнии почему-то не было. А здесь, внутри, все казалось таким спокойным, уютным...

Пока он наблюдал за этим Бейтсом, слушал его размеренную речь, Сэму стало немного стыдно за свои подозрения. Он казался... чертовски о б ы ч н ы м, средним человеком! Трудно представить себе, чтобы такой был замешан в чем-то серьезном.

Кстати, а в чем собственно он замешан, если, конечно, вообще замешан? Сэм не знал. Мери украла какие-то деньги, Мери здесь ночевала, она потеряла в ванной сережку. Что ж, она могла, скажем, ушибить голову, поцарапать ухо, когда из мочки выпала сережка. Ну да, и в Чикаго вполне могла уехать, не зря же так думали Арбогаст с шерифом. На самом деле он далеко не все знал о Мери. В какой-то степени, ее сестра была намного ближе, понятней. Хорошая девушка, но уж слишком импульсивная, слишком порывистая. Судит всех направо и налево, принимает скоропалительные решения. Вроде этого,— немедленно обыскать дом Бейтса. Слава Богу, он смог ее отговорить. Пусть привозит шерифа. Возможно, и это было ошибкой. Сейчас Бейтс вел себя как человек, которому нечего прятать.

Сэм вовремя вспомнил, что должен заговаривать зубы Норману. Нельзя просто сидеть без дела.

— Вы были правы,— пробормотал он.— Льет как из ведра.

— Мне нравится шум дождя,— отозвался Бейтс.— Нравится, когда капли с силой бьют по стеклу, по асфальту. Возбуждает. Как-то захватывает.

— Никогда бы не подумал такое насчет дождя. Ну вам-то здесь, наверное, сильно не хватает чего-нибудь захватывающего.

— Ну не знаю. Нам тут есть чем заняться.

— Нам? А мне показалось, вы сказали, что живете здесь один.

— Я сказал, что один содержу мотель. Но принадлежит он нам двоим. Маме и мне.

Сэм едва не поперхнулся. Он опустил рюмку, зажав ее в кулаке.

— Я не знал...

— Ну конечно же, как вы могли знать? Никто не знает. Потому что она никогда не покидает дом. Ничего не поделаешь, приходится. Понимаете, большинство людей думает, что она мертва.

Голос звучал совершенно спокойно. Сэм не мог разглядеть лица Бейтса в сгустившемся мраке, но чувствовал, что оно тоже было спокойным.

— Все-таки здесь, у нас, происходят захватывающие вещи. Например, двадцать лет назад, когда Мама и Дядя Джо Консидайн выпили яд. Я вызвал шерифа, а он приехал и нашел их. Мама оставила записку, в которой все объяснила. Потом было медицинское освидетельствование, но я туда не пошел. Я был болен. Очень болен. Они поместили меня в больницу. Я был в больнице долго. Так долго, что когда вышел оттуда, оказалось, ничего уже сделать нельзя было. Но мне все-таки это удалось.

— Что удалось?

Он не ответил. Сэм услышал бульканье, затем стук, когда Бейтс поставил бутылку на стойку.

— Ну-ка еще,— произнес Бейтс.— Позвольте наполнить вашу рюмку.

— Пока не надо.

— Я настаиваю.— Он обошел стойку, грузная туша нависла над Сэмом. Его рука протянулась к рюмке.

Сэм отпрянул.

— Сначала расскажите мне все до конца,— быстро сказал он.

Бейтс замер.

— Ах, да. Я принес Маму обратно, когда вернулся. Знаете, это было самой захватывающей частью работы: ночью прийти на кладбище, раскопать могилу. Она так долго пролежала в гробу, что сначала я подумал, что Мама и вправду мертвая. Но, конечно, на самом-то деле это было не так. Мама не умерла. Иначе как она смогла бы говорить со мной все время, пока я лежал в больнице? В действительности, она находилась просто в трансе, это называется состояние бесчувствия. Я знал, как восстановить ее жизненные силы. Знаете, есть такие способы, несмотря на то, что некоторые называют все это магией. Магия... просто ярлык, понимаете? Абсолютно бессмысленное понятие. Не так уж много времени прошло с тех пор, когда люди называли магией электричество. На самом же деле, это сила, сила, которую можно обуздать и подчинить, если только владеешь секретами мастерства. Жизнь — тоже сила, главнейшая сила. И наподобие электрической энергии, ее можно

как бы включать и отключать, отключать и вновь включать. Я ее отключил, и я знал, как снова включить эту энергию. Вы все понимаете?

— Да... очень интересно.

— Я так и думал, что вас это заинтересует. Вас и ту юную леди. Она ведь не ваша жена на самом деле, верно?

— Да откуда...

— Видите, я знаю больше, чем вы думаете. И больше, чем вы сами обо всем знаете.

— Мистер Бейтс, вы уверены, что с вами все в порядке? Я хочу сказать...

— Я знаю, что вы хотите сказать. Думаете, я пьян, верно? Но я ведь не был пьян, когда вы вошли сюда. Не был пьян, когда вы нашли ту сережку и сказали юной леди, чтобы она отправлялась к шерифу.

— Я...

— Ну, ну, сидите спокойно. Не волнуйтесь. Я ведь совсем не взволнован, верно? Если бы здесь было что-то нечисто, я был бы взволнован. Но здесь все в порядке, все чисто. Разве я стал бы рассказывать все это, если что-нибудь было бы нечисто? — Толстяк помолчал. — Нет, я ждал вашего прихода. Я ждал до тех пор, пока не увидел, как она едет к шоссе. Пока не увидел, что она остановилась.

— Остановилась? — Сэм пытался разглядеть его лицо, но в наступившей темноте оно словно растворилось; он лишь слышал голос собеседника.

— Да. Вы не знали, что она остановила машину, правильно? Думали, что она поехала за шерифом, как вы ей сказали. Но у нее есть свой ум. Помните, что она хотела сделать? Она хотела осмотреть дом. Это она и сделала. Там она сейчас и находится.

— Выпусти меня отсюда...

— Конечно, конечно. Я вас не задерживаю. Просто подумал, может, вам захочется пропустить еще по рюмочке, пока я закончу рассказывать о Маме. Я думал, вам будет интересно все узнать про Маму, из-за этой вашей девушки. Сейчас она как раз встречается с Мамой.

— Ну-ка, прочь с дороги!

Сэм стремительно поднялся на ноги, и неясное серое пятно отпрыгнуло назад.

— Значит, не желаете еще по одной? — звучал за спиной мягкий, словно извиняющийся голос. — Очень хорошо. Ваше де...

Конец предложения затерялся среди раскатов грома, а гром затерялся в вязкой черной пустоте, взорвавшейся яркой вспышкой, когда бутылка обрушилась Сэму на голову. Потом голос, гром, этот взрыв, и он сам, — все исчезло, растворилось в непроглядной ночи...

Ночь еще не отступила, но кто-то тряс его, тряс, все время тряс, не давая покоя, эти руки словно вытащили его из темноты, возвратили в комнату, где был свет, от которого болели глаза, хотелось зажмуриться.

Но теперь оцепенение прошло, и чьи-то руки обхватили его, заставили подняться, так что сначала он думал, что голова просто отвалится. Но потом боль перешла в пульсирующие, словно удары, вспышки, он смог открыть глаза, рядом стоял шериф Чамберс.

Сэм сидел на полу возле дивана, Чамберс смотрел на него сверху вниз. Сэм обнаружил, что может говорить.

— Слава Богу, — произнес он. — Он наврал про Лилу. Она все-таки добралась до вас.

Но шериф, кажется, не слушал его.

— Позвонили из гостиницы полчаса назад. Они пытались выяснить, где твой дружок Арбогаст. Кажется, он выписался оттуда, но не взял с собой чемодан. Оставил внизу утром, в субботу, сказал, что вернется за ним, но так и не появился больше. Я должен был все это обдумать, а потом попытался найти тебя. Мне пришло в голову, что ты можешь приехать сюда, чтобы все выяснить, и, на твоё счастье, я решил сам добраться до этого места.

— Тогда, значит, вам Лила ничего не говорила? — Сэм попытался встать на ноги. Голова просто раскалывалась.

— Ну-ну, не торопись, сынок, — сказал шериф Чамберс, заставляя его снова опуститься на пол. — Нет, я вообще не видел ее. Подожди-ка...

Но Сэму все же удалось сделать это. Он, покачиваясь, стоял и смотрел на Чамберса.

— Что здесь произошло? — пробормотал шериф. — Куда делся Бейтс?

— Должно быть, пошел в дом после того, как расшиб мне голову, — сказал Сэм. — Сейчас они там, он и его мать.

— Но она-то мертва...

— Нет, — прошептал Сэм. — Она жива, эти двое — там, в доме, вместе с Лилой!

— Ну-ка, идем, — огромное тело шерифа разорвало завесу дождя. Сэм последовал за ним, брел по скользкой дорожке, задыхаясь карабкался вверх к дому на холме.

— Ты уверен? — окликнул его Чамберс, не оборачиваясь. — Там везде выключен свет.

— Уверен, — пропыхтел Сэм. Но он мог бы и поберечь дыхание.

В уши неожиданно ударил грохочущий рокот, другой звук, прорезавший тишину одновременно с раскатами грома, был намного тише. И все же они услышали его, оба сразу поняли, что это такое.

Это кричала Лила.

15

Лила поднялась по ступенькам и достигла крыльца, как раз перед тем, как начался ливень.

Дом был старым, его стены казались серыми и уродливыми в полумраке надвигающейся бури. Доски крыльца громко скрипели под ногами, она слышала, как от ветра хлопали створки второго этажа.

Она сердито застучала в дверь, хотя и не ждала, что кто-нибудь откликнется. Теперь Лила уже ни от кого ничего не ждала.

Она убедилась, что по-настоящему судьба сестры беспокоит только ее. Остальные за Мери совершенно не беспокоились. Мистер Ловери хотел вернуть свои деньги, а Арбогаст просто отработывал жалованье. Шериф, тот беспокоился об одном, — чтобы все было тихо и спокойно. Но больше всего ее возмутила реакция Сэма.

Лила постучала в дверь снова, и дом отозвался протяжным гулким эхом. Шум дождя заглушил этот звук, а ей было не до того, чтобы особенно прислушиваться.

Да, она действительно сейчас очень рассержена, — а как иначе можно себя чувствовать после всего этого? Целую неделю ее кормили призывами: «не впадайте в панику, успокойтесь, расслабьтесь, не надо волновать-

ся!» Если бы Лила их послушала, она до сих пор сидела бы у себя в Форт Ворсе! Все-таки она надеялась на Сэма, рассчитывала, что уж он-то поможет.

И напрасно! Нет, он, кажется, хороший парень, в чем-то даже привлекательный, но по характеру типичный провинциал: неторопливый, расчетливый, осторожный, консервативный. Они с шерифом составляют хорошую парочку. Зачем рисковать понапрасну — вот их девиз.

Что ж, она думает по-другому. Тем более после того, как нашла эту сережку. Как мог Сэм равнодушно отнестись к важнейшей улике и сказать, чтобы она снова привезла сюда шерифа? Почему он сразу не схватил этого Бейтса и не выбил из него всю правду? Лила поступила бы именно так, будь она мужчиной. Одно она знала точно, — теперь уже не будет никакого доверия всем им, безразличным к судьбе сестры, боящимся любых трудностей. Лила больше надеялась на Сэма, и уж конечно, не доверяла шерифу.

Не будь она так рассержена, Лила ни за что не решилась бы проникнуть в дом, но ей до смерти надоела их трусливая осторожность, их дурацкие рассуждения. Иногда надо забыть о логике и довериться эмоциям. Если честно, именно отчаяние побудило ее продолжить безнадежные, казалось бы, поиски, пока не нашлась серьга Мери. А там, в доме, наверняка спрятано что-нибудь еще. Она не будет вести себя как дуручка, не потеряет голову, и все же необходимо увидеть все самой. Потом можно подключить Сэма с шерифом.

Перед глазами Лилы сразу возникли их самоуверенные лица, и она еще сильнее затрясла дверную ручку. Бесполезно. Внутри никого нет, ей никто не откроет. Но она должна войти. Вот в чем вся проблема.

Лила стала рыться в сумочке. Помните эти старые глупые шутки, что в женской сумочке можно найти все, что только пожелаешь, — такие шуточки наверняка нравятся деревенским остолопам вроде Сэма и шерифа. Пилочка для ногтей? Нет, не то. Но она помнила, что когда-то — Бог его знает, зачем, — она подобрала и с тех пор хранила здесь отмычку. Может быть, в отделении для мелочи, которым Лила никогда не пользовалась. Да, точно, вот она

Отмычка... Как-то смешно звучит, правда? Ну неважно, теперь не время думать о таких проблемах. Думать надо об одном — как открыть дверь.

Лила вложила отмычку в замочную скважину и повернула вполоборота. Замок не поддавался, она повернула в другую сторону. Почти получается, но что-то мешает...

Злость снова придала ей решимости. Она резко дернула отмычку. С сухим щелчком сломалась рукоятка, но замок поддался. Она повернула дверную ручку. Дверь распахнулась.

Лила стояла в холле. Внутри было еще темнее, чем на крыльце. Но где-то на стене должен быть выключатель.

Она нашла его. Голая лампочка над головой осветила тусклым, призрачно-желтым светом отслаивающиеся, кое-где порванные обои. Что там на них изображено: виноградные гроздья, незабудки? Просто ужас. Как будто она очутилась в прошлом веке.

Быстрый взгляд по сторонам подтвердил первое впечатление. Лила решила не тратить времени на осмотр первого этажа. В этих комнатах она побывает попозже. Арбогаст говорил, что видел кого-то возле окна второго этажа. Оттуда и надо начинать.

Лестница была не освещена. Лила медленно поднималась по ступенькам, цепляясь за перила. В тот момент, когда она наконец добралась до верхнего этажа, ударили первые раскаты грома. Казалось, дом содрогнулся до основания. Лила невольно поежилась, потом заставила себя расслабиться. Не в о л я н а я слабость, сказала она себе твердо, просто от неожиданности. Обычный старый пустой дом, вот и все, чего здесь бояться? Тем более сейчас она может зажечь свет в холле второго этажа. Обои были в зеленую полоску: уж если это не приводит ее в ужас, значит, ее ничем не пронять. Чудовищно!

В какую из трех комнат войти? Первая дверь вела в ванную. Лила никогда не встречала ничего подобного, разве что в музеях. (Нет, поправила она себя, в музеях такое не экспонируется). Но здешняя обстановка здорово подошла бы для какой-нибудь выставки. Допотопная ванная на ножках, открытые трубы под умывальником и туалетом, рядом с высокого потолка све-

шивалась металлическая цепь с ручкой для спуска воды. Маленькое тусклое зеркало висело над умывальником, традиционного ящичка для лекарства не было. Шкаф для белья заполнен полотенцами и постельными принадлежностями. Она нетерпеливо перерыла его содержимое, здесь ясно только одно — Бейтс скорее всего отдавал куда-то белье в стирку. Простыни идеально отутюжены, аккуратно сложены.

Лиля выбрала вторую дверь, распахнула ее, включила свет. И здесь с потолка свисала голая лампочка, но даже при таком слабом освещении можно было сразу определить, для чего служила комната. Это спальня Бейтса, — на редкость маленькая и тесная, с низкой и узкой кроваткой, подходящей скорее мальчику, чем взрослому мужчине. Очевидно, он спал здесь всегда, с самого детства. Простыни были смяты, совсем недавно на этой кровати лежал хозяин. В углу, рядом со стенным шкафом, стоял комод: допотопное чудовище из полированного темного дуба, ручки ящиков покрыты ржавыми пятнами. Она без всяких колебаний принялась за обыск.

В верхнем ящике хранились галстуки и носовые платки, в основном грязные. Старомодные широкие галстуки. Она нашла в коробочке заколку к галстуку, которую явно никогда оттуда не вынимали, две пары запонок. Во втором ящике лежали рубашки, в третьем — носки и нижнее белье. Нижний ящик был заполнен странными белыми бесформенными одеяниями, в конце концов до Лилы дошло, что это такое: ночные рубашки! Наверное, перед сном он и колпак на голову натягивает! Да здесь хоть сейчас можно музей открывать!

Странно, почему нигде не было каких-нибудь личных бумаг, фотографий. Но все это он, наверное, хранил в мотеле, в конторе. Да, скорее всего так оно и есть.

Лиля перенесла свое внимание на фотографии на стене. Одна изображала маленького мальчика верхом на пони, на второй он стоял в компании пяти детей того же возраста — все были девочками, на заднем плане виднелось здание сельской школы. Лиля не сразу смогла узнать в этом мальчике Нормана Бейтса. В детстве он был довольно худеньким.

Теперь оставалось осмотреть только шкаф и две большие книжные полки, стоящие в углу. Со шкафом она управилась быстро, там висели два костюма, жакет, пальто, пара грязных, покрытых пятнами краски штанов. В карманах ничего не было. Две пары туфель, пара домашних тапочек на полу,— все.

Теперь — книжные полки.

Здесь Лила не смогла действовать так же быстро. Она то и дело останавливалась, с возрастающим изумлением разбирая странную библиотеку Нормана Бейтса. «Новая модель вселенной», «Расширение сознания», «Обряды ведьм в Западной Европе», «Пространство и бытие». Эти книги никак не могли принадлежать маленькому мальчику, но так же странно было найти их в доме провинциального хозяина мотеля. Она пробежала глазами по корешкам. Психология сверхъестественного, оккультизм, теософия. Переводы «Жюстины» Де Сада, «Ла Ба». А здесь, на нижней полке, сложена кipa плохо изданных томиков с хлипким переплетом, без названия. Лила наугад вытащила одну из книжек и раскрыла ее. Картинка, призывно распахнувшаяся перед ее глазами, поражала почти патологической непристойностью.

Она торопливо сунула книжку на место и выпрямилась. Охватившее ее отвращение, шок от увиденного, заставивший Лилу инстинктивно отбросить томик, прошли, она чувствовала, что все это каким-то образом должно приблизить ее к разгадке. То, что Лила не могла увидеть в невыразительном, мясистом, таком обычном лице Нормана Бейтса, она с полной ясностью обнаружила здесь, разбирая его библиотеку.

Нахмурившись, она возвратилась в холл. Дождь глухо барабанил по крыше, раскаты грома эхом разносились по темным проходам, она открыла мрачную, обитую темным деревом дверь, ведущую в третью комнату. Какое-то мгновение стояла на пороге, вдыхая застоявшийся душный запах старых духов, смешанный с... с чем?

Она щелкнула выключателем и охнула от изумления.

Это была та самая спальня, без всякого сомнения. Шериф рассказывал, что Бейтс оставил здесь все без изменений после смерти матери. Но все же Лила не была готова к такому зрелищу.

Она не была готова к тому, чтобы, переступив порог, попасть в другую эпоху. Но вот она здесь, она оказалась в мире, каким он был задолго до ее рождения.

Потому что комната стала анахронизмом за много лет до того, как умерла мать Бейтса. Лила словно перенеслась на пятьдесят лет назад, в мир позолоченных бронзовых часов, дрезденских статуэток, надушенных подушечек для булавок, темно-красных ковров, занавесок, обшитых бахромой, пудрениц с резными крышками и кроватей с пологом, мир, где уютное кресло-качалка стояло рядом с массивными стульями, покрытыми салфеточками «от пыли», загадочно поблескивали глазами фарфоровые кошки, а покрывало на постели покрыто ручной вышивкой.

Но главное — здесь все дышало жизнью.

Именно из-за этого у Лилы возникло ощущение, будто она внезапно переместилась в иное время и пространство. Внизу, на первом этаже, пылились жалкие останки прошлого, изувеченные старостью, на втором этаже всюду чувствовалось запустение. Всюду, кроме этой комнаты. Она производила впечатление абсолютной цельности, единства и гармонии, словно функционирующий, автономный организм. Комната была безупречно чистой, ни единой пылинки, здесь царил идеальный порядок. Но, если только забыть о тяжелом запахе затхлости, ничто не делало ее похожей на часть выставки или экспозицию музея, спальня действительно выглядела живой, как и любое жилище, неразрывно связанное с угнездившимися в нем с давних времен людьми. Обставленная более пятидесяти лет назад и с тех пор не затронутая какими-либо изменениями, пустовавшая со дня смерти миссис Бейтс — целых двадцать лет, комната странным образом сохраняла человеческое тепло, словно хозяйка не покидала ее. Комната на втором этаже, из окна которой всего лишь два дня назад выглядывала какая-то женщина...

Привидений не существует, подумала Лила и сразу же нахмурилась, осознав, что раз ей приходится убеждать себя в этом, значит, полной уверенности нет. Все-таки здесь, в старой спальне, чувствовалось чье-то незримое присутствие.

Она повернулась к стенному шкафу. Платья и пальто до сих пор аккуратно висели на плечиках, хотя многие были в складках и провисали из-за того, что их давно не гладили. Короткие юбки, модные четверть века назад; наверху, в специальном отделении — изукрашенные шляпки, шарфики и повязки для волос, которые носят в сельских районах пожилые женщины. В глубине шкафа оставалось свободное пространство, там, очевидно, когда-то держали белье. Вот и все.

Лила направилась к трюмо и комоду, чтобы осмотреть их, и внезапно остановилась у кровати. Покрывало, украшенное ручной вышивкой, было так красиво, что она протянула руку, чтобы пощупать ткань и сразу же отдернула ее.

В ногах покрывало было аккуратно заправлено и ровно свисало по краям постели. Но сверху этот идеальный порядок порушен. Да, там покрывало тоже заправлено, но торопливо, небрежно, и из-под него виднелась подушка. Именно так выглядит постель, когда хозяин, проснувшись, быстро застилает ее...

Лила сдернула покрывало, откинула одеяло. Простыни грязно-серого цвета были покрыты какими-то крошечными коричневыми пятнышками. Но сама постель, подушки хранили явные следы того, что здесь недавно кто-то лежал. Лила могла бы очертить контуры тела там, где вдавливалась под его тяжестью простыня, а в центре подушки, где коричневых пятнышек было больше всего, виднелась вмятина.

Привидений не существует, снова сказала себе Лила. В комнате явно жил человек. Бейтс не спал здесь — она видела его собственную постель. Но кто-то лежал в этой кровати, кто-то выглядывал из окна. Если это была Мери, где сейчас она может быть?

Обыскать всю спальню, перерыть ящики, обшарить первый этаж? Но теперь это уже не важно. Главное в другом: надо только вспомнить... Где же он прячет Мери?

И вдруг все встало на свои места.

Что тогда говорил шериф Чамберс? Он рассказывал, что нашел Бейтса в лесу за домом, где он собирал дрова, так ведь?

Дрова для большой печи. Да, именно так. Печка в подвале...

Ступеньки скрипели у нее под ногами. Она снова на первом этаже. Входная дверь открыта, в дом, завывая, ворвался ветер. Входная дверь распахнута настежь, потому что она использовала отмычку, и теперь она понизала, откуда взялось возбуждение и этот приступ злости, охвативший ее с той минуты, когда она нашла серезку. Она рассердилась, потому что испугалась, а гнев помог побороть страх. Страх при мысли о том, что могло случиться с Мери, что случилось с Мери там, в подвале. Она испугалась за Мери, а не за себя. Он держал ее в подвале всю неделю, может быть, пытал, может, делал то, что изображено на картинке в этой омерзительной книге, пытал до тех пор, пока не узнал о деньгах, и тогда...

Подвал. Надо найти подвал.

Лила пробралась через холл на кухню. Нашла выключатель, застыла, затаив дыхание: перед ней на полке изогнулся для прыжка крошечный мохнатый зверек. Да ведь это просто чучело белки, ее стеклянные глаза бессмысленно пялились на нее, оживленные светом лампочки.

Ступени, ведущие вниз, находились совсем рядом. Лила скользнула ладонью по стене, наконец пальцы нащупали еще один выключатель. Внизу загорелся свет, слабое, призрачное сияние среди густого мрака. Ее каблучки громко стучали по ступенькам, словно в такт раздались громовые раскаты.

Прямо перед печкой с провода свешивалась голая лампочка. Это была большая печь с тяжелой стальной дверцей. Лила застыла, не отрывая от нее глаз. Она дрожала всем телом, — и нечего обманывать себя, теперь надо признать всю правду. Она была душой, что пришла сюда одна, глупо было то, что она сделала, и то, что делает сейчас. Но Лила должна была так поступить, — из-за Мери. Она должна открыть дверцу печи и своими глазами увидеть то, что находится внутри. Божье мой, а если огонь все еще горит? Что, если...

Но дверца была холодной. И от печки не шло тепло, холодом веяло из непроницаемо темного пространства внутри. Она заглянула туда, забыв, что можно использовать кочергу. Ни пепла, ни дыма — никаких следов. Или печку основательно вычистили, или ею не пользовались с прошлой весны.

Ли́ла посмотре́лась по сторо́нам. Она уви́дела ста́ринные ба́ки для сти́рки, а за ни́ми — сту́л и сто́л, совсе́м ря́дом со сте́ной. На сто́ле бы́ли расста́влены ка́кие-то бу́тылки, ле́жали сто́лярные инс́трументы, разны́е но́жи, иглы́, шпри́цы. Не́которые но́жи бы́ли необы́чной фо́рмы. Ря́дом разбро́саны дере́вянные бру́ски, мотки то́лстой про́волоки, бо́льшие ку́ски ка́кой-то бе́лой субста́нции. Оди́н из э́тих ко́мьев бы́л похо́ж на ши́ну, ко́торую ей на́ложили на сло́манную но́гу в да́льном де́тстве. Ли́ла при́близилась к сто́лу, за́вороженно рас́сматрива́я но́жи.

И то́гда разда́лся стра́нный зву́к.

Снача́ла она по́думала, что э́то гро́м, но ко́гда све́рху до́неслось осто́рожное по́скрипы́вание и шо́рох, Ли́ла все по́няла.

Кто-то во́шел в до́м. Кто-то на цы́почках и́дет вдо́ль хо́лла. Сэ́м? Мо́жет, Сэ́м при́шел за не́й? То́гда поче́му он не зо́вет ее?

И поче́му он за́крыл де́рзь в по́двал? Де́рзь на́верху за́хлопну́лась. Она у́слышала ре́зкий щелчо́к за́мка и ша́ги; неизве́стный ото́шел от де́ри и на́правился о́братно в хо́лл. До́лжно бы́ть, хо́чет по́дняться на вто́рой эта́ж.

Она за́перта. О́тсюда не вы́браться. Не́куда убе́жать, не́где спрятаться. Све́рху про́сматрива́лось все про́странство по́двала. То́т, кто при́дет сю́да, уви́дит ее, где бы она ни нахо́дилась. А в то́м, что кто-то при́дет, и о́чень ско́ро, Ли́ла не сомне́валась. Те́перь она зна́ла э́то.

Е́сли бы то́лько уда́лось укры́ться где-нибу́дь хо́тя бы на не́сколько се́кунд, то́т, кто при́дет за не́й, до́лжен бу́дет спу́ститься в по́двал. И то́гда е́сть наде́жда, что она смо́жет добе́жать до сту́пенек пе́рвой и вы́рваться о́тсю́да.

Са́мым лу́чшим укры́тием бу́дет ме́сто по́д ле́стни́цей. Мо́жет, уда́тся зама́скировать се́бя с по́мощью га́зет, ка́ких-нибу́дь тря́пок...

Ту́т Ли́ла заме́тила по́крывало, при́битое к сте́не. Бо́льшее инди́йское по́крывало, ста́рое и по́трепанное. Она рва́нула его, и ве́тхая тка́нь порва́лась та́м, где ее уде́рживали гво́зди. По́крывало сле́тело со сте́ны, с де́ри.

Де́рзь. Тка́нь по́лностью скры́ла ее, но за не́й до́лжно бы́ть е́ще о́дно по́мещение, ско́рее все́го, ка́к э́то

встречается в старых домах, кладовая для фруктов. Идеальное убежище. Там можно переждать опасность.

А ждать ей осталось недолго. Потому что наверху уже раздавались осторожные шаги, неизвестный снова спускался в холл, медленно шел к кухне.

Лила открыла дверь кладовой.

Вот когда у нее вырвался этот дикий крик.

Она закричала, потому что там лежала пожилая женщина, седоволосая дряхлая старуха; обращенное к ней коричневое лицо морщилось, губы растянулись в страшной улыбке.

— Миссис Бейтс! — выдохнула Лила.

— Да.

Но ссохшиеся почерневшие губы не шевелились, голос звучал за спиной. Голос шел сверху: там, возле ступенек, кто-то стоял.

Лила повернулась; остановившимися глазами она смотрела на массивную бесформенную фигуру, полускрытую узким платьем, торопливо напяленным поверх одежды. Смотрела на шарфик, закрывавший волосы, на набеленное, раскрашенное румянами и помадой, жеманное лицо. Смотрела на измазанные ярко-красной помадой губы, раздвигающиеся в отвратительной гримасе.

— Я Н о р м а Б е й т с, — произнес высокий визгливый голос.

Потом показалась рука, рука, сжимавшая нож; вниз по лестнице торопливо засемили ноги. Но теперь кто-то еще спешил сюда, и Лила снова начала кричать.

Сэм сбегал в подвал, и в то же мгновение лезвие сверкнуло над ее головой, неотвратно, как смерть. Сэм схватил руку, державшую нож, закрутил за спину и продолжал выворачивать до тех пор, пока онемевшие пальцы не разжались и нож с глухим стуком ударился об пол.

Лила умолкла, но крик не утихал. Отчаянный крик истеричной женщины вырывался из накрашенных губ Нормана Бейтса.

Почти неделя ушла на то, чтобы извлечь из трясины машины и тела жертв. Пришлось вызвать ребят из дорожной службы округа с драгой и кранами. Но в конце

концов работа была сделана. Нашли и деньги, прямо в машине. Удивительно: ни пятнышка грязи на них не попало, представляете, ни единого пятнышка!

Примерно в то же время где-то в Оклахоме задержали громил, очистивших банк в Фултоне. Но заметка об их поиске заняла всего полколонки в фервельской «Бикли Гералд». Зато почти вся первая полоса была посвящена делу Бейтса. Крупнейшие телекомпании сразу же унюхали сенсацию, так что расследование подробно освещалось в телепередачах. Некоторые из писак сравнивали эту историю с делом Гейна, ошеломившем местных жителей несколько лет назад. Они выжиали все, что могли, из «мрачного дома ужасов» и долго пытались доказать, что Норман Бейтс умерщвлял посетителей мотеля в течение долгих лет. Журналисты громогласно потребовали расследовать все случаи пропажи без вести на территории округа за последние двадцать лет и призывали полностью осушить болото, чтобы убедиться, что больше мертвых тел там нет.

Что ж, потом ведь не им пришлось бы ломать голову над тем, как оплатить такие работы.

Шериф Чамберс охотно давал интервью, многие из которых были опубликованы полностью,— два даже с фотографиями. Он обещал провести тщательное расследование, раскрыть все аспекты дела. Местный прокурор призвал не медлить с судом над кровожадным убийцей (приближался октябрь, а с ним и новые выборы) и ни разу не опроверг напрямую передававшиеся из уст в уста и кочевавшие по газетам слухи, согласно которым Норман Бейтс совершал акты каннибализма, сатанизма, инцеста и некрофилии.

Конечно, на самом деле прокурор даже не говорил ни разу с Бейтсом, который был временно помещен в Госпиталь штата для обследования.

Ни разу не видели Бейтса и распространители кровожадных слухов, но это обстоятельство их не смущало. Не прошло и недели, как обнаружилось, что практически все уроженцы Фервела, не говоря уже о жителях округа к югу от городка, лично и непосредственно знали Нормана Бейтса. Одни «ходили вместе в школу, когда он еще был мальчишкой», и, конечно, уже тогда «заметили, что ведет он себя как-то странно». Другие «много раз замечали, как он крутился вскруг этого сво-

его мотеля» и тоже божились, что всегда «подозревали, что у парня что-то там нечисто». Нашлись и такие, что помнили его мать и Джо Консидайна; они толковали о том, что, «когда эти двое якобы покончили счеты с жизнью, сразу стало ясно — дело тут темное», но, конечно, неаппетитные подробности о деле двадцатилетней давности не шли ни в какое сравнение с откровениями о событиях последних дней.

Мотель, естественно, был закрыт, что жестоко разочаровало многих любителей сенсационных злодейств, упорно искавших возможности пробраться туда. Немалый процент таких любопытных с удовольствием поселился бы в нем, а небольшое повышение платы за номер сразу позволило бы окупить потерю энного количества полотенец, прихваченных в качестве сувениров. Но люди из дорожного патруля штата днем и ночью охраняли мотель и все, что было внутри.

Это оживление докатилось даже до магазина Лумиса, и Боб Саммерфилд отметил серьезный приток покупателей. Конечно же, каждый хотел поговорить с Сэмом, но он большую часть недели провел в Форт Ворсе с Лилой, а потом отправился в Госпиталь штата, где трое психиатров наблюдали Нормана Бейтса.

И все же прошло еще десять дней, прежде чем он смог услышать из уст доктора Никласа Стейнера, официально уполномоченного давать заключение о состоянии здоровья пациента, связанное объяснение.

Сэм рассказал об этом разговоре Лиле, когда они сидели в гостинице Фервела, куда девушка приехала из Форт Ворса на следующий уик-энд. Сначала он старался опускать неприятные детали, но Лила настояла на том, чтобы Сэм рассказал все в подробностях.

— Скорее всего мы так никогда и не узнаем точно, как все произошло, — объявил Сэм. — Сам доктор Стейнер сказал мне, что это не более чем достаточно убедительные предположения. Они сначала все время пичкали Бейтса снотворными и успокоительными, а когда он вышел из состояния шока, невозможно было заставить его по-настоящему разговариваться. Стейнер утверждает, что сумел войти в доверие Бейтсу, так что тот делился с ним больше, чем с остальными, но последние несколько дней его сознание затемнено. Многие из того, что

доктор говорил — насчет какой-то фуги, катексиса, травмы,— до меня попросту не дошло.

Но вот что удалось выяснить доктору: все это началось еще в раннем детстве, задолго до смерти матери. Конечно, они с мамой были очень близки, и, как видно, она подавляла его. Существовало там что-то еще в их отношениях или нет, доктор Стейнер сказать не может. Но он почти уверен, что Норман был скрытным трансвеститом задолго до смерти миссис Бейтс. Знаешь ведь, что такое трансвестит?

Лила кивнула:

— Человек, который любит одеваться в одежду противоположного пола, правильно?

Ну, судя по объяснениям Стейнера, этим дело не ограничивается. Трансвеститы необязательно являются гомосексуалистами, но постоянно представляют себя существами другого пола. С одной стороны, Норман хотел быть таким, как мать, а с другой — чтобы мать стала частью его личности.

Сэм зажег сигарету.

— Опустим школьные годы и период, когда его по состоянию здоровья не взяли в армию. Именно после этого, когда ему было примерно девятнадцать, мать, очевидно, твердо решила, что Норман не сделает и шагу без ее ведома. Может, она намеренно не давала ему развиваться из мальчика в нормального мужчину; мы так никогда и не узнаем, какова ее доля вины в том, что с ним в конце концов случилось. Скорее всего, тогда он и начал увлекаться оккультизмом и подобными вещами. Именно в это время на горизонте появился некий Джо Консидайн.

Стейнер так и не смог заставить Нормана рассказать побольше о Джо Консидайне — даже сегодня, двадцать с лишним лет спустя, он все еще настолько ненавидит этого человека, что даже имя его приводит Бейтса в ярость. Но Стейнер потолковал с шерифом, просмотрел подшивку газет за это время и считает, что составил довольно ясную картину того, что произошло тогда.

Консидайну было около сорока, когда он познакомился с миссис Бейтс, ей было тридцать девять. Помогая, она была не очень-то привлекательной, тощая и уже вся седая, но после бегства супруга Бейтс владела

довольно большим участком земли с домом, который был оформлен на ее имя. Все эти годы участок приносил ей неплохой доход, и хотя приходилось платить немалую сумму людям, которые там работали для нее, она жила довольно зажиточно. Консидайн принялся ухаживать за ней. Это было не так-то просто, — как я понял, миссис Бейтс ненавидела мужчин с тех пор, как муж оставил ее с ребенком на руках. Вот, кстати, одна из причин, почему она так обращалась с Норманом, по мнению доктора Стейнера. Но я отвлекся. Так вот, насчет Консидайна: в конце концов ему удалось склонить мать Бейтса к женитьбе. Это была его идея — продать ферму, а на вырученные деньги построить мотель. Когда-то там проходило единственное шоссе, так что можно было рассчитывать на неплохой заработок.

Судя по всему, Норман против этой идеи не возражал. Все прошло без сучка и задоринки, и первые три месяца они с матерью управляли новым хозяйством вместе. Вот тогда-то мать и объявила ему, что она выходит замуж за Консидайна.

— И это заставило его свихнуться? — спросила Лила.

Сэм потушил окурок в пепельнице. Так можно было не смотреть на нее, отвечая на вопрос.

— Не только это, как смог выяснить доктор Стейнер. Кажется, она объявила обо всем при довольно-таки неприятных обстоятельствах: после того как Норман застал ее с Консидайном вместе в спальне, на втором этаже. Сразу на него подействовал шок от увиденного или понадобилось какое-то время, чтобы все осмыслить, неизвестно. Известно только, что произошло в результате этого события. Норман отравил свою мать и Джо Консидайна стрихнином. Добыл какой-то крысиный яд, положил его в кофе и подал им. Наверное, он ждал до тех пор, пока они не решили отпраздновать все вместе предстоящую свадьбу. Так или иначе, стол был уставлен всякими яствами, а в кофе добавлен бренди. Это позволило отбить привкус яда.

— Ужасно! — Лила поежилась.

— Судя по тому, что мне рассказали, все действительно было ужасно. Насколько я знаю, отравление стрихнином вызывает судороги, но жертва остается в полном сознании до самой смерти. Смерть обычно наступает из-за удушья, когда затвердевают грудные му-

скулы. Норман наблюдал за их агонией. И его рассудок не смог перенести этого.

По мнению доктора Стейнера, изменения в его сознании произошли в тот момент, когда он писал предсмертную записку. Конечно, он заранее спланировал составление такой записки, Норман прекрасно умел подделывать почерк матери. Даже придумал причину «самоубийства»: что-то насчет беременности и невозможности выйти за Консидайна, потому что у того уже была семья на Западном побережье, где он жил под другим именем. Стейнер говорит, что даже стиль записки должен был насторожить любого внимательного человека. Но никто ничего не заметил; никто не заметил, что произошло с самим Норманом.

Тогда все видели только одно: у парня была истерика от шока и перенапряжения. Но вот чего никто не смог увидеть: пока Норман писал эту бумагу, он изменился. Теперь, когда все уже было сделано, он не мог пережить потерю матери. Он хотел, чтобы она вернулась. И вот, когда Норман Бейтс выводил буквы ее почерком, писал записку, адресованную Норману Бейтсу, он в буквальном смысле изменил самому себе. Он, или какая-то часть его, превратился в свою мать.

Доктор Стейнер говорит, что такие случаи вовсе не так уж редки, особенно если имеется изначально нестабильная личность, наподобие Нормана. А горе, которое он испытал при виде мертвой матери, было чем-то вроде последней капли. Его скорбь была так безутешна, что никому и в голову не пришло сомневаться в достоверности истории с самоубийством. Так что и Консидайн, и мать Бейтса покоились на кладбище задолго до того, как Нормана выписали из больницы.

— И как только вышел, он сразу выкопал ее из могилы? — спросила Лила.

— Да, очевидно, он сделал это самое большее через несколько месяцев после возвращения. Он давно увлекался изготовлением чучел и знал, что надо сделать.

— Но я не понимаю. Если Бейтс думал, что он — его мать, как тогда...

— Все не так уж просто. По мнению Стейнера, Бейтс теперь не просто «раздвоился», у него было по меньшей мере три личности. Он существовал одновременно как три разных личности. Во-первых, НОРМАН — ма-

ленький мальчик, который жить не мог без любимой мамы и ненавидел каждого, кто мог встать между ними. Потом,— НОРМА — мать, она должна была вечно жить рядом с Норманом. Третьего можно назвать НОРМАЛЬНЫЙ — взрослый мужчина Норман Бейтс, которому приходилось ежедневно делать то, что делают обычные люди, поддерживать свое существование и скрывать от мира существование остальных. Конечно, эти трое не были самостоятельными личностями, они переплетались, и каждая содержала в себе какие-то элементы другой. Доктор Стейнер называл такую ситуацию «адской троицей».

Но все же «взрослый» аспект Нормана достаточно твердо контролировал ситуацию, и Бейтс смог выйти из больницы. Он вернулся к себе и стал управлять мотелем. Вот когда он впервые ощутил лишившее его покоя напряжение. «Взрослого» Бейтса в первую очередь угнетало сознание того, что матери больше нет и он виновен в ее смерти. Сохранять в неприкосновенности ее комнату было явно недостаточным. Он хотел точно так же сохранить и ее, навсегда сохранить ее тело: иллюзия того, что она живет вместе с ним, заглушит чувство вины.

Так он перенес ее обратно в дом, можно сказать, вытащил из могилы и вдохнул в мать вторую жизнь. Ночью укладывал в кровать, днем одевал и выносил в гостиную. Естественно, Бейтс скрывал это все от посторонних, и вполне успешно. Должно быть, Арбогаст тогда действительно увидел мумию, посаженную возле окна, но, по-моему, за все прошедшие годы он был единственным, кто что-то заметил.

— Тогда, значит, ужас скрывался не в доме,— прошептала Лила.— Этот ужас был у него в голове.

— Стейнер говорит, что все было примерно так, как у чревовещателя, когда он говорит за свою куклу. Мать и маленький Норман, очевидно, подолгу беседовали друг с другом. А взрослый Норман скорее всего пытался рационально объяснить возникшую ситуацию. Он был способен притворяться нормальным человеком. Кто знает, какими знаниями он обладал? Бейтс увлекался оккультизмом и мистикой. Очевидно, верил в спиритуализм так же крепко, как и в волшебные презервирующие возможности искусства набивки чучел. Кроме всего

прочего, он не мог отвергнуть или попытаться уничтожить другие части своего «я», тогда он уничтожил бы самого себя. Он одновременно жил тремя различными жизнями.

— Ему удавалось сохранять равновесие и скрывать свою тайну от окружающих. Все шло хорошо, пока не...

Сэм умолк, не зная, как сказать это, но Лила продолжила за него.

— Пока не появилась Мери. Что-то произошло, и он убил ее.

— НОРМА убила твою сестру,— поправил Сэм.— Ее убила Мама. Невозможно с точностью воссоздать, как все происходило, но доктор Стейнер уверен, что каждый раз, когда возникали трудности, доминирующей личностью становилась НОРМА. Бейтс начинал пить, затем терял сознание, и в это мгновение главной становилась она. Естественно, когда он находился в таком состоянии, он надевал на себя ее платье. Потом прятал мумию, потому что был убежден, что настоящая убийца — она. Значит, надо обеспечить безопасность Мамы.

— Так, значит, Стейнер убежден, что Бейтс не отвечает за свои поступки, что он — сумасшедший?

— Психопат,— он употребил именно это слово. Да, боюсь, что так. Он собирается в своем заключении рекомендовать, чтобы Бейтса поместили для лечения в Госпиталь штата. Там он пробудет скорее всего до самой смерти.

— Тогда никакого суда не будет?

— Я как раз пришел сообщить тебе об этом. Да, суд не состоится.— Сэм тяжело вздохнул.— Мне очень жаль. Поверь, я понимаю, что ты чувствуешь...

— Я довольна,— медленно произнесла Лила.— Так будет лучше. Странно, как это получается в жизни. Никто из нас не знал настоящей правды, мы просто брели вслепую, и в конце концов добрались до истины, хотя шли неверным путем. А теперь я даже не испытываю ненависти к Бейтсу за то, что он совершил. Должно быть, он сам страдал больше, чем любой из нас. Мне кажется, в чем-то я почти понимаю его. Во всех нас таится что-то темное, что может в любой момент вырваться наружу.

Сэм поднялся, и она прешла с ним до двери.

— Что ж, теперь уже все позади, и я попытаюсь забыть. Просто забыть все, что связано с этим делом.

— Все? — еле слышно произнес Сэм. Он не смел взглянуть ей в глаза.

Так закончилась эта история.

Точнее, почти закончилась.

17

Подлинный конец наступил, когда пришла тишина.

Тишина пришла в маленькую изолированную от мира комнату, где, так долго смешиваясь, сливаясь, бормотали разные голоса: мужской голос, женский голос, голос ребенка.

Что-то вызывало их к жизни, и голова словно по сигналу расщеплялась на три, взрываясь этими голосами. Но теперь каким-то чудом все слилось воедино.

Оставался лишь один голос. Так и должно быть, ведь в комнате сидел один человек. Остальных никогда не существовало, все это просто грезы.

Теперь она твердо знала это.

Она знала это и радовалась своему знанию.

Так жить несравнимо лучше; сознавать себя целиком и полностью такой, какая ты есть на самом деле. Безмятежно упиваться собственной силой, уверенностью в себе, чувством полной безопасности.

Она теперь могла смотреть на прошлое как на дурной сон. Да ведь это и был просто дурной сон, населенный призраками.

Там, в том сне, был плохой мальчик; мальчик, который убил ее возлюбленного и попытался отравить ее. Где-то в темной пучине сна возникали посиневшие лица, руки, судорожно сжимавшие горло, задыхающиеся стоны, свистящие, булькающие звуки. Во сне была ночь, и кладбище, и пальцы, вцепившиеся в рукоятку лопаты, напряженное дыхание, треск открываемого гроба, сознание того, что цель достигнута, миг, когда глаза впервые увидели, что лежит внутри. Но то, что там лежало, на самом деле не было мертвым. Теперь она уже не была мертвой. Вместо нее мертвым стал плохой мальчик, и это правильно.

В дурном сне был еще плохой мужчина, он тоже стал убийцей. Он подсматривал в дырочку в стене и пил алкоголь, и читал грязные книжки, и верил в разную

бредовую чепуху. Но что хуже всего, он был виновен в смерти двух несчастных людей — молодой девушки с прекрасной грудью и мужчины в серой шляпе-стетсон. Она, конечно, знала о том, что происходит, вот почему она помнит все, вплоть до мелочей. Потому что она постоянно наблюдала за ним. Больше ничего не делала, только наблюдала.

Плохой мужчина — вот кто совершил все убийства, а потом он попытался свалить вину на нее.

Мама убила их. Так он сказал, но это была ложь.

Как могла она убить кого-то, если она только наблюдала, и даже сдвинуться с места было нельзя, потому что приходилось все время притворяться чучелом, обычным чучелом, которое не может никого обидеть, которого нельзя обидеть, которое просто существует, существует вечно?

Она знала, что плохому человеку никто не поверит, а теперь и он тоже был мертв. Плохой мальчик, плохой мужчина — оба мертвы, а может, это просто видения из дурного сна. Теперь сон исчез, рассеялся навсегда.

Оставалась только она, только она существовала реально.

Понимать, что существуешь только ты, что ты реально существуешь, — значит, пребывать в здравом рассудке, разве не так?

Но просто на всякий случай надо и дальше притворяться, что эта сидящая женщина — просто чучело. Не шевелиться. Вообще не шевелиться. Неподвижно сидеть в этой крошечной комнате, вечно сидеть здесь.

Если она ни разу не шевельнется, они ее не накажут.

Если она ни разу не шевельнется, они поймут, что она нормальная, нормальная, нормальная, абсолютно нормальная.

Она сидела так уже довольно долго, а потом прилетела муха, жужжа, проникла сквозь решетку.

Муха села ей на руку.

Она могла легко раздавить ее.

Но она не сделала этого.

Она не раздавила муху и надеялась, что они сейчас наблюдают за ней. Потому что это доказывает, какой она человек на самом деле.

Да ведь она и мухи не обидит...

Содержание

Уильям Питер Блэтти

ЛЕГИОН

«Изгоняющий дьявола-II»

*Перевод М. Павловой
и М. Яковлевой*

7

Роберт Блох

ПСИХОПАТ

Перевод Р. Шидфара

279

Блэтти У. П. Легион («Изгоняющий дьявола-
Б 70 ла-II»). **Блох Р. Психопат.** («Библиотека остросю-
жетной мистики»). Вып. 4: Пер. с англ. / Сост.
Т. Чичиной; Ил. В. Федорова. — М.: Компания
«Ключ-С», 1993. — 416 с., ил.

ISBN 5—253—00719—9

Роман «Легион» продолжает знакомство с персонажами мистической эпопеи «Изгоняющий дьявола» и переносит читателя в Америку 80-х. Традиционно-детективный сюжет неожиданно оборачивается глубоким философским анализом основ мироздания, восходящим к классическим высотам Достоевского и идеям раннехристианских авторов. Инспектор Киндерман становится свидетелем леденящего кровь кошмара, порожденного неприкаянным духом убийцы, подчинившим себе тела душевнобольных. Автор проводит нас от мучительных сомнений до апостольского призыва к покаянию и первозданной чистоте, открывающей путь к благодатному единению с Богом.

Роберт Блох — один из классиков литературы ужасов и «фэнтези», лауреат премий Хьюго и Э. По. Повесть «Психопат» сразу же после появления завоевала огромный успех, а поставленный по ней фильм Хичкока считается лучшей работой этого режиссера.

В «Психопате» применяется один из самых интересных приемов: ряд сцен написан с точки зрения главного героя — психопата и маньяка. Бредовые образы и видения причудливо перемешаны с реальностью. Крепкий детективный сюжет усложнен мистикой и фрейдистской символикой.

Б 4763040100—2903
080(02)—93 2903—93

84.7 США

Литературно-художественное издание

Библиотека остросюжетной мистики

В ы п у с к 4

К н и г а II

Блэтти Уильям Питер

ЛЕГИОН

Блох Роберт

ПСИХОПАТ

Составитель-редактор
Чичина Тамара Васильевна

Оформление художника Л. В. Брылева
Художественный редактор Т. Н. Костерина
Технический редактор К. И. Заботина
Младший редактор Т. А. Мосиевич

ИБ 2903

Сдано в набор 12.11.92. Подписано в печать 07.12.92.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Академическая». Печать
высокая Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр. отт. 22,26. Уч.-изд. л. 22,94.
Тираж 200 000 экз. Заказ 2178. Цена договорная.

Набрано и отпечатано в типографии издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

